

На стороне III Рейха

Сергей Чуев

Украинский легион

Annotation

Новая злободневная работа Сергея Чуева представляет собой яркий экскурс в историю сотрудничества украинских добровольцев с врагами России. В книге рассказывается о предательской работе галицийских националистов против Российской империи. Впервые широкой читающей аудитории предъявлены свидетельства геноцида русского народа в Галиции и планомерного уничтожения всего русского на Западной Украине в первые десятилетия XX столетия. Особое место в повествовании уделено рассказу об украинских воинских формированиях времен Второй мировой войны, полицейских частях, сотрудничестве Украинской Повстанческой Армии (УПА) с гитлеровцами, а также о боевом пути 14-й украинской дивизии СС Галичина и Украинской Национальной Армии. В качестве иллюстративного материала в контексте повествования приводятся документы органов Госбезопасности СССР, немецких спецслужб и оккупационной администрации, фрагменты воспоминаний участников событий, уникальные фотографии.

- [Сергей Чуев](#)
  - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
  - [Глава 1](#)
    - [«Украинский фактор» в планах противников России](#)
    - [«Союз Освобождения Украины» и другие. Сепаратизм и социализм на службе у центральных держав](#)
    - [Деятельность мазепинцев в Российской империи](#)
    - [Легион «украинского Пьемонта»](#)
    - [Украинцы в вооруженных силах Австро-Венгрии и Германии](#)
    - [Австро-мазепинский геноцид](#)
    - [Концлагерь Талергоф и дороги в него](#)
    - [УВО-ОУН. Продолжение сотрудничества](#)
    - [Предвоенное повстанческое движение на Западной Украине и борьба с ним](#)
  - [Глава 2. УКРАИНСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.](#)
    - [Украинцы в немецких спецслужбах. Разведчики и диверсанты](#)
    - [Легионы и дружины украинских националистов](#)

- [Удар в спину. Первые бои ОУН](#)
  - [Акт провозглашения Украинской державы и его последствия](#)
  - [Украинские полицейские формирования](#)
  - [Украинская Освободительная Армия \(УВВ\) и другие формирования](#)
  - [Украинские помощники Люфтваффе и ПВО](#)
  - [Атаман Тарас Боровец \(Бульба\) И «Полесская сечь»](#)
  - [Украинская Повстанческая Армия и ее союзники](#)
- [Глава 3. ДИВИЗИЯ СС «ГАЛИЧИНА».](#)
  - [Начало дивизии «Галичина»](#)
  - [Боевая управа И Духовная опека](#)
  - [Офицеры и солдаты](#)
  - [Обучение](#)
  - [Кампфгруппа «Байерсдорф». Первые бои дивизии](#)
  - [Дивизия и УПА](#)
  - [Бродская эпопея](#)
  - [Второе рождение дивизии](#)
  - [Словакия — Штирия](#)
  - [Последние бои дивизии. Фельдбах— Гляйхенберг](#)
  - [Невыданные](#)
  - [Украинская Национальная Армия](#)
- [ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
- [КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ](#)
- [АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ](#)
- [ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Сергей Чуев
Украинский легион

ПРЕДИСЛОВИЕ

Украинский национализм: вчера и сегодня

События на Украине, происходившие в конце 2004 — начале 2005 года, заставили нас с особым вниманием наблюдать за сменой власти в этой бывшей братской союзной республике. После скандальной выборной страды большинство россиян сделали вывод, что к власти в Украине пришли ярые националисты. Кое-где раздавались голоса о бандеровском реванше и «сдаче своих Кремлем». На постсоветском пространстве не без оснований с опаской стали присматриваться к действиям местных оппозиций и особенно к влиянию на них украинских «экспортеров оранжевой революции».

Ситуация на постсоветском пространстве, связанная с экспортом «демократических революций» из Грузии и Украины, для многих была откровением. Между тем при ретроспективном взгляде на исторические процессы, происходившие в Европе в конце XIX — начале XX века, становится понятно, что ничего нового здесь не изобретено.

В процессе работы мне неоднократно приходилось иметь дело с различной информацией, касающейся истории националистического движения на Украине. Так, был поднят исторический пласт, касающийся событий на Украине и в Российской империи в начале XX века. Чем больше исследовалась эта тема, тем больше казалось, что события 40–50-х годов являются повторением событий, происходивших в начале века. Те и другие чем-то напоминают картину сегодняшнего дня.

Как и много лет назад, те, кого русский историк С. Н. Щеголев называл «профессиональными украинцами», сегодня стремятся к вхождению в состав «Новой Европы». Сама идея «Новой Европы», столь возлюбленная в рейхсканцелярии, начала реализовываться не в 1941 году, а гораздо раньше, и одним из инструментов ее построения были те самые украинские националисты, проживавшие в Галичине, входившей тогда в состав Австро-Венгерской империи. Галичане рассматривались властями Австро-Венгрии и Германии в качестве передового отряда антирусской борьбы. Борьба эта велась не столько за создание «общеевропейского дома», где украинцы-западненцы играли бы роль жандармов, сколько за присоединение исконных российско-украинских земель к Австро-Венгрии

и получение Германией выхода к побережью Черного моря.

Начиная с 1901 года и заканчивая годом 1956-м, когда в районах Западной Украины постепенно были истреблены последние бандеровские «общеевропейцы», галицийские националисты никогда не были силой самостоятельной. Вся история украинского националистического движения — это история работы по обслуживанию чужих интересов. Украинские интересы здесь были «постольку-поскольку». «Вот победят кайзер и цесарь [\[1\]](#), и на развалинах николаевской империи взойдет солнце независимой Украины», — мечталось им в 1914 году. «Вот победит Гитлер, и мы потребуем у него независимой Украины», — думалось им в 1941 году. «Германия войну проиграла, но вот Англия и США с атомной бомбой не оставят камня на камне от советской тюрьмы народов», — полагали члены ОУН — УПА в 1948 году. И далее со всеми остановками — вплоть до 2005 года, когда иные кураторы создают и пестуют на галицийской закваске фундамент нового общеевропейского санитарного кордона.

Карл XII и Наполеон, турецкие султаны и Пилсудский, Гитлер и Трумэн — все они так или иначе разыгрывали «украинскую карту». Им подыгрывали Мазепы, Орлики, Чайковские, Дорошенки, Петлюры и Бандеры. Что из этого вышло — общеизвестно. Потоки крови, разруха и в лучшем случае виза в Канаду, в худшем — смерть от клопов, как в конце биографии И. Мазепы.

Самый страшный результат такой «работы» галичан — тысячи искалеченных жизней. Среди них — жизни тех, кто шел на призывы лукавых вождей, заранее озаботившихся прибежищем где-нибудь в Швейцарских Альпах.

Интерес к украинской истории и к ее «темным пятнам» в российском обществе высок. После выхода в свет моей книги «Проклятые солдаты» читатели неоднократно в своих письмах просили меня уделить больше внимания теме украинского коллаборационизма. Особый читательский интерес вызвала краткая информация по истории 14-й дивизии СС «Галичина». Некоторые письма содержали просьбу рассказать подробнее о ее боевом пути, а также о сотрудничестве Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) с немецкими военно-политическими кругами.

Писать об этом больно, поскольку речь идет не о бухгалтерском подсчете количества служивших в том или ином шума-батальоне, а о судьбах людей из искусственно разделенного ЕДИНОВОГО НАРОДА.

Рассказ об украинском коллаборационизме времен Второй мировой войны предваряет глава об украинском национализме и его борьбе с

Российской империей в начале XX века. Эта тема в современной литературе освещена недостаточно, а тема австро-украинского геноцида русского народа в Западной Украине замалчивалась на протяжении последних 90 лет. Широкой российской общественности также мало известно о существовании созданного в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны концентрационного лагеря Талергоф, а также о роли клеветников и палачей, которую играли «профессиональные украинцы» из Галичины.

Вторая мировая война вдохнула новые силы в украинский национализм. Его проводники были востребованы нацистскими строителями «Новой Европы», как тридцать лет назад были востребованы кайзеровской и цесарской властями. Востребованность, однако, не означала полного доверия и игры с открытыми картами со стороны нацистов. История с Актом провозглашения Украинской державы, приведенная в данном повествовании, является показателем того истинного отношения со стороны немцев к своим галицийским помощникам.

В настоящее время мнения историков разделились: одни говорят, что украинцы из ОУН — УПА делали все, чтобы построить свою независимую государственность, и воевали как против Сталина, так и против Гитлера, другие доказывают, что против немцев националисты никогда не воевали, а были лишь послушными марионетками в руках Гитлера. На Украине опубликованы сборники документов немецких органов власти, спецслужб и органов оккупационной администрации, доказывающие, что в немецких тылах украинские националисты вели боевые действия против немцев. Другие документы доказывают, что в то же самое время и едва ли не в тех же районах УПА вела переговоры с немцами и получала от них все необходимое для ведения войны в тылах наступающих советских войск.

На Украине уже опубликованы документы, разъясняющие, как создавалась эта армия — посредством ухода в лес большинства военнослужащих вспомогательной полиции вместе с табельным оружием. Трудно поверить в то, что немецкое руководство, обладавшее разветвленным агентурно-осведомительным аппаратом, ничего не знало о готовящейся акции. Впоследствии немцы и их союзники снабжали УПА оружием, боеприпасами и продовольствием, оставляя для этой цели перед своим уходом из населенных пунктов все готовое для передачи.

Большинство командиров УПА, ее офицеров еще до начала Большой войны прошли обучение в специальных учебных заведениях германской армии и разведслужб, некоторые из них были заброшены на территорию УССР накануне начала боевых действий. Эта когорта фактически являлась

кадровыми сотрудниками абвера и СД, а эта категория лиц никогда в разряд «бывших» не переходит. В УПА также основную руководящую роль играли выходцы из Галичины. Уроженцы этого «украинского Пьемонта» занимали руководящие посты, большинство их составляло Службу безопасности УПА. Уроженцы восточных областей Украины в УПА рассматривались как люди второго сорта. Анализ списков личного состава отрядов УПА, рейдировавших по Украине после Второй мировой войны, также указывает на то, что все они на 90 % состояли из уроженцев Западной Украины.

В своем последнем интервью Николай Струтинский, посвятивший много лет своей жизни борьбе с бандеровцами, утверждал, что галичане-националисты являются людьми с измененной генетической памятью. В течение шести столетий их предки были насильственным путем превращены властями Австро-Венгрии, Польши, Ватикана, Германии в галицких националистов и грекокатоликов — врагов России, славянства и православия, в своеобразных этнических мутантов.

С сожалением приходится констатировать, что и сейчас западноукраинский кадровый фактор остается тем ферментом, что возбуждает на Украине нездоровые антироссийские чувства. Все, что делается против России, воспринимается «профессиональными украинцами» во благо Украины. Счет преступлений «щирых диячей» не закрыт до сих пор: украинские наемники воевали в Чечне на стороне террористов, снабжали их оружием, УНА — УНСО пестует молодых татарских наци в Крыму, натравливая их на местное русское население, мутит умы горячих грузинских парней. Ставки в этой игре велики — либо Украина в лице ее наиболее националистической «элиты» войдет в «общеевропейский» и проамериканский клуб за счет противопоставления России, либо войдет в орбиту материнского государства.

Пока же на Украине продолжают процессы, цель которых — максимально противопоставить Украину России:

- — Верховная рада приняла антироссийскую военную доктрину.
- — разрешено размещение на территории республики войск быстрого реагирования США.

Во внутренней жизни нашего соседа также наблюдаются попытки повернуть историю вспять:

- — начата реабилитация коллаборационистов.
- — ликвидация влияния Московского патриархата, вслед за этим полная ликвидация православия и окатоличивание населения.
- — постепенное искоренение русского языка и культуры.

Коллаборация продолжается?

Глава 1

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УКРАИНЦЫ» В БОРЬБЕ ПРОТИВ РОССИИ 1800-е — 1940 гг.

«Бросим мы огни и бомбы за Днестр и Дон, в самое сердце Руси, пусть разоряют, опустошают и губят Русь. Возбудим споры в самом русском народе, пусть он разрывает себя собственными когтями. По мере того как он ослабнет, мы укрепим и вырастем».

Польский генерал Мерошевский

«Украинский фактор» в планах противников России

В начале XX века общее положение в Европе характеризовалось противоборством двух геополитических «кланов». Первый из них условно назовем «пангерманским» — в него входили непосредственно Германия и Австро-Венгрия, а также ряд стран, тяготевших к этому союзу. Второй — «панславянский» — был представлен Россией, Сербией и рядом других славянских государств.

Методы противоборства стран были различными — от экономических до военных. Две европейские монархии, участвовавшие в противоборстве — Российская и Австро-Венгерская, — были во многом схожи. Обе представляли собой многонациональные государства, населенные различными национальными меньшинствами. Именно это обстоятельство и являлось ахиллесовой пятой двух империй. В Австро-Венгрии насчитывалась большая колония подданных этой империи, которая не мыслила себя без России. Если Россия выдвигала тезис объединения всех славян вокруг Матери-России, то Австро-Венгрия, также включавшая ряд славянских народов в сферу своего влияния, всячески этому противодействовала и привносила раскол в славянский союз.

Украина как составная часть Российской империи рассматривалась ее европейскими оппонентами в качестве основной точки, в которую следовало вбить клин национальной вражды между единым народом. При этом, по мнению венских и берлинских кругов, идея «украинства» должна была развалить славянское единство. С образованием Двойственного союза между Австро-Венгрией и Германией в 1879 году правящие круги Германии заинтересовались «украинским вопросом». В 1888 году, когда Двойственный союз был близок к войне с Россией, в Германии была опубликована статья немецкого философа Гартмана, вызвавшая сенсацию в политических кругах. Автор указывал на растущую опасность России для Европы. По Гартману, русских следовало разбить и присоединить к Германии Литву, Лифляндию и Курляндию, а на Днепре образовать малорусское Киевское королевство. В течение последующих 25 лет идея Гартмана всерьез обсуждалась в среде германских политиков.

Другой немецкий ученый — профессор Самасса — в своей рецензии на книгу Геция «Россия» предложил в качестве наилучшего решения «восточной проблемы» образование славянских государств на территории

России. Самасса предложил создать независимую Финляндию, Польшу, Украину, великороссы же должны были быть оттеснены в Азию.

В Германии в начале XX века существовали три взгляда на развитие событий на Востоке.

Первый предусматривал полный разгром Российской империи и перенесение ее границ на восток. Проводниками этой идеи были «Пангерманская Лига» и «Партия Отечества». Идеологами этого «натиска на Восток» Украина рассматривалась в качестве подходящего инструмента, ослабляющего Россию. При этом само существование Украины как независимого государства рассматривалось исключительно в жестких рамках германского пространства. Пангерманисты предусматривали колонизацию Галиции и Черноморского побережья, включая Крым. Поэтому можно с уверенностью констатировать, что планы Гитлера превратить Крым во «всегерманскую здравницу» были рождены в начале века и лишь подхвачены им.

Вторая группа немецких политологов, имевших собственный взгляд на национальную политику в отношении народов России, состояла в основном из журналистов и ученых. Ее идеологом был Пауль Рорбах, автор популярного в начале XX века труда «Нероссийские народы России и мы». Рорбах и его группа выступали за предоставление независимости народам России. Украина рассматривалась ими как главный форпост Европы, противостоящий экспансии России на Запад.

Третья группа под руководством профессора Отто Герша следовала заветам великого Бисмарка, завещавшего своим потомкам поддерживать добрые отношения с Россией. Группа исходила из того, что Россия должна оставаться неделимым государством.

Кайзер и Генштаб Германии лавировали между пангерманистскими устремлениями и прагматизмом О. Герша, канцлер и МИД Германии разделяли позицию группы П. Рорбаха. Кабинет канцлера считал возможным поддержку революционных движений в России и видел в Украине, Прибалтике и Кавказе будущие буферные государства.

Австро-Венгрия проявляла в «украинском вопросе» особое нетерпение, поскольку эта империя владела Галицией, которая официально была провозглашена «украинским Пьемонтом» в борьбе против России. Некоторые венские политики, обладавшие отменным территориальным аппетитом, надеялись при благоприятном стечении военных обстоятельств присоединить к Галиции районы Надднепрянской Украины.

Все партии, заинтересованные в будущем расчленении Российской империи, начиная с конца XIX века начали вкладывать немалые средства в

разжигание вражды между великороссами и малороссами.

В Австрии на немецкие деньги была основана и издавалась газета «Украинише Ревю», позднее переименованная в «Украинише Рундшау» — орган соборноукраинской партии. Вскоре было установлено существование финансирования украинцев и их газеты посольством Германии в Вене. Деньги шли из посольства через советника посольства Дитриха фон Бетман-Гольвега, двоюродного брата канцлера Германии.

Сам канцлер Германии Т. Бетман-Гольвег формулировал стратегию в отношении России как «освобождение угнетенных народов России и оттеснение русского деспотизма к Москве». При германском Верховном командовании был создан «Отдел по освобождению» во главе с Б. Гуттен-Чапским. Этот отдел координировал деятельность всех сепаратистских организаций, созданных в Германии. Позднее, уже в конце августа 1914 года, один из ведущих идеологов украинского национализма Кость Левицкий был вызван в Берлин, где встретился с представителем МИДа Германии А. Циммерманом и Б. Гуттен-Чапским. На встрече обсуждалась возможность организации восстания в России.

Украинофильство начало расползаться по Европе. В 1906 году в Париже учреждается украинское бюро пропаганды, в 1910 году — в Лондоне. В этом же году в Великобритании выходит в свет книга Б. Сандса «Украина». Автор придает важное значение украинскому фактору в жизни Европы. Он указывает на то, что из 35 миллионов живущих в России 30 миллионов живет в богатых южных районах. При отделении этих районов и их вхождении в состав новообразовавшейся Украины Россия потеряет статус великой державы.

По неподтвержденной информации, принимая в 1909 году в Киеве делегацию националистов, премьер-министр России П. А. Столыпин сказал им, что в его распоряжении имеются данные, подтверждающие наличие финансовой поддержки со стороны Германии.

В 1911 году в краковской газете «Слово Польске» (которую трудно заподозрить в пророссийской ангажированности) была опубликована сенсационная статья депутата венского парламента Яна Заморского. Депутат рейхсрата познакомил читателей с планом расчленения России, рожденным в тиши венских и берлинских политических кабинетов:

«Русская революция и Русско-японская война обратили внимание дипломатии австрийской и германской на русские области. В 1908 году, во время аннексии Боснии и Герцеговины, проработан был план урезки русских владений, а именно:

Пруссия намеревалась занять Царство Польское по реку Вислу (с Варшавой), согласно границам последнего раздела Польши (в 1795 г.), Австрия проектировала захватить Подолию, Бессарабию, бывшее воеводство Брацлавское и опереться на Черное море с Одессой (в качестве третьего крупного порта)... Планы эти имелись и ранее, а в 1908 году лишь собирались их осуществить. В марте 1908 года, накануне ожидавшейся войны Австрии и Германии с Россией, весь мобилизационный план был разработан в этом именно направлении. Войны не случилось, но план остается в силе и поныне».

С разоблачениями политики Австро-Венгрии и Германии выступил известный чешский общественно-политический деятель доктор Крамарж, являвшийся поборником союза славянских народов. В январе 1910 года он открыто заявил о завоевательных планах Австро-Венгрии, предполагаемом вступлении австрийцев в Киев и Одессу, создании «независимой Украины» под протекторатом Австро-Венгрии и Германии. В конце этого же месяца из Вены пришло официальное сообщение о переговорах униатского митрополита Андрея Шептицкого с правительством относительно ряда уступок украинской партии в Галичине. Пресса сообщила, что австрийское правительство надеялось путем искусственного подъема украинского движения в Галиции вызвать в Южной России национальный украинский сепаратизм и, при необходимости, революционное движение.

Позднее доктор Крамарж дал интервью популярнейшему в России журналу «Новое время». Корреспонденту он сообщил, что галичане намереваются *«нанести удар в самое сердце русского народа и расколоть русских надвое»*. Само мазепинское движение Крамарж назвал *«по существу противоестественным, антирусским и антиславянским»*. Славянофил предупредил, что движение это существенно усилилось и русскому народу следует уделить особое внимание этому антирусскому явлению. В конце беседы Крамарж предупредил, что возможно начало войны между Россией и Австрией из-за Галичины, «ибо здесь готовится опасный антирусский очаг, пламя которого должно переброситься в Южную Россию и зажечь брожение и мятеж в самом русском народе». Крамарж был крайне удивлен равнодушием и беспечностью, которые русское общество проявляет перед лицом грядущей опасности.

Интервью Крамаржа вызвало взрыв негодования в среде мазепинцев. Парламентский украинский клуб направил ноту протеста своим коллегам

из клуба чешского. Политические соратники доктора Крамаржа дали отповедь своим оппонентам:

«Вождям украинской партии никогда не удалось бы почувствовать так быстро твердую почву под ногами, если бы они не ухитрились всякими правдами и неправдами уверить руководящие венские сферы, что они являются представителями не только трех миллионов галицких русинов, но также и 30 миллионов малороссов из всей России. Дипломатии же того или иного государства нельзя ставить в вину, если она на всякий случай подготавливает себе различные вспомогательные средства, а одним из таковых как раз и считался украинский вопрос в России. Доктор Крамарж держится того мнения, что украинцы, не убив медведя, продают его шкуру известным венским высшим сферам».

Крамаржа поддержал и печатный орган чешских националистов «Парламентар», заявивший, что благодаря искусственному взращиванию отдельной нации углубляется пропасть между двумя империями и это угрожает не только России, но и самой Австрии. Мазепинская пресса сразу объявила Крамаржа платным агентом российского правительства.

Проведением в жизнь идеи расчленения России занялись многочисленные австро-венгерские публицисты из числа поляков, имевших собственные счеты с Россией. В конце 1911 года редактор краковской газеты «Критика» Фельдман выступил с передовицей, где он советовал Австрии отбросить Россию из Средней Европы в Азию и низвести ее до границ княжества Московского. Фельдман утверждал, что польская политика должна всегда определяться с учетом главной цели — независимости Польши. При этом Фельдман уповал на украинский сепаратизм — «польза польской sprawy требует содействия возникновению сильного ирредентистского ^[2] движения среди малороссов». «Нам, — говорил Фельдман, — должно быть на руку все, что дезорганизует русское государство и разрушает его силу».

Идеи Фельдмана вскоре были подхвачены польским публицистом Р. Батальей. В своем реферате, прочитанном в Польском демократическом клубе во Львове, он перечислил все польские благодеяния на пользу «свидомых украинцев». По утверждению Батальи, поляки защищали Холмщину от выделения ее из состава королевства, останавливали поход православия и обрусения на Галичину, идя рука об руку с мазепинцами.

Мазепинцы тем временем в числе своих врагов видели не только русских, но и евреев. Украинская пресса в Галиции была враждебно настроена к евреям. Издававшиеся в России мазепинские газеты «Ридний край» и «Рада» пестрели антисемитскими лозунгами. «Родной край», издававшийся Оленой Пчилкой, носил антисемитскую окраску.

Между тем само еврейство к мазепинцам относилось неоднозначно. Так, идеолог еврейского национального движения Владимир Жаботинский с симпатией относился к мазепинцам, поскольку они боролись с Российской империей. Историк С. Н. Щеголев, исходя из личных наблюдений, заметил, что *«еврейству в целом нет поводов вскармливать у себя симпатии к украинскому движению, обоготворяющему такого ненасытного юдофоба, каким был Тарас Шевченко. Помимо того, еврейство слишком практично, чтобы таскать каштаны, непригодные для утилизации, и имеет слишком хороший нюх, чтобы класть в свой портфель векселя, большинство которых окажется, вне всяких сомнений, бронзовыми».*

В ноябре 1914 года министр иностранных дел Австро-Венгрии заявил, что планы империи простираются вплоть до создания независимого от России Украинского государства, в связи с чем правительство брало на себя поддержку проавстрийского «Союза освобождения Украины» («Спилки визволення України») (сокр. СВУ или СОУ). Руководители СОУ в декабре 1914 года указывали на необходимость официального заявления Центральных государств о том, что после разгрома России они будут способствовать созданию свободного и независимого Украинского государства:

«Такие заявления, сделанные еще до вступления германо-австрийских армий на украинскую территорию и доведенные до сведения российской общественности касательно украинского вопроса, станут лучшим способом австрийской и немецкой агитации среди российских украинцев. СОУ, со своей стороны, всячески будет способствовать распространению агитационных материалов...»

Австрийский консул во Львове Урбас сообщал, что без протектората нероссийской силы независимая Украина не сможет противостоять влиянию России либо превратится в радикально-социалистическую республику, что совершенно неприемлемо для Вены. Развивая эту теорию далее, Урбас утверждал, что Украина, получив автономию, вновь попадет

под российское господство, опять русифицируется, а Россия начнет войну. По Урбасу, план выхода из этого тупика для Австро-Венгрии был бы в следующем:

А. Создать Украинское государство под протекторатом Германии либо
Б. Создать Украину под протекторатом Австро-Венгрии и Германии
или

В. Провозгласить самостоятельную унию Украины с Румынией.

Установление германского протектората над Украиной позволило бы получить Германии прекрасные торгово-экономические возможности, открывавшиеся с получением выхода к Черному морю и далее в Азию. Другим «плюсом» для Германии стала бы возможность установления полного контроля над балканскими странами, тяготевшими к России. Уния Украины с Румынией способствовала бы дальнейшей эскалации конфликта с Россией.

Планы украинских националистов в самой Австро-Венгрии противоречили вышеупомянутым проектам. В августе 1915 года к Верховному командованию австро-венгерских Вооруженных сил обратилась Общеукраинская Национальная рада, тесно связанная с СОУ. В памятной записке ряд «профессиональных украинцев» предложил командованию не отделять украинские земли от Австро-Венгрии, а, наоборот, присоединить к ним отвоеванные земли на Востоке, т. е. за счет российской Украины. Эти деятели предложили не останавливать наступление центральных монархий на линии реки Буг, а вести его до Днепра и Черного моря. На всей этой отвоеванной у «москалей» территории следовало бы провозгласить создание нового государственного образования, тесно связанного военнополитическим союзом с Германией и Австро-Венгрией.

За мазепинцев подавали свои голоса в национальной прессе и шведские общественные деятели. Один из них, ставший впоследствии путеводной звездой А. Гитлера, — путешественник Свен Гедин выпустил в Германии миллионным тиражом антирусский памфлет, в котором сообщил, что считает работу мазепинцев полезной в деле развала России.

Другим союзником «профессиональных украинцев» стала Турция. Еще до вступления Турции в войну «Союз освобождения Украины» выступил с обращением к турецкому народу. В нем Украина и Турция определялись как союзники, у которых есть общий противник — Российская империя. Обращение СОУ с радостью было встречено в Турции. Турецкая пресса начала тиражировать небылицы об угнетении украинцев русскими. При этом отпускались реверансы в сторону

могущественных союзников. Так, в журнале «Терджюман-и-Хакикат» утверждалось, что украинский народ мог сохранить свою самобытность только благодаря мудрому руководству императорского двора Австро-Венгрии.

После объявления о вступлении Турции и Болгарии в войну украинские «диячи» направили в Софию и Константинополь официальные делегации. Ими стали функционеры Главной Украинской рады (ГУР) и СВУ. Делегаты ГУР Лонгин Цегельский и С. Баран встречались с турецкими лидерами Энвером-пашой и Талаат-беем. Оба высокопоставленных деятеля поддержали стремление националистов создать на осколках разрушенной России независимую Украину в качестве буфера на Балканах и Средиземном море.

24 октября 1914 года турецкой прессой была опубликована декларация министра иностранных дел. Турции Талаат-бея, фактически являвшегося одним из руководителей страны. В этом документе говорилось, что образование нового украинского государства будет услугой миру и человечности. Талаат-бей признал за необходимость освобождение Украины от российского влияния и обещал помочь украинцам создать новое независимое государство. СВУ признавался в качестве представительного общенационального органа украинского народа, проживавшего в российской Украине.

Турецкая газета «Жен Тюрк», выходявшая в свет на французском языке, отмечала, что «интересы украинцев тесно связаны с интересами Турции. Украинское государство, к которому стремятся украинцы, отделило бы Россию от побережья Черного моря. Создание нероссийского славянского государства избавило бы Турцию от политики интриг и прихотей российской монархии, стремящейся господствовать над Константинополем и морскими проливами». В статье уповалось на успех «освободительной борьбы» украинского народа, отделение Украины от России и избавление Турции от опасностей, угрожавших ей в течение последних двух столетий.

Делегация СВУ, кроме дипломатической миссии, выполняла и миссию секретную. Ее представители имели задачу подготовить условия для создания на Кубани или в Северном Причерноморье, в районе Одессы плацдарм для высадки турецких войск, подкрепленных украинско-австрийскими подразделениями. На этом пяточке предполагалось провозгласить независимую Украину и развить наступление против русской армии. Планом предусматривалось взбунтовать российский Черноморский флот. В разработке плана высадки десанта участвовали

также немцы.

Энвер-паша в ноябре 1914 года в целом поддержал план операции и назвал ее непременным условием достижения абсолютного господства на Черном море, что в той обстановке было нереальным. Население Кубани и Украины в целом было резко антитурецким, и шансов на успех такой авантюры не имелось. Даже в том случае, если бы «профессиональные украинцы» прибыли на Юг России с турецкими войсками, их бы считали представителями вражеской армии. К таким же выводам пришел глава СВУ А. Скоропись-Иолтуховский. По его мнению, десанту должна была предшествовать массированная пропагандистская акция.

События на фронте в 1914–1915 гг. перечеркнули планы украинской «пятой колонны».

«Союз Освобождения Украины» и другие. Сепаратизм и социализм на службе у центральных держав

25 августа 1914 года в Вене громко заявила о своем существовании организация, чья дальнейшая деятельность была направлена на разложение Российской империи и ее армии по национальному признаку. Организация эта проповедовала украинский сепаратизм под полным контролем австро-венгерских и германских спецслужб. Именовалась она «Спилка визволення Украины» («Союз освобождения Украины»), сокращенно СВУ или СОУ.

В тот день СОУ выпустил печатное воззвание, обращенное к «общественному мнению Европы»! Из воззвания следовало, что у всего прогрессивного человечества есть только один враг — Российская империя:

«Беспримерно вызывающая политика России привела весь мир к катастрофе, подобной которой еще не знала история. Мы, украинцы, сыновья великого, разделенного между Австрией и Россией народа, неслыханным образом угнетаемого царизмом, сознаем, о чем идет дело в этой войне. Конечно, не о гегемонии «германизма» или «славянства» — война ведется между культурой и варварством. Война ведется, чтобы сломить окончательно идею «панмосковитизма», который нанес неисчислимый вред всей Европе и угрожал ее благосостоянию и культуре. Из этой идеи, известной под фальшивым именем «панславизма», Россия сделала орудие своих агрессивных планов, пользуясь политической слепотой славянских народов. Эта идея уже уничтожила Украину как независимое государство, свалила Польшу, ослабила Турцию и закинула свои сети в течение последних лет даже в Австро-Венгрию. Воротами для вступления победоносного панмосковитизма в Австро-Венгрию с целью ее разгрома должна была служить Галиция. Наш разделенный между двумя государствами народ должен был служить России для того, чтобы царизм мог овладеть проливами и Константинополем, куда по рецепту русской дипломатии путь идет через Вену. С этой целью Россия годами вела подпольную

работу среди нашего народа в Галиции. Расчет был ясен: если наш народ, так грубо поработанный в России, станет в Галиции на сторону России, задача водружения царских знамен на Карпатах будет чрезвычайно облегчена. Если же, напротив, 30 миллионов украинцев в России под влиянием своих галицийских братьев придут к правильному суждению о своих национальных и политических интересах, тогда рушатся все планы расширения России. Без отделения украинских провинций России даже самый ужасный разгром этого государства в настоящей войне будет только слабым ударом, от которого царизм оправится через несколько лет, чтобы продолжить свою старую роль нарушителя европейского мира. Только свободная, тяготеющая к правительственному союзу Украина могла бы своей обширной территорией, простирающейся от Карпат до Дона и Черного моря, составить для Европы защиту от России, стену, которая навсегда остановила бы расширение царизма и освободила бы славянский мир от вредного влияния панмосковитизма. В полном сознании своей исторической миссии защищать свою древнюю культуру от азиатского варварства московитов Украина всегда была открытым врагом России, и в своих освободительных стремлениях она всегда искала помощи у Запада, особенно у немцев. Гетманы Богдан Хмельницкий, Дорошенко и Орлик обращались к немцам, Мазепа — к Швеции. Даже во времена Екатерины II украинское дворянство искало при прусском дворе защиты против московского деспотизма. Демонстрации, проходившие в прошлом году в Киеве во время юбилея Шевченко, когда раздавались крики «Да здравствует Австрия!», «Долой Россию!», — доказывают, что украинская политическая мысль снова идет по пути старинных исторических традиций. Мы, украинцы России, соединившиеся в Союз освобождения Украины, употребим все силы для окончательного расчета с Россией...»

В Центральный комитет СВУ, заседавший в Вене, вошли такие известные в то время лидеры украинского сепаратизма, как Дмитро Донцов, Владимир Дорошенко, Мариан фон Меленевский, А. Скоропись-Иолтуховский, И. Зализняк, А. Жук.

Позднее один из руководителей СВУ В. Дорошенко писал, что Союз взял на себя представительство интересов «Великой Украины» перед

Центральными государствами и вообще перед европейским миром. В будущей Украине, подпираемой австро-немецкими штыками, мыслилась конституционная монархия с внутренним демократическим строем и однопалатной законодательной системой. В случае присоединения «освобожденных от москалей» земель к Австро-Венгрии СВУ должен был добиваться создания автономного «коронного» края.

СВУ развернул пропагандистскую кампанию. Им выпускались многотысячными тиражами на немецком и украинском языках листовки, газеты и плакаты, которые в массовом порядке распространялись среди украинцев России и Австро-Венгрии, а также рассылались в другие страны.

В сентябре 1914 года СВУ начал выпускать в Вене «Вестник СВУ» на украинском языке и газету «Украинские известия» на немецком.

В передовой статье первого номера «Вестника СВУ» до сведения читающей публики доводилось, что национально-политической платформой Союза является независимость Украины, что формой правления в новом Украинском государстве будет конституционная монархия с демократическим строем, однопалатный парламент, гражданские и религиозные свободы, самостоятельная украинская церковь, будет проведена аграрная реформа в пользу крестьянства.

Задачами СВУ были:

1. Организация украинских сил для проведения в жизнь программы Союза.
2. Внедрение национальной общественно-политической организации в землях, отвоеванных у России.
3. Подготовка созыва Украинского национального конгресса.
4. Выступление в защиту интересов украинского народа перед правительствами воюющих держав.
5. Популяризация украинского движения.

СВУ активно проводил вербовочную работу среди потенциальных пропагандистов «украинской идеи». Здесь «профессиональные украинцы» не брезгали вербовать различных «пламенных» революционеров. Среди них — член партии социалистов-революционеров Мария Адольфовна Финн, арестованная русской полицией в Киеве в сентябре 1914 года. Другим кадром СВУ стал Петр Бендзя, бежавший со срочной военной службы в Австрию в 1908 г. Одновременно с СВУ Бендзя подвизался в РСДРП, а также в социал-демократической украинской организации «Спилка» («Союз»). Вообще анализ списков украинских националистов, добытых русской разведслужбой, показывает, насколько тесно

сотрудничали большевики с сепаратистами. Цель у них до определенного момента была общей. Бендзя ежемесячно получал от австро-венгерских спецслужб 700 крон в месяц.

Финансовая подпитка этих двух порожденных австро-германским Генштабом украинских течений осуществлялась через немецкого confidenta, германофила и туркофила Александра Лазаревича Парвуса (Гельфанда).

Роль Парвуса (он же Молотов, он же Москович) во всей истории становления украинского (и не только украинского) сепаратизма велика. Именно Парвус был инициатором организации военного поражения Российской империи в мировой войне. Космополит и талантливый авантюрист, он был гражданином России, однако родины не имел и, по свидетельству социалиста Л. Шуба, козырял одной фразой: «*Я ищу государство, где человек может дешево получить отечество*». Искренне ненавидя Россию, он предложил германскому Генеральному штабу план по выведению России из войны посредством организации в ней революции и свержения законной власти. 8 января 1915 года Парвус явился на прием к послу Германии в Константинополе фон Вангенгейму и заявил следующее:

«Российская демократия может достигнуть своей цели только через окончательное свержение царизма и расчленение России на мелкие государства. С другой стороны, Германия не будет иметь полного успеха, если ей не удастся вызвать в России большую революцию. Но русская опасность для Германии не исчезнет и после войны до тех пор, пока Российское государство не будет расчленено на отдельные части. Интересы германского правительства и интересы русских революционеров, таким образом, идентичны».

Германское руководство заинтересовалось планом Парвуса и пригласило его в Берлин, куда он прибыл 6 марта 1916 года. В Берлин Парвус привез пространный меморандум, в котором изложил суть затеянного им мероприятия «Подготовка политической массовой забастовки в России». Документ содержал в себе рекомендации, касающиеся организации беспорядков в России. Цель — заставить царя отречься от престола и образовать временное революционное правительство, способное заключить сепаратный мир с Германией.

Первоочередной задачей в своем меморандуме Парвус назвал организацию и поддержку сепаратистского движения на Украине, Кавказе, в Финляндии. Лишь вторым пунктом меморандума было субсидирование РСДРП.

Обладавший огромным финансовым капиталом, нажитым на

сомнительных сделках в Турции, Парвус получил от Германии два миллиона марок на воплощение своего плана в жизнь. Одними из клиентов «Парвус-Банка» стали и австро-украинские националисты. Деньги на работу по «созданию новой Украины» поступали от немцев через Парвуса вплоть до 1917 года.

Украинский проект был для Парвуса слишком мелким по масштабам, чтобы принять в нем более активное участие. Главной целью этого человека с волевым бульдожьим лицом была вся Россия, возглавляемая неприметным и сереньким «царскосельским сусликом».

В 1915 году члены СВУ предприняли ряд шагов, направленных на создание единого антироссийского блока с представителями других прогерманских националистических группировок. К этому сотрудничеству был привлечен польский публицист и революционер Кульчицкий. Бендзя и Кульчицкий нанесли визит руководству еврейской социалистической партии «Бунд». На встрече обговаривалась возможность объединения СВУ и «Бунда».

Одновременно другой функционер СВУ Мариан фон Меленевский (Басок) навестил в Константинополе Парвуса. Здесь фон Меленевский под его опекой создал группу украинской социал-демократии.

Задачами этого подразделения СВУ были:

- — ведение агитации против России среди украинского населения Австрии и России.
- — образование групп активного содействия Австрии как стране, единственной гарантирующей национальные права Украины.
- — ведение антироссийской агитации на Кавказе при содействии кавказской эмиграции в Константинополе.
- — участие в создании воинских формирований в составе турецких войск. Легионы предполагалось формировать из украинцев и уроженцев Кавказа, военнопленных.

СВУ подбивал и румын восстать против России. В своем воззвании к румынам СВУ сообщал румынской общественности, что *«одноплеменники румын, живущие в Бессарабии, стонут в одном ярме с Украиной от российского деспотизма»*. Румыны призывались к выступлению против России на стороне Австро-Венгрии.

При содействии австрийского посольства в Константинополе членам СВУ Цегельскому и Барану было дозволено разместить в местных газетах ряд материалов, «обосновывавших» территориальные притязания на русские территории. В этих статьях говорилось, что в стародавние времена украинское государство простиралось от Карпат до Волги, занимало почти

весь Юг России, охватывая территорию Воронежской и Курской губерний, граничило с отрогами Северного Кавказа. Впоследствии на протяжении десятилетий эти сказки поддерживались пропагандой членов УВО, ОУН — УПА и других объединений «профессиональных украинцев».

Каинова работа СВУ продолжилась в Турции в лагерях военнопленных, где содержались российские солдаты. Австроукраинцы совместно с турками прибыли в лагерь в Измире, где распространили брошюры сепаратистского характера. Часть военнопленных с украинскими фамилиями была отделена от общей массы пленных в особую группу. Этим отделенных уведомили о том, что они-де являются украинцами и посему будут пользоваться преимуществами в лагере.

Аналогичную работу вели посульщики-мазепинцы в лагерях военнопленных в Европе. Контрразведывательное отделение Штаба главнокомандующего Юго-Западным фронтом сообщало, что немцами были привезены из Буковины около восьмидесяти школьных учителей-украинофилов для ведения пропаганды среди военнопленных уроженцев Малороссии. Особенным старанием в этой работе отличался бывший вождь УСДРП в Буковине Беспалко.

Для распространения среди пленных была издана брошюра «Що тепер діється в Росії». В брошюре говорилось, что войны желает русская буржуазия, а демократические круги, наоборот, жаждут мира.

Фон Меленевский устроил в Константинополе собрание «украинской общественности», где всерьез заявил, что Украину необходимо превратить в конституционную монархию, а возглавит ее принц Вильгельм Габсбург-Летринген (Василь Вышиванний).

За подписью фон Меленевского на переднем крае Русско-турецкого фронта разбрасывались прокламации, в которых этот «дияч» призывал русских солдат стрелять не в турок, а в своих же командиров, сдаваться в плен, встречать турок как освободителей. Одна из агиток заканчивалась словами: «*Да здравствует крестьянская и рабочая революция против угнетателей народа!*» Чувствовалось влияние Парвуса и прочих германских кукловодов.

Сам Парвус также поучаствовал в разложении русского фронта. Во второй половине 1914 года он издал в Константинополе от имени украинских социал-демократов брошюру «На оборону демократии против царизма». В этом «труде» он доказывал необходимость разгрома России для необходимости революции, которая окончательно уничтожит политическую систему империи. Попала эта брошюра и в Россию.

Уже после Февральской революции в России русской контрразведке

удалось вскрыть многие планы «профессиональных украинцев» и обезвредить их агентуру. Контрразведчиками было замечено, что при обмене военнопленными-инвалидами немцы стали передавать в Россию здоровых людей, в основном уроженцев Малороссии. Проверка установила, что все они засылались для пропаганды национализма и по прибытии в Киев должны были получить инструкции от специальных агентов, группировавшихся возле редакции украинской газеты «Новая рада», руководимой неким Чикаленко.

Окончательно подозрения контрразведки подтвердил офицер Ермоленко, добровольно явившийся и передавший крупную денежную сумму, полученную им от немецкого разведотдела для пропаганды украинофильства в России. С помощью Ермоленко были собраны доказательства, подтверждающие получение «командой Грушевского» значительных денежных сумм от австрийцев и немцев. Во второй половине августа 1917 года было установлено наличие постоянно действующего канала связи между руководством СВУ и резидентами немецкой разведслужбы Гуммерусом и доктором Бордахом.

В 1918 году немецкий генерал Макс Гофман откровенно признался в том, что украинское движение создано немцами:

«В действительности Украина — это моих рук дело, а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украину для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России».

Болгария как союзник Германии и Австро-Венгрии также предоставила свою территорию для антирусской работы «профессиональным украинцам». Здесь в качестве глашатаев украинской идеи подвизались профессор Львовского университета Михаил Хрущевский и депутат австрийского рейхсрата Л. Цегельский.

Хрущевский в своих «трудах» подвергал ревизии решение Переяславской рады, провозглашал гетмана И. Мазепу «добрым водителем», доказывал, что в Австрии украинцам живется куда вольготнее, нежели на Руси.

Цегельский раздвигал территориальные границы Украины, основываясь на аппетитах Вены и Берлина. Он доказывал, что Украина в своих «истинных» территориально-этнографических границах занимает территорию от р. Прут до рек Сан и Нарев, до Донца на западе, долины Дона и Западного Кавказа на востоке, от Припяти и Десны на севере и от

Черного до Азовского морей на юге.

Другой пропагандист «украинства» Дмитрий Иванович Донцов развернул антироссийскую пропагандистскую кампанию в немецкой печати. Настоящая фамилия этого человека, русского по национальности, красноречива — Щелкоперов. Родился он в 1883 году в Мелитополе в русской семье. В молодости Донцов попал под влияние социалистов, затем увлекся мазепинством.

Щелкоперствуя на ниве украинского национализма, взошедшего на австро-германских финансовых вливаниях, Донцов призывал к войне с Россией и указывал, что мировая война — это прежде всего «война между культурой и варварством». Излишне разъяснять, какие страны г-н Донцов относил к культуре, а какие к варварству.

Донцов также высказывался о необходимости постройки сильного Украинского государства как форпоста против России. Основной задачей видел вытеснение России из южного черноморского региона. Впоследствии Донцов был признан официальным идеологом ОУН, и его идея «чинного национализма» была заложена в фундамент бандеровской программы, а сам Донцов считался у бандеровцев идеологическим идолом.

По информации русской военной контрразведки, деньги Д. Донцов получал от германского посла в Швейцарии Г. Ромберга.

При освобождении Галиции русскими войсками «профессиональные украинцы» бежали из Львова, прихватив с собой в Вену все отпечатанные пропагандистские материалы.

Помимо СВУ, в Галиции активно действовал «Украинский национальный Совет (Рада)» (УНС), носившая характер чисто галицийского заведения. Председателем Рады был Кость Левицкий, секретарем — Бачинский. Члены СВУ А. Скоропись-Иолтуховский и В. Дорошенко участвовали в работе Рады лишь с правом совещательного голоса.

5 мая 1915 года в Вене был учрежден «всенародный ареопаг Украины» — «Всеобщая Украинская рада» (ВУР), претендовавшая на представление интересов всего украинского народа во время войны. Деятельность этой группировки в основном сводилась к разработке основных принципов украинской политики. Радой была разработана украинская конституция.

Рада включала несколько секций, отвечавших за конкретный участок работы:

1. Политико-правовую.
2. Пресс-службу.
3. По делам эмиграции.

4. По экономике.

5. По культуре.

Под контролем ВУР находилась деятельность Украинской боевой управы (УБУ), занимавшейся формированием украинских воинских частей в армии Австро-Венгрии. Впоследствии УБУ была признана автономным органом ВУР, а затем переименована в «Главное управление легиона украинских сичевых стрельцов» (ГУ УСС).

В мае 1915 года в Софии был начат выпуск украинской газеты «Рабочее знамя» («Робитничий прапор»). Газета издавалась от имени «организационной группы украинской социал-демократии», в состав которой входили Парвус, М. Меленевский (Иван Гилька), Н. Ганкевич, И. Бендзя.

Из передовой статьи первого номера газеты читатель мог узнать о задачах этой группы:

«Группа составила из украинских деятелей социал-демократии, которые ранее входили в учреждения украинской социал-демократической «Спилки» и Украинской социал-демократической рабочей партии и ныне убеждены, что текущий момент диктует всем социал-демократам на Украине цель — полное объединение в одной рабочей социал-демократической организации Украины. Теперь не время для разных фракционных споров... Война и неминуемая в связи с войной новая революция в России ставит перед рабочим классом великие классово-пролетарские и общенациональные задачи... Главный лозунг группы: «К объединению во имя выполнения ближайших пролетарско-революционных задач!» Попутно группа думает и об общенациональных интересах, о государственной самостоятельности Украины... На страницах «Рабочего знамени» найдут место все течения украинской социал-демократии...»

В номере также была помещена статья И. Бендзи, в которой он заявил, что украинская социал-демократия выступила против России единым фронтом с Германией и Австрией для того, чтобы на развалинах царской империи образовались новые свободные республики.

После захвата австро-германскими войсками местностей Волынской губернии с помощью мазепинцев были открыты школы с преподаванием извращенной истории Украины-Руси.

В благодарность за работу делегацию «профессиональных украинцев»

принял главком Австро-Венгерской армии эрцгерцог Фридрих. На приеме председатель Национального совета украинцев Кость Левицкий и вице-председатель депутат Николай фон Василько благодарили австрийские власти за установленный в «освобожденной Украине» режим и заявили, что «русские украинцы ищут свое спасение только в Австрии и видят свое будущее тесно связанным с двуединой монархией и ее династией». Эрцгерцог благодарил депутатов и «выразил им свое восхищение мужеством и преданностью украинцев, создавших для защиты своих интересов и интересов Австро-Венгрии громадные легионы».

Вскоре российские спецслужбы стали располагать информацией о том, что в 1916 году члены СВУ К. Левицкий и Д. Донцов открыли во всех городах Галиции Национальные украинские комитеты, основной целью которых стало ведение дознания о поведении местного русинского населения при занятии этих районов частями Русской армии. Так мазепинцы взяли на себя позорную роль палачей своего народа, считавшего неразрывной судьбу Украины с судьбой России.

Деятельность мазепинцев в Российской империи

Вся деятельность зарубежных прогерманских «профессиональных украинцев» была направлена на раскол русского народа и империи в целом. Основным полем битвы за сердца украинцев стала фронтовая зона, где действовали части украинского легиона сечевых стрельцов, органы пропаганды противника. Другая «тихая война» велась в русском тылу, куда дотянулись нити австро-германского шпионажа и пропаганды.

Вылазкам пронемецкой «пятой колонны» противодействовали органы армейской контрразведки, жандармерия, полиция. Основная тяжесть борьбы ложилась на плечи простых русских и украинцев, чье сознание не было одурманено мазепинской пропагандой.

Еще в 1914 году до начала войны русские спецслужбы фиксировали рост активности на территории Российской империи различных мазепинских организаций и отдельных агентов. Основным регионом этой деятельности был Юг России. Под прикрытием различных просветительских, фольклорных и прочих вывесок действовали мазепинские органы пропаганды. С сожалением констатировался факт засоренности мазепинцами органов просвещения.

Агентура уведомяла, что все эти образования ведут активную пропаганду за выход Украины из состава империи и включения ее в состав империи Габсбургов. При этом новые границы Украины должны были проходить по Волге и Кавказу.

Пользуясь интеллигентствующим либерализмом властей, а также прямым содействием некоторых чиновников, мазепинцам удавалось свободно въезжать на территорию России для агитационной и организационной работы.

В 1914 году, когда некоторые украинские круги широко отмечали столетие со дня рождения Т. Г. Шевченко, в Киеве и других южных городах прошли демонстрации, забастовки и прочие нарушения общественного порядка. В журнале «Новое время» сообщалось, что в Киеве демонстранты шли под красным знаменем с надписью: «Да здравствует самостийна Украина!», дошли до австрийского консульства и там ораторствовали: «Да здравствует Австрия! Долой Россию! Хай живе вильна Украина!» Отзвуки этих событий донесли и до Сибири. Здесь в 1914 году членами украинских кружков устраивались вечеринки и собрания, на которых «профессиональные украинцы» читали стихи кобзаря, специально

акцентируя на строках, призывавших разбивать головы москалям кандалами.

Фундамент же этого движения был заложен еще в XIX веке. Одним из отцов-основателей украинского сепаратизма можно по праву считать историка Н. Костомарова. Он был известен в определенных кругах как основной разработчик идеи самостоятельного существования двух народов. В 1846 году им было основано Кирилло-Мефодиевское общество (товарищество), членом которого был и Тарас Шевченко, чьей нетрезвой лирой также воспользовались враги России [3]. Власти долго терпели деятельность этого братства, но были вынуждены закрыть его за антироссийскую деятельность. В 1875 году современник Костомарова писал своему другу:

«Что касается Костомарова, то его непонимание нашей истории всего больше зависит от того, что он иноплеменник... Костомаров загнул из нашего хворосту нам карлючку, а мы его празднословие назвали историей нашего народа».

Польское восстание 1863 года также повлияло на рост национализма. Повстанцы сознательно вели пропаганду, направленную на раскол русского общества по национальному признаку.

В конце 80-х годов XIX века развилось политическое течение, именовавшееся «украинским социально-политическим радикализмом». Профессор истории Михаил Драгоманов, являвшийся его идеологом, стремился к идеалам «автономной Украины в пределах федеративно-реформированной России». Благодаря решительным мерам российских спецслужб Драгоманов свернул свою «просветительскую деятельность» и эмигрировал в Галицию, бывшую к тому времени основным рассадником мазепинства. В Галиции Драгоманов не успокоился и с еще большим рвением принялся оппонировать своим политическим противникам, которых увидел в русских галичанах, считавших себя частью великорусского народа.

Известный украинский поэт Иван Франко также «отметился» как приверженец сепаратизма. Его перу принадлежал гимн «Не пора» [4], в котором призывал малороссов «перестать служить москалям и не щадить жизни в упорном бою, чтобы завоевать Украине свободу». В другой своей песне Франко указал, что Украина от Дона до Сана и Буга полна ренегатов, но придет пора, и «народ украинский встряхнет Кавказом, опояшется Карпатами, прокатит по Черному морю клич

свободы и почувствует себя хозяином в своем доме». В других своих произведениях Франко называл Полтавскую битву «погромом Украины».

В Галичине часть русско-галицкой интеллигенции отстаивала свои суждения и веру в неразрывную связь с Матерью-Россией. Многие из этих людей кончили жизнь на виселице либо у расстрельной стенки. Простых русских крестьян-галичан австрийцы и мазепинцы убивали десятками. Горьким и обидным было то, что в «просвещенной» части русского общества, в среде т. н. «интеллигенции» к этим патриотам России отношение было едва ли не как к черносотенцам. Русские интеллигентствующие круги осуждали борьбу русской партии в Галичине и поддерживали сепаратистов, проплаченных австро-германскими властями.

Первую партию в хоре поддержки мазепинцев в России исполняла Академия наук и профессор П. Н. Милюков.

В 1905 году Академия наук также сделала политически недальновидный шаг, имевший для развития украинского сепаратизма большое значение, а для России, наоборот, трагические последствия. Комиссией АН России было признано право на существование «малороссийского наречия», «изобретенного» мазепинцами.

Основную поддержку каинову делу мазепинцев оказывал Михаил Грушевский. Этот внешне благообразный профессор Львовского университета внес немалый вклад в становление украинского культурно-политического сепаратизма.

В 1894 году в Галиции при Львовском университете была открыта кафедра истории Южной Руси с преподаванием на русско-украинском языке. По соглашению между Киевским украинским кружком и австрийскими властями, поляками эта кафедра была предоставлена гражданину России и выпускнику Киевского университета Михаилу Сергеевичу Грушевскому. Здесь Грушевский начинает действовать по следующим направлениям:

1. На его кафедре с помощью австро-венгерских и польских филологов фактически на пустом месте придумывается некий «книжный украинский язык». Основную роль в создании этой «мовы» сыграло антирусское Научное товарищество им. Т. Г. Шевченко (НТШ).

2. Грушевским проводится реформирование южной (русско-украинской) истории. Проводится ее полное переименование в угоду украинским сепаратистам и стоящим за ними истинным хозяевам — властям Австро-Венгрии. В этом труде Грушевский «доказал», что главным и самым старшим среди славянских народов является народ украинский, а Киевская Русь была создана не русскими, а некими украинцами.

3. Грушевский начинает работу по созданию «украинско-русской политической партии». Целью партии была борьба с «москалями» и «ляхами», содействие сепаратизму.

В 1899 году с подачи Грушевского разразился скандал на археологическом съезде. Грушевский потребовал допустить на съезд рефераты на украинском языке. Вопрос вызвал сильную оппозицию в киевских профессорских кругах и был решен неблагоприятно для Грушевского. Он и галичане уклонились от участия в съезде. Их рефераты были напечатаны в двухтомнике НТШ. Вообще в русском обществе вопрос о существовании самостоятельного украинского языка был крайне болезненным. По этой проблеме издавались труды как доказывающие его надуманность, так и, наоборот, доказывающие, что русский язык произошел от украинского.

В 1898 году вышел в свет 1-й том исторического труда Грушевского «История Украинской Руси». Своей работой профессор поверг в шок многих специалистов в области отечественной истории. Еще бы, ведь он буквально сломал сложившуюся концепцию развития государства Российского. В своих трудах профессор доказывал, что история Украины является историей отдельного народа, пусть и существовавшего рядом с великорусским.

В 1904 году австрийское Министерство народного просвещения выдало краковскому Обществу насаждения (!) малороссийской словесности, искусства и культуры значительные субсидии. Большая часть этих средств была переведена на нужды кафедры Грушевского и Ивана Франко. В 1909 году по инициативе Грушевского и ряда других ересиархов в Галичине были организованы массовые празднества и гуляния в честь гетмана Мазепы.

Не оставил свою деятельность Грушевский и в России. Здесь он сотрудничает с редакциями ряда украинофильствующих журналов, через которые проводит свои постулаты. Благодаря головоутиям и ротодействию на местах ему удается переправлять в Россию большое количество печатной продукции, содержание которой также проповедовало национальный раскол. В патриотических кругах России он получает примечательный титул «ересиарха современного украинского движения» и «современного украинского дел мастера». По информации историка И. В. Михутиной, Михаил Грушевский был членом киевской масонской ложи «Правда».

Грушевский частенько наведывался в Российскую империю. Удивляет то, с какой легкостью «борец за освобождение украинского народа»

въезжал на территорию Российской империи и провозил большое количество своих агиток. И все это творилось в «тюрьме народов», какой, по утверждению мазепинцев, была Российская империя!

Вояжи Грушевского в Россию продолжались вплоть до ноября 1914 года. 28 ноября по приезде в Киев Грушевский со своим обширным багажом был арестован полицией. При обыске у профессора были изъяты интереснейшие для контрразведки документы «Союза освобождения Украины». Деятельность Грушевского подпадала под действие статьи 129-й Уголовного уложения Российской империи. Грушевского судить не стали (вот вам и «тюрьма народов»!) и направили на место жительства в Симбирск, затем в Казань. Вскоре за Грушевского вступились «передовые круги» русской интеллигенции с требованием освободить профессора из места высылки. Благодаря заступничеству академика А. А. Шахматова Грушевский в 1916 году переехал в Москву.

В 1911 году Грушевский выступил с очередной декларацией об украинстве как о политической силе, которая может ослабить национальную мощь России. Профессор призывал своих земляков *«вырвать украинскую культуру из славянского мракобесия, из славянских объятий, которые стремятся задушить украинскую жизнь»*.

В целом украинская интеллигенция выдвинула из своих рядов когорту идеологов, проповедовавших идею *«двух разных народов — украинского и русского»*.

В Киеве Грушевского посетила группа «профессиональных украинцев» из Австрии в составе Л. Цигельского, В. Будзиновского, террориста Юрия Скоропись-Иолтуховского и других. На совещаниях с ними Грушевским разрабатывались планы дальнейших действий против империи.

Ряд заседаний мазепинцы провели в помещении киевского клуба «Родина» на Большой Владимирской улице. Здесь также присутствовали издатель еженедельника «Рада» Е. Харлампиев-Чикаленко, Жебунев, П. Лавров и делегаты от мазепинских ячеек из Полтавы, Харькова, Екатеринослава и Одессы. На этих сборищах был основан украинский филиал СВУ — «Головная Рада СВУ» с основной задачей — пропаганды за отделение Украины и восстания против власти. На этот филиал была возложена координационная работа по согласованным акциям мазепинцев в Петрограде, Москве, Юрьеве, Варшаве и Одессе.

Когда эта Рада начала свою работу, киевские мазепинцы вызвали Грушевского в Киев для передачи ему поста руководителя Рады. Профессор в это время находился в Галиции (Австро-Венгрия), из которой выехал

через Будапешт в Вену. В австрийской столице Грушевский открыто встречался с предводителями мазепинцев и представителями австрийского правительства. Здесь же Грушевский получал от австрийского правительства субсидии для «Научного товарищества им. Шевченко», являвшегося основной издательской базой мазепинцев. Из Вены Грушевский выехал в Венецию, далее через Балканы — в Киев, где и был арестован.

Органам политического сыска империи удалось получить дневники Грушевского, ознакомление с содержанием которых выявило планы профессора. Лишь одна дневниковая запись от 1914 года гласила следующее: *«При будущей войне Австрия должна иметь в виду, что война будет вестись на украинской территории, поэтому она должна обещать религиозную и национальную свободу, выкуп крупной собственности и дать украинцам надежду стать главенствующей народностью. Границы Украины должны быть определены по Припяти, Днестру и Черному морю».* Далее в дневниковых записях Грушевского утверждалось, что *«немцы чрезвычайно интересуются украинским вопросом»* и что *«последний влияет и на объявление войны, а в случае победы России — уже теперь замышляют мщение, осью которого хотят сделать украинский вопрос».*

После ареста своего ересиарха Рада свою деятельность не остановила. Напротив, в южные районы России были откомандированы для ведения агитации и создания филиалов ее функционеры. Л. Цегельский был направлен в Киевскую губернию, доктор Л. Ганкевич — в Херсонскую, Н. Ганкевич — в Бессарабию и на Херсонщину. Каждый из них выехал на отведенную ему территорию не только с горой агиток, но и со своими помощниками, большинство из которых было снабжено в Вене поддельными российскими паспортами.

С 1900 года за границей и в самой Российской империи начинают появляться политические партии с революционным уклоном. Революционная украинская партия в 1902 году была инициатором крестьянских беспорядков, вспыхнувших в Полтавской губернии, и ряда других подрывных акций.

Вскоре на территории империи начинают действовать несколько политических партий, а также ряд экстремистских группировок.

В Полтавской губернии действовали филиал СВУ и отделение Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). Филиал СВУ возглавлял бывший депутат Госдумы П. И. Чижевский. Мазепинцами велась активная агитация среди молодежи и рабочих за создание

независимого украинского государства под протекторатом Австро-Венгрии. Среди них распространялась также работа Д. Донцова «Современное москвофильство».

При установлении негласного наблюдения за деятельностью мазепинцев внимание полиции привлекло следующее обстоятельство. Функционеры СВУ и УСДРП Полтавщины не вели переписки с Киевским центром украинофильства, что было для тех лет совершенно обычным явлением. Агентурно-осведомительная работа установила, что у полтавских самостийников имелся альтернативный канал связи — им был «странствующий кобзарь». За этим кобзарем также было установлено наблюдение, что позволило установить все контакты полтавских сепаратистов с киевскими коллегами. Полиции также стало известно, что среди членов Полтавского филиала СВУ находится казак Гаврилко, чей брат скульптор Михаил Емельянович Гаврилко в 1908 году был привлечен к уголовной ответственности за антигосударственную деятельность, бежал из-под стражи, нелегально перебрался в Австро-Венгрию, где стал официальным сотрудником Генерального штаба.

В Харьковской губернии активно действовали украинские социалисты. В конце августа 1915 года в Харькове на собрании в Доме общества рабочих, среди собравшихся было распространено печатное воззвание «Война и украинская социал-демократия», содержащее рассуждение г-на Донцова о пользе поражения России в войне и «вызволении Украины». Позднее было установлено, что воззвание это было напечатано в Австро-Венгрии.

Прокламации распространял мещанин Яков Довбищенко (позднее был арестован полицией), секретарь литературно-экономической комиссии Харьковского украинского общества им. Квитка-Основьяненко. Довбищенко принимал участие в издании в Харькове газеты «Слово», которую фактически опекал украинский писатель и член УСДРП В. К. Винниченко, проживавший к этому времени в Австро-Венгрии.

С началом боевых действий Винниченко нелегально проник на территорию России и в августе 1915 года объехал Юг России с целью инструктажа «первичек». По информации Киевского губернаторского жандармского управления, Винниченко в Киеве встречался с социал-демократом Иосифом Сыроидом, известным проводником идеи украинского сепаратизма, униатом, австрийским подданным. После этого Винниченко нелегально проживал в Москве под псевдонимом «Андрей Павленко».

В Екатеринославской губернии с 1914 года распространялись

прокламации УСДРП. Массовым это явление стало с апреля 1915 года, когда на местных заводах и на линии Екатеринославской железной дороги были разбросаны листовки, призывавшие к завершению войны, свержению царизма. Жандармским управлением было установлено, что листовки были контрабандой доставлены из Галиции. Вскоре жандармы получили сведения о создании в Екатеринославе «первички» УСДРП. Выйти на ее членов жандармам труда не составило, и наблюдением и агентурой было установлено, что местная ячейка партии поддерживает связь с Киевом. Связником социалистов был учитель из Галиции Лев Ганкевич.

Следствием было установлено, что местная соц-ячейка имеет тесную связь с Екатеринославским отделом украинской организации «Просвита», являющейся рассадником сепаратизма.

В октябре 1915 года социалистами были разбросаны листовки следующего содержания:

«Украинская социал-демократическая рабочая партия.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Товарищи!

Десять лет назад, 17 октября 1905 года, под напором революционных рабочих и крестьян зашаталось самодержавие царя Николая Кровавого. Однако правительство одурачило народ Манифестом и в реках крови утопило волю. Теперь, когда миллионы людей гибнут на войне, обороняя кошельки панов, царь отбирает остальные права у народа. Только революция принесет волю. Организуйтесь же! Долой войну! Да здравствует революция! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует автономия Украины!»

29 октября 1915 года на квартире владельца украинского книжного магазина «Слово» Лисиченко состоялось собрание членов местной украинской организации, на котором с докладом выступил представитель УСДРП казак Полтавской губернии Федор Горох. Жандармским ведомством было установлено, что вышеозначенный Горох до своего прибытия в Екатеринослав имел встречу в Москве с Винниченко, от которого получил денежную сумму и инструкции.

На собрании мазепинцев социалист доложил о деятельности организаций УСДРП в других городах Юга империи. Далее оратор коснулся вопроса о войне. Горох заявил, что цель Германии будет достигнута — Киев и вся Малороссия будут завоеваны Германией, которая

даст украинцам полную независимость.

27 ноября 1915 года Екатеринославская организация УСДРП была ликвидирована правоохранительными органами. После ареста большинства ее членов оставшиеся на свободе создали новую организацию, однако она ничем себя не проявила.

В Черниговской губернии активность мазепинцев имела место еще до войны. Здесь сепаратистской работой руководил местный присяжный поверенный Илья Людвигович Шраг — бывший депутат первой Госдумы, 80 лет.

Черниговские украинофилы предприняли попытку торжественно встретить 100-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко, но после запрета правительства торжества устраивать не стали.

В 1915 году Шраг намеревался вести украинофильскую пропаганду среди членов кооперативных обществ, с целью чего вошел в члены Черниговского губернского кооперативного комитета, открывшегося без разрешения местной администрации. Комитет был закрыт по распоряжению властей, и Шраг притих.

На Кубани — области, населенной потомками запорожских казаков, деятельность мазепинцев успеха не достигла. Местная общественность была настроена патриотически, и украинофилам здесь «зацепиться» не удалось. Аналогичная ситуация сложилась в области Войска Донского. Правда, здесь в украинский кружок записался 21 студент Новочеркасского политехникума.

В Одессе местными правоохранительными органами были изъяты два номера газеты «Вестник СВУ» и две брошюры Парвуса.

В июне 1915 года была получена информация, что функционеры СВУ распространяют прокламации, запуская их в закупоренных бутылках по реке Прут [\[5\]](#).

Ситуация в Петрограде в 1915–1916 гг. с украинским движением была более спокойной. Активно действовали украинские общественные культурно-просветительские организации, благотворительные, книгоиздательские объединения.

Постоянный контроль правоохранительных органов велся за членами студенческих и рабочих организаций. Особенной активностью отличались студенты-украинцы, объединявшиеся в кружки («гуртки»). Из представителей таких кружков были созданы «Головная Рада» и «Информбюро», ведавшее изданием газеты «Украинский студент». Рада координировала деятельность кружков, провела несколько совещаний, выпустила несколько воззваний, наметила созыв украинской конференции,

но эта затея провалилась (либо ее провалили).

Несмотря на предпринимаемые усилия, на первых порах проавстрийские украинцы добились в России немногого. На их пропаганду откликнулась лишь незначительная группа украинофильствующей интеллигенции. Один из руководителей СВУ В. Дорошенко сам признавал неуспех Союза:

«Деятельность СВУ сначала не нашла себе сочувствия среди украинской общественности в России. Центральный комитет ТУПа (Товарищества украинских прогрессистов. — С. Ч.), заслушав в ноябре 1914 года от проф. Грушевского, приехавшего из Австрии, доклад о Союзе, решил, что «Союз не имеет права выступать от имени Российской Украины». Но постепенно деятельность Союза все же приобретала некоторые симпатии. В апреле 1915 года в Киеве состоялось совещание украинских деятелей социалистического направления, которое одобрило политическую позицию Союза и решило войти с ним в теснейший контакт. В результате этого решения представитель этой группы деятелей Евгений Галицинский дважды побывал за границей (в мае 1915 и зимой 1915–1916 гг.) и установил личный контакт с деятелями Союза».

Снарастанием центробежных тенденций в Российской империи, ухудшением обстановки на фронте и в тылу австро-украинская пропаганда достигала своих целей. Крупные финансовые влияния Парвуса и немцев в национал-сепаратизм начали приносить свои плоды.

Легион «украинского Пьемонта»

В начале XX века на территории Австро-Венгерской империи проживали 3 миллиона 991 тысяча украинцев — 8 % населения империи. В королевстве Лодомерия и Галиция украинцы составляли 43 %, на Буковине — 42 %, в Венгрии — 2 %.

Перед войной в Галиции, официально провозглашенной венскими властями «украинским Пьемонтом», начали появляться различные украинские общественно-политические и военизированные объединения. В самих Австрии и Венгрии также зарождалось молодежное движение в виде различных спортивных объединений, которые именовались «Соколами» (по-украински — «Сокали»). Аналогичная тенденция наблюдалась и в Российской империи.

Эти объединения существовали в Галиции легально и создавались с разрешения властей, имели утвержденные местными органами власти уставы. К 1914 году в Галиции существовало около 900 украинских спортивных объединений, координировавшихся единым центром — львовским «Соколом-Отцом» («Сокаль-Батько»).

С 1900 года в Галиции начинают формироваться военизированные группы молодежи под общим наименованием «Сечь». Основными официальными задачами этих групп были борьба с пожарами и спортивная подготовка молодежи. Первые сечи начали появляться на Гуцульщине и Буковине, т. к. власти Галиции упорно сопротивлялись намерениям украинцев создать в крае свои сечи, несмотря на то, что аналогичные организации польской молодежи уже имелись. Особенную тревогу польских властей Галиции вызывало то, что на тренировках украинцы упражнялись бы с топориками, посохами и булавами. Такое положение существовало до 1908 года, пока на пост наместника Галиции не вступил Бобжинский, польский общественный деятель, не являвшийся сторонником «зажима» украинцев в Галичине.

Ныне забытый в России русский историк, исследователь украинского сепаратизма С. Н. Щеголев так описывал сечи:

«Вербовка прозелитов украинского ирредентизма среди неграмотных сельских масс производится обеими фракциями сходным путем: радикалы организуют пожарно-гимнастические Сечи, а национал-демократы закладывают сокольские кружки (по

чешско-польскому образцу).

Первые Сечи в Галиции появились в 1900 году (одновременно с вступлением проф. Грушевского на политическую арену), через 10 лет таких товариществ имелось около 600, преимущественно в юго-восточных уездах Галиции (Тернопольском и Сокольском) и на Буковине, т. е. вдоль русской границы. Просветительских целей сечевые товарищества не преследуют (по уставу они не имеют даже библиотек), но и пожарно-гимнастическим делом не ограничиваются — Сечи созданы с той целью, чтобы «пробудить в крестьянстве национальную сознательность» в соборно-украинском (антирусском) духе. Уже название товариществ должно напоминать о козацких запорожских традициях (и искупать, добавим мы, старые грехи козачества, прикосновенного к пожарам совсем с обратной стороны). Из козацкой же старины заимствованы названия должностей в галицких Сечах (кроме «учителя справ» — гимназиарха). Во главе каждой Сечи стоит «кошевой атаман» [6], «есаул», «писарь», «скарбник» [7], затем при каждой Сечи имеются «хорунжий» и «сурмач» [8], в многолюдных селах сечевики разделяются на «четы» (взводы) с «четарями» во главе. Каждый сечевик обязан иметь (для смотров и парадов) широкие «козацкие» шаровары, гуцульский «топорик» за поясом и широкую малиновую ленту через плечо. Хорунжий несет впереди отряда знамя малинового же или красного цвета.

Все Сечи через своих кошевых атаманов подчинены атаманам уездным («поветовым»), а последние составляют «Главный сечевой комитет», атаману комитета присвоено право ношения золоченой булавы.

...На общие сборы сечевиков являются всегда ораторы (обычно из студентов), которые рассказывают о Запорожской Сечи, ее славе и конце, натаскивая слушателей в желательном направлении. Ту же цель имеют специфически-национальные торжества, маршировка и парады. В результате сечевики приучаются к дисциплине, взаимной солидарности, а также пропитываются идеями демократического федерализма, а в частности идеями соборно-украинской «свидомости» (сознательности).

Будучи детищем радикальной фракции, Сечи обычно

являются в селах скопищем оппозиционных элементов против общественного строя или местных порядков (или не порядков). На этой почве Сечь часто свивает свои гнезда и в селах с чисто русским национальным сознанием, которое в таких случаях, не имея себе достаточной опоры или поддержки, быстро заполняется соборно-украинскими сказками и бреднями.

Не отрицая полезной роли Сечей как вольно-пожарных дружин, мы должны констатировать то обстоятельство, что пожарное дело является в данном случае лишь фоном для тканья украинских узоров, и поэтому М. Грушевский вполне прав, называя сечевые товарищества «политическими народными клубами».

В апреле 1908 года в г. Станиславе (ныне Ивано-Франковск) прошел съезд делегатов галицких сечей, на котором был избран центральный орган — Главный сечевой комитет, который располагался в Коломые. В декабре 1912 года он был преобразован в Украинский сечевой союз во главе с Главным управлением во Львове. Он объединял все сечи, за исключением буковинских, где имелся свой Сечевой союз.

После 1912 года деятельность сечей была реорганизована и упорядочена. Они были организованы по районам, с советами (радами) во главе. Перед войной количество сечевых организаций в Австро-Венгрии доходило до тысячи.

В 1909–1910 гг. при сокольских объединениях начинают формироваться военизированные группы «стрелецкие курени» (стрелковые батальоны). К началу войны их насчитывалось до 300.

Кроме вышеупомянутых молодежных объединений, с 1911 года в среде украинской молодежи Львова начинает действовать аналог скаутского движения «Пласт», организованный офицерами Австро-Венгерской армии украинского происхождения — Романом Сушко, Иваном Чмолый и сыном Ивана Франко Петром.

Группы юных «пластовцев» существовали при более взрослых украинских военизированных организациях. Таковой являлись Сечевые стрельцы (СС). Здесь военные упражнения проводились уже не с топориками, а с огнестрельным оружием.

Появление этой организации было вызвано Балканской войной 1912 года и ухудшением отношений между Австро-Венгрией и Россией.

В конце 1913 года адвокату Кириллу Трильовскому с разрешения властей удалось законным порядком закрепить статус войскового

товарищества Сечевые стрельцы, основанного в Львове. Первым руководителем СС стал львовский адвокат Владимир Старосольский, его заместителем — Д. Катамай, ставший впоследствии офицером Легиона УСС. Вскоре филиалы товарищества были созданы в Бориславе, Сокале, Яворове, Тернополе и др. Во главе этих местных организаций стали офицеры запаса.

Первые СС были созданы еще в марте 1912 года во Львове и фактически являлась «слепком» (по своему уставу) с аналогичных польских организаций Стшелец (Стрелок). При поддержке властей вскоре организации СС покрывают территорию Галичины своей сетью. Формально СС были самостоятельными объединениями, однако большинство их формировалось при сечах. Центральным органом движения СС была Стрелецкая секция при Украинском сечевом союзе. С 1913 года кружки стрельцов возникают и при сокольских организациях. В результате разногласий, возникших в этой молодежной среде, в январе 1914 года Иван Чмола ^[9] организует во Львове второе стрелецкое объединение — Сечевые Стрельцы II. В марте того же года оно вливается в Украинский сечевой союз. Осенью 1913 года при товариществе «Сокол» был образован еще один Стрелецкий курень.

Накануне войны в Галиции существовало около 50 стрелецких организаций.

В 1912 году на съезде руководства галицийских партий и союзов было решено, что в случае войны между Австро-Венгрией и Россией Галичина должна превратиться в центр объединения всех украинских земель. При этом Россия трактовалась «щірыми діячами» как враг всего украинского. В том же году на съезде галичан было решено поддерживать Австро-Венгрию столь долго, сколь ее интересы будут совпадать с «интересами украинского народа и его национальным достоинством».

Существование всех украинских молодежных военно-спортивных объединений было обусловлено национальной политикой властей Австро-Венгрии, заинтересованных в объединении украинцев перед лицом своего соперника — Российской империи. Украинское население Австро-Венгрии с его молодежным движением давало Вене значительный и подготовленный контингент призывников. Использование этих кадров планировалось не только в армии, но и в полиции и в различных вспомогательных службах. Объединение украинцев под скипетром австро-венгерского монарха преследовало и другую цель — украинцам Галиции и Буковины была отведена роль внутренних «жандармов» для подавления любых пророссийских настроений среди карпатороссов, которые, в свою

очередь, не мыслили своего существования без Матери-России.

В начале августа 1914 года все украинские галицийские партии объединились в Главный украинский Совет (Главную украинскую Раду) во главе с Костем Левицким. В свою очередь, Радой была создана Украинская боевая управа во главе с К. Трильовским, взявшая на себя функции пропагандистско-вербовочного комитета. 6 августа 1914 года обе эти организации выступили с манифестом, в котором призвали всех украинцев Австро-Венгрии объединиться под знаменами Украинских сечевых стрельцов в борьбе против России.

В манифесте говорилось:

«Нынешнее время призывает украинский народ стать единодушно против царской империи при той стране, в которой украинское национальное бытие нашло свободное развитие. Победа австро-венгерской монархии будет нашей победой. И чем больше будет поражение России, тем быстрее настанет час освобождения Украины... Пусть же украинское громадянство отдаст все свои материальные и моральные силы на то, чтобы исторический враг. Украины был разбит. Пусть же на руинах царской империи взойдет солнце вольной Украины».

Одновременно из числа политических эмигрантов был создан Союз освобождения Украины (СОУ). В 1915 году СВУ и ГУР объединились, образовав Украинскую раду в Вене. 12 мая 1915 года Рада опубликовала свою декларацию, в которой в качестве главной цели указывалась борьба за *« свободную самостоятельную Украинскую державу над Днепром, а в границах Австро-Венгрии — территориально-национальную автономию, объединение украинских областей»*. При этом в документе выражалась уверенность в том, что война принесет *«всем народам свободу и независимость... и освобождение поневоленных народов»*.

Использование украинцев-галичан планировалось против русских войск, в составе которых воевало также большое количество уроженцев Украины. Ведущий сотрудник австро-венгерской разведслужбы Максимилиан Ронге отмечал, что стремления многочисленных национал-активистов

«...фон Сливинского, Дашинского, д-ра Трильовского, д-ра Кость Левицкого, фон Василько использовать национальное движение в Польше и Украине для формирования легионов

получили тем более горячий отклик, что они сулили в перспективе заметное усиление действующей армии. Уже в начале августа было начато формирование польского легиона в Львове и Кракове. Экипировку взяло на себя имперское военное ведомство, все же остальное было возложено на разведывательное отделение Главного командования. Полковник Гранилович совместно с образованным 16 августа обществом «Высший польский национальный комитет» взялся горячо за дело, оно принесло ему, однако, мало радостей. Требовалась масса усилий, чтобы создать боевую часть. Однако надежда на большой приток людей из русской Польши и на всеобщее восстание не оправдалась...

...Успехи польских легионеров в разведслужбе далеко не оправдали возложенных на них надежд. Кроме того, для нас возникли опасения, что в Швейцарии, Голландии и Дании среди изъявивших желание поступить в легионы проникли и русские разведчики».

28 июня 1914 года тысячные колонны сечевиков, «пластовцев» и «соколов» промаршировали по Львову, выражая единое желание — поскорее отправиться на войну с Россией в составе украинской воинской единицы. Для таких надежд были основания, ибо еще в 1851 году император Австро-Венгрии издал указ, в соответствии с которым в случае начала войны получали право на существование различные добровольческие воинские союзы. При этом в указе отмечалось, что в добровольческих частях не предусмотрено офицерских званий, а также централизованного обеспечения от военного ведомства.

В июле 1914 года в Галиции была создана Центральная боевая управа (ЦБУ), ставшая инициатором обращения к властям края о создании национального воинского соединения — Легиона Украинских сечевых стрельцов (УСС). Верноподданническая петиция была удовлетворена, разрешение на формирование Легиона было получено. На просьбу Управы выделить из императорской армии для обучения легиона 100 украинских офицеров командование ответило выделением лишь 16 офицеров. Формирование украинского легиона велось в соответствии с императорским патентом 1851 года, который предусматривал создание военизированных добровольных объединений. С началом Первой мировой войны подобные легионы были созданы также поляками и албанцами и предназначались для ведения боевых действий в тылу врага.

Формирование Легиона УСС было встречено с радостью главой украинских униатов Андреем Шептицким:

«Дорогие мои, в очень важное время ведется война между нашим цесарем и московским царем, война справедливая с нашей стороны. Московский царь не мог перенести, что в Австрийской державе мы, украинцы, имеем свободу вероисповедания и политическую волю. Он хочет забрать у нас эту свободу, заковать нас в кандалы. Будьте верны цесарю до последней капли крови»
[\[10\]](#).

По словам летописца Легиона УСС Осипа Думина, на формирование Легиона откликнулись тысячи добровольцев, среди которых было много интеллигентной и хорошо образованной украинской молодежи. В течение нескольких дней был сформирован 1-й курень (батальон) Легиона, который возглавил армейский офицер Дмитрий Витовский. До войны Витовский был активным деятелем Сечи, организовал побег из тюрьмы своего друга, взятого под стражу за убийство в Галичине польского графа Потоцкого.

В Легион изъявили желание вступить 28 тысяч человек, однако власти разрешили создать часть лишь из 2 тысяч сечевиков. В ответ на это сечь выбросила лозунг «*Все или никто!*». После этого демарша власти разрешили увеличить состав Легиона на 500 человек.

Официально Легион начал формироваться в августе 1914 года в Львове, затем в Стрые. 2500 легионеров были разделены на два батальона (куренья) и один полубатальон.

Первоначально батальоны Легиона делились на роты (сотни) по 220 человек в каждой. Каждая сотня состояла из 4 взводов (чет), а те, в свою очередь, из 3 отделений (роек) по 10–15 человек. Численность роты в боевых условиях обычно достигала 100–150 бойцов, а также 2 ремесленников, писаря и его помощника. Батальоном командовал майор (атаман), ротой — капитан (сотник либо хорунжий), впоследствии — лейтенант. Возглавляли Легион офицеры Австро-Венгерской армии.

По своему статусу до 1915 года Легион УСС являлся добровольческой военизированной организацией, в связи с чем в нем были введены не офицерские звания, а командные должности, которые именовались в соответствии со старинными казачьими традициями (атаман, хорунжий, булавный и пр.). Все офицеры легиона были приравнены к военным чиновникам.

10 августа 1914 года австрийцы выделили Легиону УСС оружие —

тысячу устаревших австрийских винтовок Верндля. Это оружие было снято с вооружения в 1888 году, кроме того, винтовки были тяжелыми, однозарядными и без ремней. С последней проблемой легионеры быстро справились, привязав вместо ремней веревки.

Первое боевое крещение усусусы должны были получить в ожесточенных боях под Радзивилловом, но командир Легиона, несмотря на приказ высшего командования, отказался ввести в бой плохо вооруженных сечевиков, за что лишился своей должности.

Генеральный штаб Императорской австро-венгерской армии стремился к назначению на пост командира своего офицера Станислава Шептицкого (брата митрополита Андрея). Такое стремление вызвало отпор со стороны Украинской боевой управы и особенно К. Трильовского. На вакантную должность был назначен сын священника из г. Бучача, бывший директор Рогатинской гимназии, поручик запаса Михаил Галущинский.

В сентябре 1914 года украинские сечевики были перевезены эшелонами в г. Мукачево и приданы австрийской группировке генерала Гофмана. Позднее подразделения УСС были расквартированы в селах Горонде и Страбичеве (венгерский Мезетеребеш).

Усусусы попали в самый центр русского наступления, в результате которого Российская армия овладела Галицией, а австро-венгры потеряли в боях до 400 тысяч солдат и офицеров. Вот что писал в своем письме брату-митрополиту полковник С. Шептицкий:

«Россияне атакуют. Мы понесли поражение. В районе Гнилой Липы идут тяжелые бои. Твое крестьянское войско, твои Украинские сечевые стрельцы, боя еще не видели даже издалека, но известно, что при первой же возможности собираются «со славой» сдаться москалям».

Воинский дух сечевиков заслуживал низкой оценки, они не стремились проливать свою кровь за интересы Австро-Венгрии. Русские войска, взяв в плен украинцев, опрашивали их и с миром отпускали по домам. Были и такие, кто наилучшим образом проявил себя в боях, что позволило генералу Гофману назвать Легион УСС своей элитой.

7 сентября была утверждена структура Легиона УСС и назначены командиры подразделений. Основной воинской единицей Легиона стала сотня, входившая в состав куреня (батальона). Всего в Легионе на это время насчитывалось 2 куреня и 1 полубатальон, состоящие из 4 сотен. Каждая сотня, в свою очередь, состояла из чет (взводов), а те, в свою

очередь, из 4 отделений (роев). Средняя численность сечевиков в сотне — 150–200 человек, среди которых были портной, шорник, писарь и его помощник, по два телефониста.

Командирами подразделений были украинские офицеры, некоторые из них впоследствии стали известными деятелями Компартии Западной Украины и Красной Армии. Командиром 3-го полубатальона был галичанин Степан Шухевич, сын которого Роман впоследствии возглавил борьбу Украинской повстанческой армии против «Советов». Другой офицер Легиона — Андрей Мельник возглавил «старую» Организацию украинских националистов.

В том же месяце Легион был размещен в Закарпатской долине, где среди его личного состава начали ходить слухи о дальнейшей судьбе всего формирования. В австро-венгерском Генштабе склонялись к реализации авантюрного «плана Небеля», предусматривавшего формирование на базе Легиона многотысячной Украинской армии. Под руководством полковника Шептицкого армия должна была пробиться с территории союзной Турции через Кавказ и Кубань на Украину, чтобы провозгласить ее суверенной державой. Изменение обстановки на фронте в пользу русских войск уничтожило в зародыше план Небеля. 10 сентября генерал Гофман отдал приказ о введении Легиона в бой. Некоторые сотни Легиона были использованы на передовой против наступавших частей 2-й Кубанской казачьей дивизии, где понесли значительные потери.

22 сентября в Мукачево прибыл офицер австро-венгерского Генштаба хорват Кватерник с планом, предусматривавшим использование украинцев малыми подразделениями за русской линией фронта в качестве диверсантов и разведчиков. Всего предполагалось создать 50 групп по 20 сечевиков в каждой. Попытка реализации плана также окончилась неудачей. Большинство групп было фактически насильно присоединено к действующим частям Австро-Венгерской армии их командирами. Лишь несколько групп сумели проникнуть в российский ближний тыл. Весь их «боевой путь» включал в себя обрыв телефонного провода у Дрогобыча и сбор обрывочных сведений о русских войсках. Неудача с посылкой разведывательно-диверсионных групп вынудила генерала Гофмана отказаться от дальнейших попыток дестабилизации русского тыла.

В сентябре 1914 года батальоны Легиона были присоединены к армейской группировке под командованием Гофмана (впоследствии XXV армейский корпус) в составе 55-й дивизии и отдельно — 131-й бригады.

7 октября 1914 года сотни усусусов заняли оборону на отрогах Бескидских гор против войск Русской армии, прорвавшей австрийскую

оборону еще 27 сентября. Вскоре австро-венгерские войска, усиленные подошедшими резервами, контратаковали противника и в бой были введены сечевики. Украинцы шли в авангарде австрийского наступления, принимали участие в боях за Борислав и Дрогобыч и вскоре вышли к Карпатам. Особенно ожесточенные бои развернулись на позициях близ г. Синевидного, где украинцы отбивали контратаки русских войск. Одна из сотен Легиона в боях у с. Веречко потеряла 63 бойца.

В ноябре 1914 года в Карпатах развернулось наступление русских войск под командованием генерала Брусилова. В тяжелых боях с атакующим противником стрельцы понесли тяжелые потери.

В этом же месяце в высших эшелонах армейского командования был реанимирован план создания украинского экспедиционного корпуса, который в составе турецких войск планировалось высадить на Черноморском побережье. В Турцию была направлена делегация Боевой управы во главе с М. Галущинским. Галичане поставили перед австро-венгерским командованием основное условие своего участия в данном проекте — доведение Легиона УСС до 5 тысяч человек и согласие на провозглашение Украинской державы в случае успешного наступления на Украину. План реализовать не смогли в связи с разгромом Турецкой армии русскими войсками.

Одновременно в Легионе шло переформирование. Из 3 куреней создали 2 укрупненных под командованием Степана Шухевича и Сеня Горука. М. Галущинский был откомандирован в штаб Гофмана.

В декабре 1914 года Русская армия начала наступательную операцию в направлении Бескидских перевалов, имея целью прорыв в Закарпатье. Усусусы в первой половине декабря обороняли позиции у Свалявы, где только пленными потеряли сотню стрельцов. Немало потерь сечевики понесли от мороза.

В начале января 1915 года австрийцы развернули наступление на русские позиции. Особенно ожесточенные бои шли за гору Маковка, где после сильнейшего артобстрела русские войска начали наступление на хорошо укрепленные позиции украинцев. В авангарде наступления шла кавалерийская дивизия генерала А. М. Каледина, но ее натиск был отбит пулеметами. До мая обе стороны не предпринимали в этом районе решительных действий. 1 мая начался решающий штурм Маковки, в ходе которого было пленено несколько австрийских сотен и частично две сотни украинцев. Прорыв фронта расширялся. В ночь на 2 мая в бой вступил курень Г. Коссака, на следующий день в бой был введен весь Легион УСС. 4 мая русским войскам удалось разбить 129-ю австро-венгерскую бригаду и

занять район Маковки. В боях за гору в плен к русским войскам попали 35 усусусов, погибли 42 сечевика, 76 были ранены.

С 19 апреля по 10 июня 1915 года немецко-австрийские войска начали Горлицкую наступательную операцию, в результате чего была прорвана российская оборона и наступление развивалось в направлении Перемышль — Львов. Российская армия оставила Галицию. В ходе наступления украинские легионеры двигались в авангарде наступления 2-го австрийского корпуса. В районе села Лисовичи русскими войсками были окружены и попали в плен около 180 легионеров во главе с сотником Осипом Букшованным.

27 июня легионеры вступили в город Галич, где комендантом района был назначен сотник Витовский. Со 2 июля развернулось ожесточенное сражение за местечко Золотая Липа. В ходе боев Легион понес значительные потери, из-за чего был отведен с передовой.

К этому времени пополнение Легиона УСС происходило за счет запасной украинской части, именуемой «Кош». В марте 1915 года в Коше насчитывалось до 250 человек.

Помимо Коша, в Легионе был создан «ВіснКіи» под командованием Мирона Тарнавского. В 1916 году этот учебно-тренировочный центр был подчинен группе немецких войск, где сечевики готовились под присмотром немецких инструкторов.

Кроме Коша, к Легиону СС относились сборная станция УСС во Львове и Станиславе, три комиссариата УСС на Волыни и сборный пункт в прикарпатском Сигете. В Вене находилась боевая управа Украинских сечевых стрелцов.

Весной 1915 года руководство украинских национальных организаций во главе с Союзом освобождения Украины обратилось к австрийскому монарху с просьбой развернуть Легион УСС до 12 тысяч человек, а Кош — до 5 тысяч. При этом предполагалось переформировать Легион в пехотную бригаду. Монарх дал принципиальное согласие, но окончательное решение вопроса предоставил армейскому руководству. Предложение украинцев было благополучно «похоронено», но в это же время началось создание нескольких польских легионов под командованием Юзефа Пилсудского.

Одновременно широкую работу на южных границах Российской империи пыталась развернуть армейская разведслужба Австро-Венгрии. Так, прибывший в апреле 1915 года в Иран в качестве атташе оберлейтенант Генерального штаба Геллер пытался организовать спецоперацию по освобождению 40 тысяч австрийских военнопленных, размещенных в Туркестане. В конечном итоге он был захвачен российскими

контрразведчиками. Германский военный атташе фон Канниц безуспешно пытался организовать повстанческое движение в Туркестане, но был убит в феврале 1916 года.

23 июля 1915 года на фронт прибыл великий князь Карл. На встрече с офицерами Легиона УСС Г. Коссак обратился к нему с просьбой разрешить реорганизовать Легион УСС в полк. Великий князь благосклонно воспринял просьбу. Разрешение на формирование полка УСС было получено, и в состав новой части вошли 3 батальона (курень), численность запасного Коша доведена до 500 человек. На вооружение Легиона поступили 4 станковых пулемета «шварцлозе» (пулеметная сотня — 3 офицера и 80 сечевиков), орудия, тяжелые и легкие минометы, гранатометы и огнеметы, до этого времени на вооружении украинцев не состоявшие.

В 1916 году командиры подразделений Легиона были приравнены по своему статусу к офицерам и унтер-офицерам Австрийской армии.

В 1917 году в составе Легиона УСС были организованы подразделение противогазовой службы и инженерная сотня.

Еще в 1914 году была предпринята попытка формирования конного подразделения Легиона. Конница была создана при подразделении сотника Фаркаша, однако вплоть до конца боевого пути Легиона так и не была до конца укомплектована конским составом. Личный состав сотни использовался в основном на разведывательной и связной службе и лишь раз вступил в бой с русской конницей весной 1915 г. на Подолье.

Санитарная служба Легиона УСС насчитывала в своих рядах 40 человек, однако украинские офицеры доктор Рихло и А. Беляй создали медицинские подразделения в других частях Австро-Венгерской армии.

Обоз сотни Легиона УСС обычно состоял из 4 возов и 1 полевой кухни. После формирования полка УСС все обозы сотен были сведены в один обоз, включавший в себя 70 возов и 150 коней.

Пресс-квартира Легиона УСС в Вене выполняла функции пропагандно-просветительского органа и имела свои подразделения в полку и учебных структурах.

Основой униформы сечевиков были полевые мундиры и брюки, принятые в Австро-Венгерской армии. На головном уборе вместо номера части, обозначающего принадлежность к тому или иному подразделению, сечевики носили тканую кокарду-розетку синежелтого цвета. Впоследствии австрийские кепи были заменены на кепи-«мазепинки», имевшие в передней части V-образный «вырез». С 19 января 1917 года сечевикам было официально разрешено ношение «мазепинки» с особой кокардой — с изображением галицкого льва.

Система стрелецких знаков различия была построена также на основе австро-венгерской, с учетом отсутствия в Легионе УСС званий, замененных должностями. С 27 декабря 1916 года в Легионе были введены петличные обозначения должностей. На синих нашивках-«паролях» размещались шестиконечные звезды в комбинации с желтым и золотым галунами различной ширины. Первоначально расположение петличных звезд было таким же, как в других частях Австро-Венгерской армии, а с 1915 года располагались рядами параллельно нижнему краю петлицы. С лета 1916 года синие «пароли» были заменены узкой синежелтой лентой, а звезды прикреплялись перед ней на отворот воротника мундира.

В период переформирования и после него Легион-полк принимал участие в боевых действиях в междуречье Серета и Стрипы. В боях под селом Семаковцы украинцы потеряли 48 человек убитыми, когда два куреня бросили на ликвидацию российского прорыва. Семаковцы дважды переходили из рук в руки. В последующих боях погибли еще 39 галичан и около сотни попали в плен.

После тяжелых боев Легион был отведен с передовой и пребывал в тылу вплоть до мая 1916 года.

4 июня 1916 года началось крупномасштабное русское наступление на австро-немецкие позиции у р. Стрипы. После массовой артиллерийской подготовки русские войска пошли вперед, австрийцы начали отступление. К концу июля наступление выдохлось. Полк УСС с новым командиром — подполковником Антоном Вариводой без боя отступил до м. Бережаны и укрепился в районе горы Лисони. В это время в его составе находились 47 офицеров и 1685 стрелцов. Австрийское командование прикрыло украинцами наиболее важный участок — железнодорожную ветку Подгайцы — Бережаны. 12 августа передовые части русских войск потеснили галичан, но на другой день положение было восстановлено. В начале сентября русская кавалерия прорвала австрийские позиции у Лисони, чем создала угрозу окружения частям Легиона. В бой были брошены подразделения Романа Сушко и Андрея Мельника. Затяжной бой в окружении шел на протяжении нескольких дней. Гора Лисоня несколько раз переходила из рук в руки. Много легионеров было убито, немалое их количество попало в плен. В их числе были сотники А. Мельник, Р. Сушко. Всех пленных галичан направили в тыловой лагерь для военнопленных в Киеве.

На замену австрийцев и украинцев были переброшены в район Лисони две турецкие дивизии. 16 сентября русские войска штыковой атакой выбили турок с позиций и пробили брешь в обороне противника, выйдя в

тыл и фланг Легиону УСС. Контратака украинцев остановила прорыв, однако турецких позиций не вернула.

29 сентября российские войска начали третий штурм австрийской обороны в районе Лисони. Русские части полностью уничтожили венгерский полк и окружили Легион УСС. Из кольца удалось выйти лишь его командиру и двум малочисленным группам сечевиков. В результате сражения у Лисони в строю осталось лишь 150 сечевиков и 16 офицеров. Погибли и попали в плен 700 легионеров.

В октябре 1916 года остатки Легиона были выведены в учебно-тренировочный центр УСС в Развадове. Командиром этого украинского учебного центра был М. Тарнавский. Помимо центра в Развадове, были открыты офицерские курсы в Трускавце, в Раздолье готовился унтер-офицерский состав. В это же время в составе Легиона УСС была создана гуцульская сотня численностью 180 солдат и офицеров. Первоначально австрийское командование планировало передать данную единицу в Закарпатье для участия в боевых действиях в районе Большого Бычкова, но украинцы отказались подчиняться австрийским офицерам. В мае 1917 года гуцулы были влиты в состав Легиона.

17 февраля 1917 года полк УСС вернулся на фронт и занял позиции близ села Куропатники под Бережанами. Численность украинского формирования, по сути, приближалась к численности батальона (куреня), состоявшего из 4 рот (сотен). Вернулся в Легион бежавший из плена О. Букшованный. Сосланный в Сибирь, он сбежал через Туркестан в Персию, после чего сумел легализоваться в Турции. Вместе с турецкими частями вернулся в Легион. После февральских событий 1917 года в Петрограде на фронте воцарилось затишье. Украинские сечевики также не очень стремились погибать за Австро-Венгрию, т. к. решением монарха Галичине даровалась автономия, фактически отдававшая ее во власть Польши. На фронте началось братание. По свидетельству очевидца, после Февральской революции симпатии галичан стали все чаще относиться к революционной России, которая провозгласила свободу всем нациям, а после создания Центральной рады на Украине и украинизации фронта симпатии к России переросли во враждебность к Австрии.

26 мая 1917 года на совещании офицеров Легиона УСС было принято решение распустить полк и его учебные подразделения, при этом сохранив национальную военную организацию. После этого предполагалось распустить всех добровольцев по домам для участия в борьбе за независимость Галичины.

Между тем ситуация на фронте обострилась. 18 июня 1917 года

началось русское наступление, братание закончилось. После артподготовки русские войска пошли вперед, прорвав линию обороны. Во время обстрела была перебита четвертая рота Легиона, занимавшая передний край. Через двое суток в русский плен попала большая группа сечевиков, после чего в полку остались только 450 человек. С радостью сечевики сдавались в плен украинизированным частям противника, имевшим к тому времени желто-синие знамена. В Тернополе пленных привечали представители Украинской Народной Республики, в Дарницком лагере военнопленных под Киевом — глава правительства УНР Владимир Винниченко. Некоторые галичане вступили в украинские сечевые части под командованием Евгения Коновальца.

11 июля 1917 года австро-венгерские войска прорвали русский фронт и заняли Тернополь.

В ноябре 1917 года Центральная рада Украины провозгласила 3-й Универсал — документ, утверждавший создание Украинской Народной Республики (УНР) в федерации с Россией. 23 декабря Всеукраинский съезд Советов в Харькове провозгласил Украину Советской Республикой.

Офицерство Легиона УСС на своем 2-м съезде решало судьбу украинского формирования. Часть офицеров высказалась за полный разрыв с австро-венгерскими властями в связи с их желанием отдать Галичину полякам, другие утверждали, что невозможно воевать с противостоящими Легиону украинскими частями. Д. Витовский настаивал на сохранении Легиона как боевой национальной единицы для ведения борьбы за национальную независимость Галичины. Австрийское командование было недовольно атмосферой, царившей в полку, и настроением его личного состава, в результате чего с поста командира был смещен М. Тарнавский.

С 8 февраля 1918 года на Украину стали прибывать революционные» части и заняли Киев. Лишившаяся власти Центральная рада подписала с немцами договор, согласно которому в середине февраля 23 немецкие дивизии начали наступление и захват Украины. Австро-венгерские войска также не остались в стороне. Легион УСС перешел Збруч и двигался походным порядком на Правобережную Украину. В составе Легиона действовала агитационная сотня, но ее деятельность была скоро свернута в связи с «пробольшевистскими настроениями крестьянства».

Тем временем на сторону Русской армии перешел польский легион. Во избежание повторения аналогичного демарша со стороны военных формирований из числа национальных меньшинств монархии австрийское командование разоружило оставшиеся польские части и подготовило аналогичную участь Легиону УСС. На защиту легионеров встали

украинские депутаты сейма в Вене и некоторые высшие армейские офицеры. Легион оставили в покое, назначив его командиром сына эрцгерцога Австро-Венгрии Вильгельма Габсбурга, получившего среди украинцев прозвище Василь Вышиванний за любовь к расшитым украинским сорочкам-вышиванкам.

Первые бои с советско-украинскими войсками усусусы вели под Херсоном. Сам город взяли без боя, затем пали Никополь и Александровск (ныне Запорожье). После установления немецкого контроля над Украиной Центральная рада была распущена, а формальная власть перешла к гетману Павлу Скоропадскому. В таких условиях Легиону УСС поручалось укреплять власть местных помещиков, участвуя в карательных акциях против селян. Офицеры и командиры украинского Легиона отказывались выполнять приказы австро-немецкого командования, за что Легион попал в опалу. Командир Легиона Василь Вышиванний был обвинен в том, что не сумел до конца подчинить Легион командованию и поддержать военной силой Скоропадского.

Результатом опалы стал приказ командования, отменивший формирование третьего батальона. В начале октября 1918 года украинские послы в Вене обратились к австрийским властям с просьбой перевести Легион во Львов, однако австрийцы отправили его «куда подальше» — на Буковину, где он и пребывал до 1 ноября 1918 года.

На этом этапе закончилась боевая четырехлетняя история украинского Легиона в составе Императорской австро-венгерской армии.

Более поздняя история украинских сечевых стрельцов связана с деятельностью бывшего офицера Австро-Венгерской армии Евгения Коновальца, создавшего галицийско-буковинские украинские отряды. Отряды сечевиков участвовали в боях с советскими частями под Киевом и в самой украинской столице. После поражения под Киевом галийско-буковинский курень отступил на Житомир, Коростень и Сарны. В марте 1918 года трехтысячный полк сечевых стрельцов вновь маршировал на Киев среди немецких колонн. Восстановленный немецкими штыками гетман П. Скоропадский предложил сечевикам перейти к нему на службу, но после отказа расположение легионеров было окружено немецкими частями, что вынудило усусусов сложить оружие.

Впоследствии бывшие сечевики Легиона УСС воевали в составе армий всех воюющих сторон Гражданской войны. Большая часть сечевиков приняла участие в кровопролитных боях за Львов — столицу Западно-Украинской Народной Республики.

Часть бывшего офицерства УСС сделала карьеру в правительстве

Советской Украины. Так, Г. Коссак преподавал историю Украины в школе червонных старшин в Харькове. Командир технической сотни Легиона УСС поручик Сияк вступил в ряды Коммунистической партии большевиков по рекомендации В. И. Ленина, в 1920 г. служил управделами Галицийского ревкома. В 1918–1919 гг. разными властями он семь раз приговаривался к смертной казни, но привели ее в исполнение лишь в 1938 году его же однопартийны.

Другой известный усусус Василь Дидушок был резидентом Разведуправления Генштаба РККА в Европе.

Часть бывших легионеров во главе с Е. Коновальцем, А. Мельником, Р. Сушко и др. прошли через пламя всей Гражданской войны и оказались в эмиграции, создав национальный воинский союз — Украинскую воинскую организацию (УВО).

Ветераны Легиона УСС приняли активное участие в вооруженной борьбе за независимость Карпатской Украины в 1938–1939 гг. Впоследствии их опыт пригодился при создании 14-й украинской дивизии СС «Галичина». При создании дивизии СС ветераны Легиона вели активную призывную пропаганду, сообщая украинским хлопцам, что «СС» не что иное, как «сечевые стрельцы». Из бывших усусусов в 14-ю дивизию СС вступили бывшие сотник УСС «письменник» Николай Угрин-Безгришний и подхорунжий Дмитро Палиев.

Украинцы в вооруженных силах Австро-Венгрии и Германии

К 1914 году украинцы как граждане Австро-Венгерской империи несли службу в Вооруженных силах своей страны. В некоторых подразделениях и частях Вооруженных сил украинцы составляли более половины общей численности личного состава. Перед войной украинцы несли службу в 19 пехотных полках:

- 9-м графа Карла Иосифа Клерво де Круа (73 % личного состава).
- 15-м генерала от инфантерии барона Фридриха фон Герги (62 %).
- 58-м полковника эрцгерцога Людвиг Сальватора (72 %).
- 77-м герцога Вюртембергского Филиппа (69 %).
- 80-м великого герцога Саксен-Веймар-Айзенах, герцога Саксонского Вильгельма (68 %).
- 89-м генерала от инфантерии Евгения фон Альбори (60 %).
- 90-м генерала от инфантерии Адольфа Горзетски фон Горнталь (60 %).
- 95-м генерала от инфантерии Германа Кевеес фон Кевессхаза (70 %).

Еще в 11 полках украинцы составляли от 10 до 55 % общей численности личного состава. В 1917 году украинцы вошли еще в 7 новосозданных полков. Впоследствии, во время войны при создании ударно-штурмовых батальонов, украинские солдаты также вошли в ряды этих боевых подразделений. Доля украинцев, служивших в этих подразделениях прорыва, составляла от 14 до 53 процентов.

Частью Сухопутной армии Австро-Венгрии являлись также 11 пехотных полков территориальной обороны (ландвера). В этих частях украинцы составляли от 10 до 72 % личного состава.

Кавалерийские части и подразделения армии также несли в себе большой «украинский процент». Так, 8-й уланский генерала от кавалерии графа Карла Ауэрсперга полк имел в своем составе 80 % украинцев. В 1-м уланском полку ландвера украинцы составили 65 % личного состава.

В частях полевой артиллерии сложилась аналогичная картина:

- 23-й полк полевой артиллерии — 60 %.
- 30-й полк — 66 %.
- 31-й полк — 69 %.
- 45-й гаубичный дивизион ландвера — 60 %.

Австро-венгерская статистика также зафиксировала значительный процент украинцев в составе инженерных подразделений и обозных дивизионов. По свидетельству украинского историка Льва Шанковского, помимо Легиона УСС, в рядах Австро-Венгерской армии воевали сотни тысяч украинцев.

В армии «старшего брата» — Германии украинские части формировались под патронажем Союза освобождения Украины из числа пленных военнослужащих Русской армии. По свидетельству самих членов СОУ, первоначально «свидомых украинцев среди них было дюже мало». Впоследствии число желающих служить в украинских частях увеличилось, т. к. военнопленные видели в записи в эти части возможность быстро выехать на Украину.

СОУ удалось получить от немецких властей разрешение на ведение своей мазепинской пропаганды среди военнопленных. Основная работа была развернута в 1916 году в лагерях Радштадт, Зальцведель, Вейцлар в Германии и Фрайштадте (Австрия). В апреле 1917 года для подготовки украинских офицеров-коллаборационистов был создан особый лагерь в Миндене Ганноверском, позднее второй — в австрийском городке Йозефштадт. Помимо чтения лекций членами СОУ, украинские военнопленные черпали свою «национальную свідомість» из журналов, газет, книг.

Основная вербовочная работа шла в Радштадте, где были сформированы кадры для 1-го Запорожского им. Тараса Шевченко украинского полка, а также в Вейцларе — 2-го Запорожского им. П. Сагайдачного полка. Эти кадры послужили основой для формирования т. н. жупанных дивизий.

С развитием революционных событий в России изменялся и статус военнопленных. На начавшихся в 1917 году мирных переговорах в Берестье между украинской, австро-венгерской и германской делегациями было достигнуто соглашение об организации воинских частей из военнопленных. Украинская делегация от имени Центральной рады обратилась к военнопленным с призывом вступать в формирующиеся немцами и австрийцами украинские части.

В феврале 1918 года сформированные в немецких лагерях в Радштадте, Вейцларе и Зальцведеле кадры двух полков пехоты были перевезены на Волынь для дальнейшей организации и использования. К началу марта 1918 года здесь была сформирована 1-я дивизия синежупанников. Военнослужащие этой дивизии именовались так из-за своей униформы — сшитых из синего сукна жупанов-чумарох и шаровар.

Колоритный образ синезупанников дополняли высокие белые папахи с малиновыми шлыками и широкие красные пояса.

Дивизия синезупанников состояла из четырех пехотных полков по 1200 человек в каждом и одного артиллерийского полка. Командиром дивизии был военнопленный генерал-майор Зелинский, взятый в плен в начале войны.

Параллельно шло формирование других частей в Германии, Австрии и на территории оккупированной Волыни. В Миндене были проведены экзамены по «украинознанию» среди офицеров и их отбор в новые части. Отбыть к новым местам службы из Миндена им не удалось в связи с революционной ситуацией в Германии.

Синезупанная дивизия была переброшена немцами в Киев, где ее впоследствии разоружили и демобилизовали во время антигетманского переворота с формулировкой «за большевизм», несмотря на выказанную верность германским властям. 2-я дивизия синезупанников, формировавшаяся на Волыни, была также разоружена. Часть демобилизованных солдат и офицеров влилась в различные части Армии УНР. В период Директории была предпринята попытка возродить синезупанную дивизию, однако сформирован был лишь 7-й Синий полк, который вошел в состав 3-й Железной стрелецкой дивизии Армии УНР.

Другие украинские формирования под немецким контролем создавались из числа военнопленных и именовались «Сетевыми стрельцами», при этом к Легиону УСС отношения не имели. Эти сечевики находились в подчинении штаба Верховного командования Германской армии на Востоке, конкретно — на территориях Волыни и Холмщины. Сечевики охраняли лагерь, где формировались синезупанники. Комендантом сечевиков был поручик Микола Шаповал, бывший военнопленный, ставший в плену комендантом радштадтской Сечи. Впоследствии стрельцы Шаповала влились в ряды синезупанников.

В Фрайштадтском лагере военнопленных была организована Сечь имени гетмана П. Дорошенко, из состава которой позднее австрийцами был сформирован Первый украинский воинский курень (батальон) под командованием сотника Ганжи. Офицерами в 1-м казачьем стрелковом курене стали военнопленные украинцы из терезиенштадтского и йозефштадтского лагерей. Позднее формирование было пополнено специально откомандированными из Австро-Венгерской армии офицерами и унтерами украинского происхождения.

В конце февраля 1918 года батальон был передислоцирован во Владимир-Волынский и стал основой для развертывания на его базе

дивизии. 2-й батальон под командованием подполковника Перлика был сформирован из военнопленных, что работали на тяжелых работах на Волыни, 3-й — сотника Яковлева — был прислан из Фрайштадта. В марте 1918 года три батальона были объединены в полк. Из Фрайштадта постоянно прибывали батальоны, и к концу апреля полк уже насчитывал 4 тысячи человек. В мае 1918 года (уже при гетмане Скоропадском) полк был развернут в 1-ю казачью стрелковую дивизию. Обиходным наименованием этого формирования стало слово «серожупанники». Жупаны-чумарохи и шаровары военнослужащих были сшиты из серого сукна.

Летом 1918 года 1-я серожупанная дивизия была торжественно передана в состав Вооруженных сил УНР, и в командование серожупанниками вступил генерал Сокира-Яхонтов, затем — генерал Васильев.

В 1918 году серожупанники перешли на сторону республики. В декабре 1918 г. синежупанники воевали против большевиков под Черниговом, а во время отступления на Правобережную Украину более половины бойцов дезертировали. Из остатков дивизии была сформирована Серая дивизия под командованием генерала Пузицкого. Впоследствии серожупанники также воевали против большевиков в составе Армии УНР до ноября 1920 года.

Австро-мазепинский геноцид

События, происходившие в Галиции во второй половине XIX — начале XX века, отечественная историография предпочитает замалчивать. Между тем трагические события тех лет ярко иллюстрируют ту обстановку, в которой расцвел украинский национализм.

До 70-х годов XIX века заинтересованность в расколе среди русского населения Галиции проявляли польские сепаратисты, поощряемые Веней. Когда в начале 60-х годов «шли приготовления к польскому восстанию, агенты заговорщиков стали усердно распространять в среде галицийско-русской молодежи мысли о малорусском сепаратизме. Польская пресса начала активно печатать антирусские вирши, дышавшие ненавистью к Москве и выражающие сочувствие судьбе «несчастной Украины». В это же время Львовский торговец М. Дымет привез из России стихотворения Т. Г. Шевченко. Галицийско-русская молодежь из стихов кобзаря «вымечтала» для себя идеальную Украину, создала для себя идеальный образ запорожского казака-рыцаря.

После 1863 года, когда восстание было подавлено, в Галицию хлынули толпами польские эмигранты, которые в одночасье оказались яркими украинофилами. Наместником Галичины в это время был граф Голуховский, также поляк по национальности. Получив такую поддержку, галицийский антирусский сепаратизм расцвел пышным цветом. С 1862 года здесь начал издаваться еженедельник «Вечерница», который по воздействию на умы молодежи можно было бы назвать «проводником умеренного сепаратизма». В отличие от него газета «Мета» («Цель») отличалась яростными нападка на все русское. В «Мете» же впервые был опубликован текст песни «Ще не вмерла Украина» («Еще жива Украина»), являвшийся парафразой известной польской песни-гимна «Еще Польша не згинела» («Еще Польша не погибла»).

Эти и другие издания начали активно внедрять в сознание читателей мысль об особенном украинском языке. Некоторые господа редакторы-издатели «избавлялись» от букв «І» и «Є».

Начались преследование и травля представителей т. н. «русской партии» — так в Галичине называли всех тех, кто называл себя русским. Покровительствующие «профессиональным украинцам» поляки решали возникавшие споры в пользу мазепинцев, руководствуясь девизом «Puscic rusina па rusina» («Пустить русина на русина»).

Второй виток борьбы со всем русским и близким к нему в Галиции начал раскручиваться после Берлинского конгресса 1878 года, когда Германия и Австро-Венгрия составили единый военно-политический блок. Австрия приняла на себя обязательства всеми силами искоренять русский дух среди славян, населявших империю. Из Вены во Львов в помощь имперскому наместнику поляку Голуховскому был прислан немецкий чиновник Лебль с диктаторскими полномочиями. Результаты их работы не замедлили сказаться. В один день во Львове были арестованы редакторы всех шести русских газет. Начались репрессии против многих тысяч русских крестьян и чиновников по всей Галиции.

Поляки Галичины рассматривались венскими властями как один из противовесов русскому влиянию в крае. Большинство чиновников галицийской администрации, начиная с наместника края и кончая курьерами и жандармами, были поляками. Местная польская интеллигенция также стояла на платформе сотрудничества с австро-германскими властями. Именно здесь будущий вождь польских легионов черпал свои офицерские кадры. Поляки и «профессиональные украинцы» по замыслу Берлина и Вены противопоставлялись русским, русинам, карпатороссам и всем тем, кто не отделял себя от России.

Тяжкий уддо был нанесен Русской православной церкви. Австрийцами был арестован митрополит Иосиф. Вскоре митрополия, консистория, школы и монастыри были захвачены украинскими иезуитами и украинофилами. Репрессии против Русской церкви продолжались вплоть до 1914 года. Русских богословов, не желавших называть себя «украинцами», гнали из семинарий. Окончивших семинарию воспитанников епархиальные власти боялись рукополагать в священнический сан. Молодые священники не могли получить прихода до тех пор, пока в «торжественной обстановке», в присутствии австрийских чиновников из администрации не подпишут обязательства: *«Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, а лишь украинцем и только украинцем».*

Галицийская мазепинская пресса всячески унавоживала антирусские настроения. Выходившая здесь газета «Украинская хата» клеймила позором тех украинцев, что верой и правдой служат России, называла их изменниками. «Профессиональные украинцы» договорились до того, что начали взращивать у «свидомых украинцев» ненависть к своим ближним:

«Воистину несчастлив тот украинец, у кого российская семья... Быть сознательным украинцем и устроить себе «русскую» или польскую семью — может ли быть большая насмешка над своим «Я», над своим идеалом!

Если ты любишь Украину, ты должен пожертвовать любовью к другим географическим единицам. Если любишь свой язык, то ненавидь язык врага... Умей ненавидеть. Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом — ненависть к ее врагам... Возрождение Украины — синоним ненависти к своей жене-московке, к своим детям-кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину — значит пожертвовать кацапской родней... Если ты любишь украинский язык — иди за ним пешком, а не через российские гимназии... Посылай детей не в них, а в украинскую гимназию в Галичине — наука есть и там. Окончил сынок гимназию, посылай в университет в Львов, в Черновцы. Там также есть наука...»

Между тем большинство русских галичан как-то не спешило идти за мазепинской наукой.

Украинская газета для рабочих и крестьян «Засев» обратилась к своим подписчикам с анкетой. На вопрос, делится ли подписчик газетой с грамотными соседями, один из «свидомых» ответил: «*Читаю сам, ибо кругом живут только такие украинцы, которые любят Россию, одним словом — мотлох (сволочь)*».

Особо острые дискуссии развернулись по вопросу о языке и вскоре переросли в «азбучную войну». Австрийцы и поляки стремились навязать русскому населению Галичины латинский алфавит, однако этот фокус полностью не удался. В союзе с мазепинцами им удалось изменить правила правописания и ввести фонетическое написание русских слов латиницей с помощью «изобретателя» украинского языка П. Кулиша. В 1866 году сам П. Кулиш, поняв, что стал слепым орудием в антирусской кампании, так объяснял свое участие в создании «кулишивки»:

«...Правописание, прозванное в Галиции «кулишивкою», изобретено мною, когда все в России были заняты распространением грамотности в простом народе. С целью облегчить науку грамоты для людей, которым некогда долго учиться, я придумал упрощенное правописание. Но из него теперь делают политическое знамя. Полякам приятно, что не все русские пишут одинаково по-русски: они в последнее время особенно принялись хвалить мою выдумку: они основывают на ней свои вздорные планы и потому готовы льстить даже такому своему противнику, как я... Теперь берет меня охота написать заявление по поводу перевозносимой ими «кулишивки». Видя это знамя в неприятельских руках, я первый на него и ударю и отрекусь от своего правописания во имя русского единства...» Позднее П. А. Кулиш отрекся от украинофильства, а галицких самостийников называл «недолюдками лихими», «каликами

кривомовыми», «письменниками слепыми и пустословыми».

В 1882 году состоялся первый судебный процесс против русской общественницы Ольги Грабарь ^[11]. Поводом для преследования послужил эпизод в галицком селе Гнилички. Жители села хотели иметь самостоятельный церковный приход, но открытию церкви воспротивился настоятель прихода в Гнилищах, к которому принадлежало село Гнилички, а также львовская консистория. Крестьяне, огорченные отказом, обратились за помощью к своему помещику графу Делла Скала (православному румыну). Он предложил им перейти в православие. Крестьяне направили религиозным властям петицию, в которой назвали греко-восточную веру «верой наших отцов».

Вскоре властями были арестованы некоторые крестьяне села, а также лидер Русской партии Галичины А. И. Добрянский, его дочь Ольга Грабарь, протоиерей о. Иоанн Наумович, редактор газеты «Слово» В. М. Плошанский.

Суд признал Плошанского, о. Наумовича и двух крестьян виновными в действиях, направленных на возбуждение ненависти или презрения к австрийской державе. Их приговорили к нескольким месяцам тюрьмы. Отец Наумович получил 8 месяцев тюремного заключения, через 6 месяцев он был временно выпущен под залог, пока его кассационная жалоба рассматривалась в Вене. Вернуться в свой приход он не смог — его отобрали духовные власти, после чего последовало его отлучение от церкви. Кассация успеха не принесла — о. Наумович отбыл 8 месяцев в тюрьме и был освобожден в августе 1884 года.

Это было первое политическое судилище над представителями русского населения Галичины.

Следующим шагом проавстрийской партии «профессиональных украинцев» стало образование «Народной рады», объединявшей в себе наиболее рьяных мазепинцев. Народовцы заключили соглашение (унию) с австрийским наместником графом Бадени и митрополитом униатской церкви Сильвестром Семибратовичем. Этот союз был пропагандирован ими как наступление «новой эры в украино-польских отношениях». В ноябре 1880 года народовцы во всеуслышание сообщили, что галичане к России никакого отношения не имеют и всецело преданы Римско-католической церкви и Австрии.

В 1891 году окончательно слились два религиозных течения — униатская церковь Галичины и католичество. Униатами были введены в календарь никогда ранее не праздновавшиеся католические праздники и изменено положение самой униатской церкви. В 1892 году официально-

насильственным путем было введено новое фонетическое правописание.

В 1897 году, во время выборов депутатов в галицкий парламент, Галичина была залита кровью крестьян — так власти и мазепинцы понимали свою «демократию». В крае были убиты воинскими командами и мазепинцами сотни русских крестьян, многие попали в тюрьмы. В 1907 году только в одном городишке Горуцк Дрогобычского уезда австрийские жандармы расстреляли пятерых крестьян.

Несмотря на репрессии, убить русский дух австро-мазепинцы не смогли. Наоборот, в начале XX века крестьянское население Галичины и Буковины полностью отождествляло себя с Россией и заявляло о себе в полный голос. В венский парламент русской общественностью была направлена петиция, которую подписали более ста тысяч галичан:

«Высокая палата! Галицко-русский народ по своему историческому прошлому, культуре и языку стоит в тесной связи с заселяющим смежные с Галицкой земли малоросским племенем в России, которое вместе с великорусским и белорусским составляют цельную этнографическую группу — русский народ. Язык этого народа, выработанный тысячелетним трудом всех трех русских племен и занимающий в настоящее время одно из первых мест среди мировых языков, Галицкая Русь считала и считает своим и за ним лишь признает право быть языком ее литературы, науки и вообще культуры. Доказательством этого является тот факт, что за права этого языка у нас в Галиции боролись такие выдающиеся деятели, как епископы Яхимович и Иосиф Семибратович, ученые и писатели Денис Зубрицкий, Иоанн Наумович, Устианович, Дедицкий, Головацкий, Площанский, Добрянский, Петрушевич, Гушалевич, из младших же — Залозецкий, Свистун, Хиляк, Мончаловский, Иван Левицкий, Дудыкевич, братья Марковы, Вергун, Яворский, Святитский, Глебовицкий, Глушкевич, Полянский и многие другие. Общерусский литературный язык у нас в Галиции в повсеместном употреблении. Галицко-русские общественные учреждения и студенческие общества ведут прения, протоколы, переписку на русском литературном языке. На этом же языке у нас с издавна издавались и теперь издаются ежедневные временные издания, как «Спас», «Пролом», «Червонная Русь», «Галичанин», «Беседа», «Страхопуд», «Издания Галицко-русской матицы», «Русская библиотека», «Живое слово», «Живая мысль»,

«Славянский век», «Издания Общества им. Михаила Качковского», расходящиеся в тысячах экземпляров».

Далее в петиции приводились требования свободы изучения и преподавания русского языка, истории и права на русских землях, входивших в состав Австро-Венгрии.

В пригородах Львова, в обычных селах в начале XX века было установлено более 30 памятников А. С. Пушкину.

Еще больше австроукраинцев беспокоил развивавшийся процесс возвращения униатов в православие. По значительным православным праздникам верующие из Галичины устремлялись крестными ходами через границу в Почаевскую лавру.

В 1912 году по обвинению в государственной измене в Галичине были арестованы русские православные священники Максим Сандович, Игнатий Гудима, Семен Бендасюк и В. А. Колдра. Впоследствии судилище над ним называли «делом Бендасюка». Рассмотрение дела окончилось приговором, по которому все фигуранты получили по два года тюремного заключения. В 1914 году за день до начала Первой мировой войны Семен Бендасюк выехал в Россию, чем избежал повторного ареста. В это же время австрийцами был арестован отец М. Сандович. Его расстреляли, а его супругу отправили в концлагерь Талергоф, где у нее родился сын. Отец Игнатий Гудима также был брошен в Талергоф, где под пытками сошел с ума. В. А. Колдра укрылся в России.

В том же году на Буковине состоялся т. н. «процесс братьев Геровских», где в государственной измене обвинялись братья Георгий и Алексей Геровские.

Георгий Иулианович Геровский был знаменитым карпаторусским филологом, автором «Карты наречий Подкарпатской Руси». Изучив языковую среду Буковины, Геровский стал убежденным проводником идеи происхождения языков всех русских народностей от языка русского.

Алексей Геровский в 20-е годы стал политическим предводителем движения карпатороссов, юрисконсультom Карпаторусской автономной Православной церкви, находившейся в 20-е годы под юрисдикцией Сербского патриархата.

В 1912–1914 годах на территории Венгрии шли судебные процессы над карпаторусскими крестьянами (94 человека) во главе с их духовным вождем иеромонахом Алексием Кабалюком. Крестьян преследовали за переход в православие.

В 1912 году председатель «украинского клуба» в австрийском

парламенте доктор Кость Левицкий во время заседания делегаций внес от имени своего клуба министру обороны запрос, фактически являвшийся одновременно клеветой и доносом на русское население Галиции:

«Известно ли Вашему Превосходительству, что в Галиции существует много русофильских бурс (общежитий) для учащейся молодежи, воспитанники которых получают право одногодичной военной службы и достигают офицерского чина? Как выглядят наши шансы в войне, если в армии среди офицеров столько врагов-русофилов? Известно ли Вашему Превосходительству, что среди населения крутится масса русофильских шпионов, которые кишмя кишат, а русские рубли катятся между народом? Что намерены сделать Ваше Превосходительство, чтобы на обучающей войны обезопаситься перед русофильской работой, которая между народом так расширяется?»

Другой австрийский подпевала, депутат Смаль-Стоцкий, в своей речи долго распинался от имени всех «профессиональных украинцев» в благодарности австро-венгерскому монарху, затем сделал клеветнический донос на русских галичан, назвав их «*мобилизованной армией России в империи Габсбургов*».

Этот «пас» мазепинца был принят министром внутренних дел Ауфенбергом, заявившим, что «*те, кто обязан, силой прекратят русское движение в Галичине*».

После такого призыва власти развязали «профессиональным украинцам» руки в преследовании тех галичан, кто ощущал неразрывную связь с Матерью-Россией. Доносы их в австрийские инстанции были немудрящими: «*Считаю своим гражданским долгом сообщить, что следующие лица... (шло перечисление имен и фамилий) являются рьяными русофилами*». Власти также обратились к полякам и к евреям с воззванием, предлагающим вознаграждение за доносы в размере от 50 до 500 крон.

С 21 июня по 21 августа 1915 г. в Вене шел процесс против «государственных изменников» В. М. Куриловича (депутат парламента), К. С. Черлюнчакевича (адвокат из Перемышля), Н. Г. Драгомирецкого (адвокат из Золочева), Д. Г. Янчевецкого (журналист, корреспондент «Нового времени»), Ф. Дьякова (крестьянин села Вербища), Г. Мулькевича (кузнец из Каменки-Струмиловой).

Столь разных по своему социальному статусу людей объединяла русская идея. Сущность предъявленных обвинений состояла в следующем:

после объявления всеобщей мобилизации они продолжали состоять Членами Русского народного совета (РНС) и прочих русских обществ, были основателями Карпато-Русского освободительного комитета и *«как зачинщики предпринимали нечто угрожавшее отпадению от Австро-Венгерской империи Галиции, Буковины и части Венгрии»*.

В качестве улик на процессе фигурировали русские печатные издания, выписывавшиеся подсудимыми при помощи имперской же почты.

Особенность процесса — свидетели. На процессе их выступило множество. Все они были из числа «профессиональных украинцев». Эти господа выдвигали в суде свидетельства об антиавстрийской деятельности обвиняемых, одно нелепее другого. Так, отставной советник суда в Черновцах В. Ясеницкий сообщил суду, что «русский» в национально-культурном отношении — пустое слово, за которым скрывается государственная измена.

Василий Яворский из Нового Сонча заявил, что в 1897 году в Н. Сонче состоялось собрание «москвофилов», на котором все ораторы хвалили Россию, утверждали, что там население платит налогов гораздо меньше и имеет больше земли. В конце своего выступления Яворский подытожил — все лемки ^[12] и священники на Лемковщине — это русофилы и изменники. Редактор мазепинской газеты «Дело» Ярослав Веселовский утверждал, что деятельность Русского народного совета имела целью присоединение Галичины, Буковины и части Венгрии к России. По его информации, подсудимый Дудыкевич после начала войны был принят императором Николаем II, а РНС имеет тесные связи с Синодом, русскими властями и обществами. Веселовский договорился до того, что РНС занимается вербовкой солдат для Русской армии.

Адвокат из Золочева Федор Ваньо, выступавший на суде в качестве свидетеля-эксперта, прямо заявил следующее:

«Кто употребляет русский язык, тот не может быть хорошим австрийцем, хорошими австрийцами являются только украинцы, потому-то все члены «русской партии» — изменники, ибо они не украинцы».

Профессор А. Колесса утверждал, что лидеры «русофилов» старались убедить народ в том, что он русский и его родным языком является русский.

Выступил на процессе и один из главных «свидомых добродиев» Кость Левицкий. Из его уст суд услышал, что девизом «русофилов» в

Галичине является фраза «Мы один народ с русскими». Далее депутат сообщил, что с 1907 года в Галичине ведется пропаганда в пользу России, из нее же идет денежный поток.

«Я говорил наместнику Корытовскому, что все это представляет для Австрии большую опасность и потому Австрия должна оказывать украинцам больше поддержки, чем до сих пор. Общество им. М. Качковского, гонки, молочные кооперативы и другие общества и учреждения занимались агитацией в пользу России, а в бурсах, где пелись русские песни, были портреты царя и русских полководцев. Крестьян учили измене, готовили их для России, русских офицеров осведомляли русофилы. В 1913 году, в голодный год, распределялись в Галичине рубли и хлеб из России со словами «Все это от царя».

Основывая свое обвинение на сообщениях свидетеля Ф. Ваньо о русском языке, суд пригласил в качестве основного эксперта самого авторитетного лингвиста, филолога, профессора Венского университета доктора Вацлава Вондрака. Этот ученый муж провел действительно научную экспертизу, доказавшую, что русский народ и его язык едины. Немало мужества было у профессора, не побоявшегося пойти против официальных венских установок.

Всех «русофилов» австрийский военный трибунал осудил к смертной казни. Главным обвиняемым на процессе был русский общественный деятель и публицист, депутат австрийского парламента Д. А. Марков. Даже под угрозой смертной казни Марков не отрекся от своих русских убеждений и во всеуслышание заявил, что является русским человеком.

Благодаря ходатайству короля Испании ^[13]Альфонса XIII казнь не состоялась, Маркова арестовали и посадили на хлеб и воду в «Чертову башню» в Вене.

На втором процессе против русских галичан основной мишенью украинофилов и австрийцев стали священники, адвокаты, студенты и крестьяне. Всего к ответственности были привлечены 24 человека. Обвинение состояло в том, что все они после начала всеобщей мобилизации состояли членами различных «русофильских» обществ в Галиции и Буковине и вели свою деятельность, направленную на отторжение двух земель от империи.

Процесс шел с 4 сентября 1916 года по 17 февраля 1917 года. На этом процессе свидетелями также были «профессиональные украинцы». Многие

из них к этому времени уже вели активную антироссийскую работу в различных союзах и партиях мазепинского толка. Среди них были Е. Петрушевич (будущий диктатор Украины), Стефан Баран, Лонгин Цегельский, Лев Бачинский, Николай фон Василько, Кость Левицкий и другие.

Из 24 человек — семеро были оправданы, остальные приговорены к смертной казни. Весной 1917 года после восшествия на престол нового австрийского императора Карла I все они были амнистированы.

Концлагерь Талергоф и дороги в него

Апогеем преследования тех, кто видел в России свою Родину, стал 1914 год, после официального начала Первой мировой войны. По указу австро-венгерского правительства на территории империй был создан ряд концентрационных лагерей для содержания в них «государственных преступников». Ими считались те жители Галичины и Буковины, что считали себя частью русского народа, исповедовали православие, писали и говорили по-русски. Основным местом содержания русских стал «лагерь для интернированных» в Талергофе. В период «расцвета» в нем содержалось несколько тысяч несчастных. Прежде чем попасть в лагерь, потенциальным узникам пришлось пройти через такие унижения и издевательства, что все «подвиги» инквизиции по сравнению с ними являются детской сказкой.

«Талергофская трагедия, — писала историк Н. М. Пашаева, — была трагедией всего народа Галичины. Масштабы этой трагедии многих тысяч семей были бы несравненно более скромными, если бы не предательская роль украинофилов, которые были «пятой колонной» галицкого националистического движения, помощниками австрийской администрации и военины».

Галицко-русский историк В. Ваврик писал:

«Наши братья, отрекшиеся от Руси, стали не только прислужниками габсбургской монархии, но и подлейшими доносчиками и даже палачами родного народа... Они исполняли самые подлые, постыдные поручения немецких наездников...»

В качестве примера В. Ваврик приводит Сокальский уезд, который был поленом в глазах «профессиональных украинцев», поэтому доносы на русских шли к местным властям потоком. В селе Маковисках на прихожан доносил униатский священник Крайчик. В селе Сосница украинцы Михаил Слюсарь и Михаил Кушнир донесли на своих односельчан, после чего некоторых из них жандармы повесили. Двоих крестьян — Николая Смигоровского и Андрея Гардого мадьяры-улань привязали к своим седлам и протащили четыре километра до села Задубровы и обратно, затем повесили на вербах. В Станиславской тюрьме расстрелы шли с утра до вечера.

30 сентября 1914 года в г. Мукачево были повешены священник, писарь и крестьянин. Основание — донос. Впоследствии судебное разбирательство установило, что донос был ложным. 15 сентября того же года на улицах Перемышля были заколоты штыками 40 арестованных русских интеллигентов и крестьян. Их конвоировали в тюрьму, когда толпа солдат-венгров набросилась на несчастных и начала поднимать их на штыки. В селе Скоморохи близ Сокаля были заколоты и повешены 25 человек. Примерам таким несть числа. Вся Галиция и Буковина были залиты русской кровью. Многие арестованные с надеждой ждали, когда же придет конец мучениям и их доставят в тюрьму либо концлагерь.

Ю. Яворский, переживший все ужасы того времени, оставил на память потомкам кровоточащие строки:

«Пошел подлинный, живой погром. Без всякого суда и следствия, без удержу и без узды. По первому нелепому доносу, по прихоти, корысти, вражде. То целой, гремящей облавой, то тихо, вырывочно, врозь. На людях и дома, на работе, в гостях и во сне.

Хватали всех сплошь, без разбора. Кто лишь признавал себя русским и русское имя носил. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка из России. А то и просто кто лишь был отмечен мазепинцами как «русофил».

Хватали кого попало. Интеллигентов и крестьян, мужчин и женщин, стариков и детей, здоровых и больных. И в первую голову, конечно, ненавистных им русских «попов», доблестных пастырей народа, соль галицко-русской земли.

Хватали, надругались, гнали. Таскали по этапам и тюрьмам, морили голодом и жаждой, томили в кандалах и веревках, избивали, мучили, терзали — до потери чувств, до крови».

Типичным для того лихого времени был арест 74-летнего крестьянина Михаила Ивановича Зверка:

«Меня арестовали 24 августа 1914 года по доносу одного из односельчан за то, что я читал газету «Русское слово». На рассвете ко мне явился австрийский жандарм Кобрин и, арестовав меня, без обыска отвел в м. Звенигород в полицию, где издевались надо мной вместе с комендантом Ковальским. Из Звенигорода отправили этапным порядком в Старое Село на

железную дорогу.

Здесь полицейский избил меня и моего спутника — арестанта Ивана Наконечного до крови. Во Львов мы приехали под сильной охраной в праздник Успения, и нас поместили в тюрьме «Бригидки» по Казимировской улице.

В Львове я сидел вместе с другими русскими галичанами целую неделю, а там погрузили нас в товарные вагоны и под пломбой отправили на Запад. По пути в Перемышль дали нам на обед бочку воды.

Из Львова в Талергоф ехали мы с понедельника до пятницы. В вагонах, рассчитанных на шесть лошадей или же сорок человек, находилось по восемьдесят и больше людей. Невозможная жара и страшно спертый воздух в вагонах без окон, казалось, убьет нас, пока доедем к месту назначения, в талергофский ад.

Физические мучения, которым нас подвергли австрийские власти в начале нашего ареста, были злонамеренны. Чтобы усилить их, нам никоим образом не разрешалось слезать с вагона, дверь была наглухо заперта, даже естественные надобности приходилось удовлетворять в вагоне».

Арест был предвестником больших мучений, но, несмотря на это, это была жизнь. Жизнь, полная издевательств и мучений. Многих убивали без ареста. Убивали просто так, забавы ради, прикрывая это «военной необходимостью». Массовые убийства крестьян, говоривших по-русски, происходили в зоне боевых действий, и производили их доблестные военнослужащие Австро-Венгерской армии. Следует также отметить, что офицеры австро-венгерских частей, действовавших в Галичине и на Буковине, получали от своих инстанций карты с помеченными на них «селами, зараженными русофильством». Карты эти делались на основании информации, предоставляемой мазепинцами. Последние активно шатались по селам и вели проскрипционные списки потенциальных жертв. Такой статистикой занимались школьные учителя-мазепинцы. Подобные разведбригады возглавляли активисты из «профессиональных украинцев», направляемые единым центром. Если кто-то из учителей отказывался принимать участие в этом каиновом действе, на него оказывалось давление. Один из таких учителей попал под подозрение своего «бригадира» — мазепинца Поповича. На свое прошение он услышал от него зловещую фразу: *«Не знаю вас, пане! Вы ничего не делаете!»*

В селе Букавина отступавшие с передовой мадьяры-кавалеристы поинтересовались у встретившегося им еврея, нет ли в селе «русофилов». Получив от него ответ на немецком языке, мадьяры тут же застрелили 55-летнего крестьянина Михаила Кота. Свидетелями этого преступления были крестьянин Никита Ворон и еврей Исаак Гастен. У убитого остались вдова и шесть детей.

Это пример, скажем так, террора индивидуального. Но был террор и массовый.

Крестьянин В. Р. Грицюк рассказал о судьбе своего родного села Уторопы, что в Галиции. Селу этому «не повезло» тем, что в него на два дня вошли русские войска, но затем были вынуждены его оставить. 12 сентября 1914 года в село вошли австро-венгры и мазепинцы. Первым делом они вошли в лавку, где наелись и напились. Взяв в лавке керосин, мазепинцы и мадьяры со списком в руках стали ходить по улицам села и методично поджигать один крестьянский дом за другим. В доме Ивана Стружука находилась его беспомощная старуха-мать, т. к. его самого арестовали задолго до наступления русских войск. Старуха умоляла карателей пощадить ее, но получила лишь удар прикладом по голове. Дом вместе со старухой был подожжен.

Соседнее село Коссов было сожжено целиком, при этом дети и женщины расстреливались солдатами рядом с пылавшими домами. Всего, по самым скромным подсчетам современников, в Галичине было сожжено не менее сотни сел с «русофилами».

Тем, кого арестовывали жандармы, предстояло пройти через адские муки конвоирования, когда их гнали под конвоем через города и села. Сами конвоиры никак не мешали толпе творить самосуды над «изменниками», а порой и сами подталкивали к этому городскую чернь. В колоннах гнали матерей с грудными детьми, бородатых крестьян и священников, стариков и старух. Они шли по городским улицам под градом камней, плевков, ударами палок. Разъяренные обыватели, одурманенные австро-украинской пропагандой, не стесняясь, выплескивали на них злобу к России. Особенным рвением отличались украинцы, евреи и поляки, столь желавшие быть первыми в лоскутной империи Габсбургов.

Настоятеля прихода села Стоянова о. Сохацкого, 80 лет, вели вместе с толпой арестованных крестьян с вокзала в Львове. Как только арестованных вывели из вокзала, на них набросилась толпа «сознательных граждан». Узников избивали до полусмерти, при этом охрана в драку не вмешивалась.

А. И. Веретельник стал свидетелем следующей драмы: с вокзала в

тюрьму «Бригидки» конвоировали крестьян и православного священника. На Городецкой улице на них напала толпа «профессиональных украинцев» и поляков. Батюшку забили камнями. Последний удар по голове прикладом нанес сам конвоир. Труп священника солдаты быстро подобрали и унесли в тюрьму.

Местная польская и мазепинская печать захлебывалась от радости, сообщая читателям о результатах охоты на людей. Украинские газеты «Дело» и «Руслан» на своих страницах даже помещали фельетоны о том, как расстреливали и вешали русских людей в провинции и во Львове. В наместничество и полицию шли потоки доносов. А. И. Веретельник вспоминал, как его знакомый фельдфебель, приданный канцелярии штаба корпуса, рассказывал ему о том, что мазепинцы заваливают доносами все инстанции. Аналогичная информация шла и от почтовых служащих, через руки которых ежедневно сотнями шли открытые доносы.

В репрессиях против русских приняли активное участие и украинские сечевики. Австро-венгерские власти отряжали их отряды на конвоирование и охрану арестованных «русофилов». Впрочем, назвать их функции «охранительными» было бы неправильным. Вместо охраны сечевики вместе с уличной толпой участвовали в истязаниях несчастных, поощряли толпу к бесчинствам. С большой благодарностью те, кто пережил эти этапы, вспоминали военнслужащих-чехословаков, сменявших сечевиков. Братья-славяне не только не издевались над узниками, но и кормили их, обустроивали в вагонах как могли.

Первую партию русских галичан пригнали в концлагерь Талергоф у подножия Альп 4 сентября 1914 года. Людей бросили за колючую проволоку на поле, покрытое тонким слоем снега. Бараков в лагере не было до 1916 года. Сбившиеся в кучу женщины, дети, старики лежали на грязи под открытым небом в мороз, дождь и снег. Кормили этих людей баландой и тухлыми овощами. В лагере свирепствовали вши. Священник отец Иоанн Матчак сообщил, что многие обессилевшие люди были насмерть заедены вшами. Тех же, кто требовал от коменданта лагеря облегчить страдания, наказывали «за бунт». На центральной «площади» лагеря были вбиты столбы, на которых узников подвешивали за одну ногу. Исключения не делали даже для женщин.

Однажды в Судный день солдатня устроила себе развлечение. Солдаты штыками выгнали из барака узника-еврея, заставили его наложить полную тачку мусора и посадили на нее священника В. Полянского. Еврея заставили везти тачку со священником, затем роли поменялись.

Основным бичом заключенных были вши. Борьба с ними стала

основным смыслом жизни в лагере. Роль профессиональных палачей, помимо вшей, выполняли мазепинцы. Впоследствии узники лагеря, которым посчастливилось выйти живыми из этого ада, с ужасом и отвращением вспоминали обер-лейтенанта запаса Австрийской армии, униатского поповича Чировского, стукача перемышлянской полиции Тимчука и других «профессиональных украинцев».

Мазепинцы и наиболее рьяные австрияки издевались над узниками, пользуясь полным отсутствием даже минимальных удобств. При отправлении естественных надобностей солдатня окружала женщин и устраивала себе нечто вроде представления в зоопарке. Жаловаться было некому.

Среди военнотружущих Австро-Венгерской армии находились и те, кто, не будучи славянином, помогал, как мог, выжить узникам Талергофа. Многие с благодарностью вспоминали графа Йозефа Герберштейна и его супругу, привозивших в лагерь теплые вещи для детей и женщин. В ряде случаев, не допуская голодной смерти детей, графиня кормила их собственной грудью. Вскоре власти запретили супругам Герберштейн появляться в лагере.

Начавшаяся в лагере эпидемия тифа унесла многие жизни узников. Власти согласились разрешить строительство барачных и уборных. За зиму 1914/15 года узниками были построены 80 барачных, а также баня, часовня и уборные. Южная часть лагеря была застроена барачными для охраны, пекарни и канцелярии.

В марте 1915 года в Талергоф для общего руководства лагерем прибыл из Вены генерал Бачинский, сыгравший положительную роль в жизни лагеря. Им был отменен ряд запретов, установленных его предшественниками. Узникам разрешили читать, писать, покупать и выписывать по почте книги. Принципиальная позиция Бачинского помогла узникам отстаивать свои права при насильственной рекрутчине.

С весны 1915 года из лагеря в Талергофе начали освобождать узников. Их места занимали присланные заключенные из Терезинского концлагеря. Причем соотношение освобожденных к новоприбывшим составляло 1 к 4. «Вторая волна» узников, прибывавших в Талергоф, состояла из людей, обвиненных в том, что они пребывали на временно занятой русскими войсками территории Галиции.

Узников Талергофа мужского пола ждало и другое испытание — рекрутчина. Деятельный мазепинец Чировский, следивший за заключенными, предложил своему руководству провести насильственный набор молодых узников в армию. Во время набора всех кандидатов

опрашивали, какой они национальности. Каждый ответил — Russe (русский). Во время обеденного перерыва Чировский заметил членам призывной комиссии, что в Галичине русских нет, есть только русины или украинцы. После обеда члены комиссии начали оказывать давление на узников, при указании ими в графе «Родной язык» — «русский». Всех молодых, записавших себя русскими, заперли в холодную до заседания военного суда. В течение месяца они содержались в карцере, пока в Вене не удалось убедить чиновников в том, что слово «русин» происходит от искаженного слова «русский». Убеждать в этом военные власти помогал офицер-поляк Осташевский. Молодых людей освободили из-под ареста, предварительно подвесив каждого из них за руки на два часа на дереве. 10 ноября 1915 года их призвали на службу.

В армии их ждали такие же издевательства. Таким солдатам выделялось все самое худшее, а на одежду крепились особые «знаки позора». В атаку на русские пулеметы они должны были идти первыми, рискуя получить пулю в спину за малейшее колебание от своих «старших братьев» — австрийцев.

Интересна дальнейшая судьба самого мазепинца Чировского. «Погорел» он на том, что стал за взятки освобождать с помощью Украинского комитета в Граце заключенных из лагеря. Скандал с его разоблачением получился колоссальным, его арестовали и посадили в тюрьму. Суд припомнил ему все, начиная от взяток, заканчивая издевательствами над узниками лагеря. После суда Чировского направили на итальянский фронт.

Освобождение из лагеря было обставлено различными сложностями. Одна из них заключалась в том, что освобождаемым предлагалось пройти регистрацию у чиновников-мазепинцев и зарегистрироваться в их списках в качестве украинца. Большинство узников от такой «привилегии» отказывалось и оставалось в бараках.

Летом и осенью 1915 года в лагере работала комиссия аудиторов из Вены, задачей которых был пересмотр дел заключенных. Сложность их работы заключалась в том, что как таковых «дел» в канцелярии лагеря не было. Людей бросали за колючую проволоку без суда и следствия. Один из освобожденных комиссией русских крестьян вспоминал, что в канцелярии увидел в руках аудитора конверт с бумагами, которые ему оформили при аресте. Сургучные печати конверта были в сохранности — пакет никто и не думал распаковывать.

Примечательный диалог состоялся между крестьянкой из села Надворного и офицером-аудитором:

— Вы из какой партии? — спросил ее проверяющий, желая уточнить политическое кредо узницы.

— Я — от коров.

— Как же от коров?

— Ну, как, пан... Служу во дворе, где все слуги разделены на партии — одна при конях, другая при волах, третьи при безрогих (свиньях), а я при коровах и яловнике.

С улыбкой развел аудитор руками и подписал крестьянке документ на освобождение.

Советника суда Богдана Дедицкого спросил, когда он получил чин советника суда.

— В июне 1914 года, — ответил тот.

— Как? И сейчас по повышении вас в чине вас арестовали? Удивительно. Ведь для повышения по службе вас признали совершенно лояльным гражданином. Нет никакой последовательности в делопроизводстве галицких верховодов. Идите, господин, через неделю будете свободны.

Действительно, через неделю Б. Б. Дедицкий и еще два чиновника судебного ведомства были освобождены.

Другим узником, представшим перед комиссией, был Андрей Бугера, которого арестовали тогда, когда он в воскресный день выходил из церкви в чиновничьем мундире с наградами.

— Вы кто такой? — спросил аудитор.

— Я служил в армии двенадцать лет... В чине фельдфебеля поступил я на службу в старостат, секретарем старостата служил я двадцать восемь лет. Теперь я в отставке с пенсией, с крестом заслуг за верную службу — и здесь, в Талергофе!

— Удивительно, как с вами поступили. Идите. Постараемся, чтобы вы вышли скоро отсюда.

Узников освобождали из лагеря, но зачастую для них это было продолжение издевательств. Людей переводили в карантинный лагерь, где они опять попадали под обработку «профессиональных украинцев». Вновь и вновь их принуждали отказаться от своей национальности и записаться в украинские национальные объединения. Только после этого вчерашний узник Талергофа мог стать полноценным гражданином Австро-Венгрии. На тех, кто упорствовал, вновь писали донос, и человек вновь оказывался в

концлагере.

Талергофская эпопея была закончена в 1917 году. После православного праздника Пасхи в лагерь пришла весть о даровании молодым императором Карлом амнистии всем заключенным. В течение мая — июля 1917 года лагерь был ликвидирован.

Физическое уничтожение лагеря, однако, не значило предания забвению всего того, что творилось в нем. Позднее, в 20-е годы, в Галиции и Буковине была создана общественная организация, объединившая тех, кто прошел через австро-венгерские концлагеря. Этим объединением в 1924–1934 гг. выпускался «Талергофский альманах» («Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг.»).

По-разному сложились судьбы тех, кому посчастливилось выжить в лихолетье. Одним из узников Талергофа был отец знаменитого украинского публициста Ярослава Галана — Александр Галан. С отцовской кровью молодой Ярослав впитал в себя неприятие украинского национализма и погиб в 1949 году от рук оуновцев.

Другой видный общественный деятель карпато-русского движения Василий Романович Ваврик после освобождения из концлагеря вступил в ряды Белой армии. После Гражданской войны окончил Пражский университет. С 1938 года, после присоединения Западной Украины к УССР, преподавал в Львовском университете, участвовал в работе Львовского собора, на котором русскими униатами было принято решение присоединиться к Православной церкви. В. Р. Ваврик также известен как автор научных, научно-популярных, филологических и исторических трудов.

Алексей Юлианович Геровский несколько раз арестовывался австрийскими властями, а его мать умерла в тюрьме. В 1914 году он вместе с братом Георгием бежал в Россию и вернулся на родину вместе с русскими войсками. В 1915–1917 годах он был советником министра иностранных дел Российской империи по делам Австро-Венгрии и Балкан. Во время Гражданской войны участвовал в Белом движении, издавал в Екатеринодаре газету «Единая Русь». В 1920–1930 гг. вел русскую православную просветительскую деятельность в Подкарпатской Руси, входившей в состав Чехословацкой республики. В 1927 году был выслан из Чехословакии и осел в Югославии, затем переехал в США.

Судьбы многих деятелей карпато-русского движения в СССР сложились незавидно. Официальные украинские власти видели в них бунтарей и не спешили прислушиваться к их мнению, а порой видели в них

реставраторов той, империалистической России.

Трагическая история карпаторуссов получила свое продолжение в конце Второй мировой войны.

В 1944 году прикарпатские православные священники по поручению своей паствы обратились к И. В. Сталину со следующей просьбой:

«Хотим раз и навсегда связать свою судьбу с судьбой наших соплеменников в СССР и определить нам Карпатскую Советскую Республику от Ясеня до Попрада и от Ужока до Дебрецена. Выражая великую радость и глубокую благодарность по поводу освобождения Великому вождю и освободителю всего славянства и Европы товарищу Сталину и Красной армии, мы просим принять Карпатскую Русь в состав Советского Союза».

При содействии командования 4-го Украинского фронта делегация духовенства Карпато-Русской православной церкви во главе с игуменом Феофаном (Собовым) в декабре 1944 г. прибыла в Москву, где встретила с митрополитом Алексием, присутствовала на всенощном бдении в Богоявленском кафедральном патриаршем соборе, затем состоялся прием у председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР тов. Карпова.

В беседе Карпов намекнул карпато-русским священникам, что вопрос с вхождением земель, принадлежавших с 1938 г. Чехословакии, уже решен и эта территория отойдет к УССР. Делегаты решительно выразили протест против такого решения и призвали к единственно возможному, по их мнению, решению проблемы — передать эти земли в состав Российской Федерации. Делегаты заявили:

«Мы все преданы Советскому Союзу, но решительно против присоединения нашей территории к Украинской ССР. Мы не хотим быть ни чехами, ни украинцами, мы хотим быть русскими и свою землю желаем видеть автономной, но в пределах Советской России. Наш народ — русский. Русин — Руси сын. Наши матери не рожали нерусских сыновей. Наша русскость не вчерашняя, наша русскость не моложе Карпат».

В 1946 году образовалась Закарпатская область, но в составе УССР.

УВО-ОУН. Продолжение сотрудничества

После Гражданской войны Украина, «освободившаяся от московского ига», была разделена между соседними государствами. Левобережье вошло в состав Советского государства, Галиция, Волынь, Полесье, Холмщина, Подлясье влились в состав Польши, Буковина отошла к Румынии, Закарпатье — к Чехословакии. Такое ненормальное положение привело к нарастанию в украинских кругах тенденции освободительной борьбы против Польши.

Часть украинских эмигрантов, наоборот, видела в начальнике Польского государства Ю. Пил суде ком свою надежду и опору. Второй отдел польского Генштаба (дефензива, или «двуйка») еще в начале двадцатых годов разработал особую идеологию, именуемую «Прометеизм». В соответствии с этим учением все «поневолен-ные Москвой народы» должны были объединиться вокруг Варшавы в борьбе с москалями и разделить Россию на ряд мелких государств, отбросив русских к границам XVI века. Западным «инвесторам» Польша виделась как санитарный кордон против русского большевизма. Дефензива развернула бурную деятельность по поддержке национал-сепаратистских групп эмигрантов, осевших в Европе. Основным инструментом антисоветско-антирусской борьбы Польши по замыслам ее генштабистов должны были стать украинцы-галичане.

В Восточной Польше бурную деятельность развил созданный при помощи поляков Украинский комитет во главе с М. Ковалевским. Деятельность этого комитета полностью финансировалась дефензивой. В Варшаве начал работать Украинский научный институт, архив Армии УНР также взяла на баланс «двуйка». Все интернированные на территории Польши военнослужащие-петлюровцы фактически были взяты на иждивение государством. Украинская миссия во Франции усиленно закупала для них оружие в надежде на новый поход.

В 1926 году был разработан проект создания штаба дружественной Польше армии, временно пребывающей на ее территории. Штаб этот вскоре был втайне создан, кадровую работу в нем вела дефензива. По распоряжению Ю. Пилсудского 38 офицеров-украинцев были приняты на польскую службу.

Значительную лепту в установление столь дружественных связей с Польшей внес глава правительства УНР в эмиграции Андрей Левицкий,

сменивший убитого С. Петлюру. Левицкий всерьез полагал, что украинцы должны сыграть главную роль в укреплении Польского государства. Он был уверен также и в том, что на Советской Украине формируется Мощное антисоветское движение. В своем письме Пилсудскому от 24 августа 1926 года Левицкий просил ассигновать петлюровцам на антисоветскую закордонную деятельность по 2 тысячи злотых ежемесячно, по 1,5 тысячи злотых ежемесячно — на содержание украинского офицерства и по 800 злотых на издание журнала «Табор».

В это же время, помимо Польши, возникли отделы Украинской национальной армии в Чехословакии, Болгарии, Югославии, Румынии, Турции, Аргентине, Бразилии, Маньчжурии, Канаде, Финляндии.

В 1927 году на средства «двуйки» было создано информационное агентство «Офинор» с отделениями в Париже, Риме и Мадриде. Это агентство координировало работу с организациями УНР в эмиграции.

С июля 1932 года, после подписания польско-советского договора, деятельность украино-польских «прометеев» стала более конспиративной. Экономический кризис в Польше заставил ее власти сократить финансирование петлюровцев.

В начале 30-х годов среди украинских националов наметилась оппозиция действующим лидерам УНР. Ряд бывших генералов Армии УНР ратовал за полную смену курса и руководства УНР. В ответ на эти выпады «неблагодарных» дефензива не только лишила оппозиционеров финансирования, но и заключила некоторых из них в концлагерь в Картуз-Березе. Остальные петлюровцы продолжали получать субсидии через Министерство труда, Министерство вероисповеданий и просвещения, МВД и МИД. На средства польских налогоплательщиков содержались печатные органы украинской эмиграции — еженедельник «Тризуб», ежеквартальник «Мы», «Польско-украинский бюллетень», военные журналы «Табор», «Гуртуймось», «Военногражданская мысль», «За державность» и другие.

С 1933 года к украинской эмиграции, находившейся на содержании дефензивы, стали проявлять интерес компетентные органы Германского рейха. В марте 1933 г. в ходе работы конференции в Мюнхене был организован еще один Национальный украинский комитет, в который вошли представители ОУН и сторонники гетмана П. Скоропадского.

В некоторых кругах украинских националистов зрели идеи продолжения борьбы с поляками и «москалями». Для продолжения борьбы была необходима организация, и такая организация появилась на свет в 1920 году, когда в Праге прошли переговоры представителей украинской военно-политической эмиграции. Первоначально она именовалась

Войсковой организацией (ВО), затем (с 1924 г.) — Украинской войсковой организацией (УВО). Руководство ВО возглавил бывший командующий корпуса Галицийских Украинских сечевых стрельцов Евген Коновалец. Руководящий орган ВО — Начальная комиссия (затем Главная команда — ГК) находился во Львове. В августе 1920 г. в Праге состоялся 1-й съезд ВО, на котором присутствовали представители бригады Украинской Галицийской армии (УГА), интернированные в Чехословакии. Съезд принял решение бороться за Самостийную Соборную Украинскую державу против большевизма.

С 1921 года Евген Коновалец наладил прочные связи со спецслужбами Веймарской республики. Это было вызвано тем, что, по мнению Коновальца, Польское государство вело свою национальную политику, не глядя на какие бы то ни было чаяния местных национальных меньшинств, особенно украинцев. Вскоре в глазах последних Польша стала главной виновницей всех бед. Отношение украинцев к Польскому государству также усугубил акт правительств стран Антанты от 14 марта 1923 года, признавший Восточную Галичину и Западную Волынь польскими территориями. «Любовный роман» с Польшей у националистов из УВО закончился. Как известно, от любви до ненависти один шаг, и шаг этот был сделан самим Коновальцем, переориентировавшим организацию на сотрудничество с Германией.

Оппозицию Коновальцу и УВО в целом составили члены эмигрантской колонии, объединенные правительством УНР в изгнании под предводительством А. Левицкого. Эти «диячи» со времен Гражданской войны сделали ставку на Польшу и не собирались менять своих хозяев. Конфликт дошел до того, что люди Коновальца стали винить в гибели полковника Юрия Отмарштейна, бывшего начальника штаба войск УНР, именно «прихильников» Левицкого.

Другим оппонентом УВО стало руководство Западно-Украинской Народной Республики во главе с доктором Петрушевичем. Здесь шла конкуренция за влияние на Галичине и Волыни. Конфликт с Петрушевичем закончился тем, что Коновалец отказался разделить мнение Петрушевича о едином организационном центре борьбы на западноукраинских землях в лице правительства ЗУНР в изгнании и вышел из УВО. Выход Коновальца окончился его скорым возвращением на условиях полной независимости организации от ЗУНР. Вскоре УВО стала самостоятельной организацией.

Идеология УВО в основном исходила из учения Дмитро Донцова, а также политических разработок членов организации В. Целевича, Матчака и Дмитро Палиева — будущего офицера дивизии СС «Галичина».

С тех пор отношения между националистами и национал-социалистами пошли «в гору». В 1922 году Коновалец со своим штабом перебрался в Берлин. С 1923 по 1928 год УВО в обмен на свои услуги получила от Германии свыше двух миллионов марок, оружие и взрывчатку. Все это время и вплоть до 1941 года действовали различные специальные курсы и школы подготовки членов УВО к ведению тайной войны. Сам Коновалец в своем письме к митрополиту А. Шептицкому писал:

«Пусть сегодня мы пребываем на служении немецким деятелям. Но завтра будет надежда, что с их помощью и под их руководством мы обретем собственную государственность». Действовал тот же принцип, что исповедовали многие эмигрантские группировки, — «Хоть с чертом, но против большевиков!».

По информации 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР ^[14], в сентябре 1937 года Коновалец встречался в венском отеле «Бристоль» с представителями Генерального штаба Японии. На встрече была достигнута договоренность между сторонами о сборе членами УВО разведывательной информации о СССР и ее передаче Японии. Передовым отрядом УВО в этой деятельности была дальневосточная украинская эмигрантская колония.

После перемещения руководства УВО в Германию украинские военные разработали основные направления деятельности УВО. Ими стали террор против представителей польской власти, саботаж, разведывательно-диверсионная работа, пропаганда идей «возрождения Украины». Следует отметить, что оголтелые антипольские позиции не разделяли украинцы из умеренных националистических организаций Польши (их в Польше насчитывалось около 90). В некоторых случаях «умеренные» становились жертвами терактов со стороны боевиков УВО.

В короткий срок украинскими националистами была создана разведывательно-диверсионная сеть на территориях УССР и Польши. С 1923 года была установлена связь со спецслужбами Литвы, которая имела к Польше свои территориальные притязания, т. к. в 1920 году к Польше отошла часть территории Литвы. В Каунасе находилась база боевиков УВО, действовавших под прикрытием литовских документов. В 1926 году в благодарность за сотрудничество люди Коновальца передали литовцам военные планы Польши по оккупации Литвы и содействовали переброске в Литву двух подлодок, купленных литовцами в Германии.

В Польше боевики УВО развернули кровавую вакханалию. Убийства и неудачные покушения на польских чиновников, офицеров, жандармов следовали едва ли не ежедневно. Излюбленной целью людей УВО стали банки, почтовые конторы и сберегательные кассы: УВО нуждалась в

средствах. Польские власти отвечали адекватно и с террористами не церемонились. Боевиков вешали, приговаривали к пожизненному заключению, бросали в тюрьмы и концлагеря. Особой «популярностью» пользовался польский концлагерь в Картуз-Березе, где содержались представители всех оппозиционных польским властям партий.

К концу двадцатых годов в украинских националистических кругах наметилась тенденция к объединению всех сил в единый кулак. В ноябре 1927 года в Берлине прошла 1-я конференция украинских националистов, на которой было принято решение о слиянии различных нацгруппировок. Для этой цели был избран единый координационный орган — Провод украинских националистов (ПУН), главой которого стал Евгений Коновалец. Окончательное объединение украинских националистических организаций произошло на 1-м конгрессе националистов, проходившем с 28 января по 3 февраля 1929 года в Вене. Впоследствии официальные документы ОУН — УПА именовали этот конгресс «Первым Великим Сбором». Здесь 28 человек с правом решающего голоса высказались за создание единой Организации украинских националистов (ОУН). На конгрессе была разработана структура новой организации ОУН — УВО и выдвинут лозунг, которым оуновцы руководствовались последующие десятилетия, — «За Украинскую Независимую Соборную Державу!». Программа организации предусматривала поддержку права частной собственности, передачу земли крестьянам без выкупа, многоукладную экономику, свободу торговли, социальную поддержку, восьмичасовой рабочий день, бесплатное обязательное среднее образование.

С первых же дней своего существования ОУН ратовала за установление национальной диктатуры, открыто провозглашала принцип вождизма, противопоставление всем партиям, союзам и группировкам. Вся идеология украинских националистов базировалась на учении об интегральном национализме Дмитро Донцова, претендовавшего на роль главного идеолога движения. Политическому творчеству Донцова уделил внимание В. И. Ленин и с точки зрения классово-борьбы отнес его к порождению класса кулаков, обиженных на революцию, отнявшую у них все блага. Между тем Донцов скорее ориентировался на итальянский фашизм, вождизм, изыски о сверхчеловеке. Основным фундаментом национализма Донцов считал жестокость, причем не только к врагам, но и к своим. Абсолютной ценностью для него была нация, наивысшей мечтой — создание независимой державы любой ценой. В донцовской брошюре, выпущенной в свет в 1929 году, говорилось:

«Нужна кровь — будет море крови! Нужен террор — сделаем его жесточайшим! Необходимо будет отдать материальные блага — не оставим себе ничего. Не постесняемся убийств, грабежей и поджогов. В борьбе нет этики!.. Каждая дорога, что ведет к нашей наивысшей цели, несмотря на то, что зовется она некоторыми геройством или подлостью, — это наша дорога».

По мнению американского историка И. Армстронга, украинский национализм был очень близок к фашизму, но впоследствии по жестокости перещегоолял и его.

Сам Коновалец не разделял стремления своих молодых коллег к антипольскому террору. Вождь ОУН убеждал молодое поколение оуновцев изменить тактику действий, перейти от методов террора к подготовке населения к вооруженному восстанию при благоприятном политическом моменте. Постепенно намечался раскол организации на «стариков» и «молодежь». Аналогичные явления происходили в Русском общевойсковом союзе (РОВС). Как и у русских белоэмигрантов, в украинской националистической среде действовали сотрудники враждебных спецслужб.

С 1930 года полковник Коновалец жил в Швейцарии и тяготился своим статусом, к тому же его беспокоили требования властей Польши об экстрадиции.

Коновалец рекомендовал своим сторонникам не афишировать свою дружбу с германскими военно-политическими кругами: *«Национал-социализм не имеет много друзей во всем мире, и выявление связи украинского национализма с германским национал-социализмом непременно приведет к нашей изоляции»*. Несмотря на это высказывание, при штаб-квартире НСДАП было создано представительство ОУН — УВО в составе Н. Сциборского и Рихарда Ярого.

Установили оуновцы контакты и с шефом немецких штурмовиков Эрнстом Ремом. Рем пообещал им финансовую помощь и включение украинской молодежи в ряды штурмовых отрядов. Обещание свое Рем сдержал — украинская молодежь проходила начальную военную подготовку вместе с штурмовиками (СА).

После прихода нацистов к власти оуновцы были удостоены внимания со стороны СД. Сотрудничество двух организаций началось со встречи шефа гестапо Рудольфа Дильса и главы внешнеполитического отдела НСДАП К. Мотца. По неподтвержденной информации, на этой встрече

Евгению Коновальцу немцы предъявили список членов ОУН, работающих на Польшу и Чехословакию. Дильс недвусмысленно намекнул Коновальцу, что в глазах немцев его организация и гроша ломаного не стоит из-за такой «конспирации».

Для руководства деятельностью националистов на территориях Западной Украины в 1930 году был создан специальный орган ОУН — Краевая экзекутива (КЭ). Именно этот орган руководил антипольской борьбой молодых галичан, которые считались в Польше людьми второго сорта. Постепенно под руководством молодого подпольщика С. Бандеры этот орган стал фактически неподотчетным ПУН и превратился в самостоятельную организацию.

Степан Андреевич Бандера родился 1 января 1909 года в селе Старый Угринов в Галичине в семье потомственного грекокатолического священника. Все детство Степана прошло в национально «свидомой» украинской среде, был он и свидетелем военных действий в годы Первой мировой и Гражданской войн. Отец Степана служил в УГА и воевал против большевиков и войск Деникина.

С. Бандера получил начальное образование в гимназии, был членом ряда молодежных украинских национальных организаций, где и попал в поле зрения членов УВО. В сентябре 1928 года поступил в Львовский высший политехнический институт, который окончил с дипломом инженера-агронома. Окончание политехнической школы совпало со службой в УВО, сначала в качестве разведчика, а затем пропагандиста. С 1931 г. С. Бандера возглавляет референтуру пропаганды КЭ ОУН, совмещая эту должность с должностью заместителя руководителя экзекутивы.

Степан Бандера неоднократно арестовывался польской полицией. В 1936 году проходил в качестве обвиняемого по делу о покушении на главу МВД Польши Перацкого. Бандеру приговорили к смертной казни, но по амнистии заменили ее тюремным заключением.

Летом 1936 года вновь предстал перед судом за деятельность УВО — ОУН на польских землях. По совокупности двух наказаний его приговорили к пожизненному заключению. Пять с половиной лет Бандера провел в заключении. В своей биографии Бандера пишет, что провел в тюрьме три голодовки по 9, 13 и 16 дней. ОУН предприняла попытку освободить своего будущего главу, однако попытка окончилась неудачей. Освобождение пришло вместе с нападением Германии на Польшу. Коллеги освободили Бандеру из тюрьмы, когда все охранники разбежались. По свидетельству одного из высших офицеров абвера полковника Эрвина Штольце, освободили С. Бандеру из тюрьмы немецкие военнослужащие.

С 1938 года, когда у руля ОУН встал бывший полковник Сечевых стрельцов Андрей Атанасович Мельник, наладились контакты между ОУН и абвером. Немцы видели в оуновцах прежде всего «пятую колонну», способную поднять восстание в польском тылу при начале боевых действий. При этом возникла непреодолимая проблема — доставить оружие на территорию Польши для украинцев было невозможно.

Тем не менее Канарис от украинской поддержки не отказался, и с его ведома началось формирование первой украинской боевой единицы — «Бергбауэрнхильфе» (ВВН).

В конце 1938 года начальник 2-го (диверсионного) отдела абвера провел встречу с А. Мельником, который к этому времени уже переехал из Польши в рейх. На этой встрече полковник Мельник был завербован абвером и получил оперативный псевдоним Консул. Официально он числился резидентом абверштелле «Берлин» и состоял на связи с его сотрудником капитаном Пуллоем (доктором Пухертом). Информацию для абвера Мельник получал от своей резидентуры, располагавшейся в Чехословакии.

По договоренности с немцами оуновцы должны были активизировать свою подпольную сеть на территории СССР, при этом все расходы абвер брал на себя. Помимо абвера, Мельника опекало также гестапо. В 1940 году А. Мельник неоднократно посещал руководителя 4-го отдела Шройдера, где получал соответствующие указания. 18 августа 1939 года Э. Штольце из абвера имел продолжительную беседу с Мельником, в которой предупредил его о возможном благоприятном для националистов развитии ситуации. Переговоры министра иностранных дел И. Риббентропа в Москве перечеркнули планы абверовцев.

В самом начале польской военной кампании А. Мельник был приглашен на встречу с государственным секретарем Кеплером в МИД рейха. Чиновник пояснил Мельнику, что в новой ситуации немецкие власти не могут дать каких-либо обещаний относительно использования украинцев в войне. 11 сентября на секретном совещании в абвере рассматривался вопрос привлечения украинцев к боевым действиям против Польши, однако была отмечена возможность выступления украинцев и против СССР, что являлось бы нарушением Пакта. Высшее руководство рейха категорически отказалось от использования украинского фактора.

12 сентября высшее военное руководство рейха (Кейтель, Йодль, Канарис, Лахузен) и И. фон Риббентроп участвовали в заседании в поезде Гитлера. На заседании обсуждалась участь Польши. Фельдмаршал Кейтель уведомил собравшихся о трех вариантах развития событий:

1. Польша могла бы быть разделена в четвертый раз, и к Советскому Союзу отошли бы территории на восток от линии Нарев — Висла — Сан.

2. Создание независимого государства из части Польши (к этому, по словам Кейтеля, склонялся Гитлер).

3. Раздел Польши, при этом А) Литва получает район Вильно и Б) провозглашение независимости Галичины и Западной Волыни при согласии СССР.

Для последнего варианта абвер и готовил украинских националистов. При этом немцы особенно опасались переброски этого восстания на советскую территорию — территорию своего союзника.

Позднее Канарис встречался с Мельником в Вене, где обговаривался вариант провозглашения независимой Западной Украины. После встречи Мельник приказал своим подчиненным подготовить список членов будущего западноукраинского правительства. Канарис планировал провозглашение нового государства в случае, если Москва откажется от вхождения в Польшу, однако 17 сентября советские войска перешли польскую границу.

Немецко-советское соглашение было подписано 23 августа 1939 года, и внешне отношения между украинскими националистами и нацистами изменились.

25 октября 1939 года гестапо получило приказ об учете всех украинцев. Одновременно был наложен запрет на «устные либо враждебные письменные высказывания в адрес Советского Союза». Делами украинскими в Берлине теперь ведала новая организация — «Украинское представительство» (Ukrainische Vertrauensstelle) под руководством Романа Сушко. Представительство вело учет украинских эмигрантов, отвечало за их обеспечение и направление на работу. Аналогичное представительство открылось и в Вене. В 1940 году с согласия немецких властей для координации украинских комитетов помощи беженцам был создан Украинский Центральный комитет (УЦК).

Немецкие круги разделяли украинскую националистическую эмиграцию на три основные группы:

1. Группа УНР во главе с президентом А. Левицким, центры которой размещались в Варшаве и Париже. Эта группа до падения Польши субсидировалась польским государством.

2. Группа ОУН, которую после убийства Е. Коновальца возглавил А. Мельник, — являлась той структурой, на которую сделали ставку руководители немецких спецслужб.

3. Группа гетмана П. Скоропадского, которая немцами фактически не

поддерживалась, т. к. не имела большого влияния в украинских кругах.

Раскол ОУН 1939 года произошел по следующей причине. Эмигрантское руководство ОУН (т. н. Провод ОУН — ПУН) долгие годы жило в Европе и руководило организацией на Украине в основном при помощи Краевой экзекутивы ОУН в Западной Украине. Именно здесь ковались молодые боевые кадры. Именно они несли на себе всю тяжесть подпольной борьбы с польскими спецслужбами. Здесь ковалась молодая и жестокая молодежь.

Коренные изменения в политической жизни Европы в конце тридцатых годов и главное — возможность начала советско-германского конфликта выявили в среде ОУН различные взгляды на дальнейшее развитие ситуации. С одной стороны, это были старые эмигранты Мельник, Сушко, Барановский, Сенник, Сциборский и другие. «Молодая гвардия» возглавлялась Степаном Бандерой, Ярославом Стецко, Романом Шухевичем, Тимчием-Лопатинским и др.

Степан Бандера и его люди хотели действовать в соответствии с новой политикой, изменить стратегию ПУН под руководством А. Мельника. В основном это касалось внешнеполитической ориентации. Бандера утверждал, что в настоящее время нельзя ориентироваться лишь на Германию, необходимо установить контакты и с другими странами. Другим «коньком» Бандеры была национальная революция, которая являлась единственно верным способом освобождения Украины. По его мнению, для достижения этой цели любые средства были хороши. В борьбе не следовало обращать внимание на международную обстановку, потери, репрессии Советской власти. Бандера хотел действий и действий, широкомасштабных и жестких.

Ситуация усугублялась недоверием к старшему поколению, что вызывало желание полностью сменить весь верхний эшелон руководства ОУН. В начале 1940 года руководитель Краевой экзекутивы ОУН на Украине Тимчий-Лопатинский прибыл к С. Бандере в Вену. Оба руководителя выбыли в Рим, где в это время пребывал глава ПУН полковник А. Мельник. На встрече с ним два представителя молодого поколения желали обсудить разногласия, возникшие между ними, но встреча вылилась в бесполезный спор.

27 августа 1939 года в Риме состоялся 2-й Великий сбор ОУН, инициированный оуновской молодежью. Все мероприятие свелось к дискуссиям между «стариками» и «молодежью». Никаких соглашений достигнуто не было, раскол лишь углубился.

Молодежь собрала в Кракове свой съезд, на котором решили создать

свое руководство националистическим движением. 10 февраля 1940 года был сформирован Революционный провод ОУН (РП ОУН), руководство которым было поручено С. Бандере. Таким образом, с 10 февраля 1940 года начали существовать две ОУН: мельниковская — ОУН (М) и бандеровская — ОУН (Б).

Политическая программа (Манифест) ОУН Бандеры основным своим противником провозглашала СССР «тюрьмой народов». Борьба националистов преследовала своей целью разрушение этой «тюрьмы» и «свободу народов, свободу человека». Манифест призывал все народы присоединиться к украинцам с целью развала «московской тюрьмы народов».

В конце апреля 1941 года прошел 2-й Великий сбор ОУН (Б), на котором была укреплена позиция молодого поколения относительно методов борьбы. Здесь была подтверждена верность курсу революционной борьбы, а также провозглашена идея ориентации на собственные силы. Образование независимой Украины мыслилось только в результате национальной революции.

Нацисты пристально следили за событиями в рядах своего союзника. В военно-политических кругах также не наблюдалось единства относительно сотрудничества с двумя ОУН. С появлением «молодой» ОУН (Б) штабслайтер Арно Шикеданц разослал письменные уведомления в рейхсканцелярию, абвер и РСХА о том, что украинская националистическая пресса выступает против рейха. В письме в рейхсканцелярию Шикеданц уведомил также ее начальника, что ОУН Бандеры является «специфическим галицийским образованием» и «молодой веткой на великороссийском социал-революционном древе». В конце концов руководящие круги склонились к мнению, что работать с молодыми оуновцами не следует.

В письме Гейдриху Шикеданц назвал ОУН Бандеры «террористической организацией, которая не имеет возможностей для политического развития, а следовательно, и серьезного значения». Далее указывалось на необходимость роспуска этой формации как угрожающей безопасности рейха. Канарис же уведомил Шикеданца, что не считает целесообразным «перекрывать кислород» организации, имеющей определенное влияние на украинцев по обе стороны границы.

14 апреля 1941 года, когда всем стало ясно, что грядет настоящая война, глава «старой» ОУН полковник А. Мельник направил германскому руководству меморандум, в котором указал, что цель ОУН — провозглашение независимой суверенной Украинской державы. В состав

этого государства должны входить, кроме этнографических украинских территорий, районы на восток от Украины до Каспийского моря. Предполагалось перенесение границы Украины до Каспия и города Камышина на Волге, что объяснялось обеспечением безопасности угледобывающих районов Донбасса.

Меморандум Мельника упоминал о возможности тесного сотрудничества с немецкой стороной, однако содержал условия о предоставлении Германией гарантий для будущего Украинского государства.

Бандеровцы (один из руководителей ОУН Владимир Стахив) направили свое обращение к Гитлеру, однако в рейхсканцелярию оно попало лишь 23 июня 1941 года, когда военные действия уже велись.

Стахив писал следующее:

Ваша Экселенция! Глубокоуважаемый господин Канцлер Германского Рейха!

Фюрер Организации Украинских Националистов (ОУН) Степан Бандера поручил мне почетное задание передать Вашей Экселенции как Фюреру немецкой нации, что победоносно борется за новый порядок в Европе, меморандум Организации Украинских Националистов относительно решения украинского вопроса.

ОУН, которая ведет украинские массы в их революционной борьбе за создание Украинской Державы, проникнута глубокой верой в то, что совместный боевой поход против Москвы уничтожит разлагающее жидовско-большевистское влияние на Европу и сломает российский империализм.

Провозглашение независимой национальной Украинской Державы в контексте мирного договора в Брест-Литовске закрепит новый порядок в Европе и будет способствовать мирному и благополучному развитию этой территории.

Будучи уверенными, что Ваша Экселенция как проводник национального принципа будет нашу национальную борьбу поддерживать, остаюсь с выражением моей глубокой признательности и уважения Вашей Экселенции.

*Наипреданнейший Владимир Стахив
Руководитель
ресорта в Политбюро ОУН*

Помимо меморандума, к письму Стахив приложил материалы 2-го Великого сбора ОУН. В меморандуме, разработанном верхушкой ОУН, указывалось на стремление возродить Украинскую державу в соответствии с Брестским мирным договором от 1918 года.

Возродить не существовавшую ранее Украинскую державу нацисты не собирались, но оуновцев считали полезными на данном этапе своему делу. Особое мнение было у руководства немецких специальных служб. Руководство абвера видело в «профессиональных украинцах» хороший потенциал, который при определенном подходе мог бы дать немцам опытных разведчиков и диверсантов.

Предвоенное повстанческое движение на Западной Украине и борьба с ним

По документам правоохранительных органов СССР

С присоединением к Советской Украине западных территорий, принадлежавших ранее Польше, советское руководство получило не только малочисленный и сознательный западноукраинский пролетариат в качестве своего союзника, но и сильнейшую антисоветскую оппозицию в лице оуновского подполья. Борьба с этим подпольем велась в предвоенные годы с ожесточением и размахом. Атмосфера в предвоенной Европе была накалена до предела, и советское руководство однозначно рассматривало ОУН и ее подполье в качестве потенциальной германской «пятой колонны».

ОУН со своей стороны приложила максимум усилий для ведения действенной антисоветской борьбы за создание условий, способствовавших при благоприятной обстановке созданию самостоятельного Украинского государства. До начала военных действий украинское подполье, руководимое из-за рубежа, стремилось отстроить сеть своих первичных территориальных ячеек по всей УССР, организовать связь и снабжение подпольщиков документами, оружием, боеприпасами и медикаментами. Оуновское подполье, традиционно базировавшееся в Галиции и на Волыни, входивших ранее в состав Польши, имело здесь наиболее сильные позиции среди местного населения, нежели в промышленных районах Восточной Украины, издавна тяготевших к России. Близость советско-германской границы и возможность организации переходов через нее также являлись фактором, в значительной мере повлиявшим на активность оуновцев в западных районах УССР.

Борьба органов госбезопасности с оуновским подпольем претерпела целый ряд изменений в тактике и стратегии. С приходом на территорию Западной Украины советскими правоохранительными органами был проведен ряд мероприятий, направленных на изъятие (задержание и арест) активных в прошлом членов антисоветских вооруженных формирований времен Гражданской войны, сотрудников польской разведслужбы и полиции, бывших белогвардейцев, участников повстанческого движения на Украине. В процессе повседневной оперативной деятельности было

установлено, что органам госбезопасности противостоит хорошо организованное подполье, опирающееся на помощь местного населения. Особенно тревожное положение сложилось в сельской местности [15]. Наличие крупных лесных массивов, отдаленных сел и хуторов делало этот регион идеальным для ведения повстанческой борьбы, чем не преминуло воспользоваться руководство ОУН. Попытки выстроить на селе жизнь, подобную той, что была в восточных районах Украины, наткнулись на яростное сопротивление. Положение усугубляли и непродуманные экономические и политические мероприятия новой власти. Каждый ее промах в полной мере использовался повстанческими пропагандистами и агитаторами для раздувания ненависти к «москалям» и «жидам».

Другим стандартным методом «борьбы за построение Украинской Соборной Самостийной Державы» стали убийства не только присланных коммунистов и руководителей, но и тех, кто выказывал хоть малейшее сочувствие мероприятиям Советской власти. «Борцы за свободу» стреляли в окна хат, рубили из-за угла топорами активистов и «симпатиков москальских», стреляли из лесных зарослей в спины участковым и фин-агентам. В своем «задоре» не щадили ни женщин, ни детей — облить керосином и сжечь заживо сельскую учительницу было проще простого. В действие приводился донцовско-бандеровский лозунг «Наша власть должна быть страшной». Поскольку власти у бандеровцев и мельниковцев в предвоенные годы никакой не было, в Западной Украине установилась власть страха. Люди боялись как «хлопцев из леса», так и отрядов внутренних войск под руководством офицеров в синемалиновых фуражках.

Антиповстанческие методы борьбы властей совершенствовались. Проводились армейско-чекистские операции по борьбе с бандами, прочесыванию лесных массивов, аресты активных подпольщиков и их помощников. Постоянно велась кропотливая аналитическая и регистрационная работа. Асы «высшего чекистского пилотажа» разрабатывали и проводили операции по внедрению в банды агентуры. В ряде случаев агентура внедрялась столь успешно, что через некоторое время выходила на связь с Центром уже из-за рубежа — с территории «самого надежного союзника СССР» — Германии. Работа НКГБ СССР против заграничных центров ОУН была основным направлением деятельности, направленной на нейтрализацию «профессиональных украинцев». Особенной активностью отличался Краковский центр ОУН.

Когда эти мероприятия не стали давать результатов, тогда власти решились на беспрецедентный шаг — было принято политическое решение о проведении выборочного выселения семей скрывавшихся в лесах

бандитов. Это мероприятие было проведено весной 1941 года, когда время было явно упущено. Несмотря на это, операция принесла свои положительные результаты — активность бандитов временно снизилась, в ряде мест были зафиксированы приход бандитов из леса и их добровольная сдача властям. В таких случаях их семьи освобождались от выселения.

Подобного рода мероприятия также не могли снискать большой популярности у местного населения, поэтому ненависть к Советам загонялась вглубь, чтобы при первой же возможности выплеснуться наружу в самой жестокой форме, что и произошло 22 июня 1941 года.

Из докладной записки УНКВД по Волынской области № 17 450 359 в НКВД УССР «О результатах работы оперативно-чеккистской группы НКВД СССР»

25 апреля 1940 года.

...1. Начато и закончено следствие на активных участников украинской националистической организации УНАКОР («Вольное казачество»). По делу был допрошен руководитель этой организации Бурак Е. К., давший показания, что он нелегально был переброшен в феврале 1940 года из Германии в СССР националистическим центром для подготовки вооруженного выступления против Советской власти. По его же показаниям были арестованы шесть активных участников организации, из которых четыре сознались в своей принадлежности к повстанческой организации.

Дело документировано, перекрыто очными ставками, свидетельскими показаниями, закончено и направлено по подсудности...

...3. Допрошен совместно с оперработником 3-го отдела УНКВД арестованный Гайдюк, который сознался, что является одним из руководителей оуновской организации на Волыни и что он 20 марта 1940 года руководством ОУН и гестапо был переброшен из Германии на территорию Западной Украины для проведения контрреволюционной повстанческой и шпионской деятельности.

4. Оперативная группа включилась и приняла активное участие в допросах арестованных, проходящих по агентурному делу «Повстанцы» (всего по делу арестовано 17 человек), из допрошенных опергруппой 8 человек 6 дали показания о своей принадлежности к повстанческой организации.

Один из активных участников организации, Пташник, показал, что он

составил и передал руководителю организации Мицкевичу (бежал) план воинских казарм г. Владимира-Волынского и добывал оружие для организации, часть которого изъята...

Зам. начальника УНКВД по Волынской области капитан госбезопасности Белоцерковский.

Начальник опергруппы ГУГБ НКВД СССР старший лейтенант госбезопасности Кривулин

Из разведсводки № 55 Управления погранвойск НКВД УССР «О военных мероприятиях Германии и концентрации германских войск в погранполосе СССР»

26 июля 1940 г.

...По данным 5-го отдела УПВ НКВД 30 от 23 июля 1940 г., требующим тщательной проверки, в г. Кракове происходит усиленное формирование «украинских легионов»...

Докладная записка заместителя наркома внутренних дел СССР № 19/9521 в НКВД СССР «О задержании на границе двух агентов немецкой разведки»

5 сентября 1940 г.

5 сентября 1940 г. начальник погранвойск НКВД УССР донес:

«31 августа сего года на участке 92-го погранотряда (г. Перемышль, УССР) был задержан нарушитель границы со стороны Германии Пинчук Иосиф Прокопьевич, 1917 года рождения, житель г. Дрогобыч. Задержанный при допросе сознался, что является агентом германской разведки и эмиссаром ОУН. Пинчук был завербован немецкой разведкой в сентябре 1939 года в г. Дрогобыч под кличкой Бранденбург. 2 января сего года, состоя на службе в милиции, бежал в Германию, обратно перешел в СССР с заданием германской разведки по сбору сведений об укрепрайонах и по организации оуновских ячеек.

2 сентября сего года на участке того же отряда задержан нарушитель границы со стороны Германии Дудик Станислав Мартынович, 1907 года рождения, поляк, житель г. Кракова, который заявил, что является агентом германской разведки под кличкой Ионец-Юдвин и послан в СССР для разведки укрепрайонов и гарнизонов Красной армии.

Следствие ведет 5-е отделение 92-го погранотряда».

*Заместитель наркома внутренних дел СССР генерал-лейтенант
Масленников*

***Из спецсообщения НКВД УССР № 4500/СН в ЦК КП(б) Украины «О
работе агента 5-го отдела УГБ НКВД УССР «Украинца»***

3 декабря 1940 г.

29 сентября сего года на территорию Генерал-губернаторства переброшен агент «Украинец». Переброска легендировалась бегством «Украинца» из автозака ^[16] при перевозке из одной тюрьмы в другую. «Бегство» сопровождалось «стрельбой», поэтому к переходу «Украинца» за кордон там уже было известно о побеге, и «Украинец» был принят с уважением.

Перейдя границу, «Украинец» зашел к Вовруку — референту организационного отдела при оуновском комитете в Грубешове. Там «Украинцу» сообщили, что в оуновских кругах, а также и в гестапо уже известно о возвращении «Украинца».

За время пребывания в Грубешове «Украинец» оуновскими кругами был окружен вниманием, так как бегство из тюрьмы считается значительным подвигом.

Через несколько дней после прибытия была организована встреча «Украинца» с местным руководителем гестапо, который интересовался отношением украинского населения к Советской власти, деятельности оуновской организации и отношением молодежи к работе ОУН. На заданные вопросы «Украинец» частично ответил, а затем сослался на незнание их ввиду кратковременного пребывания его в Волынской области в связи с побегом.

После этого «Украинца» из Грубешова перевезли в Холм для встречи с бывшими знакомыми с целью информировать его по вопросам раскола среди оуновского провода.

Встретившись с Мохнацким — секретарем ЦК оуновской организации, «Украинец» попросил проинформировать его о делах ОУН. Мохнацкий, узнав «Украинца», обрадовался, повел его в отдельную комнату, рассказал о расколе, показал ряд документов, часть которых «Украинец» захватил с собой...

В документах, разоблачающих бандеровцев, фигурируют факты, когда против Коновальца было организовано выступление бандеровцев в 1935 г. с

целью захвата ими оуновского провода в свои руки. Один из активных оуновцев, Барановский, разоблачил это выступление, и тогда бандеровцы наговорили на Барановского, что якобы он сотрудничал с польской полицией.

После разгрома Польши в 1939 году, когда Мельник сошелся с Бандерой на почве эмиграции, бандеровцы решили убрать Барановского и представили Мельнику фотоснимки, доказывающие сотрудничество Барановского с польской полицией. Дело было передано в «революционный трибунал». «Революционный трибунал», поддерживаемый Мельником, вынес определение об отсутствии виновности Барановского, но тем не менее Барановского от должности отстранил.

Одновременно с этим мельниковцы подобрали Материал о сотрудничестве бандеровца Горбового Ярослава с органами НКВД и обвинили в этом Бандеру. С этого начался раскол между мельниковцами и бандеровцами.

В настоящее время этот раскол дошел до такого состояния, что сотрудничество Мельника и Бандеры исключается.

Продолжая далее беседу, Мохнацкий заявил нашему агенту «Украинцу», что с ним желает разговаривать полковник Сушко, который является заместителем Мельника.

Приехав в Краков, Мохнацкий представил «Украинца» полковнику Сушко. Последний, видимо, знал из докладов оуновца Шухевича о прибытии «Украинца» в Генерал-губернаторство и весьма радовался этому случаю, подчеркивая, что предстоит очень много работы, а ценных людей недостаточно.

Сушко сообщил, что из многих посланных в западные области Украины оуновцев обратно возвращается очень мало, значительная их часть гибнет при переходе через границу, часть сидит в тюрьмах, и, кроме того, организация находится в состоянии раскола, поэтому сейчас организации требуются решительные и преданные люди, которые вновь могли бы пойти за кордон для выяснения положения в западных областях Украины и налаживания работы.

«Украинец», выслушав Сушко, сказал, что если требуется для организации, то «он готов по приказу пана полковника принять любое задание и уверен, что его выполнит».

Сушко был обрадован этим заявлением, пожал ему с благодарностью руку и сказал, что сейчас «Украинец» очень плохо выглядит, видимо, от пережитого в тюрьме, поэтому ему следует отдохнуть, а он,

посоветовавшись с руководством, решит окончательно вопрос о его посылке.

Прощаясь, Сушко дал на дорогу «Украинцу» денег и сказал, что в Грубешов приедет человек, который привезет инструкции. Пароль — картинка с немецких папирос, порванная на две половинки, одну из которых Сушко вручил «Украинцу», а другую вручит тот, кто приедет с инструкциями.

Возвратившись в Грубешов, «Украинец» узнал, что его разыскивают оуновцы бандеровского направления и, более того, бандеровцы хотят арестовать «Украинца» и доставить в Краков к Бандере.

После того как «Украинец», возмущившись таким отношением, заявил, что он был у Сушко и имел встречу по деловым вопросам, бандеровцы отношение к нему резко изменили в лучшую сторону и принимали меры к тому, чтобы склонить «Украинца» к работе с ними.

«Украинец», видя, что бандеровцы имеют большой вес у гестапо, принял решение согласиться с их предложением.

21 ноября прибыл в Грубешов Мостович, привез с собой 1000 рублей советскими деньгами и 200 злотых немецкого выпуска. Кроме того, вручил боевую фанату.

Перед «Украинцем» была поставлена задача: выяснить настроение населения западных областей, подробно информировать оуновцев о расколе Центрального провода ОУН, при этом подчеркнуть положительные стороны Бандеры и необходимость установления связи с руководством оуновской организации на Волыни, в частности с ее руководителем Скопюком.

25 ноября при содействии переправщиков и Мостовина «Украинец» вернулся на советскую сторону.

В целях наиболее успешной борьбы с оуновским подпольем в западных областях УССР состояние раскола оуновской организации в Кракове является наиболее удобным для широкого внедрения и подчинения нашему влиянию бандеровского направления как наиболее реакционного. В связи с этим нами установлен отец Степана Бандеры — Бандера Андрей Михайлович, уроженец г. Стрый Дрогобычской области, ныне являющийся священником украинской церкви в с. Тростянец Долинского района, которого имеем в виду ввести в дело Краковского провода...

*Народный комиссар внутренних дел УССР, комиссар госбезопасности
3-го ранга Серов*

***Из циркуляра Народного комиссариата государственной безопасности
УСССР № А-1282 «Об усилении борьбы с националистическим подпольем
в западных областях Украины»***

10 апреля 1941 г.

Поступившие за последнее время в НКГБ УСССР материалы свидетельствуют о том, что ОУН по заданию Краковского провода ведет на территории западных областей УСССР усиленную работу по подготовке к вооруженному выступлению против Советского Союза, намеченному на весну 1941 г.

По имеющимся в УНКГБ Дрогобычской, Тернопольской и Ровенской областей данным, вооруженные выступления намечены на период между 20 апреля и 1 мая сего года.

В связи с этим деятельность оуновских организаций во всех областях значительно активизировалась: проводится усиленная вербовка и подготовка новых кадров, развернута работа по приобретению боеприпасов, санитарного имущества, отрабатываются мобилизационные планы, увеличилось количество террористических актов против советских и партийных работников, распространяются листовки и воззвания, призывающие население к вооруженной борьбе, и т. д.

Для руководства вооруженным выступлением на территорию СССР из-за кордона нелегально перебрасываются руководящие кадры ОУН с заданием возглавить вооруженное восстание.

Так, в селе В. Гнилицы Тернопольской области руководитель местной оуновской организации Процик Ярослав на инструктивном совещании участников организации заявил, что вооруженное выступление назначено на 22–25 апреля с.г., и предупредил присутствующих, чтобы они были на своих местах и готовились к этому выступлению.

Процик поставил в известность участников организации, что 16 апреля из-за кордона должны прибыть активные члены ОУН Савчук Ярослав и Гевко Иван, которые дадут дополнительные указания о подготовке к выступлению и проведут обучение партизанской войне, направленной на ослабление тыла и затруднение продвижения частей Красной Армии.

В селе Соколов Тернопольской области подрайонный руководитель ОУН Демид С. П. получил от районного руководителя указания о подготовке к тайной мобилизации оуновской организации, которая должна состояться весной 1941 года...

Арестованный и активный оуновец Водвуд Иван в беседе с камерным источником сообщил последнему о том, что 20 апреля сего года оуновская организация готовит вооруженное восстание в западных областях УССР, но ожидает дополнительных указаний от руководства ОУН, которые будут даны в зависимости от выступления Германии.

Водвуд также сообщил, что организации ОУН получили ряд указаний от заграничного провода ОУН по подготовке продуктов и оружия, а также «Манифест», призывающий население к выступлению.

23 марта сего года источник УНКГБ по Дрогобычской области «Хмурый» представил полученное им для размножения от надрайонного руководителя Тебенко оуновское воззвание, призывающее население к вооруженному выступлению против Советской власти.

Аналогичное воззвание было найдено в Жидачевском районе Дрогобычской области.

Ведя подготовку к вооруженному выступлению, ОУН мобилизует все враждебные нам силы, устанавливает контакт с другими контрреволюционными украинскими и польскими националистическими организациями и остатками антисоветских политпартий...

Народный комиссар государственной безопасности УССР Мешик

Докладная записка НКГБ УССР секретарю ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущеву с предложениями по ликвидации базы ОУН в западных областях Украины

Не ранее 15 апреля 1941 г.

...Материалы, добытые в процессе агентурной разработки и следствия по делам участников ОУН, в том числе воззвания и листовки организации, свидетельствуют о том, что во время войны Германии с СССР роль «пятой колонны» немцев будет выполнять ОУН.

Эта «пятая колонна» может представить собой серьезную силу, так как она хорошо вооружена и пополняет свои склады путем переброски оружия из Германии.

Так называемый «Революционный провод ОУН», руководимый Степаном Бандерой, не дожидаясь войны, уже сейчас организует активное противодействие мероприятиям Советской власти и всячески терроризирует население западных областей Украины.

Об этом свидетельствует ряд известных Вам террористических актов против сельских активистов, работников милиции и советских работников.

Основную силу ОУН составляет ядро нелегалов, которых в настоящее время лишь в западных областях УССР учтено около 1000 человек.

Днем нелегалы скрываются в лесах, бродят по дорогам, вечерами являются в села и находят приют в домах кулаков, в семьях репрессированных и в своих собственных домах.

Население некоторых сел настолько терроризировано, что даже советски настроенные люди боятся выдавать нелегалов.

Например, террористический акт против председателя сельсовета села Лапшин Бережанского района Тернопольской области Ковара В. М. был совершен в его собственной хате двумя бандитами в присутствии шести соседей. Эти соседи не только не воспротивились убийству, но даже «не опознали» бандитов.

Председатель сельсовета с. Козивка того же района Тернопольской области Гороховский, будучи преследуемым бандитами, вбежал в хату своего родного брата, где и был зверски убит. Будучи запуган, брат Гороховского не выдал бандитов.

Изложенное выше вынуждает наряду с проводимой операцией по изъятию нелегалов и актива ОУН поставить вопрос о ликвидации базы ОУН — семей нелегалов, кулачества и семей репрессированных.

Считал бы целесообразным возбудить перед ЦК ВКП(б) и СНК СССР ходатайство о применении к перечисленным категориям лиц следующих санкций:

1. Распространить Закон об изменниках Родины на участников антисоветских вооруженных организаций, находящихся на нелегальном положении в западных областях УССР, Черновицкой и Измаильской областях УССР.

2. Семьи нелегалов согласно указанному закону репрессировать, имущество конфисковать.

3. Семьи арестованных оуновцев выселить в отдаленные места Советского Союза.

4. Учитывая, что основной базой ОУН является кулачество, произвести выселение кулаков в отдаленные области СССР, а имущество их передать колхозам.

Прошу Ваших указаний.

Нарком государственной безопасности УССР Мешик

**Из директивы управлений НКВД и НКГБ УССР по Ровенской области
№ 19/6257 «Об активизации, борьбы с оуновским подпольем на**

территории области»

Анализ проведенных... мероприятий по оуновскому подполью свидетельствует о том, что оуновцы, используя националистические чувства отсталой части бедняцкого и середняцкого населения, пытаются оказать на них свое влияние, вербуют их в свою организацию, уводят в подполье и используют их в целях осуществления вражеских актов. В результате бедняки, середняки становятся тупым орудием в руках оуновцев, слепо выполняя эти акты.

Практика перевода оуновцев на нелегальное положение уже принимает широкие размеры. Достаточно указать на то, что, по далеко не полным данным, на территории нашей области насчитывается 159 нелегалов. Кроме того, нелегалы на селе окружили себя так называемыми «симпатиками». Эта категория лиц снабжает нелегалов продовольствием, укрывает их в своих квартирах, клунях и т. д.

Имея такую опору, оуновцы в соответствии с задачами организации развернули большую практическую работу по расширению состава организации, осуществлению диверсионных и террористических актов.

За последние 4 месяца в с. Постояно Деражнянского района подожгли имущество председателя сельсовета.

В с. Коломыя Высоцкого района оуновцы подожгли колхозные конюшни, в результате чего погибло 30 лошадей.

В Вербском районе учинен поджог имущества председателя колхоза.

В Межириченском районе оуновцами убит председатель сельской кооперации.

В с. Суске Александрийского района в ночное время был убит председатель сельсовета и ранен работник НКВД.

Аналогичные проявления со стороны оуновцев имели место в Козинском, Красноармейском и других районах, где были убиты работники НКВД и активисты села...

Вр. нач. УН КГБ по Ровенской области лейтенант госбезопасности Лосев.

Начальник УНКВД по Ровенской области ст. лейтенант госбезопасности Мاستицкий

Из директивы НКВД СССР № 1254/Б народным комиссариатам внутренних дел и государственной безопасности Украины «Об усилении мероприятий по пресечению террористической

**деятельности подпольных оуновских организаций и ликвидации
политического бандитизма в западных областях УССР»**

29 апреля 1941 г.

За последнее время в западных областях УССР наблюдается активизация подпольных оуновских организаций, участники которых провели ряд террористических актов против сельского советского актива.

Предпринятые органами НКВД и НКГБ оперативные мероприятия сопровождались убийствами и ранениями оперативных сотрудников. Это указывает на то, что операции по оуновцам готовились недостаточно продуманно, без должной тщательности [\[17\]](#).

ПРЕДЛАГАЮ:

1. Усилить проведение мероприятий, направленных к ликвидации политбандитизма, в частности по линии оуновцев.

2. Все мероприятия по преследованию и изъятию бандитов из числа оуновцев обязательно согласовывать с соответствующими органами НКГБ, оказывать последним всемерное содействие в проведении операций, выделяя в распоряжение органов НКГБ на операции необходимое количество работников милиции.

3. По запросам начальников органов НКГБ незамедлительно передавать в их распоряжение арестованных оуновцев, материалы следствия, агентурные сообщения и проч., учитывая, что задача разгрома оуновских организаций в первую очередь возложена на органы НКГБ.

4. Работать с органами НКГБ надлежит в тесном контакте...

Народный комиссар внутренних дел СССР Берия

**Из отчета о работе внешней разведки НКГБ СССР за период с 1939 г.
по апрель 1941 г.**

Апрель 1941 г.

...Агентурными материалами, поступившими в течение 1939–1941 гг., установлено, что:

1) На территории Генерал-губернаторства активизировалась деятельность украинских эмигрантских организаций, политическое руководство в отношении которых осуществляет ОУН, используя их в разведывательных целях по заданиям германской разведки.

2) Все шпионские сведения по СССР передаются германской разведке,

оказывающей техническое содействие ОУН при переброске ее агентуры в СССР. На границе СССР с Генерал-губернаторством созданы переправочные пункты для переброски немецкой агентуры в Союз.

3) Под руководством ОУН из украинцев на территории Генерал-губернаторства создаются формирования военного типа, так называемые сотни и отряды «сечевых стрельцов». «Сечевые стрельцы» должны будут составить основной костяк будущей Украинской армии.

4) Немецкие власти предоставляют украинским организациям денежные средства, помещения для клубов, театров, бывшие польские костелы.

5) В Генерал-губернаторстве, протекторате Чехия и Моравия и в Словакии создаются школы старшин, подстаршин, летчиков, танкистов, шоферов, полицейских, разведчиков и диверсантов. Комплектованием этих школ руководят штаб ОУН и немецкие военные власти.

6) Руководство ОУН засылает специальных эмиссаров на территорию западных областей УССР с заданиями по организации нелегальных диверсионных и повстанческих центров и отдельных групп в целях подготовки свержения Советской власти путем вооруженного восстания.

Идея создания «самостийной» Украины путем отторжения ее от СССР продолжает немцами усиленно культивироваться и поощряться...

***Из докладной записки НКГБ СССР № 1832/М в ЦК ВКП(б) и СНК СССР
«О выселении из западных областей Украины семей репрессированных
или находящихся на нелегальном положении участников
контрреволюционных организаций»***

23 мая 1941 г.

(...)

Докладываю Вам, что операция по выселению семей репрессированных или находящихся на нелегальном положении участников контрреволюционных организаций в западных областях УССР, по данным на 22 часа 22 мая, закончена полностью.

Всего по западным областям УССР было намечено к изъятию 3110 семей, или 11 476 человек. Изъято и погружено в вагоны 3073 семьи, или 11 329 человек...

Во время операции в ряде мест опергруппам НКГБ— НКВД было оказано вооруженное сопротивление.

В результате перестрелки было изъято 66 нелегалов, из них убито 7

человек и ранено 5 человек. Скрылось 6 нелегалов.

Из числа изъятых нелегалов захвачены: главарь банды, оперировавшей в Волынской области, Кирилюк, связной Черновицкого окружного провода ОУН Мартынюк, связная между Львовской окружной исполнительной и Збаражской ОУН Кижик, которая занималась доставкой оружия. Кижик в течение полугода разыскивалась Львовским управлением НКГБ.

Во время операции изъято оружия: винтовок — 13, револьверов — 27, холодного оружия — 6, гранат — 4, патронов — 115 и контрреволюционной литературы — 200 экземпляров.

Во время перестрелки с нелегалами убито участвовавших в операции 2 человека и ранено 3 человека.

По сообщению с мест, на станциях погрузки зачастую собирались родственники и знакомые выселяемых, которым изъятые нелегалы с возмущением передавали, чтобы возвратились нелегалы, из-за которых они страдают.

В Збаражском районе Тернопольской области был выслан и вывезен на станцию погрузки старик Ястребов кий, сын которого находится на нелегальном положении. Нелегал Ястребовский, узнав, что отец выслан, явился на станцию и, рассказав о том, что перешел на нелегальное положение, в присутствии родственников и знакомых начал просить об оставлении отца, а сам обещал искупить свою вину. Семья Ястребовского освобождена. Когда старик выходил из вагона, выселяемые кричали ему вслед: «Передайте и нашим подлецам, чтобы немедленно явились, пока нас еще не вывезли».

Аналогичные случаи имелись и по другим областям.

*Народный комиссар государственной безопасности Союза ССР
Меркулов*

Из ориентировки НКГБ УССР № А-1760 «О подрывной деятельности украинских буржуазных националистов и мерах по усилению борьбы с оуновским подпольем»

31 мая 1941 г.

...Агентурными материалами и рядом следственных дел, имеющихся во всех управлениях НКГБ западных областей, устанавливается, что как мельниковцы, так и бандеровцы работают в тесном контакте с германской разведкой и создание так называемой «великой соборной Украины» мыслят себе не иначе, как с помощью немцев.

Разница между мельниковцами и бандеровцами в этой части заключается только в том, что мельниковцы считают целесообразным сохранить силы и кадры «Организации украинских националистов» до того момента, когда Германия начнет войну против СССР, с тем чтобы во время этой войны выступить против Советского Союза и с помощью немцев создать «самостоятельное украинское государство» под протекторатом Германии.

Бандеровцы же считают целесообразным помогать немцам уже в настоящее время путем саботажа мероприятий Советской власти, активной шпионской работой, диверсионной деятельностью и организацией терактов, которые, по их расчетам, должны деморализовать население западных областей УССР.

Мельниковцы открыто поддерживают связи с гестапо. Немцы сами переправляют эмиссаров Мельника на нашу сторону.

Бандеровцы же не разрешают своим членам, помимо провода, связываться с немцами. Все разведанные и задания диверсантам, шпионам и террористам, Перебрасываемым на нашу сторону, немцы передают через бандеровский провод.

Немцы, в отличие от мельниковцев, не перебрасывают бандеровцев на нашу территорию, а лишь открывают для них границу в заранее обусловленном месте.

Необходимо указать, что низовка ОУН и некоторая часть среднего руководящего звена не знают о шпионской деятельности Бандеры и Мельника, не знают, что по существу работают на немцев.

Имеющиеся в НКГБ УССР данные свидетельствуют о том, что и внутри Советского Союза за последнее время начинается раскол ОУН.

Объясняется это, с одной стороны, работой мельниковцев, а с другой стороны — проведенной за последнее время операцией по изъятию актива и руководящего состава организации и выселению семей нелегалов.

Некоторые крупные националисты заявляют, что НКГБ за последнее время нанес чувствительные удары ОУН, и обвиняют в этом тактику бандеровцев, которая вызвала со стороны Советской власти массовые репрессии против ОУН.

Это веяние, исходящее от националистов «старой генерации», постепенно начинает проникать в среду организаций, находящихся под влиянием Бандеры.

Подтверждением изложенного выше обстоятельства является, в частности, тот факт, что за последнее время многие нелегалы, представляющие собой основную базу организации, убедившись в

беспольности борьбы с Советской властью, являются с повинной. За короткое время, прошедшее с момента последней операции по выселению семей нелегалов, в западных областях УССР явились с повинной 252 нелегала.

Изложенное выше подтверждает наш первоначальный тезис о наличии благоприятных условий для глубокой агентурной работы в ОУН.

Однако произведенной лично мною проверкой оперативных планов областных управлений НКГБ по разработке и ликвидации оуновского подполья установлено, что уровень нашей работы по этой линии не стоит на должной высоте.

Составленный НКГБ УССР и утвержденный народным комиссаром госбезопасности СССР план оперативных мероприятий по линии ОУН ставит перед чекистами западных областей три основные задачи:

1. Оперативная ликвидация руководящего состава и актива ОУН.
2. Глубокая разработка руководящих оуновских центров и внедрение в эти центры наших проверенных источников.
3. Перехват в свои руки руководства отдельными организациями ОУН, и в частности краевой экзекутивы ОУН, с тем чтобы таким образом парализовать активную работу этой организации...

Народный комиссар госбезопасности УССР Мешик

Из обзора 6-го отдела 3-го управления НКГБ СССР по антисоветским проявлениям и важнейшим происшествиям, имевшим место в СССР в апреле 1941 г.

Май 1941 г.

...Усиление активности оуновцев-нелегалов и их бандитских формирований в апреле выразилось в совершении 38 террористических актов против советского актива, 3 поджогов, 7 налетов на кооперативы и сельсоветы с целью ограбления. При этом было убито: 8 председателей сельсоветов, 7 председателей правлений колхозов, 3 комсомольских работника, 5 работников районного совпартаппарата, 1 учительница, 1 директор школы и 16 колхозников-активистов: Ранено: 5 работников районного совпартаппарата, 2 комсомольских работника, 1 председатель кооператива и 11 колхозников-активистов.

Основные очаги террористических и бандитских проявлений украинских националистов находятся в Тернопольской области, на территории которой в апреле имели место 22 террористических акта и 16

случаев бандитских проявлений.

В ночь на 1 апреля в селе Козивка Тернопольской области 4 вооруженных оуновца, выждав момент выхода председателя сельсовета Гороховского Н. Ф. из здания сельсовета, бросились за ним. Гороховский успел вбежать в квартиру своего брата и закрыть за собой дверь. Один из бандитов, взломав окно, ворвался в квартиру и тремя выстрелами убил Гороховского. Труп его бандиты вытащили на порог дома, где отрубили голову и унесли с собой.

Дальнейшими мерами убийцы были установлены, при задержании оказали вооруженное сопротивление. В перестрелке убит организатор теракта, руководитель районной организации ОУН Венрик Степан, остальные три участника теракта арестованы и сознались.

7 апреля в селе Мужилов Подгаецкого района Тернопольской области оуновец-нелегал Дума Михаил ранил топором местного комсомольца-активиста Бугая Н. Г. Дума арестован и сознался.

(...)

Несмотря на значительный рост в апреле случаев убийств и бандпроявлений со стороны украинских националистов, большинство террористических актов остаются нераскрытыми. Вследствие слабой работы в районах и селах с агентурой почти отсутствуют факты своевременного предупреждения намерений оуновского подполья к совершению терактов и бандпроявлений.

Органами НКГБ УССР из 69 случаев террористических актов и бандпроявлений в апреле было вскрыто только 16 случаев.

В связи с этим 6-м отделом 3-го Управления НКГБ разработано директивное указание НКГБ УССР и УНКГБ западных областей УССР о том, чтобы одновременно с проводимой ими работой по разгрому и ликвидации оуновского подполья были проведены следующие мероприятия:

А) Установить деловой контакт с начальниками УНКВД по вопросам борьбы с террористическо-бандитской деятельностью оуновцев и разработать практические мероприятия по организации активного оперативного розыска участников бандитских проявлений и террористических актов.

Б) В наиболее неблагополучных в этом отношении районах организовать периодическое патрулирование по населенным пунктам и дорогам скрытых вооруженных групп из милицейских работников и отдельно вооруженных групп из бойцов войск НКВД под руководством оперативных работников УНКГБ для проверки документов и задержания

подозрительных лиц. В этих же целях совместно с органами НКВД продумать вопрос о целесообразности и возможности организации в отдельных селах бригад содействия из местного актива.

В) Организовать в районных центрах ряд открытых судебных процессов над пойманными оуновцами-террористами...

Начальник 6-го отдела 3-го Управления НКГБ СССР майор государственной безопасности Илюшин

Ориентировка НКГБ СССР № 2082/М наркомам госбезопасности БССР, УССР, МолдССР, ЛитССР, ЛатвССР, ЭССР и ГУПВ НКВД СССР «О подготовке немцами агентуры, владеющей русским языком, и мероприятиях по ее выявлению и задержанию на территории СССР»

4 июня 1941 г.

По поступившим в НКГБ СССР данным, немцы принимают активные меры к изучению русского языка.

При Кенигсбергском университете созданы двухгодичные курсы переводчиков русского языка, на которых обучается 100 человек. При штабе командования созданы трехмесячные курсы, на которых обучается 40 человек. В ближайшее время предполагается открытие вторых краткосрочных курсов, на которые в спешном порядке производится набор людей.

В начале мая в Кенигсберге административные власти вызывали всех лиц до 60-летнего возраста, знающих русский язык. Не исключено, что часть этих людей будет переброшена с разведывательными заданиями на территорию СССР.

8 мая сего года в Генерал-губернаторство направлено 2000 украинцев, членов «Украинского Союза», из 3000 работавших на берлинском заводе «Сименс». Отдельно от них было направлено 100 человек для выброски в район Львова, причем от 40 человек уже получены данные, что они перешли границу.

Ориентируя об этом, предлагаю усилить контрразведывательные мероприятия в пограничной полосе.

Примите меры к выявлению через агентуру уже переброшенных разведчиков указанной выше категории.

В случае обнаружения этих лиц на территории СССР арестовывать и вести следствие, тщательно выявляя каналы и связи с германской разведкой.

*Заместитель народного комиссара государственной безопасности
Союза ССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Кобулов*

***Из «Обзора НКВД УССР о борьбе с бандитизмом в западных областях
Украины за январь — июнь 1941 г.»***

Не ранее 15 июня 1941 г.

...С 1 января по 15 июня 1941 г. в западных областях ликвидировано 38 политических и 25 уголовных банд общим количеством 273 активных участника. Арестовано также 212 пособников и укрывателей бандитов.

Кроме того, выявлено и задержано 747 нелегалов и только за апрель — май арестовано и выселено 1865 активных членов украинской контрреволюционной националистической организации (ОУН).

Во время операций убито 82 и ранено 35 бандитов-оуновцев, нелегалов и уголовников.

У участников ликвидированных бандгрупп, а также оуновцев и нелегалов изъято большое количество оружия.

Ликвидированные бандгруппы совершали террористические акты над советскими и партийными работниками, занимались поджогами и грабежами. Как правило, бандгруппы были связаны с контрреволюционными формированиями (ОУН и другие). Некоторые участники банд являлись агентами иностранных разведок.

В результате недочетов в борьбе с бандитскими проявлениями, а также вследствие неудовлетворительного выполнения указания НКВД УССР № 2 от 10 марта во Львовской, Ровенской и Дрогобычской областях продолжает оперировать значительное количество политических и уголовных банд.

Важнейшим условием успеха борьбы с бандитизмом является правильная организация мероприятий, направленных на ликвидацию пособничества и укрывательства бандитов...

Правильно организованные мероприятия по выселению социально опасного элемента и проведенная агентурная разложенческая работа среди нелегалов и бандитов в ряде мест привели к самоликвидации целых бандгрупп, продолжительное время терроризировавших сельский советский актив...

Наиболее ощутимыми отрицательными моментами в организации работы по борьбе с бандитизмом в западных областях являются: неподготовленность проводимых операций по изъятию бандэлемента, беспечность и слабая боевая подготовка оперативных работников,

приводящие в ряде случаев к провалам операции, безнаказанному уходу и скрытию бандитов, а также к убийствам и ранению работников НКВД (с 1 января по 15 июня сего года в западных областях УССР убито 13 и ранено 30 оперработников).

Потери в результате неорганизованных и неподготовленных операций составили 40 % от общего числа потерь работников НКВД...

На 15 июня состоят на учете 77 действующих банд-групп с 366 участниками, из них политбанд 51 с 274 участниками и уголовных банд 26 с 92 участниками. Наибольшее количество банд продолжает оперировать в Тернопольской и Волынской областях...

Начальник 3-го Управления НКГБ СССР

Из «Обзора 6-го отдела 3-го Управления НКГБ СССР по антисоветским проявлениям и важнейшим происшествиям, имевшим место в СССР в мае 1941 г.»

16 июня 1941 г.

Анализ антисоветских проявлений и важнейших происшествий, имевших место в мае 1941 г., показывает, что наибольшую активность продолжают проявлять антисоветские организации украинских националистов на территории западных областей УССР.

Открытая антисоветская деятельность ОУН выразилась в совершении ряда террористических актов и других форм расправы над советским, колхозным и сельским активом.

Всего за май по западным областям Украины учтено 58 случаев террористических актов, в результате которых убито 57 человек и ранено 27 человек.

Террористические проявления имели место в следующих областях:

Области	Кол-во случаев	Убито	Ранено
Тернопольская	21	15	10
Волынская	12	19	6
Ровенская	6	3	5
Станиславская	6	8	1
Львовская	9	8	5
Дрогобычская	3	3	—
Черновицкая	1	1	—

В мае было убито и ранено: председателей и секретарей сельсоветов — 10 человек, председателей колхозов и колхозных активистов — 30, партийно-комсомольских работников — 2, школьно-клубных работников — 9, работников советского аппарата — 7, работников милиции — 4, военнослужащих — 2, членов семей сельского актива — 16.

Кроме этого, бандитами-оуновцами насильно уведены и не разысканы до настоящего времени 2 депутата сельсовета и 2 работника леспромхоза.

Наиболее характерными фактами терактов, совершенных оуновцами, являются следующие:

В ночь на 6 мая в с. Гумниско Терембовлянского района Тернопольской области политическая банда в количестве 12 человек совершила убийство колхозника Паванюка, члена ВЛКСМ Швеца и лаборанта мельницы Солонецкого.

17 мая в с. Вахово Теремновского района Волынской области трое неизвестных, вооруженных карабинами, путем взлома окна проникли в дом и убили фин-агента сельсовета Примака и его родственника Панасюка.

17 мая в 3 час. ночи в с. Болотня Поморьянского района Львовской области убит комсомолец Бокай, сын бывшего депутата Народного собрания Западной Украины.

22 мая в 12 час. в с. Костельники Золотопотокского района Тернопольской области во время выселения семьи нелегала Леснива последний выстрелом из карабина ранил производившего опись имущества Войтенко, члена Золотопотокского РУ ЛКСМУ.

23 мая в 4 час. утра в с. Клецивка Рогатинского района Станиславской области из огнестрельного оружия убиты у себя в квартире учительница Свежинская, ее приемный сын, секретарь местной комсомольской организации Свежинский и Юрчева.

(...)

До настоящего времени большинство террористических актов остается нераскрытым.

Из 58 случаев терактов раскрыто только 17, по которым арестовано 46 оуновцев, принимавших участие в совершении этих актов.

В западных областях Украины, а также в пограничных районах Молдавской ССР отмечены случаи, когда враждебные элементы с целью срыва посевной кампании и создания паники среди населения распространяют провокационные слухи о якобы начавшейся войне между СССР и Германией, отступлении Красной армии и т. п.

13 мая 120 колхозников с. Коженицы (участок 92-го Перемышлянского погранотряда УССР, в 16 км от границы) отказались выйти на полевые

работы в связи с тем, что среди населения были распространены провокационные слухи о предстоящей в ближайшие дни войне с Германией.

14 мая в райцентре с. Кишкарены Бельцкого уезда Молдавской ССР в базарный день враждебные элементы распространили провокационный слух о том, что Красная армия под напором немцев отступает и угоняет весь скот. Население окружающих сел в панике оставило базар, бросилось по селам и начало прятать скот.

Факты обнаружения у оуновцев оружия немецкого образца дают основание предполагать, что это оружие они получают из-за кордона.

В мае с.г. по показаниям арестованного оуновца Стасика в с. Романово Бобрского района Львовской области обнаружен тайник с боевым оружием. В тайнике находилось: 2 флакона химикалий для тайнописи, станок для тяжелого пулемета и железная коробка с пулеметной лентой, набитой боевыми патронами немецкого образца, а также различная националистическая литература...

Начальник 6-го отдела 3-го Управления НКГБ СССР майор государственной безопасности Илюшин

**Глава 2. УКРАИНСКИЙ
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ГОДЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1941–
1945 гг.**

Украинцы в немецких спецслужбах. Разведчики и диверсанты

В преддверии большой войны на Востоке немецкое военное руководство усиленными темпами привлекало под свои знамена всех тех, кто по каким-либо причинам имел свои счета к Советской власти и к России в частности. Украинские националисты исключения не составляли. Несмотря на имевшиеся в руководстве рейха различные точки зрения на использование в военных действиях «недочеловеков», шеф абвера В. Канарис использовал в своем хозяйстве всех, кого считал использовать целесообразным, руководствуясь принципом «Отбросов нет, есть только кадры».

В структуре абвера уроженцы Западной Украины использовались в качестве разведчиков, диверсантов, солдат. Опекали и обучали их хорошо им знакомые по Первой мировой войне бывшие офицеры Австро-Венгерской армии, в это время выступавшие уже в качестве офицеров Армии рейха.

Украинцы использовались на всех участках тайной войны. До начала боевых действий между Германией и СССР украинская «пятая колонна» поступила в распоряжение ряда приграничных подразделений армейской разведслужбы. Украинцы создали на базе оуновской сети разведывательную сеть, охватывающую территорию западных областей СССР и особенно недавно присоединенных территорий Западной Украины и Западной Белоруссии.

Основной территорией, являвшейся своеобразным трамплином для заброски агентов в УССР, была оккупированная территория Польши.

В конце 1939 года здесь был организован абвер-штелле (АСТ) ^[19] «Краков», имевший в своей структуре разведывательно-диверсионный и контрразведывательный отделы. Возглавлял АСТ полковник Визер. Основной агентурный контингент вербовался из членов ОУН и Украинского Центрального комитета (УЦК).

В 1940 году АСТ «Краков» создал в местечках Дукла, Каменица, Барвинек, Закопане (Польша) и Песчане (Чехословакия) лагеря подготовки украинских разведчиков и диверсантов под вывеской «Украинские учебные лагеря». Во всех этих лагерях проходили спецподготовку последователи С. Бандеры и А. Мельника.

На территории Генерал-губернаторства (Польша) проходило подготовку до 800 украинских агентов. В Кринице обучались 150 мельниковцев. Весь курс военной подготовки и разведцела преподавали инструкторы из соединения «Бранденбург-800». Для маскировки истинных целей своей подготовки обучающиеся в лагерях выезжали на работы по корчевке леса и прокладке дорог, выдавая себя за рабочих из лагерей трудовой повинности.

Руководителями украинских лагерей последовательно были обер-лейтенант Аллен, капитан Вульф и обер-лейтенант Эггерс.

АСТ «Краков» принимал участие также в подготовке личного состава дружины украинских националистов «Нахтигаль». В Кракове велась подготовка украинских агентов на конспиративных квартирах. Общее количество подготовленной агентуры — 10–15 человек.

Украинские агенты вербовались с помощью функционеров УЦК и его «допоможних комитетов» во всех крупных городах Генерал-губернаторства и приграничных с СССР районах. Под городами Холм и Бяла Подляска существовали лагеря для украинских беженцев, где сотрудники АСТ опрашивали их и вербовали добровольцев в разведывательно-диверсионные школы.

Переброску агентуры через демаркационную линию вели сотрудники 2-го отдела АСТ Флейшер, Саллаба и Ноглинский. Передовой пункт органа располагался в Перемышле, действовал под руководством фон Мюльштрема, резидента АСТ Гладкия (он же Гладких Яри, псевдоним Тартачек).

С начала военных действий против СССР сотрудники АСТ проводили работу по опросу советских военнопленных в лагерях Демблина, Ченстохова и других населенных пунктов.

Помимо передового пункта, АСТ «Краков» располагал 3 передовыми пунктами абвернебенштелле (АНСТ).

АНСТ «Люблин» вел работу против частей Советской армии на участке Ковель — Львов. Имел мельдекопфы ^[20] в Грубешове, Белзеце и Томашеве. Начальник — майор Горнек.

АНСТ «Радом» занимался уточнением карт районов УССР и имел специальный картографический отдел.

АНСТ «Львов» работал против советских разведчиков-парашютистов и вскрывал подпольные организации. Начальник — майор Шнайдер.

Официальными сотрудниками АСТ были такие известные украинские националисты, как полковник Р. Сушко (псевдоним Sommer), Сулятицкий (псевдоним Сулла), Е. Врецьона, А. Бизанц. Специалистами по

украинскому вопросу в АСТ были профессор, капитан Ганс Кох, ротмистр Пуллуй (он же Пулюи, доктор Пухерт).

После захвата территории УССР немецкими войсками вглубь советской территории переместились и немецкие органы военной разведки. Основным «головным предприятием» по ведению агентурно-осведомительной работы здесь стал АСТ «Украина».

В августе 1941 года и по ноябрь 1942 года АСТ размещался в г. Ровно, затем переведен в Полтаву. В феврале 1943 года при отступлении немецкой армии переехал в г. Здолбунов близ Ровно. Был известен как «Штаб связи ОКВ Украины». Возглавлял АСТ полковник Науманн.

АСТ «Украина» имел в своей структуре следующие рефераты:

[\[21\]](#) — борьба с советской разведывательной агентурой.

ЗС — борьба с подпольем и партизанами.

ЗЛ — контрразведка в частях ВВС.

ЗКGF — агентурная работа в лагерях военнопленных.

ЗМ — контрразведка в частях ВМФ в г. Николаеве.

В подчинении органа находились АНСТ «Киев» и АНСТ «Юг Украины» в г. Николаеве. В ряде городов Украины АСТ имел свои контрразведывательные Пункты, замаскированные под штабы воинских подразделений, комендатур, служб тыла. Рефераты и филиалы АСТ имели по 2–3 резидентуры. Связь поддерживалась при помощи специальных курьеров.

Резидентуры органа возглавляли прибывшие вместе с органом белоэмигранты и коллаборационисты из числа советских граждан. Резиденты самостоятельно подбирали агентов, согласовывая их кандидатуры с рефератами АСТ. Каждый резидент имел на связи до 15 осведомителей, в т. ч. 2–3 штатных, которые входили в состав оперативных групп, выполнявших особые поручения резидента.

АСТ имел в Ровно свой лагерь для военнопленных и задержанных граждан. Начальник лагеря зондерфюрер Шмидт и резидент капитан Паульзен вербовали в нем агентуру и направляли ее для дальнейшего использования в филиалы и резидентуры АСТ.

Весной 1942 года был создан АНСТ «Днепропетровск» под руководством подполковника фон Раутёра. Орган действовал до отступления немцев из города и имел в своем составе 7 оперативных сотрудников.

С осени 1942 года в Виннице действовал пункт контрразведки под командованием капитана Енча, затем — капитана Штрука.

Основную контрразведывательную работу в разных городах Украины

вела резидентура реферата ЗФ во главе с капитаном Паульзенем. В своем подчинении она имела свыше 20 штатных агентов, среди которых были лица, ранее принадлежавшие к совпартактиву. Для ликвидации партийного подполья агентура постоянно выезжала в Винницу, Чернигов, Бердичев, Умань, Проскуров и иные города Украины. С марта 1943 по январь 1944 г. резидентура Паульзена размещалась вела работу в г. Здолбунов.

После расформирования АСТ «Украина» в 1943 г. резидентура Паульзена влилась в АК-305 и находилась в городах Броды, Злочев, Тернополь, Львов, Ужгород, Краков. В конце октября 1944 года Паульзен с частью агентуры выехал в распоряжение АСТ «Познань».

В украинской столице после оккупации абвером был создан АНСТ «Киев», который с октября 1941 по конец октября 1943 года дислоцировался по ул. Кирова, 7/9 и именовался «Фербиндунгштелле ОКВ». Начальником органа до апреля 1942 г. был майор Кре-мер, затем подполковник фон Гамм.

АНСТ имел свой контрразведывательный филиал в г. Белая Церковь и вел работу по районам Киевской области. АНСТ имел распределительный пункт агентуры под Киевом. В лагере находились до 90 агентов, завербованных из военнопленных для внедрения в партизанские отряды и на киевские предприятия, а также для работы в качестве резидентов в сельской местности.

Вербовка агентуры велась среди военнопленных в Дарницком и Ровенском лагерях среди захваченных агентов советской разведки и подпольщиков, а также членов ОУН. Кроме этих кадров, АНСТ располагал тремя контрразведывательными резидентурами.

АНСТ «Киев» не передавал материалы на арестованных в СД, а самостоятельно вел их дела, применяя при этом пытки, избиения и «подсадных уток» — агентов-камерников.

При советском наступлении АНСТ выбыл вместе со штатными агентами в Ровно и Здолбунов, где пребывал в распоряжении АСТ «Украина». Впоследствии основная часть официальных сотрудников и штатных агентов была направлена в Познань, где была включена в штат АСТ «Познань». Затем агентура была переведена в учебный лагерь в замке Гультовы в 30 км от Познани, откуда направлялась в органы военной контрразведки.

Абверкоманда-101 была создана в июле 1942 года и придана армейской группировке «Зюд-А», впоследствии — «Норд-Украина». Позывной команды — «Меркурий», полевая почта 57 278. Начальниками команды были последовательно подполковник Гемприх, затем, с мая 1943 года —

подполковник Лингард, с весны 1944 года — полковник Собераль, с декабря 1944 и до расформирования — капитан Бивербрук (или Бивербрух).

Абверкоманда действовала против Северо-Кавказского и 1-го Украинского фронтов. Агентурные кадры поставляла Полтавская разведшкола.

В июле 1942 года АК-101 находилась в г. Сталино, в сентябре 1942 года — в Ставрополе, затем последовательно в Евпатории, Запорожье, Днепропетровске и м. Вороновицы Винницкой области. Имела разведывательные пункты в Львове и Кракове.

В последние дни войны личный состав команды сдался в плен англо-американским войскам.

Абверкоманда-102 до июля 1942 года именовалась АК 1А, была придана армейской группировке «А». Действовала против советских войск Южного и Юго-Западного фронтов. С июля 1942 года состояла при армейской группировке «Зюд-Б», с осени 1943 года до осени 1944 года — при группе армий «Норд». Позывной радиостанции — «Орион». Начальниками органа были последовательно подполковник Визер, подполковник Иозеф Рокита, подполковник Гопф-Гойер, лейтенант Орвальдт и обер-лейтенант Даллингер.

Команда вербовала агентуру из советских военнопленных в лагерях Киева, Кировограда, Белой Церкви, Полтавы и в Эстонии. Подготовленные кадры поступали из Варшавской и других разведшкол. Вербовку вели официальные сотрудники органа Мильчевский (Майер), Самотоков, Прохоров, Корниенко и другие. При вербовке применялись провокационные методы. Так, лица, подлежащие вербовке, арестовывались по фиктивному обвинению, после чего им предлагали искупить «вину» сотрудничеством с немецкой разведкой. Часть агентуры обучалась в Полтавской разведшколе.

С сентября 1941 по сентябрь 1942 г. АК-102 размещалась в Полтаве, затем переехала в г. Старобельск Ворошиловградской области, после чего — в Харьков. Там же командой был организован специальный проверочный пункт для завербованных агентов. Прошедших проверку направляли в Полтавскую разведшколу. В конце 1944 года АК-102 была расформирована, часть ее личного состава влилась в армейские формирования, остальные остались в качестве агентуры на оседание.

В подчинении АК-102 находились абвергруппы 104, 105, 106, 169, 173 и Полтавская разведшкола.

Абвергруппа-104 носила кодовое наименование «Хорст» и была

придана 6-й немецкой армии. Позывной — «Леве». В мае 1943 года действовала при 4-й немецкой танковой армии. До июля 1942 года подчинялась АК-1А, затем — АК-102, с мая 1943 года — АК-101. Группу возглавляли последовательно майор Черник, полковник Лейтер, лейтенант Питцер Рудольф, лейтенант Голле Рихард. Группа вела разведработу против Юго-Западного, Сталинградского и 1-го Украинского фронтов.

Агентура вербовалась из советских военнопленных в Ровно, Майкопе, пос. Попельня Житомирской области, пос. Летичево Каменец-Подольской области, в Гродно, Перемышле, Тарнуве и Кельцах, а также из числа украинских националистов.

С осени 1944 года агентов вербовали из членов Украинского Легиона самообороны (УЛС) и восточных рабочих (остовцев) в лагере «3 Ост» в г. Котбусе. Вербовку вели официальные сотрудники группы Чикваидзе (Шталь), Пекульский (Зоенков), Кохно Валентин, Штеер Ганс, Глык (он же Обережный). До 1944 года агенты специального обучения не проходили, а инструктировались о методике и способах сбора информации.

С 1944 года при группе стали действовать специальные курсы подготовки, под началом бывшего майора Советской армии Озерова. Одновременно была сформирована штурмовая команда под руководством офицера штаба группы Макса. Группа готовила разведчиков переднего края советской обороны. В ее составе находились добровольцы из украинских легионеров и агентов, уже проверенных на работе в советском тылу.

Позднее в м. Гроссдорф были созданы 2 учебные группы. В первой обучались русские, во 2-й — западные украинцы. Последняя группа насчитывала 25 человек, была изолирована от русской, и обучение в ней велось по более насыщенной программе.

Группа имела в своем распоряжении два мельдекопфа:

1-й был при 8-м армейском корпусе и одновременно обслуживал 14-ю танковую армию. В каждой дивизии 8-го корпуса при отделах 1Ц мельдекопф имел своих представителей. Так, при отделе 1Ц 100-й дивизии им был Чикваидзе, при 305-й — Кузнецов.

2-й действовал при 11-м армейском корпусе и обслуживал 15-й танковый корпус. Начальник органа — капитан Люкк.

В числе официальных сотрудников органа были бывший майор польской армии А. М. Пекульский (он же Саенко, или Зоенков), ротмистр Л. А. Тренко, вербовщик Т. Н. Новак (он же Кохно), офицер УЛС Гупало (Макс), преподаватель и переводчик разведкурсов П. Сагайдачный (доктор Шульце), переводчик Шатановский-Билинчак.

Абвергруппа-203 именовалась также «Зондеркоманда-203» и была

придана 1-й танковой армии. На территории Украины действовала под наименованием «Баутрупп-203». Начальниками органа были последовательно зондерфюрер Маркерт Томас, капитаны фон Рейнгард Курт и Оглозе.

Группа вела работу против Северо-Кавказского и 2-го Украинского фронтов и контрразведывательную работу в тыловых районах своей армии.

Агентура вербовалась в лагерях военнопленных в Луккенвальде, Барвенкове, Сталино, Днепропетровске, Запорожье, Славянске, Кировограде, из числа мобилизованных на работы в Германию женщин, находившихся на пересыльном пункте в г. Сталино, и из местных жителей. На Западной Украине агентура вербовалась из членов ОУН-УПА. Вербовка проводилась под видом набора добровольцев в РОА или УВВ. Вербовку вели официальные сотрудники группы унтер-офицер Шуберт, Слюсаренко Иван (Яблочкин), Шарафутдинов (Миша). Часть завербованных агентов направлялась в боевые группы, проводившие войсковую разведку, а остальные агенты зачислялись на курсы, именовавшиеся «Парашютно-диверсионная группа «Краков». На них агенты в течение 5–15 дней изучали подрывное дело, агентурную разведку, структуру Советской армии (главным образом артиллерии и танковых войск), стрелковое оружие, тактику, тренировались в переходе линии фронта и преодолении минных полей. После получения инструктажа от начальника группы агенты самолетами или пешим порядком по 2–5 человек перебрасывались в советский тыл или оседали при отступлении немецких войск. Боевые группы вели разведку советского переднего края, захватывали «языков» и стратегически важные объекты. При отступлении немецких войск уничтожали объекты и обеспечивали организованный отход немецких частей, действуя в качестве своеобразных заградотрядов. Личный состав таких групп порой переодевался в советскую военную форму, вооружался и оставался в районе отступления немецких частей для введения в заблуждение наступающих и тем самым давал возможность немецким частям оторваться от преследования и закрепиться на новом рубеже. Часть членов боевых групп использовалась в качестве агентов-разведчиков.

Группа вела также контрразведывательную работу против советских партизан, подполья и разведки. Всего при АГ-203 действовали 9 боевых инонациональных групп.

В декабре 1942 года абвергруппа-203 размещалась в Пятигорске, затем в Краматорске, Днепропетровске и его области, Кировограде и Умани. В мае 1944 группа прибыла в м. Анин, где была переформирована. В конце мая 1944 года прибыла в Дрогобыч Станиславской области. В июле 1944

года переехала в Чехословакию, где в апреле 1945 года была расформирована, а ее личный состав передан в АК-202.

Абверкоманда-202 сформирована в июле 1941 года и придана группе армий «Зюд», затем — «Зюд-Б», позже — «Норд-Украина». До июля 1942 года именовалась «АК-2 Зюд». Орган возглавляли последовательно подполковник Эрнст цу Эйкерн, майоры Зелигер и Карл Хельвиц. Команда вела работу против советских войск Южного и Юго-Западного фронтов.

Агентура вербовалась из советских военнопленных в лагерях на Украине, а с осени 1944 года — из членов ОУН-УПА, Армии Крайовой и НТСНП. При команде функционировали спецкурсы для подготовки агентуры, по окончании которых агенты забрасывались в советский тыл. Им давались задания по подрыву объектов, ведению антисоветской агитации, разложению советских подразделений, созданию ячеек НТСНП и совершению терактов.

При команде действовал свой радиоотдел под командованием оберфельдфебеля Шпode. Начальник радиостанции фельдфебель Толо возглавлял курсы подготовки радистов, действовавшие осенью 1944 года в Кракове.

В июне 1941 года команда прибыла под Краков и вместе с Германской армией перемещалась по маршруту Львов — Кременец — Полтава — Винница — Городок (Каменец-Подольский район) — Львов. В Львове команда располагала сборным пунктом командиров отрядов УПА. В начале 1945 года команда прибыла в Чехословакию и в апреле 1945 года получила приказ уйти в подполье группами по 10–12 человек.

В подчинении АК-202 находились абвергруппы 204, 205, 206, 220 и Полтавская и Запорожская диверсионные школы, курсы диверсантов в м. Козырцево и сборный лагерь агентуры на станции Зуль.

Абвергруппа-204 до января 1943 года действовала при 6-й армии. В мае 1943 года, после реформирования придана группе армий «Кемпф», позднее — 8-й армии. Орган вел работу против 2-го Украинского фронта. В мае 1944 года группа перешла в подчинение АК-206. Орган возглавляли последовательно: майор Фербек (или Вербек) Ганс, обер-лейтенант Чарли Клаус, лейтенант Брюер Отто, ротмистр граф фон Тун Гогенштейн Эрвин, капитан Рейтер Альфред и обер-лейтенант Юнг Иоганн.

В 1941 году группа располагалась в Житомире, с ноября по июль 1942 года — в Харькове. Агентура вербовалась из местных жителей и военнопленных в лагерях Белгорода, Полтавы, Харькова и из личного состава полицейского училища в Харькове, располагавшегося по ул. Артема, 30. Вербовку агентуры проводили украинцы Кравчук,

Черевичников и другие. Несколько дней после вербовки агенты содержались на конспиративных квартирах, получали инструктаж и подвергались антисоветской агитации, посещали кинотеатры. переброска агентов производилась только пешим порядком группами и в одиночку. Агентам давали задания по проведению диверсий на охраняемых объектах. При приближении немецких войск агентуре поручалось сохранять их от уничтожения. Задания агентам давал Кравчук.

После разгрома 6-й армии под Сталинградом группа, потерявшая в боях половину личного состава и техники, была отозвана приказом 2-го отдела «Абвер-Заграница» от 31.01.1943 на переформирование в Киев.

В середине августа 1943 года группа передислоцировалась к Полтаве, оставив в Харькове часть агентуры на оседание. Агентам было поручено проведение терактов после занятия города советскими войсками. Под Полтавой абвергруппа получила пополнение во главе с капитаном Рейтером. В сентябре того же года находилась уже в Кировограде.

В конце 1943 — начале 1944 г. группа переехала на территорию Одесской области, а в марте 1944 года эвакуировалась в Кишинев, оттуда в румынский город Брлат. В мае 1944 года в районе г. Бистрицы из состава абвергруппы была выделена опергруппа в район г. Ватра-Дорней, где находилась до июля 1944 года. После реорганизации Абвера в июле 1944 года абвергруппа получила наименование «Месгрупп-24». На территории Румынии орган развернул массовую подготовку диверсантов из числа членов ОУН, главным образом из членов отряда УПА под руководством В. М. Шумка (он же Луговой или Борисов), дислоцировавшегося в с. Щепань Черновицкой области, а также из военнослужащих Румынской армии.

На краткосрочных курсах в с. Плоское Черновицкой области было подготовлено около 200 диверсантов. В селах Садовы и Фудул Малдовой Кимполунгского уезда Румынии действовали диверсионные курсы, именовавшиеся «Школа партизан». Аналогичная подготовка агентов шла в других населенных пунктах Румынии — в селе Кужма находилась группа агентов во главе с неким Серым, в селе Альсо Барго — группа Муравского. Обе эти группы были подготовлены в Иббенбюренской школе агентов-пропагандистов. После подготовки группы по 20–30 человек перебрасывались в советский тыл с заданиями проводить диверсии и организовывать повстанческое движение на Западной Украине.

В октябре 1944 года абвергруппа переместилась в Венгрию.

Официальными сотрудниками органа были вербовщики и переводчики Я. А. Кравчук, И. Габай, М. П. Горилко (Петренко), И. Черевинный (он же

Черевыченко, Черевиченко, Черевичников), Н. Яров (он же Яровой), лейтенант С. Холицкий (Сорока).

Абвергруппа-206 была придана 4-й танковой армии. Руководителями органа последовательно были профессор, капитан Кох Ганс, капитан Мишлевский Эрнст, лейтенант Броер, Рамдор Ганс, обер-лейтенант Зисс (или Зюсс), капитан Шиллинг.

Летом 1942 года группа находилась под Сталинградом, зимой 1942 года — под Харьковом, в мае 1943 года — близ Белгорода, затем в г. Богодухове Харьковской области. В августе — сентябре 1943 года группа прибыла в пос. Святошино близ Киева, затем в Ровно и район Львова, после чего переехала в м. Бишофсфельд близ г. Конин (Чехословакия). Группа собственными силами готовила агентуру и забрасывала ее пешим порядком или оставляла на оседание при отходе немецких войск.

В сентябре 1944 года агентура во главе с офицером Гроше выехала в г. Тельшай (Литва), оттуда перебралась в Восточную Пруссию, оставшаяся часть личного состава под командованием лейтенанта Рамдора выбыла в г. Салдус (Латвия) и затем в Польшу. На территории Польши абвергруппа была переформирована лейтенантом Рольке, получила нового начальника — им стал лейтенант Зюсс, офицерский состав был получен из АГ-202. После реорганизации группа начала формировать отряды УПА на территории Польши, в районе городов Мушин, Криница, Новы Сандец.

В январе 1945 года орган переехал в м. Татра Котлина (Чехословакия), затем в Германию. В это время группа подготовила 4 группы агентов из местных жителей-немцев и военнопленных, завербованных в Линце и Гдыне. 1-я группа из 18 человек была направлена в распоряжение отдела 1Ц 17-й армии, другие три были брошены в советский тыл. Группой были созданы курсы подготовки диверсантов в м. Нойендорф близ г. Баграйнерц. На курсах в январе 1945 года обучались 40 диверсантов. Начальником курсов был лейтенант Шуберт. В конце апреля 1945 года курсанты были разделены на группы и направлены в район г. Фридланда для создания тайных складов оружия.

Официальными сотрудниками органа были В. А. Духовитц (он же Вальтер) — вербовщик и преподаватель диверсионного дела, галичанин Л. Косонога — вербовщик, переводчики — И. И. Гроба (или Дроба), В. Вильменко.

Абвергруппа-220 во второй половине 1943 года дислоцировалась в Львове. Осенью 1944 года передислоцировалась в м. Мушин (Польша). Начальник органа — капитан Лазарек Иосиф.

Основная деятельность органа на территории Украины и Польши

сводилась к созданию отрядов УПА, для чего при группе постоянно находились представители штаба повстанцев Кощук и Шевчук. При ведении контрразведки группа поддерживала тесный контакт с АНСТ «Львов».

При органе существовали курсы подготовки разведчиков-диверсантов. С декабря 1943 до июля 1944 г. курсы находились в Львове. Начальником курсов был полковник Голуб. На курсах обучались 16 украинцев, ранее бывших агентами контрразведки в Житомире. В июне 1944 группа организовала в Львове курсы радистов, возглавил которые сам капитан Лазарек. Здесь обучались 30 агентов, из них 7 девушек. Кадры готовились для заброски в составе диверсионных групп УПА в тылы наступающих советских войск. Осенью 1944 года в м. Мушин (Польша) при группе были организованы курсы диверсантов, готовившие кадры для УПА из состава украинских полицейских, эвакуированных из Галиции. Всего на курсах обучались 60–100 человек.

В декабре 1944 года АГ-220 была расформирована, часть личного состава направлена в АГ-206.

Официальными сотрудниками органа были представитель штаба УПА Кощук (Синий), эмигрант Г. Завалинский, начальник курсов радистов И. О. Голуб (Гольт, Голянд), командир отряда УПА М. Балан (Гориль).

Для обучения квалифицированной разведывательно-диверсионной агентуры и ее последующей заброски в советский тыл органами абвера на оккупированной территории был создан ряд специальных школ, в которых готовили агентов, разведчиков, диверсантов, радистов и пропагандистов.

В 1940 году при АСТ «Краков» была организована школа по подготовке разведчиков и диверсантов. Руководили школой обер-лейтенант Арендт, затем капитан Вольф и лейтенант Эггерс. Школа комплектовалась из украинцев — жителей Польши, членов ОУН Бандеры и Мельника.

Школа была разбита на четыре лагеря (отделения): м. Криница — в 100 км на юго-восток от Кракова, м. Дукла — 125 км на юго-восток от Кракова, м. Барвинек — в 15 км от м. Дукла, м. Каменица — в 50 км севернее м. Дукла.

Школа была законспирирована под лагерь трудовой повинности, и часть ее курсантов выходила на сельскохозяйственные работы. В каждом отделении школы одновременно обучались 100–300 человек. В местечках Дукла, Каменица и Барвинек находились члены бандеровской ОУН, в Кринице — мельниковцы.

Украинские агенты занимались военной подготовкой и изучали специальные предметы — разведку, диверсионное дело и организацию

повстанческого движения.

После окончания учебного курса часть агентуры направлялась на прежние места работы и использовалась в качестве контрразведчиков. Другие агенты несли охрану заводов на территории Польши в составе «Веркшутца» («индустриальная охрана») и участвовали совместно с ГФП в операциях по разоружению польского подполья. Выходцы из западных областей УССР проходили дополнительный четырехнедельный курс обучения при соединении «Бранденбург-800» в м. Алленцзее и после окончания перебрасывались с заданиями в Советский Союз. Переброску таких агентов осуществляла специальная резидентура через переправочные пункты в Венгрии и Словакии.

После начала войны школа была расформирована, большая часть ее агентуры была направлена в Нойхаммер, в соединение «Бранденбург-800», оставшиеся в школе были переданы на укомплектование фронтовых команд и групп абвера.

Разведывательно-диверсионная школа в Берлине была создана абвером в октябре 1944 года и именовалась «Школой в ильного козатства». Начальником органа был полковник Украинской освободительной Армии (УВВ) Терещенко.

Школа вела обучение агентов-пропагандистов, разведчиков, диверсантов и радистов для действий в составе подразделений УПА в советском тылу и для внедрения в советские партизанские отряды. Слушатели вербовались из среды украинских националистов и остарбайтеров на заводе «Кабельверке», производстве фирмы «АЕГ», химическом заводе и пр.

В школе одновременно обучалось до 250 человек, треть из которых были женщины. Слушатели были разбиты на группы по 20–30 человек в зависимости от специализации — радисты, разведчики и т. д. Мужская половина слушателей была одета в военную форму, женщины — в гражданское платье. Преподавательский состав носил немецкую униформу со знаками различия УВВ и трезубцем на головном уборе.

Выпускники школы забрасывались в районы действий ОУН-УПА, где должны были создавать диверсионно-повстанческие отряды и совершать теракты.

В марте — апреле 1945 года школа передислоцировалась на две недели в Чехословакию, затем в Австрию, где была расформирована. Курсанты санитарной группы были захвачены советскими войсками в районе Берлина.

Официальными сотрудниками органа были уроженцы Западной

Украины преподаватели Р. Арташевская, Ю. Иванюк, В. Крип, заместителем начальника органа был уроженец Волыни Тарасюк (он же Сытник) Порфирий.

Одновременно с органами абвера собственными специализированными учебными заведениями располагало Имперское Министерство по делам восточных оккупированных территорий. Его лагеря были созданы для подготовки пропагандистских и административных кадров. При необходимости подготовленные этими заведениями выпускники переводились в разведывательно-диверсионные школы для дальнейшей подготовки.

Учебный лагерь в м. Вутзетц располагался близ г. Нойруппина. Организован Восточным министерством в начале 1942 года и условно именовался «Рабочая команда — 650». Возглавлял лагерь немец Мольц. В лагере обучались украинцы и белорусы. Одновременно обучалось до 500 человек. Срок обучения — 2–6 месяцев. Слушатели, окончившие курс подготовки, направлялись в Вустрау.

Свободный лагерь (фрайлагер) в м. Вустрау организован Восточным министерством в 1942 году. Занимал совершенно обособленный городок барачного типа — 23 строения — в том числе котельная, прачечная, типография, где печатался антисоветский журнал «Наши дни» — орган лагерной администрации.

Руководил лагерем сотрудник Восточного министерства Френцель (Корганиани), ему же подчинялись руководители всех свободных лагерей Восточного министерства.

Фрайлагер являлся также сборным пунктом для пропагандистов, прибывавших из других лагерей. По мере надобности они направлялись в различные отделы и учреждения Восточного министерства, занимали посты бургомистров, работали пропагандистами в лагерях военнопленных и остовцев. Часть подготовленных пропагандистов, прошедших обучение в лагерях Восточного министерства, направлялась в различные учреждения и на предприятия на территории Германии.

Пропагандисты, прибывшие в Вустрау, имели право свободного выхода и ношения гражданской одежды. Им выдавались паспорта рейха с отметкой «Вне подданства», а также документы о наличии специальных знаний, дающих право на занятие соответствующих должностей в германских учреждениях. Весь личный состав был разделен на 4 национальных блока: русский, украинский, белорусский и кавказский. Каждый блок в свою очередь делился на группы по специальностям: пропагандисты, врачи, полицейские, специалисты промышленности.

Ожидавшие назначения пропагандисты продолжали обучение по программе учебного лагеря. Занятия с ними вели преподаватели, приезжавшие из учебных лагерей. Как правило, один раз в неделю проводились антисоветские доклады с обзором военной обстановки. Внутри своих блоков курсанты сами устраивали выступления и диспуты на различные темы. В лагере также проводилось повышение квалификации уже работающих пропагандистов. Прослушав новый лекционный курс, они получали назначение на новое либо на прежнее место службы.

После освобождения территории СССР деятельность лагерей Восточного министерства прекратилась, за исключением особых лагерей. Здесь содержали уже подготовленных пропагандистов, не использованных на практической работе.

В феврале 1945 года фрайлагер по частям эвакуировался из Вустрау В глубь Германии. Русская группа выбыла в г. Минден, кавказская — в район Штутгарта, украинская во главе с комендантом Рау — в г. Инцехов, к германо-голландской границе.

Сотрудниками органа были следующие коллаборационисты:

Волощук Иван Матвеевич — преподаватель.

Гориславец Иван Ануфриевич — начальник учебной части украинского блока.

Грицун Александр Исидорович — старший преподаватель украинского блока.

Запорожец Алексей Яковлевич — преподаватель с января 1943 года.

Иванов Евгений Васильевич — преподаватель в 1943 году, с июня 1944 года помощник руководителя учебной части украинского блока.

Курганский Иван Захарович — преподаватель украинского блока. По специальности — преподаватель географии, житель Одессы.

Куторго Георгий Васильевич — преподаватель с весны 1943 года.

Ланской Кирилл — полковник, преподаватель в 1944 году. До войны работал преподавателем в одном из киевских вузов.

Лукьяненко Иван (кличка «Саввич») — главный корректор редакции журнала «Украина».

Мамченко Андрей Харитонович — преподаватель.

Мошинский Борис Львович — старший преподаватель с августа 1943 года.

Мироненко Иван Сергеевич — преподаватель украинского блока. Бывший военный служащий Советской армии, до войны — учитель.

Немчинский Михаил Антонович — преподаватель украинского блока.

Никифоров Николай Митрофанович — преподаватель немецкого

языка, бывший военныйслужащий Советской армии, до войны — преподаватель в одной из средних школ г. Чернигова.

Бычек Александр Романович (кличка Николаев) — преподаватель немецкого языка с начала 1943 года, Пискунов Николай (по другим данным Владимир Федорович или Петр Иванович) — руководитель украинской группы.

Приступа Виктор Тимофеевич — преподаватель и руководитель украинского блока, одновременно преподавал в Цитгенхорсте. Бывший военныйинженер 3-го ранга Советской армии, по довоенной специальности — инженер-архитектор.

Рева Алексей Степанович — преподаватель.

Рудин Герман Карлович — комендант украинского блока.

Страшное Дмитрий Андреевич — преподаватель украинского блока, бывший агроном.

Стрельбицкий Георгий Юрьевич — руководитель учебного процесса в украинской группе.

Сукчинский Алексей Михайлович — преподаватель украинского блока в 1944 году.

Яковенко Антон — старший преподаватель украинской группы с августа 1943 до середины 1944 года.

Школа пропагандистов в Иббенбюрене была организована абвером в конце 1941 года и располагалась в полукилометре от г. Иббенбюрен в специально отстроенном барачном городке. Официальное наименование «Зондерлагерь 1750».

Специализация органа — подготовка агентов-контрразведчиков и пропагандистов для работы в лагерях военнопленных и остовцев. Контингент слушателей формировался из советских военнопленных, уроженцев и жителей Западной Украины. В лагерях проходили подготовку до 400 человек одновременно, разделенные на роты. Срок обучения зависел от успеваемости и способностей курсантов. В программу обучения были включены история Украины, теория национал-социализма, методика контрразведывательной работы, немецкий язык, строевая, тактическая подготовка.

После окончания школы агенты распределялись по рабочим командам, сформированным из советских военнопленных для работы в различных отраслях немецкой экономики, а также направлялись на оккупированную территорию Украины для ведения пропаганды и работы в оккупационных учреждениях. Перед отправкой из школы все выпускники получали устные

инструкции от начальника школы В. А. Балабана. В рабочих командах агентура выявляла политические настроения военнопленных, сообщала о готовящихся побегах и актах саботажа. Через 2–3 месяца агенты вновь возвращались в школу, проходили курс подготовки, чтобы затем вновь внедриться в рабочие команды.

При школе также существовали отдельные курсы командного и преподавательского состава, на которых обучалось до 25 человек. Иббенбюренская школа также являлась резервом для вербовки агентов в немецкие разведывательные и диверсионные школы.

В марте 1945 года школа эвакуировалась в направлении Ганновера, но в пути весь ее личный состав был пленен английскими войсками.

Школа пропагандистов в Мюнстере была организована абвером в феврале 1943 года. В апреле 1945 года именовалась «Арбайтскоммандо-900» или «Особый украинский лагерь». Общее руководство школой осуществлял сотрудник абвера капитан Трасс. Офицерский состав состоял из украинских националистов и учащихся, зарекомендовавших себя перед руководством.

Структура школы, ее задачи и методика подготовки были как у Иббенбюренской. Одновременно в школе обучалось до 500 человек, разделенных на чоты, рои, сотни, курени. Срок пребывания в школе зависел от способностей обучавшихся, но составлял не менее 2–3 месяцев.

Официальными сотрудниками органа были украинские коллаборационисты:

Романюк — кошевой, руководитель органа.

Сушицкий Онуфрий Петрович — хорунжий, инспектор и преподаватель истории. Украинец, эмигрант, бывший военнослужащий Армии УНР, до войны проживал во Франции, Германии и Австрии.

Лещук, или Лящук, — кошевой с июля 1944 года. Бывший советский офицер.

Тарновский (он же Тарнаковский, или Тарнавский, Анатолий) — заместитель инспектора и преподаватель военного дела, эмигрант.

Петренко Иван Гаврилович — преподаватель истории Украины.

Удод Иван — следователь и преподаватель. До войны жил в Сумской области, работал директором средней школы.

Штрук — унтер-офицер, занимался хозяйственными вопросами.

Серый Федор Иванович — сотрудник органа.

Дубина — преподаватель истории Украины.

Василишин Федор Денисович — преподаватель истории Украины и

руководитель художественной самодеятельности. До войны работал в Киеве в Наркомате пищевой промышленности.

Мартынович Дмитрий — куренной до июня 1944 года, затем выбыл в шталаг 326. Бывший военнослужащий Советской армии.

Шикоткин — преподаватель истории Украины.

Алексеенко Иван Иванович — преподаватель истории Украины. До войны жил в Москве, работал преподавателем.

Римайло — преподаватель немецкого языка. Бывший советский военнослужащий.

Оленник (или Олейник) Николай — преподаватель немецкого языка. Бывший советский военнослужащий.

Контрразведывательная школа в м. Гультовы была организована в конце 1943 года и находилась в подчинении АСТ «Познань». Начальник органа — лейтенант фон Бер.

В первоначальный период своего существования школа была укомплектована коллаборационистами, использовавшимися немцами в Киеве, Риге и других крупных городах, а также отступившими вместе с немецкой армией пособниками. Впоследствии школа принимала военнопленных, завербованных в лагерях на территории Польши и Германии. Одновременно обучалось до 150 человек. В программу обучения были включены топография, военное дело, методы агентурной работы, польский и немецкий языки. Преподавателями служили сотрудники АСТ «Познань».

Срок обучения зависел от потребностей в подготовленной агентуре. Почти все обучавшиеся в школе использовались в антипартизанских акциях, главным образом на территории Познаньского округа. После окончания школы агенты направлялись в команды и группы абвера и на оборонные предприятия, где проводили контрразведывательную работу среди восточных рабочих и военнопленных. На территории школы временно проживали вернувшиеся с задания агенты АСТ «Познань».

В июне 1944 года школа была передислоцирована в Берткенигсхоф в 13–14 км от м. Гультовы, где находилась до конца 1944 года. По неподтвержденным данным, была расформирована перед приходом советских войск.

Украинские кадры немецких спецслужб впоследствии осели и в рядах Украинской повстанческой Армии, сформированной ОУН Бандеры. Так, в соответствии с приказом оуновского подполья от 27 августа 1943 года были сформированы Войсковые округа (ВО) УПА. Их возглавили проверенные

кадры ОУН-УПА, ранее служившие в немецкой разведке:

— ВО «Заграва» («Зарево») возглавил Иван Литвинчук (Дубовой, Клир) — перед войной окончил Берлинскую разведывательно-диверсионную школу абвера и в июне 1941 года был десантирован с группой оуновцев для проведения диверсий в Сарненском районе Полесья.

— ВО «Богун» возглавил Петро Олейник (Эней) — окончил перед войной курсы подготовки при Академии Генштаба.

— ВО «Туров» под командованием Юрия Стельма-щука (он же Рудой, он же Норд-IV), до войны прошедшего спецкурс разведчика и диверсанта в Бранденбурге. В июне 1941 года был сброшен на Волынь для работы у Сарненского коммуникационного узла.

— ВО «Тютюнник» под руководством Федора Воробья (он же Верещака, он же Вольнец), до войны закончившего спецшколу абвера в м. Закопане.

По свидетельству бывшего оуновца и члена УПА Максима Скорупского, большинство руководителей Службы безопасности ОУН-УПА Бандеры до войны окончили немецкую полицейскую школу в Закопане в 1939–1940 гг.

Легионы и дружины украинских националистов

Походные группы ОУН

В начале нашего рассказа о легионах украинских националистов времен Второй мировой войны приведем диалог, состоявшийся на Нюрнбергском процессе между Главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко и бывшим руководителем отдела «Абвер-Заграница» генералом Э. Лахузенем:

«Руденко: Свидетель, я хочу поставить вам несколько вопросов в порядке уточнения. Правильно ли я вас понял, что повстанческие отряды из украинских националистов создавались по директиве германского Верховного командования?»

Лахузен: Это были украинские эмигранты из Галиции.

Р.: И из этих эмигрантов создавались повстанческие отряды?

Л.: Да. Может быть, не совсем правильно называть их отрядами, это были люди, которые брались из лагерей и проходили полувоенную или военную подготовку.

Р.: И какое же назначение имели эти отряды?

Л.: Это были организации, как я уже говорил, состоящие из эмигрантов Галицийской Украины, которые работали совместно с отделом разведки за границей.

Р.: Что они должны были выполнять?

Л.: Задача их состояла в том, чтобы с началом военных действий выполнять распоряжения соответствующих офицеров германских Вооруженных сил, то есть те директивы, которые получал мой отдел и которые исходили от ОКВ.

Р.: Какие же задачи ставились перед этими отрядами?

Л.: Эти отряды должны были производить диверсионные акты в тылу врага и осуществлять всевозможный саботаж.

Р.: То есть на территории тех государств, с которыми Германия находилась в состоянии войны, в данном случае на территории Польши. А помимо диверсий, какие еще задачи ставились?

Л.: Также саботаж, то есть взрывы мостов и других объектов,

которые в какой-либо степени представляли важность с военной точки зрения. Эти объекты определялись оперативным штабом Вооруженных сил.

Р.: А террористическая деятельность?

Л.: Политических задач от нас, то есть от отдела разведки за границей, они не получали. Политические задачи они, очевидно, получали от каких-то других соответствующих организаций империи...»

Начало сотрудничеству украинских националистов с немецкими разведслужбами было положено в первой половине 1930-х годов. Германский отдел Украинской военной организации под руководством Рихарда Ярого установил контакты с главой штурмовиков Эрнстом Ремом и самим Адольфом Гитлером. При этом Ярый преследовал цель создания и обучения военизированных подразделений из числа украинских эмигрантов. В 1933 году между ним и Ремом было достигнуто соглашение, по которому молодым боевикам УВО-ОУН предоставлялись возможности для военного обучения на базах СА (штурмовиков). Сам Рем симпатизировал украинским националистам и еще до своего прихода в НСДАП опекал их студенческие кружки в Мюнхене.

Украинская секция русской национал-социалистической организации РОНД также была взята под опеку абвером, и ее члены были включены в спецподразделение «LEHR und BAUKOMPANIE Z.b.V.800», впоследствии развернутое в полк особого назначения «Бранденбург». К 1940 году этот полк имел в своем составе украинскую роту, проходившую обучение в Бадене Венском. Впоследствии это подразделение влилось в батальон «Роланд».

В 1938 году Абвером были созданы тренировочные центры для украинских политэмигрантов на озере Химзее под Берлин-Тегелем и в Квенцгуте под Бранденбургом для подготовки «пятой колонны» для действий в Польше и СССР.

В 1939 году 250 украинских добровольцев проходили спецподготовку в учебно-тренировочном лагере под Дахштайном.

В преддверии крупномасштабных военных действий абвер приступил к вооружению групп ОУН и немцев-фольксдойче на советской территории, контрабандным путем переправляя им оружие через границу.

Украинские добровольцы вербовались с помощью функционеров Украинского Центрального комитета и его «допоможных» комитетов во всех крупных городах Польши. Под городами Холм и Бяла-Подляска

существовали лагеря для украинских беженцев, где сотрудники абверштелле вели их опрос и вербовку в разведывательно-диверсионные школы.

Одним из первых крупных украинских формирований был так называемый Легион полковника Романа Сушко, или «Вісковий виддил націоналістів», в немецких документах он значился как Bergbauemhilfe (ВВН). Ему предшествовала созданная украинскими националистами с помощью абвера спецшкола подготовки украинских офицеров.

В декабре 1938 года в Фельдафинге (Австрия) началась подготовка украинских офицерских кадров из числа членов ОУН (25 человек). Среди украинцев это учебное заведение именовалось Офицерская школа ОУН под руководством полковника Р. Сушко. Сушко сумел открыть такое учебное заведение благодаря многочисленным старым знакомым еще по службе в Австро-Венгерской армии.

Школу окончили будущий руководитель ОУН-УПА Роман Шухевич, будущий шеф главного штаба УПА Д. Грицай-Перебийнос, полковник УПА Олекса Гасин (Рыцарь), поручик Лопатинский, полковник Е. Побигущий (Рен).

В Фельдафинге военному ремеслу обучались в основном галичане, большинство студентов высших австрийских и немецких вузов и несколько уроженцев Волыни. Комендантом школы и переводчиком был бывший школьный товарищ С. Бандеры поручик О. Гасин со Стрыйщины, окончивший ранее в Чехии высшую офицерскую школу.

Курсом руководил и преподавал теорию немецкий генерал от артиллерии и бывший офицер рейхсвера.

Все курсанты школы выдавали себя за румын во избежание обнаружения их польской либо советской разведслужбой. Занятия шли по восемь и более часов в день. В программу обучения входило также вождение автомобиля и мотоцикла.

Курс был окончен в начале апреля 1939 г. Часть курсантов по окончании курса отправлена в Берхтесгаден для горнострелковой и десантной подготовки. Через две недели курсантов перевели в Берлин, в пансионат, где они проходили курс обучения основам партизанской войны, осваивали тяжелое и легкое оружие. Старшиной курса был инженер Евгений Врецьона из ОНОКС.

Из Берхтесгадена украинцы вернулись в Вену в конце апреля 1939 г. В начале мая украинских офицеров перевезли в замок Зауберсдорф в 100 км от Вены, который ОУН выкупила у местных властей для подготовки своих членов. Именно здесь, в Зауберсдорфе, началась подготовка первого

украинского подразделения Германской армии.

Прибывшие в Зауберсдорф украинские офицеры, а также немецкий инструкторский состав организовали лагерь для последующего приема рядового состава Легиона. Комендантом лагеря был назначен поручик Осип Карачевский. Штаб-квартира Легиона располагалась в Бреслау, а учебный центр — в Зауберсдорфе (Австрия).

Рядовой состав Легиона набирался из числа военнослужащих ОНОКС. По просьбе немецкого командования венгры освободили из своего концлагеря в Нередьгази (Венгрия) группу пленных сечевиков под руководством сотника С. Сулятицкого. Освобожденным выдали чешскую униформу, окрашенную в черный цвет, и сапоги. Командиром Легиона был назначен поручик Осип Карачевский, затем его сменил поручик Генко Гутович.

По прибытии в Зауберсдорф сечевиков из ОНОКС Легион был сформирован. Боевые подразделения Легиона строились из следующих единиц: три отделения (по 25 стрелцов в каждом) образовали взвод, три взвода — роту, три роты — батальон. Предполагалось, что в дальнейшем три батальона будут объединены в полк. Всего в Легионе было 200 украинских военнослужащих, объединенных в две роты, каждая из которых состояла из двух взводов.

Обучение личного состава шло 6 часов в день. Кроме воинского ремесла, стрелцам читались лекции по географии и истории Украины. В курс обучения также входили топография, конспирация, диверсионная и строевая подготовка.

Для местного населения украинцы выдавали себя за румын и находились в полной изоляции. Лишь один раз размеренная жизнь лагеря была нарушена приездом Р. Ярого с делегацией японских военных.

По окончании обучения легионеры были одеты в стандартную униформу вермахта, но без знаков различия, вооружены автоматами «МП-38».

К 25 августа 1939 года легионеры были сосредоточены в районе Медзилаборце — Выдрань — Полота, но в бой с польскими частями командование решило их не вводить. Впоследствии Легион был отведен с передовой и 1 сентября 1939 года приказом майора фон Деммеля (начальник штаба АСТ «Краков») был переформирован в «индустриальную охрану» («Werkschutz») — формирование, несшее впоследствии охранную службу промышленных объектов в Западной Польше. Наиболее крупным украинским подразделением индустриальной охраны командовал поручик Иван Кобзар. Отряд насчитывал до 2 тысяч молодых украинцев, в задачу

которых входила охрана промышленных объектов от нападений польского подполья. Поляки в свою очередь стремились вывести из строя объекты тяжелой промышленности. По свидетельству очевидцев, молодежь шла в «Веркшутц» охотно, ибо это была возможность обрести крышу над головой, обмундирование, воинский паек и опыт. Эта украинская молодежь рассматривалась руководством ОУН (Мельника) как основа для развертывания в будущем национальных воинских подразделений. Личный состав был одет в зеленую униформу австрийской полиции, при этом было разрешено ношение трезубца на головных уборах.

Часть легионеров из ББХ поступила на службу в полицию и несла охрану лагерей украинских беженцев, другие разошлись по домам. Наиболее подготовленные и преданные ОУН легионеры вошли затем в состав ДУНов «Роланд» и «Нахтигаль». Некоторые украинские источники сообщают, что Легион Р. Сушко все же был использован на польско-германском фронте и успешно провел захват города Самбор, который впоследствии отошел к советской оккупационной зоне.

Помимо создания Легиона, полковник Р. Сушко также производил подбор украинских кадров для обеспечения вермахта переводчиками (дольметчерами) и в этом деле преуспел. К моменту нападения на СССР украинские переводчики продвигались вместе с передовыми частями армии и, будучи членами ОУН, способствовали созданию местных органов власти и полиции из коренного населения.

В марте 1940 года руководство ОУН, используя возможности абвера, отправляет диверсионные группы во Львов и на Волынь для организации саботажа и акций гражданского неповиновения. В районы Бялы-Подляски и Влодава также забрасываются группы оуновских диверсантов, большую часть из которых нейтрализует НКВД.

В 1941 году в Германии началось создание особых украинских подразделений — дружин (батальонов) украинских националистов (ДУН) «Роланд» (нем. «Rolland») и «Нахтигаль» («Nachtigal» — «Соловей»). В марте 1941 года на переговорах с представителями абвера и вермахта (профессора Т. Оберлендер, Г. Кох, Г. Герулис) Степаном Бандерой и Рихардом Ярым были поставлены определенные условия формирования дружин, главным из которых было декларирование цели борьбы ДУНов — за «Самостийную Соборную Украинскую Державу», без принятия немецкой присяги. В соответствии с требованиями националистов ДУНЫ были подчинены в политическом отношении ОУН, область их применения была ограничена Восточным фронтом.

На переговорах также была достигнута договоренность об участии в

формированиях членов ОУН (референтуры Провода ОУН). Общая численность легионеров в соответствии с договором достигала 700 человек. Украинские условия были приняты, несмотря на отсутствие согласия со стороны германского политического руководства. Набор рекрутов проводила ОУН С. Бандеры. Первый батальон получил кодовое наименование организация «Роланд», второй батальон именовался спецподразделение (Sonderverband) «Нахтигаль».

Украинский историк В. Кос и к пишет:

«Фактически каждая сторона пыталась извлечь выгоду из этой ситуации. Украинцам были необходимы люди, наученные владеть оружием. Немцы же более рассчитывали на пропагандистский результат, что оказывал на население маленький украинский Легион».

ДУН «Роланд» была организована в марте 1941 года стараниями Венского бюро ОУН под контролем полковника Р. Ярого. Украинским командиром батальона был назначен Евгений Побигущий — бывший офицер Польской армии, немецким командиром — гауптман Новак. Подготовка части личного состава проходила в Австрии (г. Зауберсдорф) близ Вены. Подготовку «ро-ландовцев» вели немецкие офицеры абвера из «Веркрайскоммандо XVIII» Вены. Все 350 человек получили чешскую армейскую униформу. Во время прохождения курса подготовки «соловьи» были одеты в форму «Рабочей службы» Германии (RAD). Знаки различия офицерского состава «Роланда» были схожи с системой, имевшейся ранее в УГА. Офицеры носили на правом плече погоны-жгуты из узкого серебристого шнура по образу и подобию погон армейских чиновников-зондерфюреров. По некоторым данным, личный состав «Роланда» имел желто-синие (или желтые) нарукавные повязки с надписью «На службе у Немецкой армии». Внешний вид «роландовцев» дополняли чешские пилотки с кокардой в виде золотого трезубца на голубом фоне. Стрельцы были снабжены также австрийскими касками периода 1-й мировой войны. Немецкие кадры батальона носили стандартную униформу вермахта.

7 июня 1941 года «Роланд» прибыл из Вены в буковинский город Кимполунг в Румынии и был включен в состав 11-й немецкой армии. 27 июня батальон получил приказ о поддержке немецких войск в боевых операциях на реке Прут, захвате и очистке территорий, прилежащих к дорогам, организации групп украинской самозащиты, охраны транспортов с продовольствием, помощи в эвакуации пленных и охраны стратегических

объектов. Весь июнь основной состав батальона действовал в Румынии под командованием лейтенанта Зиберта. В это же время к нему присоединился полковник Ярый со своим штабом украинских пропагандистов. 2 июля этот штаб был распущен по указу ОКВ, и многие его служащие влились в состав батальона. Ярый отбыл во Львов. 26 июля «Роланд» перешел под командование 54-го армейского корпуса и принимал участие в «зачистках» территории и охране дорог у реки Днестр. К этому времени «Роланд» насчитывал 9 офицеров и 260 солдат (стрельцов) — 4 роты по 50–65 человек. Командовал организацией «Роланд» лейтенант Зиберт. Батальон предполагалось пополнить 150 добровольцами-украинцами с «освобожденных» территорий. Вооружение составляли 6 легких пулеметов чешского производства и советские винтовки-трехлинейки. 29 июля «Роланд» оперировал в районе Кишинев — Вадулуй-Вода, после чего совершил переход через Днестр в Дубоссарах до железной дороги Проскуров — Одесса.

В это время штаб 11-й армии получил телеграмму из вышестоящих инстанций:

«После консультаций с рейхсминистром оккупированных территорий Востока организацию «Роланд» требуется исключить из участия в походе по политическим причинам».

В это время «Роланд» производил набор и вооружение местных украинцев для отрядов самообороны. Новобранцев пришлось распустить, 50 человек из «Роланда» поступили в качестве переводчиков в местные представительства экономической службы рейха. Им было запрещено заниматься политикой, а впоследствии все они были уволены со службы.

Батальон пешим порядком прибыл в Кишинев, затем 26 августа 1941 года — в Фокшаны, где под дулами пулеметов и обезоружен. Личный состав был переброшен в г. Майерлинг близ Вены. 16 сентября гестапо арестовало капитанов Барабаша и Л. Ортинского, еще двух офицеров «Роланда».

ДУН «Нахтигаль» проходила подготовку в «святая святых» абвера — в соединении спецназначения «Бранденбург» и на полигоне в Нойхаммере (Силезия). Набор в батальон (350 чел.) производило краковское бюро ОУН. С украинской стороны командовал «Соловьем» Роман Шухевич, являвшийся к тому времени ответственным за военную работу в ОУН С. Бандеры. Батальон был разделен на 4 сотни (роты), командирами которых были назначены немецкие офицеры — сотрудники абвера граф фон Тун

Гогенштейн, Миддельхауфе, Шиллер. «Соловьи» носили стандартную армейскую униформу вермахта. Особенных знаков различия «соловьи» не имели, и лишь после вступления во Львов личный состав поместил на свои погоны ленточки желто-синего цвета.

За четыре дня до вторжения в СССР батальон был передислоцирован к границе. Командовал им Роман Шухевич, немецким руководителем был командир 1-го батальона полка спецназначения «Бранденбург». В ночь с 22 на 23 июня батальон перешел границу близ Перемышля и, не вступая в бой с частями РККА, двигался по направлению к Львову. В составе 17-й армии он с 29 августа участвовал в боях на львовском направлении.

В Львов «Соловей» вступил вместе с 1-м бранденбургским батальоном 30 июня в 4 ч. 30 мин. Его командир Роман Шухевич рвался вперед — к тюрьме на ул. Лонского, где был заключен его брат Юрий. Спасти брата не удалось, так как к тому времени он уже был расстрелян. К тому времени в городе закончились основные бои между местными оуновцами и советскими частями. Батальон занял стратегически важные объекты, главным из которых была радиостанция, что облегчило затем передачу в эфир Акта о восстановлении независимой Украинской державы, из-за которого впоследствии разгорелся нешуточный скандал.

«Нахтигаль» оставил Львов 7 июля и вскоре прибыл в Проскуров, где был присоединен вместе с бранденбургцами к альпийской охранной дивизии. Вместе с ней он участвовал в тяжелых боях в районе Браилова близ Винницы. Воспользовавшись размещением батальона на отдых в г. Юзвин, члены ДУНа организовывали украинские административные органы и вели национальную пропаганду.

С 30 июня 1941 года в Львове установилась немецкая «власть», и начались массовые репрессии. Шеф айнцагруппы «С» доктор Раш обвинил в убийствах львовских заключенных «жидов из НКВД», что послужило предлогом для начала террора против львовских евреев и поляков. Кровавыми убийствами евреев «прославилась» айнцагруппа особого назначения под руководством бригадефюрера СС Карла Эберхарда Шенгардта. Подразделение этого отряда под командованием Г. Крюгера и В. Кучмана 4 июля уничтожило 23 польских профессора и их родственников, 11 июля убили еще двоих, позднее убили бывшего премьер-министра Польши профессора Бартеля. С осени 1941 года в Львове было образовано гетто.

13 августа 1941 года в «Нахтигаль» поступил приказ о выезде в Нойхаммер. По прибытии «Соловей» был окружен пулеметными расчетами и разоружен. Поводом к этому стали аресты в Львове немецкими

спецслужбами глав ОУН С. Бандеры и Я. Стецко по приказу Гитлера, потребовавшего «привести в порядок эту банду». По другой информации, батальон был ликвидирован из-за растущего среди его военнослужащих недовольства немецкой оккупационной политикой на Украине.

Одновременно среди военнослужащих ДУНов начали распространяться слухи о скорой реорганизации их Легиона. Истинной причиной роспуска ДУНов и репрессий был меморандум, составленный офицерами двух батальонов. Данный документ был одной из попыток руководства ОУН Бандеры воздействовать на своего недавнего союзника — рейх. В меморандуме выдвигались следующие требования к немецким властям:

1. Признать Акт провозглашения самостоятельности Украины.
2. Немедленно освободить всех арестованных из руководства ОУН и Степана Бандеру.
3. Немедленно освободить из заключения членов правительства самопровозглашенного государственного образования во главе с Я. Стецко.
4. Освободить из заключения арестованных родственников военнослужащих ДУНов и организовать нормальное обеспечение всех родных военнослужащих.
5. Реорганизованный украинский Легион (2 ДУНа) должен использоваться в военных действиях только на украинских территориях.
6. Командование дружинами и учебные кадры должны быть украинскими.
7. Права и обязанности комсостава должны соответствовать немецким армейским аналогам.
8. Члены дружин ранее давали присягу на верность Украине и не могут присягать на верность другой стране.
9. После реорганизации легионеры подпишут годовой контракт на службу.
10. Контракт подписывает каждый военнослужащий индивидуально и имеет у себя один из двух оригиналов.

На такой политический демарш немецкое командование ответило лишь направлением в распоряжение украинцев представителя ОКВ, который по каждому пункту меморандума (кроме первых трех) пообещал навести порядок. Им же было обещано, что Легион будет направлен на Восточный фронт, родня будет обеспечена всем необходимым, второй присяги давать не требуется. Тот же представитель предложил тем, кто не доверяет командованию, добровольно покинуть ряды дружин. 15 человек согласились с предложением.

После ликвидации ДУНов их военнослужащие были перевезены во Франкфурт-на-Одере. Здесь было положено начало организации 201-го украинского шуцманшафтбатальона (курень имени Е. Коновальца). Батальон начал формироваться после прибытия во Франкфурт 21 октября 1941 г. Формирование состояло из четырех сотен, командирами которых были: 1-й — сотник Р. Шухевич, 2-й — сотник М. Бригидер, 3-й — поручик Сидор, 4-й — поручик Павлик. Формальным украинским командиром батальона стал майор Е. Побигущий. Немецкий офицер полиции Мох стал фактическим командиром батальона.

Личный состав батальона был одет в немецкую полицейскую униформу, без каких-либо национальных символов. Украинские офицеры первоначально не имели погон, но впоследствии приказом обергруппенфюрера СС фон дем Бах-Зелевски они были присвоены офицерскому составу.

16 марта 1942 года батальон получил приказ о выезде на Восток и прибыл в Белоруссию на смену латышскому охранному батальону. Формально украинцы подчинялись 201-й охранной дивизии под командованием генерала Й. Якоби. По прибытии на место личный состав подразделения был распределен по 12 пунктам, охраняя территорию в 2400 километров, 2-я сотня несла охрану штаба в деревне Бровки. Офицерский состав батальона проходил обучение на различных курсах воинского ремесла при дивизии.

В сентябре 1942 года 201-й батальон нес охрану дорог и мостов в районе Могилев — Витебск — Лепель. Некоторые украинские источники сообщают, что украинский командир батальона Роман Шухевич (он же майор Тур) установил связь с начальником краевого войскового штаба ОУН — УПА полковником Шелестом (В. Сидор) и к повстанцам стали поступать из батальона оружие, боеприпасы, амуниция, а годом позже и пополнение — солдаты из батальона.

Вышеупомянутый Мох любовью со стороны украинцев не пользовался. По свидетельству Е. Побигущего. Мох командовать не мог и не умел, т. к. был простым офицером полиции порядка и о боевых действиях не имел никакого представления. Ходили слухи, что Мох был на четверть поляком и украинцев ненавидел.

После одной из стычек с Мохом, касавшейся плана боевых действий батальона, Побигущий письменно пожаловался на немецкого офицера генералу полиции и СС Эриху фон дем Баху. Бах прибыл в расположение батальона самолетом и при встрече с Побигущим уведомил, что именно он командует батальоном, а Мох является лишь связным офицером.

После отбытия Баха через день в батальон поступил приказ фон Баха Побигущему подчиняться решениям Моха, а в случае отказа батальон будет полностью укомплектован немецкими офицерами и унтерами.

Происшествие несколько не повлияло на отношения Моха к украинцам. В последующем даже боевые действия не способствовали сближению украинцев с немцем. В одном из боев с партизанами Мох так «умело» метнул фанату, что она упала ему под ноги. Офицер, вместо того чтобы отбросить фанату от себя, остолбенел от ужаса. Украинский солдат, находившийся поблизости, подскочил к своему немецкому командиру и отбросил фанату в лес, где она и взорвалась. Впоследствии при составлении Мохом списка солдат батальона, представляемых к награждению знаком «За храбрость», Мох не включил своего спасителя в список.

В декабре 1942 года, после истечения сроков контрактов, батальон был расформирован, а офицеры перевезены под конвоем во Львов и посажены под арест в тюрьму на ул. Лонского. Рядовые стрельцы были распушены по домам, но должны были ежедневно отмечаться в местном гестапо и сообщать о своем месте нахождения. Некоторым из них удалось скрыться и присоединиться к Украинской повстанческой армии. Одним из таких беглецов стал Роман Шухевич, впоследствии возглавивший борьбу УПА с Советской властью. После развала батальона немецкое командование предложило всем бывшим стрельцам батальона прибыть на сборный пункт в Люблине для формирования нового подразделения, но на сборный пункт никто не прибыл.

Несмотря на такое окончание боевой деятельности своих дружин, ОУН достигла своей главной цели — прошли курс боевой подготовки и крещение огнем 600 членов организации, которые впоследствии занимали командные и инструкторские должности в структуре УПА. Кроме того, на всем боевом пути ДУНов были созданы местные национальные органы управления и самообороны.

Вождь украинских националистов С. Бандера писал:

«Конец ДУНов был таким: в революционные ряды возвратился Роман Шухевич с немалым числом старшин, подстаршин и стрельцов ДУНов, не только прошедших хорошее воинское обучение, но и добывших твердую уверенность и военные знания. Главное, что они принесли с собой, — это познание организации, стратегии и тактики партизанской борьбы, испытанной большевиками во Второй мировой войне, и немецкой

методики ликвидации партизанских отрядов. Эти знания очень пригодились при создании УПА, при развертывании ее борьбы...»

Евген Побигущий, подводя итог существования двух ДУНов, переформированных в полицейский батальон, сообщил, что за время действий в Белоруссии украинцами в ходе боев с партизанами не было утрачено ни одного укрепленного пункта, партизаны не смогли взорвать или сжечь ни одного важного объекта. В боях батальон потерял 39 военнослужащих, 40 было ранено.

Впоследствии часть военнослужащих батальона влилась в 14-ю дивизию СС «Галичина».

Нестроевыми формированиями украинских националистов, вошедшими вместе с Германской армией на территорию СССР, были походные группы ОУН.

Перед началом военных действий против СССР между руководством мельниковской и бандеровской ОУН была достигнута договоренность с немецким военным руководством о сотрудничестве между вермахтом и походными группами ОУН (ПГ ОУН).

Идея создания ПГ ОУН принадлежала краковскому филиалу ОУН, формировать их предполагалось из уроженцев Подляшья, Холмщины и Лемковщины, т. е. выходцев из Галичины и Волыни в возрасте 18–45 лет.

Эти новые формирования представляли собой передовые военно-политические отряды националистов, задачей которых было следовать в передовых порядках немецких войск. В многочисленной новоукраинской литературе упоминается, что члены походных групп разъезжали на автомашинах, мотоциклах, велосипедах и вели пропаганду среди украинского населения, только что «освобожденного» немецкой армией. За националистами следовали части СД, которые вылавливали их и сажали в концлагеря. Документы той поры свидетельствуют, что передовые украинские группы вели разведку местности, организовывали украинскую милицию, отряды которой вооружались трофейным оружием и направлялись немцами вперед на ведение разведки, преследование и истребление отступающих советских подразделений.

Члены ПГ (от 3 до 5 тыс. в каждой) следовали в передовых частях вермахта. Каждой группе был определен собственный фронтовой участок для продвижения: группа «Запад» — цель Киев и его область, группа «Центр» — Харьков и область, группа «Восток» — Одесса и Крым. Спецгруппа (15 человек) была нацелена на Львов с целью провозглашения

независимой Украинской державы. 22 июня часть ПГ начала марш на Восток под прикрытием документов службы пропаганды немецкой армии, переводчиков, членов рабочих команд и сотрудников различных экономических штабов.

Двигаясь в авангарде немецких войск, «походники», разбитые на малые опергруппы от 7 до 12 человек, успевали создавать местное самоуправление и милицию. Западную ПГ, перешедшую Буг, возглавлял Н. Климишин, Центральную, перешедшую через р. Сан у Перемышля, — Микола Лемик, во главе Львовской спец-группы были С. Бандера и Я. Стецко.

Члены каждой группы имели свои отличительные нарукавные повязки: Западная — красную, Центральная — синюю, Восточная — черную.

Деятельность членов ПГ ОУН условно можно разделить на коллективную и индивидуальную. Основным коллективным звеном ПГ был рой (взвод). Именно на это подразделение возлагались обязанности по проведению митингов, помощи местному населению в создании органов местного самоуправления и милиции. Рой передвигался на подводах и велосипедах, распространяя пропагандистскую литературу. Рои стремились обогнать линию фронта.

Прибыв во Львов 30 июня 1941 года, группа во главе со Степаном Бандерой и Ярославом Стецко вошла в город и организовала сбор представителей украинского народа, на котором было провозглашено воссоздание Украинской державы. Стараниями членов группы в Львове была создана полиция (ОД) во главе с И. Равликом. Такое положение продлилось недолго, так как немецкие власти быстро прекратили «самостийность» ОУН, объявив решение сбора представителей украинского народа нелегитимным. Деятельность ОУН была запрещена, однако джинн из бутылки был уже выпущен: немцы были вынуждены смириться с существованием украинских полицейских частей и подразделений.

Южная ПГ ОУН, принадлежавшая к мельниковской организации, возглавлялась выходцами из Буковины и действовала скрытно под вышеупомянутыми масками различных специалистов и переводчиков. Успешной назвать деятельность членов ПГ ОУН в 1941 г. в Крыму никак нельзя, поэтому в январе 1942 года в Крым прибыли шесть ПГ ОУН (Б). Все члены этого «десанта» были выходцами из Галичины либо Правобережной Украины. Каждая группа насчитывала в своих рядах по 6 человек. Ими была предпринята попытка создать в Крыму подпольное

движение, однако, по свидетельству украинского историка В. Косика, их действия среди крымчан были поддержаны лишь единицами. Попытку взаимодействия предприняли активисты крымско-татарского движения, однако их же руководство от контакта с украинцами уклонилось, предпочтя ему союз с немцами.

Немцы же с «походниками» не церемонились. После окончательного разрыва отношений, вызванного попыткой националистов провозгласить Украинскую державу, СД начало активно преследовать активистов Бандеры. Член одной из ПГ ОУН был арестован еще по дороге в Крым. Другая ПГ (14 человек) была в полном составе арестована и расстреляна гестапо в Джанкое. В начале 1942 года в Симферополе по приказу местного СД был закрыт местный украинский театр, а ряд его актеров был арестован за связь с ОУН.

Положение ПГ ОУН осложнялось взаимоотношениями не только с немцами, но и между представителями бандеровской и мельниковской ОУН. Члены ОУН (Б) стремились полностью овладеть националистическим движением. С целью недопущения мельниковцев на территорию Украины бандеровцы не останавливались перед убийствами своих оппонентов. Под Сокалем бандеровцы ликвидировали членов ПГ ОУН (М), которая под руководством Игоря Шумского и Евгена Шульги пришла из Грубещова на Волынь. Походные группы ОУН Бандеры закрепились в Львове и Ровно, кадры ОУН Мельника — в Житомире, Киеве и Харькове.

Несмотря на провал своей миссии, члены ПГ ОУН, как и военнослужащие украинских легионов, внесли свой весомый вклад в построение националистического подполья, местной администрации и полиции.

Удар в спину. Первые бои ОУН

Пока дружины украинских националистов «Нахтигаль» и «Роланд» двигались вместе с немецкими войсками, на советской территории начали активно действовать другие «щирые украинцы».

Подготовка к восстанию на Украине шла давно. В 1932 году глава Украинской военной организации полковник Евгений Коновалец писал о необходимости подготовки к боевым действиям в Украине:

«Мы должны готовить руководителей украинской революции, расположить их по украинским землям для создания таких штабов, которые в нужный момент, когда придет время восстания, смогли бы сразу организационно овладеть массами и повести их к победе. Своими действиями мы должны предупредить массы о том, чтобы, когда придет решающий момент, люди знали точно, кто готовит революцию и кого они должны слушать».

В 1939 году, когда началась Вторая мировая война, вся деятельность бандеровской ОУН была направлена на подготовку восстания против Советской власти в Украине. В конце того же года руководством ОУН был разработан оперативный план деятельности организации. Через год он был дополнен и уточнен и в начале мая 1941 года был оформлен в качестве инструкции ОУН «Борьба и деятельность ОУН во время войны». Положениями инструкции были подготовка членов организации к повстанческим формам борьбы, войсковое обучение членов ОУН и организация войсковых штабов всех уровней. Во время войны инструкция предусматривала организацию повстанческих отрядов, вооруженную борьбу и на «освобожденной от оккупантов территории» — провозглашение Украинской державы и создание центральных и местных органов власти.

Конкретные указания инструкции касались следующих направлений деятельности:

1. Общие вопросы.
2. Политические указания.
3. Военские инструкции.
4. Указания на первое послевоенное время по устройству

государственного управления.

5. Инструкции Службы безопасности.

6. Пропагандистская работа.

В декабре 1940 года был оглашен Манифест ОУН (Б):

«Мы, украинцы, поднимаем знамя борьбы за свободу народов и свободу человека.

Боремся за освобождение украинского народа и всех поневоленных Москвою народов.

Призываем революционеров всех поневоленных Москвою народов к совместной борьбе и сотрудничеству с украинскими революционерами-националистами.

Только через полный развал московской империи и путем Украинской Национальной Революции и вооруженных восстаний всех поневоленных народов построим Украинскую державу и вызволим поневоленные Москвою народы.

Верим и знаем, что уже близок час, когда сбудется заветная мечта наших отцов и из крови героических поколений вспыхнет огонь народного гнева.

Встанет Украина и разорвет тьму неволи!»

До большой войны украинцы успели поучаствовать и в войне малой — против «москалей». Небольшое число украинских эмигрантов-националистов приняло участие в Советско-финляндской войне 1940 года на стороне финнов. Возглавлял украинский добровольческий отряд старый борец с Советами, публицист и писатель, мельниковец Юрий Горлис-Горский.

В апреле 1941 года состоялся очередной съезд оуновцев, на котором С. Бандера был провозглашен лидером Главного провода организации.

Перейдя от печатных слов к делу, заблаговременно началась заброска оуновцев на территорию СССР. Советско-польскую границу переходили члены Краевой экзекутивы ОУН (Краковской), руководимой Революционным Проводом ОУН (Б).

10 марта 1940 года штабом КЭ ОУН было принято решение о подготовке и переброске руководящих оуновских кадров на территорию Волынской области с целью создания здесь штаба по подготовке вооруженного восстания. Решением предполагалось в 2-месячный срок освоить территорию, составить ясное представление о наличии повстанческих сил, оружии, военно-техническом обеспечении,

настроениях населения, о наличии сил РККА, усилить вербовку местного населения в ОУН, активизировать пропаганду под лозунгом «Украина для украинцев». Этим же решением создавался штаб по подготовке вооруженного восстания на территории Львовской области — в г. Львове.

В 1940 году в районе Кростополя на Волыни границу пыталась перейти группа Степана Пшеничного из 12 боевиков. В бою с пограничниками были убиты сам Пшеничный, его заместитель Записочный, двое боевиков были тяжело ранены, другие захвачены невредимыми.

В марте 1941 года попытку перейти границу предприняли руководитель КЭ ОУН Владимир Тимчий и четыре референта экзекутивы. После перехода границы все диверсанты были уничтожены в бою с пограничниками.

По информации украинских источников, в это же время границу успешно перешли группы членов ОУН (Б) под руководством военного референта КЭ Владимира Гринова (Кременский), Ивана Климова (Легенда), Льва Зацнего (Век, Троян) и других. Все группы успешно добрались до предназначенных им районов действий. Оуновцы Александр Луцкий и Василь Чижевский шли в Станиславскую область, под Золочев были направлены Роман Кравчук и Осип Беспалко, в Подгайцы — Михайло Хомов с группой боевиков.

Через работников репатриационной комиссии в г. Черновцы, офицеров абвера Ферстнера и Шпрингера буковинскому областному Проводу ОУН в ноябре 1940 г. были переданы оружие и радиостанция. Ею оуновцы пользовались до февраля 1941 г., передавая немцам военно-политическую информацию.

Украинское националистическое подполье, ослабленное работой органов госбезопасности УССР, но не обезглавленное, уже получило сигнал о готовности № 1. Группам подпольщиков и отдельным отрядам были заранее известны цели для нападений. Подполье в Галичине и на Волыни возглавлялось ОУН (Б), на Буковине — ОУН (М). В Полесье деятельностью украинских националистов руководил Т. Бульба-Боровец.

С апреля 1941 года националистическим подпольем в Западной Украине руководил Иван Климов (Легенда). По информации бывшего оуновца Кентия всего «под штыком» у Климова-Легенды находились 12 тысяч членов ОУН (Б) и 7 тысяч молодых людей, вовлеченных в сферу подпольной деятельности ОУН. Архивные материалы Службы безопасности Украины указывают на цифру в 20 тысяч подпольщиков.

Каждый такой подпольщик заранее знал, к какому отряду он

принадлежит, кто его командир, где следует получать оружие, где место сбора и пр. Оуновцы-нелегалы скрывались небольшими группами в труднодоступных местах в горах и лесах. Часть членов организации, официально служивших в органах власти и управления, имела индивидуальные задания по организации саботажа и диверсий, паники и антисоветской агитации.

Ход боевых действий, развернутых подпольем против советских войск, указывает на их развитие от западной границы на восток, следуя с опережением линии фронта в глубину советской территории. Повстанцы «обгоняли» немецкое наступление, являясь его предвестником.

Первыми выступили оуновцы Львовской, Дрогобычской, Волынской и Ровенской областей.

22 июня 1941 года начались антисоветские восстания в Сокальском, Поздимирском и Радеховском районах Львовской области. Оуновцы резали линии связи, нападали на пограничников, выявляли и вели бои с десантниками. 22 июня 200 оуновцев, вооруженных винтовками, пулеметами и ручными фанатами, захватили местечко Лопатин, которое защищали 30 бойцов войск НКВД и 50 милиционеров. Во время боя три военнослужащих были убиты, другие отступили из городка. Райцентр 16 часов был в руках оуновцев, а 23 июня их выбили части РККА. Сумев оторваться от преследования, националисты перешли на территорию соседней Волынской области, перефуппировались и 25 июня заняли райцентр Берестечко, который удержали до подхода немецких частей.

23 июня началось выступление подполья в Перемышлянском районе Львовской области. В лесистой местности близ Перемышлян базировался отряд оуновцев в составе 87 хорошо вооруженных и подготовленных бойцов. В первый же день своей боевой деятельности отряд убил 35 и пленил 188 военнослужащих. На следующий день оуновцы начали боевые действия за Перемышляны и совместно с частями Вермахта захватили райцентр 28 июня.

Одновременно в предместье Львова Винники оперировал отряд бандеровцев из 40 человек. Из своего лагеря они проводили вылазки на колонны отступающих советских войск и после короткого обстрела отходили в лес, где занимали заранее оборудованные боевые позиции. Нападения из Винниковского леса причинили офомный урон армии, т. к. под Постоянной угрозой находились магистрали Львов — Золочев и Львов — Самбор.

30 июня эта банда вышла из леса и заняла село Чижиков, в котором пополнилась еще 41 бойцом из сел Гай, Дмитровичи, Чижиков,

Подсосново. Сотня повстанцев, вооруженная двумя пулеметами, винтовками, револьверами и фанатами, заняла Винники, затем, перейдя фронт, вышла навстречу немецким частям у Белицы Шляхетской.

24 июня 1941 года выступило подполье в Луцке, Львове, Перемышле, Перемышлянах, Вербах, а также в Самборском, Мостисском, Городоцком, Рудковском, Бобрском, Жолковском, Яворовском районах Дрогобычской и Львовской областей. К вечеру этого дня бандеровцы самостоятельно захватили местечко Вербу — райцентр Ровенской области. Во время захвата оуновцы убили 50 сотрудников НКВД и милиционеров.

В Самборском районе в течение 22–24 июня 1941 года группой оуновских подпольщиков из сел Бусовецкая, Сушица и Лужок был создан отряд в 12 человек, среди которых был бывший политрук, который до начала войны бежал из тюрьмы НКВД. В первый день войны эти оуновцы распространяли оуновские листовки в окрестных селах. Листовки содержали призыв к местному населению уклоняться от призыва в армию и не сдавать в армию лошадей.

Бои против советских войск в Львове оуновское подполье вело с 24 до 28 июня 1941 года. С 24 июня подпольщики начали обстреливать советские войска из винтовок и пулеметов с чердаков и крыш. Особенно досталось частям 8-го механизированного корпуса, чьи подразделения маршем передислоцировались на фронт. Обстреливали до тех пор, пока танкисты не открыли стрельбу по крышам и чердакам снарядами из танковых орудий. На каждый винтовочный выстрел незамедлительно следовал пушечный ответ. Особенной мишенью для оуновцев стали военнослужащие войск НКВД, размещенные в городе. 66-й полк 10-й дивизии внутренних войск НКВД в течение 24 июня обстреливался из зданий, прилегающих к месту его расквартирования... Управление дивизии обстреливалось из окружающих домов. В этот день одна из жительниц Львова указала часовому штаба дивизии одну из огневых точек подпольщиков. Красноармейцы остановили проходивший по улице Мохнацкого танк войск НКВД и обратились к экипажу с просьбой помочь им в уничтожении противника. Первым же выстрелом танкового орудия точка была уничтожена.

Документы Краевой экзекутивы ОУН от 1941 года свидетельствуют, что оуновцы после таких действий понесли тяжелые потери. 24 июня ими был открыт пулеметный огонь по марширующим частям советских войск с Личаковского кладбища, с нескольких домов по улице Курковой и костела Св. Елизаветы. Ответным огнем была уничтожена центральная часть костела. Тем не менее огонь по войскам велся еще несколько раз. В течение

25–26 июня неоднократно открывался огонь из-за стен Василианского монастыря.

25–27 июня оуновцы овладели населенными пунктами Крупновичи, Ляшки, Костельники и Мокряны Рудковского района Львовской области. К приходу немецких войск район полностью перешел под контроль националистов. Сотни молодых людей помогали немецким частям ликвидировать остаточные группы красноармейцев.

До 30 июня 1941 года повстанческие группы ОУН (Б) самостоятельно заняли Жолковский и Бобрский районы Львовской области. В Бобрском районе действовали два отряда, первый — численностью в 54 человека (позднее к нему присоединился еще 41 человек), второй — 18 человек. Ими были обезоружены 24 красноармейца, 14 милиционеров и 3 военнослужащих внутренних войск.

В Рава-Русском районе Львовской области с размещенными в нем крупными контингентами пограничников и армейцев, а также укрепрайонами оуновцам действовать было затруднительно, в связи с чем ими велась разведка укреплений, передвижений войск, о результатах сразу же информировалась немецкая сторона.

На территории Дрогобычской области также начались повстанческие выступления. Оуновцам удалось самостоятельно овладеть местечком Волоща, уничтожить склад оружия и боеприпасов. Другие райцентры области были заняты оуновцами совместно с немцами.

В июне — июле 1941 года начались бои между националистами и отступающими частями РККА на Волыни. В большинстве случаев волынские оуновцы занимались разоружением деморализованных красноармейцев и мелких воинских подразделений при подавляющем перевесе сил повстанцев. В некоторых районах области происходили настоящие сражения. В местечке Дубно бои шли три дня, в Луцке 300 подпольщиков сумели захватить мосты и железнодорожную станцию, удерживали их до подхода немцев. В селе Красное в боях с оуновцами погибли 40 красноармейцев. В Ровенской области бои шли близ сел Деражно и в Костопольском районе. Стычки между арьергардами РККА и отрядами оуновцев под командованием Войтовича и Мельника происходили в Межирицком районе области.

На Волыни в первые дни войны в местечке Степань был организован отряд украинской милиции численностью 100 человек под командованием полковника Лиходько. Отряд был вооружен автоматами, револьверами и динамитом. В первых боях с отступающими частями РККА повстанцы убили 8 красноармейцев, а в тяжелом для отряда бою у села Деражня

потеряли двух повстанцев и захватили пулемет.

Одновременно с оуновско-бандеровским и мельниковским подпольем выступили в Полесье подпольщики атамана Бульбы-Боровца, впоследствии зачистившие значительную часть Полесья от советских войск и создавшие свою «республику».

С конца июня 1941 года выступили оуновцы Тернопольской области. Здесь, в селе Осиповцы Зборовского района районный руководитель ОУН (Б) Григорий Христинюк (Харко) организовал отряд в числе 86 человек. Повстанцы планировали напасть на тернопольскую тюрьму, чтобы освободить политзаключенных. 27 июня группа Харко была окружена войсками НКВД, которые при поддержке легкой бронетехники начали уничтожение группы близ села Воробьевка Зборовского района. Бой в лесу шел 10 часов. В ходе операции был убит командир оуновцев и 21 повстанец. Отряд был разгромлен.

Крупные повстанческие отряды действовали на Тернопольщине в Козовском, Тереховлянском, Подгаецком, Бережанском, Збаражском, Чортковском, Бучачском районах. Повстанцами были захвачены райцентры Козовое и Тереховля и удерживались до подхода немцев. В Тереховлянском районе действовал отряд в 200 человек под командованием оуновского подпольщика с псевдонимом Степ. 2 июля его отряд перерезал дорогу к отступлению группам красноармейцев между населенными пунктами Струсив и Зеленча. На следующий день повстанцы обстреляли колонну советских войск, посеяв тем самым панику и спровоцировав перестрелку между красноармейцами. 3–4 июля отряд Степа захватил села Риздвяны, Зубов, Островец, Застеночное, Бернадовку, Заздрость, Дарохов, Ласковцы, Вербовец. Ими же было прервано сообщение между Тереховлей и Тернополем. Отсутствие связи и слухи, распускавшиеся оуновцами, посеяли панику в райцентре, и утром 5 июня он был взят оуновцами. В боях отряд захватил сотни единиц огнестрельного оружия, грузовики, снаряжение. По неподтвержденной информации, в самом Тернополе действовали 600 оуновцев.

В некоторых случаях оуновцы напрямую координировали свои действия с наступающими немецкими частями. Так, в районе села Новоселки 5 июля оуновцам удалось разбить слабые подразделения РККА и захватить село. Прибывший полк РККА выбил банду из села и заставил ее отступить. Оуновцы попросили помощи у немцев и при поддержке огня их артиллерии вновь заняли село, взяв немало трофеев и пленных.

200 пленных красноармейцев (в т. ч. 80 командиров и комиссаров) доставили оуновцы в немецкую комендатуру в Подгайцах. Здесь повстанцы

с помощью местных жителей, вооруженных сельхозинвентарем, напали и обезоружили отступающих солдат. Такой же случай произошел у села Забережье на Станиславщине, где местные жители вылавливали в лесах окруженцев и сдавали их немцам.

Законспирированные оуновцы также привнесли свой иудин вклад в дело победы немецкого оружия. Один из них, работавший на железнодорожной станции, пустил под откос эшелон, полный солдатами войск НКВД, что ехали к Подгайцам.

Жестокий многочасовой бой между отступающими красноармейцами и немцами с бандеровцами шел у села Микулинцы 3 июля 1941 года. Оуновцы ушли с передовой, оставив ее немцам, и ударом с тыла разбили советскую линию обороны, обеспечив тем самым полную победу своим будущим хозяевам.

Близ города Станислава в первые дни июля 1941 года группа оуновцев под руководством районного «провидника» ОУН (Б) Т. Банаха произвела «зачистку» Калушского района и организовала в нем полицию.

В Коломыйском районе выступил бандеровский отряд под руководством Василия Мельничука (Чумака). Вступив в бои с арьергардами советских войск, 2 июля повстанцы заняли Коломью. Им удалось захватить неохранявшиеся склады РККА и прекрасно вооружиться. В центральной части города были построены баррикады и оборудованы огневые точки. Как только в город входила отступавшая часть советских войск, бандеровцы окружали ее на центральной площади и разоружали. В город из сел прибывали новые группы повстанцев, регистрировались, вооружались и получали задания. Ими были заняты переправы через р. Прут. Бандеровцы вели обстрел приближавшихся венгерских частей, приняв их за советские войска. При обстреле украинцы убили трех венгров, а передовую группу взяли в плен.

Вооруженные столкновения происходили между бандеровцами и советскими войсками в Богородчанском районе Ивано-Франковской области. Здесь на сторону оуновцев переходили недавно мобилизованные в РККА местные жители.

Буковина также не стала исключением, и здесь возникли повстанческие отряды и комитеты обороны сел и местечек.

Изучение географии и хронологии повстанческих выступлений подтверждает их согласованность с планами немецкого командования. Первые выступления и диверсии начались вдоль всей линии границы, а наиболее активные произошли по т. н. линии «Сокальского кордона». Серия вооруженных выступлений бандеровцев прокатилась по тылам

советского фронта в районах Берестечка, Вербы, Дубно, Ровно, расчищая дорогу ударным частям немцев.

Активность оуновцев возрастала тогда, когда немецкие мехгруппы останавливались для форсирования рек. Одновременно повстанцы захватывали переправы, мосты, атаковали штабы советских частей и узлы коммуникаций. Такая обстановка была характерна для Волыни и Полесья, где в руках повстанцев оказались Сарны, Костополь, Олевск.

Особой «любовью и вниманием» оуновцев пользовались дороги, по которым шло отступление советских войск в районе Львова, Золочева, Бродов, Зборова, Тернополя, Кременца, Вишневец, Дубна. Отряды повстанцев наносили удары по проходящим колоннам, уничтожали военнослужащих, технику, штабы. Нападениями на красноармейцев, находившихся в тяжелейшем психологическом состоянии, было легко сеять панику и срывать планы отхода частей.

Активность буковинских подразделений оуновцев в первые дни войны в основном свелась к призыву местного населения не идти в Красную армию, а скрываться в лесах. Через несколько дней оуновцы тайно агитировали сограждан вступать в Красную армию, получать оружие и уже с ним дезертировать. Впоследствии оуновцы стали нападать на представителей советской администрации, милиции и просто тех граждан, что, несмотря на тяжелую военную обстановку, честно исполняли свой гражданский долг.

Органы госбезопасности вели работу по ликвидации оуновцев, но в полной мере обезглавить и разгромить подполье не смогли. Остался на своем «посту» член Буковинского провода ОУН Петро Войновский. В апреле 1941 года, когда аресты подпольщиков достигли апогея, он ушел в подполье и укрывался в предместьях Черновиц, затем перебрался в село Кибаки Вижницкого района, откуда руководил деятельностью оуновских боевиков. В этой деятельности ему оказывал содействие другой «симпатик» ОУН — глава сельсовета с. Кибаки Петр Иллич. Вдвоем они сколотили отряд из 20 боевиков, основным назначением которых был захват райцентра Вижницы. Когда 4 июля советские войска покинули райцентр, люди Войновского и Иллича вошли в него и развязали дикий террор. По инициативе Войновского подчиненные ему боевики начали еврейские погромы в населенных пунктах района. Войновский также отдал приказ расстреливать всех коммунистов и советских активистов. Первыми жертвами «добродия» стали жители села Милиево.

5 июля оуновцы, усиленные местными украинцами-крестьянами, напали на село, разделившись на группы по 5–7 человек, рванулись к

домам евреев. Сам Войновский добивал евреев выстрелами из револьвера в голову, а помогала ему в этом Лидия Васильевна Киндзирская (Хмара). В одном только Милиево оуновцы уничтожили 120 человек.

После Милиево банда двинулась на село Испас с аналогичным стремлением устроить в нем резню. Здесь на пути погромщиков встал глава местной сельской управы Иван Георгиевич Денис, который категорически запретил оуновцам входить в село, несмотря на угрозы Войновского.

Получив отпор, банда устремилась в другие села, где устроила резню и погромы. Жертвами оуновцев стали села Банилово, Карапчево, Шишковцы, Лужаны, Неполоковцы, Васловицы и др.

7 июля 1941 года по приказу надрайонного руководителя ОУН (М) Степана Карбашевского, районного руководителя Георгия Кравчука и Теодора Бахура были убиты 45 евреев в Боровцах, 54 в Киселеве. Кроме этих несчастных, оуновцы убили также бывшего главу Боровецкого сельсовета М. О. Подгурского, секретаря сельсовета О. И. Сливку, финагента Д. М. Кричака, учителя сельской школы И. В. Мельничука.

Здесь следует отметить, что еще до начала войны ОУН однозначно объявила евреев виновниками уничтожения всего украинского. Официально было заявлено в адрес еврейства: «*Долгим будет обвинительный акт. Коротким будет приговор*». В июне 1941 года в Львове один из высших руководителей ОУН (Б) Ярослав Стецко во всеуслышание провозгласил:

«Москва и жидовство — главные враги Украины... Считаю главным и решающим врагом Москву, которая властно удерживала Украину в неволе, тем не менее оцениваю как вредную и враждебную судьбу жидов, которые помогают Москве закрепостить Украину. Поэтому стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстерминации жидовства, исключая их ассимиляцию и т. п.» [\[21\]](#).

6 июля 1941 года Петро Войновский вернулся в Черновцы и по приказу Центрального проводя ОУН начал набирать добровольцев в Украинскую национальную Армию и немецкую администрацию. Собрав около сотни коллаборантов, Войновский 3 августа с разрешения немецкой и румынской военной администрации повел их пешком в г. Снятии. Дорогой к ним присоединялись другие «желающие». Вскоре Войновский перегруппировал всех своих соратников в 5 сотен, каждая из которых

состояла из 2 рот по 50 бойцов каждая. Под личным командованием Войновского находилась комендантская сотня (рота) из 25 человек. Отдел пропаганды возглавил бывший руководитель хора Черновицкой областной филармонии Олесь Микитюк.

В г. Снятине курень Войновского (или «Буковинский курень», как именовали себя оуновцы) пробыл 8 дней. За время стоянки личный состав куреня разделился на 2 фракции — бандеровскую и мельниковскую. В дальнейшем буковинцы передислоцировались в Городенку, где от куреня откололись 2 «бандеровские» роты. Из-за такого дезертирства дело едва не дошло до стычки представителей двух партий. Войновский отдал приказ своим мельниковцам выйти из населенного пункта в направлении на Каменец-Подольский. Здесь люди Войновского (25 человек) поступили на службу в полицию, а курень вышел далее через Жмеринку, Винницу, Житомир, Бердичев в Киев, по пути следования оставляя своих людей в полиции, местных немецких комендатурах и администрации.

В конце сентября 1941 года курень прибыл в Киев. Здесь Войновского со товарищи ожидало горькое разочарование — немцы и не думали разрешать своим украинским союзникам формировать армию. Курень официально был распущен, а неофициально — поступил на службу в городскую полицию. Здесь буковинцы из ОУН вновь приняли активное участие в уничтожении мирного населения в печально известном Бабьем Яре, но некоторые из них впоследствии сами стали жертвами массовых расстрелов.

Акт провозглашения Украинской державы и его последствия

В июне 1941 года в оккупированном немцами Львове произошло событие, в полной мере раскрывающее истинное отношение немецкого руководства к своим украинским попутчикам. Это событие выявило сторонам их обоюдные планы относительно дальнейшего развития отношений.

По инициативе ОУН (Б) 22 июня 1941 года состоялась «рада» украинских политических деятелей, за исключением мельниковцев. На этом собрании было принято решение о создании единого координационного центра — Украинского национального комитета, руководство которым было поручено генералу Всеволоду Петрову, его заместителем стал В. Горбовой. В ходе заседания рады пришло известие о начале военных действий на Востоке. Оуновцы тут же сообщили, что их подпольные группы готовы выступить в любой момент для организации местного самоуправления и организации власти на местах.

Тем временем на фронте уже действовали походные группы ОУН (М) и ОУН (Б), а также два батальона (дружины) украинских националистов.

29 июня 1941 года после боев с националистами части РККА оставили Львов. 30 июня на рассвете немецкие части вошли в город. Кроме них, в город также прибыли ДУН «Нахтигаль» и части специального назначения из состава полка «Бранденбург-800». В тот же день после полудня в город прибыли украинцы из состава специальной походной группы ОУН (Б).

Членами группы было созвано собрание представителей украинской общественности, на котором был торжественно зачитан Акт провозглашения Украинского государства. Первый заместитель главы ОУН (Б) Ярослав Стецко был избран премьер-министром.

На заседании этого самозванного «правительства» присутствовал опекающий оуновцев от абвера специалист по «восточному вопросу», капитан, профессор Кох и от армии майор Эрнст цу Айкерн.

После собрания Стецко поручил И. Равлику организовать милицию для восстановления порядка и обеспечения безопасности граждан. Стецко также поручил своим коллегам передать в эфир текст Акта провозглашения из львовской радиостанции:

«1. Волей украинского народа Организация Украинских

Националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает восстановление Украинской Державы, за которую сложили головы целые поколения наилучших сынов Украины.

Организация Украинских Националистов, которая под руководством ее создателя и вождя Евгена Коновальца вела в последние десятилетия кровавого московско-большевистского рабства последовательную борьбу за свободу, призывает весь украинский народ не складывать оружие до тех пор, пока на всех украинских землях не будет создана Украинская Суверенная Держава.

Суверенная Украинская Власть наладит Украинскому Народу безопасность и порядок, всестороннее развитие всех его возможностей и удовлетворение всех его нужд.

2. На западных землях Украины создается Украинская Власть, которая подчиняется Украинскому Национальному Правительству, которое создается в столице Украины — Киеве в соответствии с волеизъявлением украинского народа.

3. Обновленная Украинская Держава будет тесно сотрудничать с Национал-Социалистическим Рейхом, который под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и в мире и помогает украинскому народу освободиться от московской оккупации.

Украинская Национальная Революционная Армия, что создается на украинской земле, борется вместе с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенную Соборную Украинскую Державу и новый справедливый порядок во всем мире.

Да здравствует Суверенная Соборная Украинская Держава!
Да здравствует Организация Украинских Националистов! Да здравствует Руководитель Организации Украинских Националистов Степан Бандера!

Слава Украине! Героям Слава!

Ярослав Стецко, Председатель Национального Сбора

Львов, 30 июня 1941 г..

В эфир с текстом выходили дважды — вечером 30 июня и утром 1 июля. Передачу приняли и в Кракове, где был создан вышеупомянутый

УНК. Его функционеры на основании радиопередачи отпечатали свой первый (и последний) информационный бюллетень, в котором рассказывалось про события в Львове.

Бюллетень сразу же попал в руки немцев, однако они не могли понять — то ли украинцы получили на это разрешение от высших властей, то ли это была инициатива «снизу».

2 июля 1942 года новости про провозглашение Акта дошли до Берлина в контексте донесения айнзацгруппы «С» полиции безопасности и СД. Донесение уведомляло, что украинские круги поставили немецкую власть перед фактом провозглашения Акта об Украинском государстве. В донесении сообщалось, что бандеровцы активизировали свою работу среди населения, распространяют листовки.

В ответ из Берлина пришли указания незамедлительно посадить под домашний арест всех активистов ОУН, включая Бандеру, и запретить им какую бы то ни было политическую деятельность.

В Кракове состоялась встреча государственного секретаря Кундта, судьи Бюлова, полковника Бизанца и одного из высших чиновников Генерал-губернаторства Феля с верхушкой УН К.

Разговор между украинской верхушкой и Кундтом был весьма примечателен тем, что немцы в резкой форме указали своим украинским «союзникам» их место. Начало беседы касалось выпущенного УН К бюллетеня (циркуляра), уведомлявшего всех о провозглашении Акта о воссоздании Украинской державы. Госсекретарь Кундт так выразил отношение германского руководства к этому документу:

«Содержание этого бюллетеня не соответствует фактам. Немецким органам власти, а также берлинским инстанциям ничего не известно о существовании украинской власти в Львове. Такая власть не может быть установлена без ведома Берлина. Далее, ничего не известно о том, что «уполномоченный» немецкого руководства проф. д-р Кох принял участие в Национальном сборе в Львове. Также неизвестно, что в этом сборище принимали участие высшие немецкие офицеры. Здесь либо идет речь о самоуправстве отдельных людей, использовавших радиостанцию для своих целей. В таком случае это нарушение военно-правового статуса, поскольку вся территория является зоной операции, где не может проводиться кем-то отдельная политика. Либо речь ведется про российскую радиостанцию, которая распространила дезинформацию. Других

вариантов я не вижу.

Текст, который распространила львовская радиостанция и разработанный Вами, является весьма своеобразным творением, поскольку в нем ведется речь про украинские Вооруженные силы, которые плечом к плечу борются вместе с немецкими солдатами. Я констатирую, что украинские Вооруженные силы в настоящее время не воюют. Сам этот прием способствует распространению дезинформации. Также в сообщении идет речь о том, что немецкий рейх и немецкий вермахт — союзники украинцев. Это не так, единственная личность, что ведет борьбу, — это фюрер, а украинских союзников не существует. Возможно, украинцы чувствуют себя нашими союзниками, однако в контексте державноправовой терминологии мы не союзники, мы завоеватели советско-российской территории. Здесь вами проявляются желания, которые выходят за грани реальности и которые вызывают в высших инстанциях рейха недовольство. Полагаю, что здесь действует загадочный инициатор, заинтересованный в том, чтобы разрушить доселе хорошую репутацию украинцев среди немецких руководящих кругов рейха. Я не могу допустить, что это делают украинцы. Возможно, здесь действуют некие особы, которые из-за болезненного честолюбия желают получить власть в Киеве и вредят как самим себе, так и украинцам. И все же я не могу допустить возможность подобного...

Я понимаю нетерпение людей, которые столетиями стремились к свободной жизни нации, свободной от поляков и россиян. Я допускаю, что они не могут пропустить такой момент. Я сам двадцать лет вел борьбу как судетский немец против чехов. Но горе нации, которая в тот момент, что идет к цели, утрачивает разум. Если вы мудрые политики, вы не можете сидеть спокойно, сложив руки.

Что касается вашего информационного листка, то формально я констатирую, что в соответствии с законами Генерал-губернаторства вы должны были знать, что информационные листки могут издаваться лишь с разрешения главного отдела пропаганды.

Сегодня я отбываю в Берлин, где будет принято окончательное решение. Я лишь хочу — по доброй воле — сразу вас предупредить о недопустимости и далее действовать такими

же методами и компрометировать себя перед своим народом».

В ответ представитель «новой власти» доктор Горбовой начал лепетать о том, что передача львовской радиостанции была воспринята как действие, согласованное с немецкими кругами. В это время в зале, где проходил этот «разбор полетов», появился Степан Бандера. Кундт сразу же «переключился» с функционеров УЦК на главу ОУН (Б).

«Кундт: В этой загадочной информации львовского радио либо какого-то другого вражеского радио утверждается, что пан Бандера был провозглашен вождем свободного государства западных украинцев и что вы назначили Стецко руководителем государства.

Вопрос первый: Авторство декрета № 1 принадлежит Вам?

Вопрос второй: С Вами предварительно согласовывали Ваше руководство украинским государством или прокламация по радио была провозглашена без вашего согласия?

Переводник: Пан Бандера просит дать ему возможность разъяснить украинскую позицию.

Кундт: Я прошу заметить, что значимой является лишь позиция немецкая.

Бандера: Уже 20 лет до сего дня украинцы ведут войну против большевизма в самой революционной форме. Эту войну они ведут самостоятельно. Руководство ОУН вело революционную борьбу против всех оккупантов Украины. Эта борьба до последнего момента велась самостоятельно во имя самостийной, незалежной Украины. В этой борьбе ОУН стремилась приобрести союзников для великой борьбы против Польши и России, а в последнее время только против большевизма. Великогерманская власть, а именно национал-социалистическая Власть, является нашим главным союзником и по сей день стоит на нашей стороне. ОУН различными методами сотрудничала с немецкими руководящими инстанциями. Они (украинцы) совместно с немцами боролись против Польши и также понесли потери, сотрудничая с Германией в той форме, в какой им было позволено. В эти последние два года нами велась также борьба против большевизма, конспиративно и лишь в той форме, что разрешалась немецкими инстанциями, с которыми велось сотрудничество, причем политическому статусу Германии

это ничем не угрожало.

Это время организация использовала свой потенциал для подготовки борьбы против главного противника — россиян и особенно против большевизма. В этой боевой работе за два года она также понесла потери. Организация готовилась для вооруженной борьбы и сделала все, чтобы вступить в последнюю борьбу, причем в форме, которая разрешалась немецкими властями.

Кундт: Я передал прошение УНК относительно создания украинского Легиона в Берлин. Решение еще не принято.

Бандера: ОУН вступила в войну частично в рядах немецкого вермахта, а частично как организатор восстания в тылах большевистских войск, выполняя задания вермахта.

Кундт: То, что сказал пан Бандера, и по смыслу и на практике — мне известно, а также известно и в тех инстанциях, что имеют с ним дело.

Бандера: Поэтому я хочу еще раз подчеркнуть, что в этой войне мы не пассивные наблюдатели, а активные участники, в той форме, в какой мы имеем возможность принимать участие в этой борьбе.

Кундт: Это правильно. Пока вы поддерживаете контакт с немецкими служебными инстанциями, ваша работа соответственно и оценивается.

Бандера: Мы все вступили в борьбу за самостоятельную, незалежную и вольную Украину. Мы боремся за украинские идеи и украинские цели. Как только началась война, я отдал приказ своим людям сделать все для того, чтобы вести борьбу совместно с немецкими войсками. Я дал указание тайно создать в районах, занятых немецкими войсками, администрацию и местный аппарат. Эти поручения я дал еще до войны.

Кундт: По разрешению какой немецкой инстанции?

Бандера: Основой, на которой базировалось сотрудничество с немецкими инстанциями, была цель создания самостоятельной украинской державы. За два года мои люди за это отдавали свои жизни, и за это они борются и сегодня.

Кундт: Я поставил конкретный вопрос — после вступления немецких войск было провозглашено создание украинской власти, и знала ли про это какая-либо немецкая инстанция?

Бандера: Перед началом военных действий 15 июня я

передал меморандум в рейхсканцелярию, в котором говорилось, что требуется немедленно приступить к организации власти. Я отдал приказ: после освобождения создать в областях украинскую власть. Этот приказ был отдан перед началом акции через повстанческие группы, для того чтобы эти группы немедленно вступили в борьбу и создавали в освобожденных районах администрацию.

Кундт: Вы об этом уведомили абвер?

Бандера: Да, но абвер и перед и после начала войны не считал себя компетентным в этих делах. Это решалось в Берлине.

Я подчеркиваю, что это не было в форме договоренности. Мне сказали, что официальные инстанции еще не приняли окончательного решения про восстановление украинской власти, которую отдадут в руки украинцев. Это было в форме обсуждения, обещаний не давалось.

Кундт: Вы были провозглашены вашими людьми руководителем первого украинского правительства в Западной Украине на основе Вашего приказа после вступления немецких войск в Львов?

Бандера: Этот приказ я отдал как руководитель организации ОУН, т. е. как руководитель украинских националистов, поскольку эта организация руководит украинским народом.

Я по поручению ОУН провозгласил себя руководителем украинского народа. ОУН была единой организацией, которая вела борьбу и имеет право создать правительство с учетом ведущейся ею борьбы.

Кундт: Право имеют немецкий вермахт и фюрер, который завоевал край. Он имеет право назначать украинское руководство.

Бандера: Это было бы руководство, которое создавалось указом немецкого правительства. А это правительство создавалось самостоятельно и также с целью сотрудничества с немцами.

Кундт: Это было согласовано с немецким военным комендантом?

Бандера: Я не знаю, творилось ли все это с ведома немецких инстанций. Я дал инструкции, в которых говорилось: делать все с согласия немцев. Я допускаю, что так и было в этот раз, так как радиостанция выдала в эфир сообщение с уведомлением на немецком языке.

Кундт: Обращения к фюреру и вермахту были переданы на немецком и украинском языках, а далее следовало заявление лишь на украинском.

Бандера: Относительно происходившего в Львове я не информирован. На собрании УНК в Львове присутствовал Стецко...

Кундт: Я хочу пану Бандере сказать следующее: тот факт, что он передал меморандум в рейхсканцелярию, еще не означает доверие. То, что Вы предложили, еще не стало законом, и поэтому господа из абвера, т. е. инстанции, подчиняющейся фюреру, были уведомлены про Ваши намерения, но не дали согласия на их реализацию.

Кроме того, как двадцатилетний знаток украинской борьбы в бывшей Польше и Советской России я думаю, что не только группа Бандеры, но и другие украинцы боролись и жертвовали жизни и, по моему мнению, могли бы предъявить свои претензии. Констатацией данного факта я не желаю унижить пана Бандеру и его людей, хочу лишь отметить, что мы занимались этими делами и хорошо информированы про борьбу украинского народа. Фюрер уделит ей внимание, как только настанет подходящее время. Невозможно, чтобы в это время кто-то действовал по-своему, без немецкого руководства. Поэтому пану Бандере и другим панам я даю добрый совет — ничего не делать без согласования с компетентными инстанциями. Немецкий вермахт борется с Советской Россией, ваш край является зоной военной операции и будет таковым, пока фюрер не скажет, как действовать далее. Есть ли еще какие-либо вопросы для обсуждения?

Бандера: Я еще раз хочу разъяснить и подчеркнуть, что ни один из приказов, которые я отдал, не преследовал целью обойти какие-либо немецкие указания. Нормализация жизни украинцев на украинской территории может быть только при условии использования украинских факторов. Я стою на той точке зрения, что пока этой цели возможно добиться только в содействии с немецкими властями.

Кундт: Что будет далее — решит Адольф Гитлер».

В этой ситуации осталась неясной роль немецких офицеров, присутствовавших при провозглашении Акта о восстановлении Украинской

державы. Во время проведенного немецкими инстанциями расследования Кох и Айкерн сообщили, что они прибыли на заседание, когда уже было провозглашено создание государства.

3 июля Стецко пытался передать Гитлеру письмо, разъясняющее цели нового правительства и доказывающее необходимость его существования. Письмо передано фюреру не было.

5 июля 1941 года в Кракове был задержан Степан Бандера. Его направили под конвоем в Берлин, где посадили под домашний арест и начали допрашивать обо всех сторонах жизни ОУН и про обстоятельства «львовского демарша». Кроме Бандеры, были арестованы В. Горбовой и В. Янов.

После ареста своего руководителя высокопоставленные оуновцы (Стецко, Лебедь, Старух, Климов-Легенда, Л. Ребет, Равлик) собрались, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. На сборе было принято решение о продолжении создания украинских вооруженных формирований, их подготовке и снабжении. Частично руководство ОУН ушло в подполье, опасаясь арестов.

9 июля сотрудниками СД были арестованы Ярослав Стецко и его сотрудник Р. Ильницкий. Арестованных допросили в Львове и Кракове, затем передали абверу и депортировали в Берлин, где их допрашивал основной специалист по украинским делам абвера полковник Эрвин Штольце. Штольце обвинил арестантов в том, что Актом провозглашения Украинской державы они усугубили внешнеполитическую ситуацию. Штольце также сообщил, что этим мероприятием оуновцы дали прекрасный козырь кремлевской пропаганде, получившей доказательства немецких планов расчленения СССР по национальному признаку. Поэтому, пояснил Штольце, советские солдаты будут сражаться с еще большим упорством, следовательно, возрастут потери среди немецких военнослужащих. *«Ваша политика лишает жизни наших солдат»*, — подвел черту в разговоре Штольце.

Тем временем в Львове все политические украинские группировки прекратили свою деятельность под угрозой арестов. Оуновцы Мельника и другие группировки под нажимом немецких чиновников (Кундта, Коха) выразили свою полную лояльность рейху и клятвенно заверили немцев о своем активном участии в перестройке жизни в крае.

ОУН (Б) попросила гарантий в виде восстановления независимой Украины и освобождения С. Бандеры.

Бандера, Стецко и ряд других «политзаключенных» тем временем были переведены в концлагерь Заксенхаузен, где содержались до конца

войны на санаторных условиях.

Так безуспешно провалилась попытка провозглашения независимой Украины и создания украинского правительства. В первые месяцы успешных боевых действий на Востоке германское правительство не видело и не желало видеть рядом с собой союзника, претендующего еще и на независимость. Передача власти в Западной Украине в руки ОУН никак не вписывалась в планы Гитлера.

Основной выигравшей в этом конфликте стороной стала ОУН Мельника, лишившаяся своего молодого конкурента. Несмотря на, казалось бы, успешную для него конкуренцию, сам Андрей Мельник в 1944 году также очутился в Заксенхаузене.

Провал львовской акции не остановил сотрудничество двух ОУН с немцами, и оно продолжалось в других формах, но с прежней целью — для подготовки собственных хорошо обученных военных кадров. Кадрами ОУН были пронизаны украинские полицейские формирования и дивизия СС «Галичина».

Украинские полицейские формирования

Послевоенная советская история однозначно трактовала украинских полицейских как наших врагов и пособников оккупантов, однако в настоящее время взгляд украинских историков и «общественников» сменился на противоположный. Так, наш современник, депутат Ровенского горсовета В. Шкуратюк, заявил:

«Я горжусь тем фактом, что среди 1500 карателей в Бабьем Яре было 1200 полицейских из ОУН и только 300 — немцы».

Иван Буртик в своей книге по истории 2-й дивизии УНА так высказывает свое отношение к полицейским формированиям вспомогательной полиции:

«Украинская полиция под немецкой оккупацией, за исключением некоторых индивидуумов, стояла на очень высоком моральном уровне. Она берегла население от разгула злочинных элементов, всяческими маневрами обороняла жизненные интересы народа, а не оккупанта. Она делала, что могла, чтобы саботировать грабительские планы натуральных поставок. Эта полиция предупредила тысячи молодых людей о выселении в Германию и от ареста гестапо. Вся украинская полиция находилась в тесном контакте с украинскими партизанами. От украинской полиции партизаны знали все про экспедиционно-карательные антипартизанские планы гитлеровцев, и как минимум за день. Это давало возможность партизанам своевременно отойти в безопасный район. Украинская полиция — это чуткое ухо и око украинских партизан в административном аппарате Коха. Это око и ухо было потом уничтожено...»

Что бы ни говорилось об их стремлении построить «Украинскую Самостийную Соборную Державу» в гитлеровской «Новой Европе», методы постройки были преступными. Сами немцы не доверяли своим местным помощникам. Германские инстанции были осведомлены о планах бандеровцев оседлать полицейскую службу:

«Допросы подтвердили, что ОУН Бандеры прилагает свои

усилия в только что занятых местностях создать украинскую милицию, назначить мэров и начальников милиции, снять с этих постов руководителей, которые ОУН неприемлемы, поставить на все значительные должности доверенных людей, вербовать новых членов».

Образование, рост численности и количества украинских полицейских подразделений из местного населения был обусловлен в первую очередь наличием остатков советских воинских частей и групп военнослужащих, оказавшихся в тылу вермахта и пытавшихся начать партизанскую борьбу. Созданию полицейских воинских единиц способствовало наличие национальной украинской пропаганды и работа членов походных групп и дружин украинских националистов «Роланд» и «Нахтигаль».

Работу по созданию полицейских формирований с украинской стороны возглавило ведомство с громким названием — Министерство государственной безопасности под руководством Миколы Лебеда, фактически возглавившего ОУН (Б) после ареста Бандеры. Непосредственно за создание милиции-полиции отвечал Иван Равлик. По согласованию с краевым руководством ОУН (Б) И. Равлик создал в течение нескольких дней станицы (участки) полиции из членов ОУН. В Сокале был организован курень милиции из 700 человек, все офицеры которого были бандеровцами.

По мере охлаждения отношений с немцами ОУН (Б) были созданы 2 нелегальных Краевых войсковых штаба ОУН (Б). Первый располагался в Львове и руководил оуновскими боевиками на Западной Украине, второй — в Ровно и предназначался для координации действий ОУН на Северо-Западе Украины.

Ровенским штабом ОУН было сформировано военно-полицейское украинское подразделение, именовавшееся оуновцами «Стрелецкий резервный полк им. Холодного Яра». Создание этой боевой единицы было обставлено торжественно и с разрешения немецких властей.

В Ровно 27 июня 1941 года состоялась манифестация, основной темой которой было провозглашение Украинской Независимой Соборной Державы в Львове. На этой манифестации население имело возможность увидеть, как принял присягу сформированный курень (батальон) Украинского Войска имени Холодного Яра. Тогда же было освящено желто-синее знамя куреня с владимирским трезубцем на одной стороне, на другой была надпись «*Воля Україні або смерть!*». Знамя было изготовлено членами ОУН Ровенской области, под ним подпольщики-националисты провели ряд

боев против чекистов. На следующий день курень занял под казарму просторный дом и приступил к подготовке младших офицеров. Комендантом куреня был человек, которого все величали «друг Остап». С августа 1941 года полк получил статус «Восточного учебного батальона» и впоследствии послужил центром создания полицейских формирований, действовавших на Украине и в Белоруссии. По утверждению ряда оуновских источников, в 1943 году личный состав куреня разоружил немцев и, забрав из казармы оружие, ушел в лес — в УПА.

В Радеховском районе была создана украинская милиция для охраны селян, кооперативов и магазинов. Отличительным знаком милиционеров были нарукавные желто-синие повязки. Прибывший в эту местность состав немецкой ортскомендатуры был крайне удивлен, увидев эту милицию, но поскольку в селах был порядок, ее было решено оставить.

В г. Перемышле функционировала школа подготовки личного состава украинских полицейских формирований. Обучение курсантов, разбитых на две группы, продолжалось пять недель и включало в себя следующие предметы: жандармская служба, гражданское и уголовное право, уголовно-процессуальный кодекс, полицейские уставы, оружиеведение, криминалистика, уставы. Занятия вели начальник школы бывший полковник австрийской жандармерии фольксдойче Красницкий, представитель немецкой жандармерии Мюллер и майор польской жандармерии Яновский.

Помимо полицейских школ, руководство ОУН (Б) стало создавать под вывеской школ для полиции курсы обучения офицеров и унтеров. В Мостах Великих функционировала офицерская школа ОУН (Б) под руководством сотника Дмитро Грицяя (Перебийноса), в Поморянах — унтер-офицерская школа поручика Осипа Карачевского (Свободы).

Вспомогательная полиция подразделялась на районную и окружную. В ее задачи входили охрана мостов, зернохранилищ, поддержание общественного порядка. Каждое подразделение шуцполиции в рейхскомиссариате «Украина» подчинялось вермахту. На тысячу человек местного населения было разрешено иметь одного полицейского. Скромный подсчет указывает, что на всю Украину с ее численностью населения, полицейских было до 50 тысяч. Среди них были и те, кто числился «украинцем» лишь формально.

В Львове с первых дней входа в него немецких войск возникла украинская милиция. Позднее эта милиция формально была ликвидирована приказом губернатора. Этим же документом было положено начало формированию городской вспомогательной полиции из личного состава

упраздненной милиции. Украинская вспомогательная полиция создавалась с целью обеспечения общественного порядка и безопасности. Реагируя на создание полиции, «Львовские вести» писали, что население с большим воодушевлением откликнулось на призыв губернатора и выделило из своих рядов достойнейших звания городского полицейского. В той же газете было опубликовано интервью с комиссаром горполиции Ярославом Левицким. Комиссар сообщил читающей публике, что 15 августа 1941 года украинская милиция была реорганизована в украинскую «допоможну» полицию, которая к осени 1941 года насчитывала в своих рядах 6 тысяч человек. Из них 415 полицаяев с десятью офицерами несли охрану правопорядка в Львове.

Комендантом горполиции был назначен Владимир Питулей, его заместителем — Лев Огоновский. Полномочия полицейских распространялись на украинское, польское и еврейское население города (на последнее — до создания еврейской полиции). Все дела о нарушении правопорядка немцами украинская полиция была обязана передавать своим немецким коллегам. Офицерский и унтер-офицерский состав украинской вспомогательной полиции формировался в основном из молодежи, окончившей курсы в полицейской школе в Львове, которой руководил немецкий офицер Г. Вальтер. В конце января 1941 года такие курсы окончили 186 украинских полицаяев, второй курс обучения подготовил 192 полицейских. Преподавательский состав школы был представлен немецкими и украинскими специалистами. По личному поручению митрополита А. Шептицкого пастырская опека над школой осуществлялась епископом Никитой Будкой.

По свидетельству бандеровцев, за львовскую полицию велась борьба между бандеровцами и мельниковцами. С помощью СД мельниковцы организовали в Львове товарищество под вывеской «Украинская вспомогательная акция», персонал которого состоял исключительно из людей Андрея Мельника. Товарищество вело регистрацию людей, верных мельниковской ОУН, и занималось их трудоустройством. Конечной целью мельниковцев было вытеснение со всех руководящих постов (включая полицию) «прихильников» Бандеры.

Помимо решения задач по поимке подпольщиков, партизан, патрулированию улиц и охраны, на уголовную полицию была возложена задача борьбы с криминалом. Львов XX века представлял собой своеобразную криминальную столицу, «славившуюся» интернациональным воровским миром. Немецкие власти, установившие контроль над городом, с первых же дней столкнулись с активной

деятельностью воровского мира. В составе уголовной полиции служили украинцы, поляки и немцы, в т. ч. криминалисты, «унаследованные» от польских властей.

При формировании дивизии «Галичина» Боевая управа разослала в вербовочные участки телеграммы, в которых содержалось уведомление, что в дивизию могут приниматься служащие украинской вспомогательной полиции края, служащие ПВО, прикрепленные к команде охранной полиции Львова.

Украинская полиция Львова и Киева принимала активное участие в ликвидации еврейского населения. Вышеупомянутый В. Питулей в своем отчете докладывал:

«Во время еврейской акции 25 марта 1942 года в Львове первым комиссариатом полиции доставлено 500 евреев, вторым — 238, третьим — 510, четвертым — 240, пятым — 600, шестым — 160; всего — 2254».

В апреле 1942 года по приказу коменданта города на военном стрельбище было расстреляно еще 6 тысяч евреев.

Всего в Галиции оккупантами и коллаборационистами было истреблено около полумиллиона евреев. Только в августе 1942 года было расстреляно и вывезено в лагерь уничтожения Белжец 50 тысяч львовских евреев.

Одним из центров формирования украинских подразделений была столица Украины. Создание полиции в Киеве было заслугой членов Киевской походной группы ОУН, состоящей из членов вышеупомянутого Буковинского куреня. В короткий срок походниками было сформировано довольно крупное подразделение, получившее наименование Киевский курень. Его ядром стали Буковинский курень ОУН и батальон, сформированный в Житомире из числа военнопленных (700 человек) под командованием бывшего старшины Армии УНР сотника Петра Захвалинского. После слияния с личным составом походной группы курень был разделен на роты, взводы и отделения. В ноябре к куреню присоединились еще 250 добровольцев из Галичины. К концу 1941 года курень насчитывал примерно 1500–1700 человек. Члены куреня формировали органы местного самоуправления и организовывали полицию в Киевской области, помогали в тушении пожаров и разборке завалов. Комендантом киевской полиции порядка был назначен сотник Захвалинский, а его заместителем — поручик Кедюлич. Местом

расположения куреня стало здание горотдела милиции на площади Хмельницкого.

Отличительным знаком полицейских была желтоголубая нарукавная повязка, обмундирование же — трофейным, советским.

Киевская полиция была тем лакомым куском для многочисленных политических группировок, что боролись за влияние. Донесение СД в Берлин от 2 октября 1941 года свидетельствует, что за киевскую полицию порядка боролась ОУН Мельника. Люди из ОУН (М) пытались занять посты в полиции, а также возглавить создание полиции сельской, при этом постоянно повторялся тезис: *«Когда 5 немцам будут противостоять 50 милиционеров, то кто тогда будет иметь власть?»* В декабре 1942 года СД провело обыск в 3-м комиссариате киевской полиции и обнаружило за шкафом тайник, набитый незарегистрированным оружием, боеприпасами, снаряжением. Вслед за этим были проведены обыски во всех полицейских участках, и также было найдено оружие. По результатам обысков были арестованы 5 человек из числа бандеровцев.

В начале февраля 1942 года СД произвело многочисленные аресты членов ОУН, в том числе среди участников Буковинского куреня. Многие из них были расстреляны в Бабьем Яре.

После репрессий члены Киевского куреня влились в состав 109-го, 115-го и 116-го шуцманшафтбатальонов.

Вышеупомянутые батальоны начали формироваться немцами с осени 1941 года на территориях рейхскомиссариатов «Украина» и «Восток» из местных добровольцев. Созданием батальонов занимались вермахт и СД, активное участие в работе по формированию принимали абвер и гестапо. С ноября 1942 года эти части стали именоваться «Schutzmannschaft der Ordnungspolizei», или сокращенно «Schuma» («шума»). Всего насчитывалось 6 разновидностей шума-формирований:

1. Schutzmannschaft des Einzeldienst — местная полиция порядка.
2. Schutzmannschaftbataillonen — полевые, строительные, запасные батальоны и кавдивизионы.
3. Feuerschutzmannschaft — вспомогательные пожарные формирования.
4. Schutzmannschaft der Sicherheitspolizei — полицейские подразделения в составе айнцагрупп СД.
5. Hilfsschutzmannschaft — резервная вспомогательная полиция.
6. Selbstschutz — местные формирования самообороны.

Каждый шума-батальон состоял из штаба и четырех рот по 125 человек. Одна рота была пулеметной и три роты — пехотных. Численность

батальонов колебалась от 300 до 700 человек. Особенностью «шумы», формировавшейся на Украине, было обязательное присутствие в наименовании батальона слова «украинский», несмотря на различные национальности его военнослужащих. В состав батальонов включались добровольцы из местного населения и военнопленных в возрасте от 18 до 50 лет с начальным образованием и без судимостей.

В Киеве были сформированы следующие полицейские украинские шума-батальоны: 101–111, 113–126, 129–131, 134–140, 143–146, 157–169. Общая численность украинских полицейских батальонов составляла 35 тысяч человек. В 1943 году часть полицейских батальонов была включена в состав полицейских стрелковых полков (№ 31–38) трехбатальонного состава.

101-м полицейским шума-батальоном командовал бывший майор РККА Вячеслав (по другим данным — Ростислав) Антонович Муравьев. Батальон участвовал в антипартизанских карательных операциях в Белоруссии. Позднее на его базе был развернут 23-й русско-украинский батальон СД. В сентябре 1944 г. СД-шума-батальон был введен в состав истребительного соединения войск СС «Зюдвест», в составе которого участвовал в разгроме отрядов Сопротивления. В ноябре 1944 г. батальон был передан в состав 30-й дивизии СС.

109-й батальон под командованием сына известного украинского военачальника времен Гражданской войны, генерала УНР М. Омеляновича-Павленко был создан из числа буковинцев, военнопленных и добровольцев. Батальон оперировал против партизан на территории Украины (Подолье), но после утраты немецкого доверия был переброшен в Белоруссию, где понес значительные потери. В 1944 году был выведен в Тернополь, где 200 бойцов ушли в лес в ряды УПА. Переход части батальона в УПА сопровождался кровавыми событиями: были убиты все украинцы — члены ОУН (М).

115-й батальон был сформирован в начале 1942 года, когда Германская армия стала ощущать нехватку в полицейских формированиях для охраны тыла. Тогда было принято решение создать ряд украинских батальонов для борьбы с советскими партизанами в Полесье.

Батальон был сформирован из бывших членов Киевской походной группы (Буковинский курень). Его командиром был майор Пфаль, заместителем — гауптман Поль (оуновец Полевой). На первом этапе существования батальон был одет в литовскую униформу и словацкие каски, оружие было трофейным советским. Каждый солдат носил белую нарукавную повязку со своим порядковым номером (комбат имел Mb 1).

Трезубцы и желто-синие повязки было приказано убрать с формы.

Боевая деятельность батальона началась неудачно. В конце февраля 1942 года в батальон пришло известие, что в лесах в 100 км севернее Коростеня у села Хабина советские парашютисты убили нескольких селян за отказ вступить в их отряд. Из батальона была выслана разведка — 1-я рота под командованием сотника Остапенко и двух немецких офицеров. Вооружение группы состояло из советских трехлинеек и одного автомата у немецкого офицера. Рота попала в засаду и была полностью разбита, погибли 1 немец и 3 украинца. Из батальона были высланы на помощь 2-я и 3-я роты под командованием Пфаля. Они же нашли и похоронили убитых. Возвратившись в Киев после столь неудачного начала, батальон занимался охраной артиллерийского парка и строевой подготовкой. В мае 1942 года в батальоне прошли очередные аресты националистов, в основном членов Буковинского куреня и галичан. После репрессий в батальоне стал явно ощущаться недостаток унтер-офицерских кадров, поэтому на эти должности немцы стали назначать бывших старшин РККА. Вместе с ликвидацией национального украинского подполья в батальон стали прибывать бывшие военнослужащие Красной армии и бывшие белогвардейцы-эмигранты. Командиром 3-й роты стал бывший капитан Императорской Русской армии Некрасов. В июле 1942-го в батальон прибыло пополнение из молодежи, которую первоначально планировалось отправить на работу в Германию. Тогда же на базе одной из рот батальона было начато формирование 118-го полицейского батальона. После окончания комплектования 115-го батальона его состав насчитывал 350 человек.

В августе 1942 года оба батальона были переброшены в Барановичскую область Белоруссии. Начались боевые действия против партизан, с переменным успехом для обеих сторон. Постепенно под действием советской пропаганды бывшие красноармейцы, влившиеся ранее в батальон, начали переходить на сторону партизан.

Летом 1943 года батальон получил стандартную немецкую униформу полевой полиции, с правом ношения трезубца на пилотках. На левом рукаве мундиров носилась шитообразная нашивка, разделенная по диагонали на желтую и синюю половины, офицерский состав имел на щитке вышитый трезубец.

В октябре батальон получил желто-синее знамя с изображением трезубца и меча и освятил его в православной церкви села Деречин. Тем же летом батальон принимал участие в операции «Герман» против партизан Налибокской пуши.

В январе 1944 года тайная полевая полиция произвела аресты некоторых батальонцев в слонимском госпитале. Впоследствии выяснилось, что арест был спровоцирован доносом агента НКВД, обвинившего раненых в прослушивании московского радио.

Весной и летом 1944 года оба батальона участвовали в крупных антипартизанских операциях «Сектор-24», «Регеншауэр» и «Фрюлингсфест» совместно с русскими и белорусскими добровольческими частями.

Начавшееся отступление немецких войск вынудило 115-й батальон отойти на территорию Литвы.

В июле 1942 года на базе одной из рот 115-го батальона был сформирован 118-й шуцманшафтбатальон, который начал боевые действия против партизан в р-не села Хабина. Первой прибыла сотня буковинцев, которая сразу же вступила в бой с превосходящими силами противника. Вскоре на помощь пришел весь батальон под командованием майора Шудры. Комбат настаивал перед немецкими командирами на одновременном наступлении всех частей, однако немцы решили, что первым идет в атаку батальон, а приданная венгерская часть будет находится в резерве. В ходе боя батальон был окружен и атакован партизанской кавалерией, в результате чего понес неоправданные потери. После боя он был переброшен в Чернигов, а в начале 1943 года — в Минск, где был реорганизован, доукомплектован и перевооружен. Были получены немецкие винтовки, минометы, 48-мм орудия, пулеметы «максим» и «ДП». После преобразования батальон действовал в Минском округе вместе со 115-м, 102-м (командир майор Шурыга, бывший офицер Армии УНР) украинскими батальонами и 101-м батальоном майора В. Муравьева, а также подразделениями РОА, прибалтами, венграми и белорусами.

В 1943 году батальон принимал участие в операции «Герман», вел борьбу с польскими партизанами, окончившуюся заключением перемирия, продлившегося до 1944 года, когда поляки расстреляли из засады 9 батальонцев.

В марте 1943 года чины батальона так «прославили» свое подразделение, что их преступление стало символом преступного оккупационного режима на долгие годы. Военнослужащие батальона приняли участие в карательной акции, в ходе которой была сожжена белорусская деревня Хатынь вместе со всеми жителями. Совместно с немцами полицаи уничтожили в огне и расстреляли 149 человек, из них 76 детей.

К этому времени 118-й батальон располагался в деревне Плещеницы.

Куратором батальона был штурмбаннфюрер СС Эрих Кернер, шефом одной из рот батальона — бывший чемпион мюнхенских Олимпийских игр 1938 года по толканию ядра капитан Вельке Ганс. К тому времени в батальоне сложилась двойная система командования, когда существовали два «параллельных» штаба — немецкий (именно он и являлся главным) и украинский. Все украинские офицеры, командиры подразделений дублировались немцами и без их приказа не могли предпринимать самостоятельных действий. Одним из начальников штаба батальона был Григорий Никитович Васюра, бывший командир РККА. Его «дублировал» Эмиль Засс. Украинским комбатом был галичанин Константин Смовский. Большинство рядовых военнослужащих к 1943 году составляли бывшие красноармейцы. По свидетельству Г. Васюры:

«...Это была шайка бандитов, для которых главное — грабить и пьянствовать. Возьмите комвзвода Мелешку — кадровый советский офицер и форменный садист, буквально шалел от запаха крови. Повар Мышак рвался на все операции, чтобы позверствовать и пограбить, ничем не брезговали командир отделения Лакуста и писарь Филиппов, переводчик Лукович истязал людей на дорогах, насиловал женщин...»

Батальон состоял из 3 стрелковых рот, минометного и хозяйственного взвода, а также двух расчетов 45-мм пушек. Каждая рота состояла из трех взводов, общая численность батальона — 270 человек. Всего в батальоне служили 40 немецких военнослужащих.

Хатынская трагедия началась с того, что подразделение 118-го батальона получило распоряжение выехать в сторону г. Логойска и устранить повреждение на телефонной линии. Командир первой роты батальона Вельке вместе с ординарцем и двумя полицейскими выехали на легковушке, другие — на двух грузовиках. При подъезде к деревне Большая Губа по автомашинам ударили из леса пулеметы и автоматы. Полицаи выскочили из машин и залегли. После нескольких минут перестрелки нападавшие отошли в глубь леса. Легковушка была вся изрешечена пулями, Вельке и двое полицаев убиты. После этого остальные сумели исправить обрыв линии связи, сообщили о случившемся своему начальству в Плещеницах и в Логойск, где дислоцировался батальон СС под командованием Оскара Дирлевангера. Из Логойска был получен приказ задержать лесорубов, которые работали неподалеку. Полицаи под командованием Лакусты окружили лесорубов и погнали их в Плещеницы.

Когда на дороге показались на грузовиках основные силы батальона, лесорубы бросились врассыпную, и по ним был открыт огонь — 20 человек были убиты, многие ранены. Еще 23 человека были доставлены в жандармерию в Плещеницы и за недостатком улик вскоре освобождены.

Вместе с прибывшими эсэсовцами (около 100 человек) военнослужащие батальона прочесали близлежащий лес, нашли место партизанской засады, затем двинулись на восток к Хатыни.

На судебном процессе 1986 года свидетели (из бывших полицейских) сообщили следующее. Когда каратели окружили деревню, через переводчика штаба батальона Луковича в цепи полицаев пришло распоряжение выводить людей из домов и конвоировать их на окраину села к сараю. Полицаи и эсэсовцы затолкали в сарай всех найденных ими жителей и обложили постройку соломой. Перед запертыми воротами установили станковый пулемет, за которым лежал полицейский Катрюк. Крышу сарая и солому подожгли Луковиц и какой-то немец. Пламя быстро побежало по соломе, и сарай запылал. Через несколько минут под напором людей дверь рухнула, и узники стали выбегать из сарая. В это время прозвучала команда «Огонь!» и каратели начали стрелять по несчастным.

Некоторым жителям удалось достичь окраины деревни, но здесь их также ждали пулеметчики-полицейские. За одним из пулеметов лежал Тимофей Топчий:

«Когда вышли к Хатыни, увидели, что из деревни убегают какие-то люди. Нашему пулеметному расчету дали команду стрелять по убежавшим. Первый номер расчета Щербань открыл огонь, но прицел был поставлен неправильно, и пули не настигали беглецов. Мелешко оттолкнул его в сторону и сам лег за пулемет. Убил ли он кого, не знаю, мы не проверяли.

Все дома в деревне, прежде чем сжечь, разграбили: забрали более-менее ценные вещи, продукты и скот. Тащили все подряд — и мы, и немцы».

Другой бывший полицейский Иван Петричук вторит своему однополчанину:

— Мой пост был метрах в 50 от сарая, который охранял наш взвод и немцы с автоматами. Я хорошо видел, как из огня выбежал мальчик лет шести, одежда на нем пылала. Он сделал

всего несколько шагов и упал, сраженный пулей. Стрелял в него кто-то из офицеров, которые большой группой стояли в той стороне. Может, это был Кернер, а может, Васюра.

Не знаю, много ли было в сарае детей. Когда мы уходили из деревни, он уже догорал, живых людей в нем не было — дымились только обгоревшие трупы, большие и маленькие. Эта картина была ужасной...

После акции штурмбаннфюрер СС Кернер докладывал по инстанции:

«Окружному начальнику СС и полиции Борисовского района.

Доношу следующее: 22.03.43 между Плещеницами и Логойском бандами была разрушена телефонная связь. Для охраны восстановительной команды и возможной расчистки завалов на дороге в 9.30 были направлены 2 взвода первой роты 118-го полицейского батальона под командованием гауптмана охранной полиции Х. Бельке.

Примерно в 600 м за д. Большая Губа им встретились рабочие, которые заготавливали лес. На вопрос, не видели ли они бандитов, рабочие ответили отрицательно. Когда же отряд проехал еще 300 м. он подвергся с востока сильному пулеметному и оружейному обстрелу. В завязавшемся бою пали гауптман Вельке и трое украинских полицейских, еще двое полицейских были ранены. После короткой, но ожесточенной перестрелки противник отошел в восточном направлении (на д. Хатынь), забрав убитых и раненых.

После этого командир взвода бой прекратил, т. к. для продолжения акции собственных сил было недостаточно. На обратном пути упомянутые выше лесозаготовители были арестованы, т. к. возникло подозрение, что они пособничали противнику. Несколько севернее Б. Губы часть арестованных рабочих пыталась бежать. При этом нашим огнем были убиты 23 человека. Остальные арестованные доставлены на допрос в жандармерию в Плещеницы. Но т. к. их вину не удалось доказать, они были освобождены.

Для преследования отошедшего противника были направлены более крупные силы, в т. ч. подразделения батальона СС Дирлевангера. Противник тем временем отошел к д. Хатынь,

известной своим дружелюбием к бандитам. Деревня была окружена и атакована со всех сторон. Противник при этом оказал упорное сопротивление и вел огонь из всех домов, так что пришлось применить тяжелое оружие — противотанковые пушки и тяжелые минометы.

В ходе боевых действий наряду с 34 бандитами убито много жителей села. Часть из них погибла в пламени.

12.04.1943 Эрих Кернер».

Ряд основных фактов, изложенных в рапорте Кернера, подтверждается и выпиской из Журнала боевых действий партизанского отряда «Мститель»:

«22.03.1943. Находившиеся в засаде на шоссе Погойск — Плещеницы первая и третья роты уничтожили легковую машину, убито два жандармских офицера, несколько полицейских ранено. После отхода с места засады роты расположились в д. Хатынь Плещеницкого района, где были окружены немцами и полицейскими. При выходе из окружения потеряли убитыми три человека, четверо — ранено. После боя фашисты сожгли д. Хатынь».

Всего за годы оккупации в Белоруссии карателями были сожжены 628 деревень вместе с жителями. Немалую «лепту» в это кровавое побоище внесли и полицейские батальоны, сформированные из уроженцев Прибалтики, Украины, России.

В июле 1944 года 115-й и 118-й батальоны прибыли на отдых под Варшаву, где их личный состав получил новые мундиры и каски. Немецкое командование приняло решение перебросить батальоны в Варшаву для участия в подавлении восстания, но затем было решено включить их в состав 30-й дивизии СС в качестве 62-го и 63-го батальонов. Негативная реакция батальонцев на эти события породила дезертирство. Был разработан план по прорыву батальонов к УПА на Волынь, но майор Смовский отговорил солдат от этой акции. В августе 1944 года батальоны были вывезены во Францию в департамент Ду, после чего были объединены в полк. Командирами батальонов были назначены майор Гинцке и капитан Либбе, у которых с первых же дней сложились плохие отношения с личным составом. Еще во время отдыха в Польше украинские

офицеры батальона приняли решение о переходе на сторону французских партизан. Инициаторами перехода 62-го батальона были офицеры Белик, Мелешко и Федоров, поддерживавшие связь с маки через польского украинца Н. Цвигуна, эмигрировавшего во Францию в 1937 году. Переход сопровождался пулеметным обстрелом немецкого штаба. Вышедший из городка к партизанам батальон догнал капитан Либбе и предложил вернуться. Украинцы ответили отказом, объяснив, что «ремцы предали своих украинских союзников». К партизанам ушли около 500 солдат, с собой увели три 45-мм орудия, 70 подвод и 170 коней.

В движении Сопротивления батальоны были объединены во 2-й украинский курень (полк) имени Т. Г. Шевченко. 1-й курень имени И. Богуна составляли к тому времени также перешедшие украинцы (102-й украинский батальон). Украинцам было предложено сложить оружие и перебраться в Швейцарию, однако они отказались от предложения, пояснив, что желают расквитаться с немцами.

После войны 350 украинцев вступили во Французский Иностранский легион, некоторые предпочли возвращение в СССР. Позднее многие из них были привлечены к уголовной ответственности за преступления, совершенные ими в годы войны.

На территории Галиции были созданы 12 батальонов шуцманшафта (с 201-го по 212-й) — одиннадцать из них были украинскими, а 212-й польским. Всего же к концу 1942 года в рядах «шумы» служили приблизительно 35 тысяч украинцев. Как правило, такие батальоны состояли из четырех пехотных рот (сотен) по 120–160 человек. Вооружение батальона (курень) составляли советские винтовки, пулеметы и минометы.

В декабре 1942 года в Черниговской области были сформированы 2 украинских батальона «шумы» из мобилизованных хлопцев 1925–1926 годов рождения. Командный состав был укомплектован молодыми украинскими и немецкими офицерами. После обучения батальоны были размещены в городах Глухове и Усмани.

О том, что представляли собой шуцманшафтбатальоны и какими их видели немцы, дает представление немецкая инструкция, разработанная рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером и переданная шефу штаба рейхсфюрера СС Курту Кноблауху:

«1. Каждый немецкий командир имеет права требовать, чтобы его подчиненные смотрели в глаза, это старый способ узнать, что думает подчиненный, и этим его можно подчинить и держать в послушании.

2. Запрещаю уведомлять членов «шумы», что в расовом смысле они подпадают под немецкие нормы.

3. На офицеров и старшин допускать только интеллигентных членов «шумы» либо близких по расовым признакам.

4. Членов с выдающимися признаками расы в батальонах «шумы» включать в состав первой роты. Ими будет командовать специально выделенный немецкий офицер либо полицейский, который уведомит про пригодность их крови и сообщит, что они являются наилучшими из всего батальона.

5. Первая рота после нескольких месяцев обучения заслужит право петь немецкие песни, что я другим ротам запрещаю! Они имеют право петь на улицах только свои песни на своем родном языке.

6. Когда командир выступает перед первой ротой, приветствуя ее словами «Хайль, Шуцманшафт!», рота отвечает — «Хайль, Фюрер!». Первым ротам в последующем я дам разрешение отвечать «Хайль, Гитлер!».

7. Позднее, о чем я сообщу дополнительно, будет разрешено объединять первые роты в батальоны.

8. Первые роты имеют право быть наилучшим образом обмундированы и снабжены всем необходимым.

9. Шума-батальоны должны находиться под командованием лейтенантов, капитанов либо майоров полиции либо СС. Им в помощь выделяют немецкого фельдфебеля.

Данную инструкцию необходимо срочно доставить командирам, ее нельзя носить с собой, а только хранить в сейфе. Из данной инструкции запрещено делать выписки».

Таким образом, можно сделать вывод, что шума-батальоны рассматривались немецким руководством не только как полицейские единицы, но и как своеобразные инкубаторы для «ариезации» полицейских.

В начале июля 1942 года в «Днепропетровской газете» было опубликовано объявление о добровольном наборе молодежи в возрасте от 18 до 26 лет в «пограничную немецкую полицию». В то же время в станицах под г. Орджоникидзе присутствовали полицейские-«жовтоблакитники». Они были одеты в немецкую форму, на левом рукаве носили желто-синюю повязку, на пилотке — значок в виде ромба тех же цветов. В помощь этим полицейским формированиям были

созданы отряды местной самообороны, вооруженные винтовками-трехлинейками.

Еще одно украинское антипартизанское формирование под командованием Николая Медведского (Хрин), созданное из бывших повстанцев полковника Бульбы-Боровца и мельниковцев, действовало на территории Луцкого, Кременецкого и Владимир-Волынского районов в 1943 году. Позднее в Легион вступили освобожденные из немецких тюрем Волыни и Подолья националисты. Инициатором формирования легиона выступил Волынский Областной провод ОУН (М). Первоначальной целью этого отряда была охрана деревень от польских и советских партизан. Для нужд отряда были созданы своя офицерская школа в г. Луцке, полевой госпиталь, инженерное подразделение. Все легионеры были одеты в старую польскую униформу. Вооружение было разномастным, но впоследствии на вооружении имелись минометы и панцерфаусты. Выходил в свет журнал «Украинский легионер».

Постепенно Легион подчиняло себе местное руководство ОУН Бандеры, и в результате вооруженного конфликта между двумя национальными группировками Легион был разоружен. После этого прежнее (мельниковское) командование обратилось за помощью к немцам. На переговорах с местными немецкими властями подразделение получило свободу действий на Волыни. По немецким реестрам оно стало именоваться «Ukrainische Selbstschutzlegion» («Украинский легион самообороны», или «Волынский легион») и в оперативном отношении подчинялось СД. Связные функции в легионе исполняли немецкие офицеры Луцкого СД гауптштурмфюрер СС О. Асмус ^[22], после его гибели в 1944 году — штандартенфюрер СС Бигельмайер, затем Равинг, адъютант — гауптштурмфюрер СС Вайхельт.

В своих воспоминаниях Евгений Побигущий упоминает, что одним из командиров Легиона был бывший полковник Армии УНР Владимир Герасименко (Тур), затем в августе — сентябре 1944 г. — полковник Петро Дьяченко (Квитка). По-видимому, в данном случае имело место обычное для инонациональных частей двоевластие: основным командиром был немец, украинским («для мебели») — украинец. Начальником штаба легиона был поручик Михаил Солтыс (Черкас), которого немцы арестовали в 1944 году.

Легион составляли 3 боевые роты и одна рота снабжения, общая численность Легиона доходила до 500 штыков. При Легионе были созданы унтер-офицерская, а с лета 1944 г. — офицерская школы. УЛС действовал на территориях Волыни, затем Холмщины (Грубешов, Новы Сонч,

Криница, Бохня, Торговица, Клай).

В 1944 году Легион был переименован в 31-й украинский шума-батальон СД, передислоцирован на территорию Польши в Буковину и район Кракова, где немцы пытались привлечь его к участию в антипольских акциях. Здесь Легион подчинили высшему командующему СС и полиции «Ост». Руководство Легиона воспротивилось плану немецкого руководства, результатом чего стал арест всех его командиров. Во время пребывания в Польше в Легион были влиты некоторые мелкие украинские подразделения и бывшие офицеры дивизии «Галичина», по своим личным качествам не подходившие для службы в дивизии СС. По неподтвержденным данным, УЛС под командованием П. Дьяченко принял участие в подавлении Варшавского восстания 1944 года.

В конце 1944 года приказом немецкого командования Легион был включен в состав 14-й дивизии СС «Галичина». В феврале 1945 года его личный состав был перевезен по железной дороге на станцию Прагерско близ Марибора, где разместился в селах Шпильфельд, Обершварц и Унтершварц.

Прибыв в Словению, легионеры (600 человек, 17 легких и два тяжелых пулемета и 45-мм орудие) увидели, что дивизия в общем и целом является немецкой частью, и решили с помощью местных четников вернуться на Украину. Две трети Легиона под командованием хорунжих Ворона (Р. Кивелюк) и Коваля ушли в лес в долине реки Мур. Надежды украинцев на словенцев не оправдались, так как четники первым делом обратились к местному крайсфюреру ^[23] с вопросом, что же им делать с пришлыми. Весть о беглецах быстро дошла до дивизии, откуда за ними был выслан батальон под командованием В. Д. Гайке с переводчиком Л. Макарушкой. Беглецам было объяснено, что 14-я дивизия хотя и является дивизией СС, однако служит основанием для последующего возрождения Украинской национальной армии. Беглецы согласились вернуться при условии, что не будут привлечены к ответственности за побег. После возвращения Роман Кивелюк был расстрелян, а легионеров распределили по ротам. Легион прекратил свое существование, а оставшиеся в живых его военнослужащие разделили судьбу солдат 1-й дивизии УНА.

На волне эмоционального подъема, царившего среди населения дистрикта Галичина, немецкому командованию удалось обманым путем привлечь добровольцев в состав пяти полицейских полков. Молодые люди, горевшие желанием послужить своей Родине в рядах дивизии СС «Галичина», неожиданно для всех оказались в составе полицейских частей. В некоторых источниках сообщается, что в полки пошли служить молодые

люди, которым «светил» вывоз в Германию на работу.

В соответствии с приказом Г. Гиммлера от 5 июля 1943 года было сформировано 5 полков № 4–8 (Galizische SS-Freiwillige Regiment — в некоторых источниках эти полки значатся как полицейские). Эти боевые единицы набирались и обучались немецкой полицией порядка. Немецкий «раменперсонал» также набирался из состава полицейского полка. Украинцам достались лишь места священников и врачей. Во время обучения полки находились в подчинении командующего полицией порядка. При этом все украинские военнослужащие стали заложниками нелепой ситуации — борьбы за обладание ими, которую вели между собой полиция и войска СС. Соперничество дошло до того, что в полки набирались юноши ростом 160–164 см, заведомо непригодные для службы в войсках СС. Так полиция рассчитывала оставить эти части у себя, надеясь на отказ СС от приема низкорослых солдат.

4-й полк был размещен в р-не Цаберн — Заальрабен — Трир (командир — майор Бинц), впоследствии нес охрану тыла немецкой армии на Украине в районе Золочев — Броды — Радехов — Збараж. 4-й полк понес большие потери в личном составе при советском наступлении во время советской Львовско-Сандомирской стратегической наступательной операции. Полк оказался в центре наступления советских танков и пехоты в районе Збаража. Позднее, во время боев за Тернополь украинские военнослужащие потеряли в боях около 100 человек.

5-й полк дислоцировался в районе Данциг — Лангфурт (командир — полковник Лехтгаллер), позднее действовал в антипартизанских акциях в районах Люблина, Грубешова и Холма. Под Холмом одно из подразделений полка ушло в У ПА. В конце июля 1944 года полк оборонял побережье р. Буг.

6-й полк — в районе Зюдавен — Граево (полковник Кюн, 1800 человек), был сформирован из молодежи Перемышля, Ярослава, Львова. Впоследствии полк передал на формирование 14-й дивизии СС 1200 чел.

7-й — во Франции, Салье-де-Берн — Ортез (полковник Г. Губер, 1671 человек). Это формирование недолго размещалось во Франции и в декабре 1943 года передало 745 чел. из своего личного состава в Хайделлагер.

8-й полк планировалось развернуть на базе 1-й Школы вооружения в Дрездене — Геллеране, но сформирован полк не был, в него вошли остатки 6-го и 7-го полков в р-не По и Тарб (Западная Франция), впоследствии из них был создан запасной батальон. В Тарбе в одном из украинских подразделений служил Осип Круковский, который перед войной жил во Франции. Во время переезда личного состава в дивизию в июле 1944 года

поезд попал под бомбежку, и Круковский с семнадцатью товарищами, взяв оружие и снаряжение, дезертировали. Через некоторое время беглецы связались с французским подпольем и были влиты в состав партизанского отряда под командованием десантированного из Англии майора Леграна.

22 апреля 1944 года из штаб-квартиры СС в полки поступил приказ о передаче 4-го и 5-го полков в формирующуюся дивизию «Галичина». Полицейское командование приказ проигнорировало. Повторный приказ поступил в более категоричной форме, и это с неохотой исполнили, когда дивизия уже отбыла на фронт под Броды.

По информации бывших военнослужащих дивизии СС «Галичина» Романа Колисника и Любомира Ортинского, 6-й и 7-й полки были возвращены в дивизию 31 января 1944 года, а 4-й и 5-й полки с запасным батальоном — 9 июня.

Помимо вышеупомянутых частей, существовало множество самых разных формирований, созданных для борьбы с партизанским движением. С первых же дней своего существования все они находились под пристальным вниманием советской разведки. В своей «Докладной записке о деятельности украинских националистов на оккупированной территории Украины» начальник Украинского штаба партизанского движения, майор госбезопасности Т. Строкач сообщал в ЦК КП(б)У:

«Украинская полиция комплектуется из добровольцев, кулаков, осужденных при Советской власти за различные преступления, вообще людей антисоветски настроенных. Полицейскую форму не имеют, а носят отличительную нарукавную повязку желто-голубого цвета с определенным номером, соответствующим номеру удостоверения. Вооружены винтовками русского образца.

Каждому полицейскому местный комендант выдает удостоверение, подтверждающее его службу в полиции и разрешающее в любое время суток находиться на улице с винтовкой. Характерно, что удостоверение действительно лишь один месяц и должно продлеваться ежемесячно.

В сельских местностях полиция находится на содержании «общественных хозяйств» (бывшие колхозы), а в городах — на бюджетах городских управ.

Для подготовки квалифицированных кадров полиции в ряде городов организованы школы полицейских.

Вначале германские фашисты подбирали в полицию только

молодежь. В настоящее время принимаются лица 50-летнего возраста.

Для расправы с советскими патриотами, ведущими активную борьбу с оккупантами и изменниками Родины, германское военное командование в оккупированных областях Украины формирует карательные отряды из националистических элементов, украинцев, дезертировавших из рядов Красной армии, и из военнопленных. Эти отряды вооружены русскими винтовками, обмундированы в красноармейские шинели без петлиц и имеют отличительный знак на правом рукаве в виде треугольника желто-голубого цвета. Отряды ведут борьбу с партизанами, несут патрульную службу на основных дорогах. В прифронтовых районах такие отряды используются для ведения военной разведки, вылавливания и расстрела разведчиков Красной армии».

У формируемых в тылу Восточного фронта украинских полицейских подразделений было множество задач, планировалось также и их использование на фронте.

Специализированное «учебное заведение» функционировало в местечке Травники близ г. Люблина на территории бывшего сахарозавода. Здесь был создан рабочий лагерь для евреев, а при нем учебный лагерь охранников, набор которых велся из числа восточных добровольцев. Данный орган именовался Учебный лагерь СС «Травники» (Übungslager SS Trawniki). Помимо украинцев, здесь обучались ремеслу охранника (вахмана) русские, белорусские, прибалтийские и «туркестанские» добровольцы. Школа состояла из двух батальонов и унтер-офицерских курсов и именовалась в официальных документах «СС-Вахманшафт». За все время существования через нее прошло до 5 тысяч человек. Кроме добровольцев, в лагере служили физически здоровые военнопленные из сборных лагерей. Все прибывавшие на обучение в Травники подписывались под следующим обязательством: *«Мы, военные заключенные, вступаем добровольно в германские отряды СС для защиты интересов Великой Германии»*. Курс подготовки охранника длился примерно полгода и включал в себя изучение методики конвоирования и охраны заключенных, физподготовку, стрельбу. В 1942–1943 гг. «травники» стали использоваться на охране лагерей смерти Собибор, Хелмно, Майданек, Бельзец, Треблинка и концентрационных лагерей — Аушвица, Штутхофа. В апреле 1943 года «травники» участвовали в подавлении

восстания в Варшавском гетто. Некоторые подразделения вахманов использовались на охране городов. По неподтвержденной информации, курсы охранников находились в подчинении Главного штаба немецкой штурмполиции.

Часть украинских выпускников этого специализированного заведения позднее вошла в состав охранного батальона СС № 3 «Нордвест» под командованием штурмбаннфюрера СС Хелле. Батальон был сформирован из голландских добровольцев и украинских охранников. С апреля 1944 г. батальон охранял концлагерь Амерсфюрт, затем в сентябре участвовал в разгроме парашютных частей союзников у Арнема.

Помимо украинской полиции, в ряде гетто Западной Украины, при «Еврейских советах» («Юденратах»), была создана собственная «Служба порядка» — еврейская вспомогательная полиция порядка (Judische Ordnungsdienst). В Львове она была создана в ноябре 1941 года в составе 20 человек, затем насчитывала 500, впоследствии 750 полицейских. В Ковеле еврейская полиция несла службу в гетто. Аналогичные формирования существовали и в иных городах.

Полиция в гетто была вооружена палками либо резиновыми дубинками. Отличительным знаком полицейских были нарукавные повязки, на которых обычно изображалась звезда Давида. В ряде гетто полицейские носили специальные фуражки. В гетто Львова полицейскими использовалась польская полицейская форма. В ряде случаев еврейские полицейские носили на груди металлический значок с изображением звезды Давида и надписью «Еврейская полиция порядка» на немецком и польском языках.

По мнению немцев, «наиболее образцовые полицейские службы гетто» были организованы на территории Генерал-губернаторства. Сюда приезжали из других городов перенимать опыт по организации местной администрации и полиции. Гетто Львова с его полицейской службой было создано по образцу и подобию Варшавского гетто.

Еврейская полиция порядка в своей повседневной деятельности решала следующие задачи: обеспечивала общественный порядок и чистоту в гетто, несла охрану заграждений и всех перекрестков, соединявших гетто с остальной частью города, проводила сбор контрибуций, штрафов, исполнение судебных решений юденратов, производила задержание, отвечала за принудительное обеспечение рабочей силой. Впоследствии полиция гетто несла охрану юденратов, помогала расселять квартиры, участвовала в борьбе с эпидемиями, регулировала уличное движение, вела учет жителей гетто, борьбу с криминалом.

Российский историк, исследователь Холокоста И. А. Альтман в своей книге сообщает, что, судя по воспоминаниям:

«...Именно еврейские полицейские чаще всего вызывали у узников самые негативные эмоции. Они нередко брали взятки, устраивали протекции родственникам, участвовали в контрабанде и нелегальном обмене. Особенно негативной была роль еврейской полиции, когда она привлекалась к проведению акций в гетто и осуществлению депортаций. Полицейские искали скрывавшихся узников, отводили их к месту сбора, помогали нацистам в погрузке обреченных в машины и железнодорожные составы, т. е. фактически соучаствовали в проведении акций уничтожения. На последнем этапе существования многих гетто именно еврейские полицейские активно участвовали в обнаружении так называемых «малин» (тайных убежищ), выдавали подпольщиков гетто».

Невыполнение приказов каралось депортацией самого ослушавшегося полицейского и его родственников.

Были и другие. Многие полицейские, рискуя жизнью своей и своих родных, способствовали облегчению жизни узников, скрывали их от облав и даже выводили из гетто, сотрудничали с подпольем. При первых же признаках сотрудничества полицейского с узниками сотрудники СД, курировавшие гетто, стремились избавиться от них любыми способами.

Аналогичные полицейские службы создавались также и в гетто на территории Прибалтики и России (города Ржев, Велиж).

На Украине к 1944 году немецкие власти столкнулись с проблемой недостатка полицейских частей. Внезапный уход большинства украинских полицейских из вспомогательной полиции был проведен по инициативе ОУН-УПА Бандеры. Фактически одновременно все украинские вспомогательные части, располагавшиеся на боевом дежурстве, забрав из арсеналов оружие, ушли в лес, где и образовали боевые отряды УПА. Бандеровцы в лице вчерашних хорошо вооруженных полицейских получили значительную подпитку боевыми кадрами и оружием. До ухода полицейских в лес бандеровцы имели в качестве вооруженных сил т. н. местные отряды самообороны. Впоследствии кадры, выкованные усилиями немецких полицейских, позволили укрепить командную вертикаль ОУН-УПА национальными офицерскими кадрами. Так, бывший комендант украинской вспомогательной полиции в г. Санюке Василий Мизерный,

окончивший немецкую полицейскую школу в Новом Сонче, прославился в УПА как опытный полевой командир. Другой известный куренной УПА «Железняк» (И. Шпонтан) вместе с 20 своими подчиненными перешел в УПА из Львовского комиссариата полиции.

На фоне перечисленных случаев небезынтесной для читателя будет и история Луцкого учебного куреня, сформированного немцами при участии членов ОУН (Б).

Началось все с создания в этом городе школы унтер-офицерского состава из числа оуновцев, входивших в состав Отряда особого назначения им. Е. Коновальца, именовавшегося также «Луцкий повстанческий отряд». Повстанцы из ОУН принесли немало пользы Германской армии, однако с приходом гражданской оккупационной администрации отряд был переименован в Сельскохозяйственную школу, именовавшуюся также Луцкий учебный курень или Луцкая подстаршинская школа.

Официально школа начала функционировать в конце июня 1941 года, на правах «команды народной милиции». Большую роль в создании школы сыграло местное общество бывших петлюровцев — участников Гражданской войны, под командой сотника Швидуна, бывшего командира бронепоезда «бильна Украина», комендантом школы стал бывший командир 2-го полка Особой конной дивизии Армии УНР полковник Жупинас. Педагогический состав также был набран из бывших петлюровцев.

В течение первого месяца своего существования школа состояла из одной роты (4 взвода) общей численностью в 50 человек. В программу обучения входили азы военной и полицейской подготовки, изучение законов.

2 июля 1941 года школу возглавил активист ОУН, бывший поручик Польской армии М. Мелешко, ранее бывший комендантом г. Чернигова. Вскоре поручик был вынужден бежать из школы, т. к. им заинтересовалось местное гестапо.

В школу принимались местные уроженцы, окончившие школу-семилетку. С первых минут пребывания в школе молодежь понимала, что никакому сельскому хозяйству здесь не учат. *«Это было неправдой, школе принадлежала повстанческой Организации украинских националистов, где училась сельская молодежь на руководителей для ОУН»*, — вспоминал бывший курсант Яновский.

Такая ситуация сохранялась недолго. В сентябре 1941 года школа была ликвидирована, а немецкие власти объявили о создании сельхозинститута в Луцке. На первом этапе решили ограничиться созданием

сельскохозяйственной школы, в которой должны были проходить подготовку будущие «председатели» сохраненных немцами совхозов и колхозов. Школу решено было открыть на базе распушенной школы унтер-офицеров. В октябре 1941 года был объявлен набор местной молодежи, окончившей семилетку.

В школу были направлены на службу немецкие офицеры и унтеры. Командиром учебного заведения был назначен майор Кайзер. Несмотря на это, оуновцы в школе по-прежнему присутствовали. Украинским командиром стал А. Косаревич, его заместителем — активист ОУН (Б) Степан Коваль.

Школа размещалась в классах бывшей католической семинарии и официально именовалась немцами «Landdienst Ukraine» («сельскохозяйственная служба Украины»), Среди местных курсанты именовались «семинаристами» или «зелеными» (за цвет мундиров). Информация об учебной программе до нас не дошла, но по воспоминаниям современников можно понять, что в школе будущим «предколхоза» усиленно преподавались строевая учеба, история, немецкий и украинский языки и собственно основы сельского хозяйства. Еженедельно курсанты посещали церковь.

Личный состав школы имел «на вооружении» 10–15 винтовок различных систем, при этом штыки выдавались лишь тем, кто стоял в карауле. Занятия проводились с дезактивированным оружием. Впрочем, оружия потенциальным оуновцам в школе не требовалось, и вооружить их могли в любой момент, что и произошло в будущем.

В середине 1942 года количество курсантов достигло численности батальона (370 человек).

Следует отметить, что по своему составу луцкий курень делился на часть «особового склада» (особого назначения) и собственно «сельскохозяйственников». Большинство «особистов» были членами ОУН (Б), и уже в начале 1942 года весь батальон был пронизан оуновцами. Подполье в школе возглавлял бандеровец Г. Кузьма.

Вскоре школа стала опорной базой бандеровцев. Здесь печатали литературу организации, скрывали и снабжали документами курьеров подполья и активно готовились к предстоящим действиям. Гестапо пристально наблюдало за происходящим в школе, проводило обыски и задержания среди курсантов и преподавателей. Так, в октябре 1942 года немцы арестовали 10 курсантов по подозрению в принадлежности к ОУН, но через два месяца их освободили.

В конце июня 1942 года личный состав школы выбыл на практические

занятия в сельскую местность, а рота подготовленных унтер-офицеров была направлена на формирование 103-го шуцманшафт-батальона в местечко Матиев. Позднее при этом подразделении была сформирована школа унтер-офицерского состава для украинских полицейских батальонов. Члены ОУН (Б) проникли и в это ключевое подразделение.

По информации современных украинских историков, зимой 1943 года, во время обострения украинско-германских отношений, в Луцке состоялась встреча Романа Шухевича с представителями местной сетки ОУН, в числе которых были и «провидныки» из луцкого куреня. В марте того же года украинские офицеры получили из леса указание готовить курень к уходу в УПА. 20 марта курень, арестовав немцев и забрав с собой одежду, продовольствие и разное добро, тихо ушел в лес. Здесь курень влился в отряд «Олега», а руководить бывшим куренем стал его офицер С. Коваль (Рубашенко). Не захотел идти в лес официальный командир луцкого куреня О. Косаревич, но, поразмыслив о своей дальнейшей судьбе, которая целиком зависела от немецкого прощения, сжег документы школы и присоединился к своим курсантам.

В лесу курень был вооружен оуновцами. Ему выдали 26 автоматов, 4 легких и 2 станковых пулемета и значительное число винтовок. Некоторое время курень пребывал в районе Луцк — Торчин, далее перебрался в Цуманский район Волынской области.

За время своего существования луцкий учебный курень подготовил для УПА достойные кадры. Эти люди впоследствии назначались руководством бандеровцев на командные должности в отряды УПА.

В УПА целиком вошли вышеупомянутый 103-й батальон украинской полиции, а также отдельное подразделение охранного формирования Ковельского железнодорожного узла, которое немцы сформировали из членов ОУН и призывом местных граждан 1895–1926 г.р.

Польский историк Щесняк так описывает роль полицейских в становлении УПА:

«На призыв ОУН (Б) члены вспомогательной полиции и члены других формаций начали стекаться в УПА. На клич УПА украинские полицейские-националисты целыми отрядами переходили в лес. Например, на Волыни в течение нескольких дней марта 1943 года в ряды УПА вступили 4 тысячи вооруженных полицейских».

Волынский переход всех украинцев-полицейских в лес лишь усугубил

положение местного украинского населения. Приказ Николая Лебеда, главы Службы безопасности ООН, был исполнен в точности, однако о последствиях, которые вызвало его исполнение, никто не задумался заранее. Между тем немецкие власти, оставшись без вспомогательной полиции, стали вербовать на место украинцев местных поляков, которые очень охотно откликнулись на призыв полицейских властей. Тысячи поляков встали под ружье и стали творить бесчинства в отношении местного украинского населения. Карательными отрядами поляков сжигались украинские села, население либо угонялось в Германию, либо уничтожалось на месте с такой неопишуемой жестокостью и садизмом, что у видавших виды немцев-полицейских кровавая вакханалия вызывала ужас. Зачастую польское вооруженное подполье сознательно засылало своих людей в полицию, где из них создавались хорошо оснащенные отряды, имевшие на вооружении не только легкое стрелковое оружие, но и минометы, легкую артиллерию, моторизованные части.

Впоследствии некоторые такие части из польских коллаборационистов пошли на прямое сотрудничество с немцами в вопросах борьбы с наступающей Советской армией в ее тылу. Примером того может служить история отряда польских националистов под командованием поручика Чеслава Зайончковского (Рагнера), ликвидированного впоследствии войсками охраны тыла.

Национальный вооруженный конфликт вспыхнул в тылах Германской армии на Волыни; в других и без того «неспокойных» местах Генерал-губернаторства положение было не лучше. Немецкие власти «умывали руки» — им такое положение было на руку.

Кроме польской полиции, немецкие власти привлекали к антиукраинским акциям на Волыни польскую жандармерию из Генерал-губернаторства, которую составляли выходцы из Силезии, Познаньщины и Поморья. В мае 1943 года около тысячи польских жандармов прибыли в Луцк. Местное польское население, видя, как жандармы относятся к украинцам, приняло их с радостью. Зачастую польские полицейские действовали заодно с аковскими партизанскими отрядами, совместно нападая на украинские села. В январе 1944 года в состав 27-й пехотной партизанской дивизии АК, что формировалась на Волыни, вошел 107-й польский шума-батальон из м. Матиева.

К концу 1942 — началу 1943 г. польское подполье полностью уничтожило украинское националистическое движение на территории Люблинского дистрикта Генерал-губернаторства.

Некоторые чиновники-немцы признавались, что конфликт между

поляками и украинцами им на руку и чем больше полицаи перебьют повстанцев (и наоборот), тем крепче будет власть немцев. Сарненский гебитскомиссар так ответил полякам: *«Вы любите Сикорского, а украинцы хотят Бандеру. Ну и бейтесь меж собой. Немцы никому помогать не будут!»*. Комиссар слукавил. Немецкие власти охотно «подбрасывали дров» в костер междоусобицы, выделяя оружие и боеприпасы той и/или другой стороне. На Волыни развернулись настоящие битвы между украинскими повстанцами и поляками. Вновь враждующие стороны поднимали темы «полонизации» либо «украинизации» сел. Украинские попы разбивали головы польских младенцев о деревья, польские полицаи сжигали украинцев в церквах. В те времена еще не были известны термины «этническая чистка», «геноцид населения», однако это не умаляет преступлений братьев-славян в той войне.

Украинская Освободительная Армия (УВВ) и другие формирования

Кроме полицейских и разведывательно-диверсионных формирований, созданных из числа украинских коллаборационистов, существовало множество формирований фронтовых, подчинявшихся и созданных в составе Немецкой армии. Такие подразделения украинских добровольцев были объединены в 1941 году по всему Восточному фронту под названием Украинсько-Візвольне Вшско (УВВ), или Украинская освободительная армия. Эта пропагандистская акция преследовала определенные цели, главной из которых был раскол восточных добровольцев по национальному признаку. Основную поддержку УВВ оказывал командующий восточными частями генерал Э. Кестринг, при котором УВВ численно увеличилось и к концу 1942 года насчитывало в своих рядах 50 тысяч человек. Уже после войны Кестринг признался Павлу Шандруку, что его постоянным оппонентом в вопросе формирования восточных частей был Г. Гиммлер. По словам того же Кестринга, части УВВ отличались своей дисциплиной, боеспособностью и организованностью.

Под влиянием украинофильской пропаганды 200 курсантов офицерской школы в Зауберсдорфе покинули ее, выказав желание служить не в «восточных», а именно в украинских частях.

Фактически УВВ было частью вермахта и имело в своем составе немецких офицеров, но при этом начальником штаба УВВ в 1944 году был полковник Петр Кружановский. Впоследствии Кружановский приложил много сил для того, чтобы штаб армии возглавил генерал Микола Капустянский.

Отличительным знаком военнослужащих УВВ была нарукавная щитообразная нашивка желто-синего цвета с вышитым белыми нитками трезубцем и литерами УВВ. Аналогичный символ наносился на боковую поверхность касок военнослужащих. По свидетельству очевидцев, УВВ снабжалось оружием, обмундированием и продовольствием в полной мере.

УВВ пополняло свои ряды с немецкой помощью, при этом способы набора были различными. Были здесь и насильственные мобилизации, и агитация по лагерям военнопленных. Следует также помнить, что в 1941–1942 гг. многие формировавшиеся в то время восточные части носили формальное наименование «украинских», а практически состояли из людей, относящих себя не к украинцам, а к русским. Формировавшийся в

Орджоникидзеграде добровольческий полк также первоначально именовался «украинским», однако впоследствии был известен как восточный добровольческий полк «Десна». Никакой украинофильской пропаганды в нем не велось, а большинство военнослужащих из числа военнопленных Красной армии впоследствии влились в состав ВС КОН Р.

Сам П. Шандрук в своей книге «Arms of Valor» писал, что при посещении батальона УВВ он завел с солдатами разговор на украинской мове, однако один из солдат быстренько охладил пыл генерала:

— *Мы, пан генерал, сами калужские. Вашего языка мало понимаем...*

К концу войны УВВ насчитывало в своих рядах уже 80 тысяч «вийскослужбовцев». Один из батальонов УВВ был влит в состав 2-й дивизии УНА, и несколько батальонов — в 14-ю дивизию «Галичина» (1-я УНА).

В 1945 году большая часть УВВ была переведена из Южной Франции в Чехию и принимала участие в боях с партизанами и наступающей Советской армией. Сдавшиеся в плен союзникам украинцы были репатриированы в СССР, некоторые прорвались во Францию и поступили на службу во Французский Иностраный легион.

Большинство служивших в УВВ военнослужащих было выдано советским властям. Одну из отправок бывших солдат УВВ «на Родину» удалось предотвратить. Когда в Ватикане стало известно о грядущей отправке парохода из Италии в СССР, один из помощников Папы Римского Пия XII профессор А. Беа получил разрешение на ночную аудиенцию у Папы. Папа Римский принял профессора, и в ту же ночь Ватикан разослал несколько телеграмм в Лондон и Вашингтон с просьбой приостановить выдачи. С этого часа союзники приостановили репатриацию.

Помимо украинских формирований, объединенных под «брендом» УВВ, на Восточном фронте также служило множество добровольческих формирований, носивших в своем названии слово «украинский». Так, в декабре 1943 года с Таманского полуострова в Крым была эвакуирована 17-я армия, в составе которой находились следующие добровольческие части:

В подчинении штаба 17-й армии:

- 96-й (украинский) строительный батальон.
- 562-я добровольческая (украинская) хозяйственная рота № 562.
- 562-я (украинская) моторизованная хозрота.
- 666-я (украинская) моторизованная хозрота;

В подчинении штаба 49-го горнострелкового корпуса 17-й армии:

- 64-й (украинский) строительный батальон.
- 101-я (украинская) строительная рота.

- три взвода (украинские) легкой хозроты;
- В подчинении штаба 5-го армейского корпуса 17-й армии:
- 131-й (украинский) строительный батальон.
- 9-я (украинская) строительная рота.

Поскольку эти и аналогичные формирования являлись частью вермахта, пропаганда идей украинского национализма в них запрещалась. В апреле — мае 1944 г. все эти подразделения были уничтожены в ходе советского наступления.

Отдельным украинским коллаборационистским формированием необходимо считать т. н. Украинское вольное казачество. О нем осталось крайне мало свидетельств. Доподлинно известно, что создание вооруженных групп «вольных казаков» началось с 1942 года по инициативе генерала М. Омеляновича-Павленко под наименованием «Украинское Вольное Казачество». Не исключено, что в их состав вошли остатки полещуков Бульбы-Боровца, ранее именовавшихся «вольным лозовым козацтвом» и воевавших не только против Красной армии, но и против Польши.

В годы войны отряды УВК располагались в районах Овруча, Житомира, Звягеля, Винницы и Радомышля, где вели боевые действия против партизан. Штаб-квартира отрядов УВК располагалась в городе Звягеле, в бывшем здании городской гостиницы, превращенном в укрепленный бункер.

Не исключено, что в последующем отряды УВК были влиты в состав УВВ.

По информации советской контрразведки, в Берлине в октябре 1944 года была создана разведывательно-диверсионная школа, именовавшаяся «Школой Вильного Козацтва».

В уже цитировавшемся ранее докладе Т. Строкача говорится:

«Германское командование на территории Украины в начале текущего года приступило к формированию частей так называемой «Украинской армии», продолжающемуся по настоящее время. Формирование этих частей оккупанты проводят при активной помощи той части украинских националистов, которая полностью продалась фашистам. В различных оккупированных областях Украины сформированные части носят различные названия, как то: «Всеукраинской Освободительной Армии» (ВУА), «Украинской Национальной армии», «Вільні козаки», «Українські козаки», «Українські полки» и т. д.

Комплектование частей Украинской армии идет за счет вербовки в них украинских националистических элементов из числа дезертиров и военнопленных, кулаков и уголовников. Повсеместно имеются факты насильственного вовлечения молодежи в «Добровольческие части» Украинской армии, особенно среди военнопленных.

Личный состав сформированных частей проходит обучение под руководством немецких офицеров, обучаясь строевой службе и умению владеть оружием. В Полтаве и Киеве существуют специальные школы «ВОА».

Сформированные части используются на фронте для борьбы с Красной армией, в обозах немецкой армии, для борьбы с партизанами на оккупированной территории, по охране лагерей для военнопленных и железных дорог. По другим данным, эти части формируются и готовятся для посылки на фронт против Англии.

Форма одежды этих частей различна. Большинство из них одеваются в серые красногвардейские шинели, некоторые части носят серые шинели со стоячими воротничками, на петлицах знак черепахи и немецкие погоны желтого цвета. Отдельные части носят синие жупаны, многие части одеты в форму немецких солдат...

...В марте 1942 года на территории Винницкой области германским командованием был создан отряд «Вільне Козацтво» для борьбы с партизанами, в состав отряда были набраны дезертиры и военнопленные. Когда отряд был вооружен немцами и обмундирован, все эти «вільні козаки» бежали в леса, начали партизанить, совершая налеты на немецкие войска. Из рассказов крестьян с. Белополье, Сыроватки Сумской области известно, что в «Украинскую Национальную армию» идут только сынки кулаков и прочий антисоветский элемент, а также бывшие военнопленные, бежавшие или отпущенные из лагерей, скитавшиеся, голодные и вшивые, доведенные до отчаяния».

В Курской области в 1942 году было распространено объявление немецких властей об условиях службы в «Украинской добровольческой армии». Семье каждого добровольца обещалось единовременное пособие в размере 500 рублей, 5 пудов муки, освобождение от установленного налога посевным материалом, а также лучший земельный надел.

Кроме армейских частей, в составе Ваффен СС (до создания украинской дивизии СС) также присутствовало некоторое количество украинцев. Группа украинцев служила в дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» с первых же дней войны в качестве переводчиков при штабе дивизии и в штабах полков. Служба их проходила и на передовой. Так, «дольметчер» Кость Биляк был награжден Железным крестом за участие в боевых действиях.

В танковых частях также служили украинцы из числа попавших в плен советских танкистов и студентов из Германии. По информации из украинских источников, они занимали должности от техников до высших постов. В период действий 14-й дивизии СС «Галичина» в Австрии перед ее личным составом выступал с лекциями танкист, унтерштурмфюрер СС Олесницкий. Наиболее известен оберштурмфюрер СС Роман Климкевич (из эмигрантов), который, будучи студентом, поступил в 20 лет добровольцем в ряды СС. Климкевич принимал участие в боях за Киев и Чернигов, воевал в Белоруссии. В 1943–1944 годах участвовал в боях против партизан Тито. Летом 1944 года был переведен в Южную Францию, где получил ранение, попал в плен к союзникам и содержался в лагере для военнопленных до 1946 года.

Помимо дивизии «Галичина», на фронте действовала Сумская дивизия. По свидетельству И. А. Дугаса и Ф. Я. Черона, она насчитывала в своих рядах 10 тысяч бывших военнопленных, воевала на немецкой стороне под Харьковом и была полностью разбита под Сталинградом в 1942 году. Командирами дивизии были немецкие офицеры, а солдаты, по видимому, были не только украинцами [\[24\]](#).

Помимо сухопутных украинских подразделений Немецкой армии, некоторое количество украинцев служило в Хорватском морском легионе (Hrvatska Pomorska Legia). Сам легион был создан по приказу «поглавника» Анте Павелича в июле 1941 года и использовался на Черном море. Установив добрососедские отношения с местным населением, командир легиона лейтенант Стефан Руменович решил провести набор местных добровольцев среди украинцев. Приток желающих был таков, что легион (первоначальная численность которого была всего около 250 чел.) стал насчитывать в своих рядах до тысячи военнослужащих. Моряки легиона принимали участие в тралении прибрежных вод и изредка вступали в мелкие стычки с советским флотом. Благодаря решительным действиям легионеров был спасен с подбитого судна командующий 11-й армией фон Манштейн, а адмирал Эдгар Ангели отмечал, что украинцы много сделали также для обороны Азовского моря. В конце 1942 года легион был отозван

в Хорватию на переформирование, а в октябре 1943 года — в Триест, где его чины были перераспределены по кораблям немецкого флота.

Несколько украинцев служили в составе итальянских частей, воевавших на Восточном фронте. Ими стали четыре украинских студента, учившихся в Риме в семинарии. Все они записались переводчиками в Итальянскую армию. Одновременно все они получили итальянское гражданство и новые, итальянские имена и фамилии, а также офицерские звания. Вместе со своими частями они прошли обучение в лагерях в Ломбардии и 20 июня 1942 года прибыли на фронт. Один из них — Владимир Грабец (Луиджи Габини) служил в специальном подразделении, действовавшем в районе р. Донец. Мелентий Войнар (Михаело ди Боско) служил на Южной Украине в составе Туринской дивизии. Места службы других бывших семинаристов — Петра Дячишина и Василя Ваврика неизвестны. Фотоматериалы тех лет свидетельствуют, что все украинцы несли службу в униформе Итальянской армии.

Помимо формирований на Украине, было создано украинское антипартизанское охранное подразделение в Югославии из числа украинских эмигрантов. После провозглашения независимой Хорватской державы украинское эмигрантское представительство под руководством Василя Войтановского приветствовало по радио Загреба независимую Хорватию.

Развал Югославии породил хаос в Боснии, результатом чего стали грабежи и убийства эмигрантов, и именно тогда в селах, где жили эмигранты-украинцы, стали создаваться украинское самоуправление и группы самообороны. Студенты-украинцы местных учебных заведений организовали студенческий батальон (курень). Объединение этих двух полувоенных формаций повлекло за собой появление на свет 1-го украинского полка. Местные власти Хорватии и Боснии закрывали глаза на существование этой военной единицы, а итальянцы даже пожелали видеть это формирование в числе своих войск на Восточном фронте и развернуть на его базе украинскую дивизию. Хорватское правительство прилагало усилия для отправки куреня на Восточный фронт, учитывая нежелание украинцев воевать в немецком тылу против партизан тех стран, что дали им приют. Слухи о возможной отправке куреня на Украину всполошили всю эмиграцию. После наплыва добровольцев украинское представительство могло рассчитывать на 25 тысяч рекрутов.

Личный состав полка был одет в хорватскую униформу с национальными знаками различия и знаменем. В декабре 1941 года полк принял присягу на верность Украине, после чего каждому были вручены

знаки отличия с изображением трезубца с мечом. Большинство его военнослужащих составили члены мельниковской ОУН. Командиром полка провозгласил себя самозванец атаман Паньков, и по приказу немецкого командования полк выступил против местных партизан. Ответные меры со стороны четников и красных партизан не заставили себя ждать. Постепенно полк и украинское представительство начали разлагаться. После советского наступления они покинули Загреб, где остался один Войтановский. Вместе со своим соратником Андреем Я. он сжег библиотеку и архив украинского представительства, после вступления частей Красной армии ушел в подполье, но вскоре был арестован Смершем и помещен в тюрьму. Вместе с ним в то же время советская разведка захватила Панькова, которого в отличие от Войтановского содержали в комфортабельном гостиничном номере и носили ему еду и сигареты из ресторана, после чего освободили из-под домашнего ареста и выслали в другой район.

Василя Войтановского, местного руководителя ОУН в Хорватии, его супругу и сына, молодого поручика Владимира, доктора медицины М. Степанчишина и трех других украинских эмигрантов расстреляли в Загребе. Дальнейшая судьба украинского полка неизвестна.

В 1941–1942 гг. в составе немецких войск в Крыму действовал т. н. украинский добровольческий корпус сотника Тименко, численностью не превышавший пехотного батальона. По информации газеты «Винницкие известия» от января 1942 года, корпус участвовал в боях с советским десантом, высадившимся под Феодосией, и якобы «разбил наголову батальон десантников».

Неудачи в военной кампании на Востоке заставляли немецкое военное командование искать внутренние резервы на оккупированных территориях. Под «гребенку» немецких вербовщиков попадали не только лица, достигшие призывного возраста, но и подростки. На этот призывной контингент наложило свою руку ведомство Геринга, а затем Гимmlера.

Украинские помощники Люфтваффе и ПВО

С осени 1942 года в рейхе начался призыв на службу немецких подростков обоего пола для службы в войсках ПВО. Рекрутскую кампанию возглавил «Союз гитлеровской молодежи» («гитлерюгенд», нем. сокр. НЈ). В руководстве рейха отношение к таким «новобранцам» было неоднозначным. Противники призыва говорили, что эта акция ослабит уверенность немцев в победе, другие руководствовались стремлением решить возникшие проблемы с личным составом путем высвобождения совершеннолетних кадров батарей ПВО и направления их на фронт.

Организация, идеологическая подготовка и военное обучение были возложены на специальное подразделение гитлерюгенда, возглавляемое гауптбаннфюрером НЈ Зигфридом Никелем, находившееся под контролем Министерства по делам оккупированных восточных территорий. Деятельность Никеля опекал и рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, заинтересованный в пополнении войск СС. В свою очередь инициативный Никель создал пять передовых команд для вербовки молодежи — «Север», «Центр», «Юг», «Рейх» и «Генерал-губернаторство». Каждая из команд имела в своей структуре городские филиалы, а в областях — областные.

Курс подготовки юного добровольца ПВО включал в себя 3 месяца (а фактически не более 4–6 недель) идеологической и начальной военной подготовки в лагерях службы Никеля. Здесь же подростки знакомились с материальной частью оружия и оборудования ПВО и становились вспомогательным персоналом, именовавшимся «помощниками ВВС и ПВО» (Luftwaffenhelfer и Flakhelfer ^[25]соответственно). После того как СС включило эти формирования в свою орбиту, флакхельферы стали именоваться «воспитанниками СС» («SS-Zoegling»).

Деятельность службы Никеля охватила практически все территории оккупированных стран. Не избежали «добровольного набора» и Украина, Россия и Белоруссия.

В апреле 1944 года в Львов из Берлина прибыли 22 офицера во главе с обербаннфюрером НЈ Гауптом для проведения набора молодых добровольцев в Восточной Галиции. Представители УЦК должны были помочь вербовочной кампании, но выдвинули встречные условия: чтобы возраст призывников был увеличен до 16 лет и предоставлялась возможность духовной опеки со стороны украинских священников. Главным украинским условием была добровольность набора. Между

немецким и украинским руководством была достигнута договоренность о том, что подростки должны были прослужить в ПВО 2 года, после чего подлежали переводу в дивизию «Галичина».

С украинской стороны руководство украинскими юнаками осуществлял член БУ профессор Зенон Зеленый, Т. Билостоцкий. Религиозной опекой хельферов ведал полковник люфтваффе, профессор отец Северин Сапрун, которому подчинялись еще 13 священников.

По информации украинских историков и современников, немцы согласились лишь на духовную опеку. Никакой добровольности при наборе не соблюдалось. *«Методы набора были просты — детей просто гнали в армию»*, — сообщил на заседании Управы ее член Зенон Зеленый. Члены БУ отказались подписать воззвание к украинской молодежи, приглашавшее ее на службу в ПВО. Несмотря на отказ, воззвание было выпущено и расклеено, при этом в нем красовались автографы сотрудников БУ. В ряде случаев деятельность вербовочных комиссий ПВО происходила под видом набора юношества на подготовку к службе в дивизии «Галичина».

Первый набор украинской молодежи был проведен с помощью офицеров дивизии «Галичина», сотрудников отделов образования и обучения в Львове и Кракове.

Вскоре УЦК взял под свой контроль всю работу по вербовке молодежи в ПВО. 10 июля 1944 года Отдел молодежи УЦК был реорганизован в Отдел опеки молодежи и семьи. Его целью были подготовка учебных программ для школ при формировании украинских хельферов, привлечение и координация работы духовной опеки, создание библиотек, театров, а также установление опеки над семьями проходящих службу. Руководил работой с молодежью в немецкой ПВО профессор Т. Билостоцкий, бывший деятель «Сокола» и педагог.

Для привлечения подростков на службу немцами был предпринят эффектный рекламный трюк. 29 июня 1944 года во Львов для прощания с родителями из лагеря в Переворске прибыли 210 украинских подростков. В хорошо подогнанном обмундировании с украинскими национальными знаками они промаршировали под музыку военного оркестра по центральной площади города. На торжественном митинге выступил губернатор Вехтер, члены БУ и УЦК.

Как свидетельствует бывший флакхельфер Сергей Шнерх, добровольцами в ПВО пошла лишь мизерная часть молодых людей, которые искренне верили в то, что своей службой принесут пользу Украине. Другими были хлопцы, которые не желали служить в Германской армии. Другие «пошли добровольцами» после получения повесток,

содержащих прямые угрозы в случае неявки на сборные пункты. Были и те, кого ловили на улицах городов и в деревнях.

В Дрогобыче все молодые люди возрасте от 14 до 17 лет были приглашены местными органами власти в Прикарпатский театр на некое торжество. После регистрации всех прибывших немцы перекрыли все выходы из театра, провели медосмотр прибывших и вечером того же дня под охраной вывезли всех на вокзал, где уже ждали вагоны. Конечным пунктом их путешествия стал Краков, где мальчишки получили униформу помощников ПВО. Далее были аэродром в Эгере, обучение и служба.

Первый лагерь кельферов (позднее именовавшихся «СС-юнаки») был организован в г. Переворске (Западная Галичина), второй — в Неполомицах, третий — в Дебице близ Кракова.

12 июля 1944 года началась кампания по набору в ряды помощников ПВО украинских девушек. Все они должны были нести службу на прожекторных батареях ПВО, в системах прослушивания, аэростатных частях дымзавесы, госпиталях, пунктах связи, подразделениях снабжения и связи, на фабриках и заводах, в мастерских. Именовались они «СС-юначки». 20 июля 1944 года первые юначки были направлены на службу в лагерь беженцев, которые отступили с Германской армией с территории, освобожденной советскими войсками.

Лагерь девушек-помощниц были созданы в Нейссе (Силезия) и Будейовицах (Чехия). Здесь девушки проходили краткий подготовительный курс, после чего их распределяли на службу на фабрики, заводы, в госпиталь и на аэродромы. 300 юных украинок служили в лагере в Пютнице на аэродроме близ города Штральзунд под формальным руководством журналистки О. Кузьмович.

Жизнь украинских помощников в Германии была нелегкой. Сказывалось отношение немцев к украинцам как к людям низшей нации. На это накладывались также отсутствие нормальных бытовых условий и близость фронта. Выпускницам школы медсестер, ожидавшим направления в дивизию СС «Галичина», не выдали сертификатов об окончании курсов, затем о них вообще забыли. В штральзундском лагере СС-юначек комендантом была немка-лесбиянка, любившая устраивать «медицинские осмотры» помощницам якобы в целях выявления среди них больных сифилисом. Девушек плохо кормили, и единственной возможностью подкормиться была работа у местных крестьян, охотно бравших молодых украинок на сельхозработы. Все медсестры были распределены по немецким госпиталям. Наибольшее количество юначек служило на оружейных фабриках, в подразделениях задымления и прожекторных

установок. Работы на фабриках были связаны с взрывчатыми веществами и материалами. Задымление проводилось с использованием различных вредных химикатов, источающих пары. Стоит также отметить, что все эти «прожектористки» и «задымляльщицы» были вынуждены действовать во время бомбежек без какого-либо прикрытия, рискуя каждую минуту быть убитыми разрывом бомбы.

К концу июля 1944 года в учебных лагерях хельферов находились 7700 человек, из них 3000 — в Неполомицах, 1750 — в Эгере (Чехия), 1000 — в Троппау, 1550 — в Кремсе, 200 — в Гульчине, Брансдорфе (Сиг лезия) и 200 — в интернациональном лагере СС-воспитанников в Мальте (Каринтия). Немецко-украинский комитет по работе с молодежью располагался в Братиславе.

Программа обучения хельферов-юношей включала в себя как общевоинскую подготовку, так и специальное обучение. Войсковая подготовка включала строевую муштру, гимнастику, бег с полной выкладкой и в противогазах, преодоление препятствий, колючих заграждений. Изучались различные типы стрелкового оружия, устраивались боевые стрельбы из него. Некоторое время было отведено на спортивные игры — в основном футбол, баскетбол, бокс.

Специальное обучение было посвящено изучению материальной части зенитной артиллерии, оптики, связи. Изучались способы и методика маскировки объектов, распознавания силуэтов авиации союзников по антигитлеровской коалиции. Позднее в программу внесли изучение гранатометов и способы борьбы с танками.

К началу 1945 года украинские воспитанники СС несли службу на следующих объектах:

- на аэродромах в Альхорне, Кальтенкирхене, Варел ьбюхе, Вессендорфе, Хузуме, Гедельсдорфе, Неймюнстере, Фархе, Фленсбурге,
- на артиллерийских батареях ПВО в Берлине, Гамбурге, Гроне, Цвишенгнау, Линце, Неймюнстере,
- на установках дымзавесы в Кобленце,
- в штаб-квартире службы Никеля в Вене,
- на охране промышленных объектов в Гульчине, Шляйфе, Фельтене, Нейссе, Оглаве, Оломоуце,
- в лагерях подготовки в Эгере, на станции сбора хельферов в Кошице, в школах в Троппау и Пютнице.

О том, какими были боевые будни СС-юнаков в войсках ПВО, рассказал в своих послевоенных воспоминаниях насильно мобилизованный немцами в июне 1944 года Леонид Легкий:

«...После 25 декабря нас начали направлять на обслуживание зенитных установок, смонтированных на железнодорожных платформах. Святки 1945 года мы встречали уже в воинском подразделении. Оно состояло из командира — старшего ефрейтора Отто Шледе, старшего ефрейтора, наводчика Гельмута Тиса и нас, трех юнаков — Богдана, Левка и Михаила. Все три фамилии начинались на букву «Л», что свидетельствует о том, что немцы назначали юнаков в подразделения лишь по алфавиту...

Какой была двадцатимиллиметровая четырехствольная скорострельная зенитная установка на железнодорожной платформе? В середине, во всю ширину платформы стоял полутораметровой высоты железобетонный круг с тридцатисантиметровой стенкой. В середине стоял бетонный постамент, к которому крепилась сама зенитка. В передней части платформы был смонтирован бункер для ящиков с боеприпасами. С противоположной стороны платформы, далее за кругом, размещался такой же высоты, как и сам круг, курень, как домик, предназначенный для отдыха обслуги. В середине куреня с одной стороны находились два спальных места одно над другим, а с другой — одно спальное место и пространство для личных вещей. Посередине смонтирована чугунная печка. Курень был настолько мал и низок, что в нем тяжело было долго сидеть.

Оба «наших» немца были списаны из войск ПВО после ранений на Восточном фронте. С первых же дней наши отношения с ними трудно было назвать нормальными. Они вели себя кичливо, обливали нас презрением. Особенно груб был командир, который только кричал и подгонял. Все работы по обслуживанию, ремонту, наведению порядка и ночные дежурства входили в наши обязанности. Январь и февраль выдались не сильно напряженными. Небо в этой местности часто закрывалось низкими облаками и долгим ранним туманом, что нависал над Рейном, его притоками, каналами и рейнскими городами. Свои рейды мы начали в городках Северный Рейн — Вестфальской области. Нас цепляли к поездам, нагруженным войсковым снаряжением, которые мы должны были охранять от американской авиации во время следования на Восточный фронт. В зависимости от ценности грузов и качества дорог охрана состояла из одной, двух или трех зениток, которые цепляли к

хвосту и голове состава.

Начался март. Дни стали долгими, и облачность уменьшилась. Теперь ежедневно мы отбивали по несколько атак. Как только выезжали на трассу, в небе появлялся самолет-разведчик (т. н «рама», т. к. имел два хвоста), который уведомлял своих о нашем следовании, и уже через короткое время мы видели над собой «гостей». Самолеты выстраивались в ряд, заходили со стороны солнца и начинали методично штурмовать нас. Летчиками на этих самолетах были в основном негры. Выйти целым из таких боев было нелегко. Каждая поездка на фронт оканчивалась обязательным ремонтом зенитки. Нас вывозили в специальные мастерские, где ремонтники восстанавливали нашу боеспособность.....

Защитный железобетонный круг после нескольких налетов напоминал разбитый глиняный горшок, весь выщербленный пулями с внешней стороны. Чтобы он не развалился окончательно, его стянули стальными обручами, между которыми вставили вертикальные железные шины.

Однажды во время боя мы почувствовали сильный удар по платформе, но взрыва не последовало. Когда после боя остановились, то увидели, что на сцепке между вагоном и нашей платформой висит небольшая бомба. Нетрудно догадаться, что стало бы с нами, если бы она взорвалась. Нужно было звать специалистов для ее обезвреживания. Самую тяжелую потерю мы понесли тогда, когда взрывом бомбы снесло курень с нашими пожитками. Мы остались только в том, в чем были одеты во время боя, и без одежды, без оружия, без продуктов. Все было сметено взрывом...»

К весне 1945 года УЦК располагал информацией о 272 пунктах дислокации украинских хельферов на территории Австрии и Германии. Кроме них, 250 человек пребывали во Франции, 700 — в Голландии. В апреле 1945 года украинский персонал в ПВО и люфтваффе насчитывал 10 тысяч человек, из которых 1200 — девушки.

150 украинских хельферов, пребывавших на авиабазе в Эгере, в апреле 1945 года были переведены в ПВО в качестве солдат. 17 апреля их перебросили в Берлин, где в мае 1945 года они приняли участие в боях с советскими войсками. Некоторое количество хельферов прошло обучение на истребителей танков и принимало участие в уличных боях в Берлине.

По мере ухудшения для немцев обстановки на фронте юнаков стали массово «переводить» в истребители танков. Мальчишкам вручали противотанковые реактивные гранатометы «Панцерфауст» и знакомили с правилами его боевого применения. Учебных стрельб не было, т. к. экономили на боеприпасах. Один из бывших юнаков вспоминал, что после выдачи им панцерфаустов немцы на следующий же день развели их по одиночным окопам, вырытым на танкоопасном направлении. На просьбу выдать им еще по запасному выстрелу к гранатомету немецкий офицер покачал головой и сказал юным воякам: « *Вы хотя бы раз успеете выстрелить... и то хорошо*». На вопрос, почему не выдают другого оружия, последовал краткий ответ, от которого мальчишки поежились: « *Не успеете вы им воспользоваться...*»

На состоявшемся 17 апреля 1945 года ликвидационном заседании УЦК были оглашены цифры потерь среди украинских СС-юнаков и юначек. В боях погибли 12 человек, из которых 2 — девушки.

В конце войны немецкое руководство отозвало своих вербовщиков в Берлин, а в места формирования и обучения юнаков поступил недвусмысленный приказ — уничтожить все документы, касавшиеся этих формирований. Т. Белостоцкому также поступил приказ сжечь все документы, касавшиеся украинских хельферов. Все было уничтожено. При бомбардировке эшелона сгорела картотека юнаков, эвакуированная командой гаупта из Эгера. Уже в наше время стало известно, что о. С. Сапрун сохранил и спрятал в одном из монастырей фотоархив украинских юнаков.

В последние дни войны большинство украинских коллаборантов, не исключая воспитанников СС, стремилось перейти на территорию, занятую западными союзниками. Оказавшиеся в советской зоне помощники прошли через фильтрационные лагеря и были распушены по домам. В начале 1946 года многих из них привлекли к ответственности и осудили за коллаборацию.

В 1948 году в г. Канске Красноярского края молодыми украинцами, осужденными за сотрудничество с УПА, была создана подпольная группа, именованная «Лагерной Организацией Украинских Юнаков» (сокр. ЛОУЮ). В ее первую тройку входил бывший украинский хельфер В. Саламаха.

Множество юнаков вступило добровольцами в польский корпус генерала Андерса в Италии. Другие поступили на службу во Французский Иностраный легион. Третьи служили в палестинской полиции, а позднее в Бирме и на Малайских островах.

В помощниках ПВО служили не только украинцы. По данным послевоенных исследователей, в составе этого интернационального вспомогательного корпуса служили представители следующих национальностей:

— русские — 10 тысяч ребят и 4 тысячи девушек, объединенных в «Союзе русской молодежи» под руководством капитана РОА Лазарева и некой Чегировой,

— белорусы — 3 тысячи хлопцев и 200 девчат в основном из «Союза белорусской молодежи» Михася Ганько,

— литовцы — 1 тысяча ребят и 200 девушек,

— латыши — 5 тысяч ребят и 200 девушек,

— эстонцы — 1 тысяча ребят и 100 девушек.

Кроме них, в составе ПВО служила молодежь из Бельгии, Голландии, Греции, Италии, Венгрии (около 50 тысяч), Франции, Ближнего Востока. По свидетельству Т. Белостоцкого, служили также словаки, цыгане и др. Всего к концу войны насчитывалось приблизительно сто тысяч юных помощников ПВО и люфтваффе.

Атаман Тарас Боровец (Бульба) И «Полесская сечь»

Имя Тараса Бульбы-Боровца стоит особняком в ряду украинских националистов, сотрудничавших с гитлеровцами. Это не была последовательная коллаборация в чистом виде. Боровец заручался поддержкой немецких спецслужб только тогда, когда ему это было выгодно, и прежде всего для борьбы с советским и польским партизанским движением. Истории было выгодно распорядиться так, что все начинания атамана Боровца встречались в штыки его противниками, количеству которых мог бы позавидовать батька Махно. С одной стороны, это были те же гитлеровцы, у которых «Полесская Сечь» стала бельмом в глазу, с другой — советские партизаны. Поляки предъявляли атаману счет за сожженные деревни и хутора, бандеровцы до последних дней не смогли простить ему противодействия их планам создания единого национального движения.

Главное действующее лицо нашего рассказа появилось на свет 9 марта 1908 года в селе Быстричи Костопольского района Ровенщины в семье малоземельного крестьянина Дмитрия Юлиановича Боровца, основным богатством которого были 9 детей. Предки Боровца, по его собственному признанию, были казаками, боровшимися на стороне Мазепы против армии Петра I. С юного возраста Максим (позднее он возьмет себе новое, «героическое» имя Тарас), как и большинство мужского населения округа, работал в каменоломне, зарабатывая на хлеб тяжким трудом. Молодой человек не смог получить нормального образования и стал постигать знания «самоуком». Некоторые украинские источники утверждают, что отец Максима был владельцем каменоломен. Мальчишеское прозвище «Бульба» Максим Боровец заслужил за своеобразную форму носа («Картошкой»).

Атмосфера, царившая тогда в Полесье, характеризовалась наличием противоборствующих сил, религий и мировоззрений. Сильное польско-католическое влияние сталкивалось с великорусским. Постепенно под влияние националистов попал молодой М. Боровец. Его взгляды на будущее Украины сложились под влиянием эмигрантов, бывших военнослужащих Армии УНР. Постепенно он попал под опеку сотника В. Раевского, а с 1923 года состоял на конспиративной связи с начальником разведотдела Рады УНР в эмиграции полковником И. Литвиненко.

Одновременно Боровец состоял в Организации украинских националистов. В 1930 году Боровец был призван в ряды Польской армии и стремился к офицерской карьере, однако козни поляков не позволили ему сдать экзамен в школу унтер-офицерского состава. Отслужив 8 месяцев, Боровец демобилизовался в запас.

После службы в армии он занимался ради хлеба насущного ремеслом каменотеса и ведением антисоветской пропаганды, запуская в воздух баллоны с пропагандистской литературой или отправляя листовки в упаковках по водам пограничной Припяти. По собственному признанию Боровец начиная с 1932 года неоднократно ходил через кордон и проникал в Харьков, Киев, Житомир. В 1932–1933 году Боровец создает в приграничных с СССР польских областях свою подпольную организацию Украинское национальное возрождение (УНВ), основной задачей которой было ведение культурно-пропагандистской работы. Организация впоследствии должна была оформиться в военнореволюционную партию и основываться на государственной платформе Симона Петлюры. Основными врагами объявлялись Коммунистическая партия, Российская империя и польская реакция.

В данный период времени молодой подпольщик начинает проявлять себя и на литературном поприще. В своем пятитомнике (!) «Людоеды» Боровец под псевдонимом Ристиченко описывал все ужасы советской действительности на Украине, и особенно голод.

Впоследствии Боровец выпустил в свет свою книгу «Пан депутат сейма», в которой язвительно высмеял польскую парламентскую систему. Это стало последней каплей в чаше терпения польских спецслужб, давно приглядывавших за полесским подпольщиком.

В 1934 году от руки украинского националиста погиб министр внутренних дел Польши Б. Перацкий, на что польское правительство ответило массовыми репрессиями в отношении членов украинских национальных организаций. Не избежал этой участи и Т. Боровец, которого власти бросили в печально известный концентрационный лагерь Картуз-Берега. О том, что представляло собой это детище демократической Польши, остались свидетельства бывших узников.

Лагерь в Картуз-Береге был построен с учетом опыта соседской, дружественной Польше Германии и представлял собой точную копию концлагеря в Ораниенбурге. Заключенных в нем звали не по именам и фамилиям, а по номерам. За организацию лагеря отвечал польский воевода Кость Бернацкий, которого современники иначе как «страшным садистом» и «умственно ненормальным» не называли. Комендантом лагеря был

Болеслав Гефнер — польский фольксдойче.

Заключенные постоянно переживали побои, принудительный каторжный труд, карцеры, запрет на разговоры друг с другом. Содержание узников в лагере было ужасным. В камеры с цементным полом набивали по 40 человек. Чтобы заключенные не садились на пол, его постоянно поливали ледяной водой. О том, что переживали украинские националисты, попавшие в этот лагерь, свидетельствует случай, произошедший с руководителем ОУН на Волыни Владимиром Робитницким. Персонал концлагеря выбил ему ломом зубы, просунул в рот трубку и «накормил» его калом.

Другое не менее «теплое местечко» в Польше, где содержались оппозиционеры, существовало близ г. Сарны на Волыни и именовалось «Белые Сарны» или Катериновка:

В лагере Боровец познакомился с представителями множества национальных украинских партий и союзов, в том числе с Иваном Митрингой. Тяжелая, полная издевательств со стороны охраны жизнь в лагере усугублялась еще и расколом и враждой между представителями националистических и коммунистических партий и фуппировок.

В 1935 году Боровец был освобожден из лагеря за примерное поведение, но, несмотря на это, вплоть до начала Германско-польской войны уфоза ареста дамокловым мечом висела над будущим «отаманом». Несмотря на это, после лагеря Боровец становится сотрудником разведуправления Генерального штаба Армии УНР в эмиграции.

В 1939–1940 гг. Боровец сотрудничает с Комитетом помощи украинским беженцам», организованным Радой УНР. Можно предположить, что в это время вся деятельность Боровца проходила под контролем абвера, т. к. все «допоможние комитеты» использовались его функционерами для получения необходимой информации о положении в советском прифаничье. По информации немецкой полиции безопасности и СД, Тарас Боровец с 1939 года жил в г. Холме, где имел свою типографию.

Из общения с людьми, бежавшими из советской зоны Западной Украины, Боровец черпает сведения о порядках, которые новая власть огнем и мечом вводила в Полесье. В своих воспоминаниях Т. Бульба-Боровец сообщает читателю о разработке им в это же время проекта плана восстания на Украине в Первые дни начала военных действий Германии против СССР. По другой информации, такой план был разработан начальником военного отдела УНР генералом Владимиром Сальским, полковниками А. Долудом и П. Дьяченко еще в двадцатых годах. Он предусматривал подготовку кадров для военного выступления, закладку баз

с оружием в Полесье и создание местного штаба, проверку и «перетряску» всего состава УНР, организацию новых ячеек.

20 июня 1940 года в Варшаве прошло собрание офицеров-эмигрантов Армии. УНР под председательством генерала В. Сальского. На совещании было принято решение о создании в приграничных с рейхом областях Советской Украины военных баз для действий украинских вооруженных формирований («Сечей») в случае начала большой войны с Советами. Одной из таких Сечей стала и «Полесская Сечь» Т. Боровца.

В первые дни войны планировалось развернуть партизанские отряды и полицию (милицию), при этом Боровец наделялся командными функциями и имел право на издание приказов за собственной подписью.

В предвоенные годы произошел раскол единой до того времени Организации украинских националистов на два крыла. Первое (молодое поколение) под предводительством Степана Бандеры и Ярослава Стецко не разделяло взгляды на дальнейшие пути национально-освободительного движения, рекомендуемые «старой гвардией» во главе с полковником Андреем Мельником. Товарищ Т. Боровца по Картуз-Березовскому лагерю Иван Митринга резко критиковал обе фракции ОУН, обвиняя их в вождизме и отказе от принципов народной демократии.

В ночь на 1 августа 1940 года Т. Боровец нелегально переходит советско-германскую границу у местечка Влодаво и начинает действовать в Полесье. Им предпринимается ревизия всего того, что было сделано в предвоенные годы для успешного ведения антисоветской борьбы. Под псевдонимом «Байда» он инспектирует подполье и лесные базы, где хранится оружие, отбитое украинскими повстанцами у польских частей во время их отступления. Судя по его воспоминаниям, в тайных схронах были законсервированы не только винтовки, но и артиллерийские орудия.

Бульба-Боровец был не единственным партизаном, предложившим организовать широкое партизанское движение в Полесье. По утверждению летописца; УПА Петра Мирчука, еще в 1937 году войсковой референт ОУН Василь Сидор предложил руководству организовать воинские рейдовые подразделения для войны с польской властью. В 1937 году группа оуновских боевиков из 25 человек действовала в Полесье. Более сильная группа (500 человек из т. н. «Полесского лозового казачества» ^[26]) была замечена польскими спецслужбами перед началом войны в окрестностях г. Янова. Таким образом, можно сделать вывод о наличии к тому времени у Боровца подготовленных партизанских кадров.

Не исключено также участие в боевых действиях на стороне украинских националистов бывших советских боевиков-партизан

Разведупра Генштаба РККА, которые составляли в 1920–1925 гг. советскую «пятую колонну», активно действовавшую против Польши. Эти люди в двадцатые годы курировались также компартиями Западной Украины (КПЗУ), Польши и Западной Белоруссии. Только Владимир-Волынская боевая организация местных большевиков насчитывала свыше 3 тысяч человек. В ноябре 1924 года на 2-й партконференции Компартии Западной Белоруссии было принято решение о подготовке вооруженного восстания. В 1925 году вопреки указаниям Москвы и польского ЦК часть руководства КПЗБ выступала за «бунтарско-эсеровские методы работы» и даже захватила печатный орган партии — газету «Большевик».

При подготовке к боевым действиям против Советской власти Т. Боровец тщательно изучал вопросы военной стратегии и тактики по книгам советских теоретиков малой войны Л. Троцкого, Г. Котовского, а также Н. Махно. По собственному утверждению Боровца, наиболее подходящую информацию будущий атаман почерпнул из книг Л. Троцкого и Нестора Махно, в результате чего был выработан принцип действий «Зпід землі, та під землю». В результате первоначального планирования территория Полесья была разделена на пять повстанческих округов, во главе которых стала Головная команда Полесской Сечи УПА, состоящая из политического и военного отделов. Две-четыре области составляли окружную сечь, область была обязана выставить бригаду, район — полк, село — роту, из 2–5 сел создавался батальон.

Следует сразу обратить внимание, что термин «Украинская повстанческая армия» был пущен в обиход именно Бульбой-Боровцом, задолго до начала создания своих боевых отрядов сторонниками Степана Бандеры.

Легитимность акта провозглашения Украинской державы в Львове 30 июня 1941 года не была признана бульбовцами в связи с их полным несогласием с партийной линией С. Бандеры. В лице оуновцев-мельниковцев Бульба и его люди, наоборот, нашли твердую опору. Впоследствии мельниковские военспецы оказывали Бульбе-Боровцу и его воинству неоценимые услуги.

В конце июня 1941 года Боровец издает приказ № 1, в котором говорится о создании повстанческих отрядов для проведения диверсий в тылу советских войск, уничтожения транспорта, сбора развединформации, о создании милиции. Тогда же происходит смена псевдонима предводителя на «атаман Тарас Бульба» вместо «Байды».

Несмотря на тяжелую военную обстановку, восстания как такового не было. Сам атаман впоследствии признавал, что «Советы быстро удрали, а

немцы просто обошли Полесскую котловину стороной». На долю бульбовцев выпали захват тюрем, транспортов с заключенными и ликвидация мелких подразделений НКВД и милиции.

Центральный штаб (Головная команда) Полесской Сечи УПА во главе с Бульбой располагался в городе Сарны, там же разместилась школа подготовки младших офицеров. В каждом местечке располагалось по 1–2 батальона, в селах по 1–2 сотни повстанцев-милиционеров. Милиция-армия состояла из бывших военнослужащих польской, советской, украинской армий и была вооружена переданным немцами и частично захваченным советским и польским стрелковым оружием и минометами. Всего «под штыком» у атамана оказалось 10 тысяч человек. По информации украинского историка В. Филяра, из добровольцев были сформированы пять куреней (батальонов): олевский гарнизон (командир — Емельянов), олевский летучий (Ковальчук), рокитнянский (Дуб), людвипольский (Адам Володик, Граб), клесовский (Раевский). В составе людвипольского куреня состояли три роты пехоты, рота тяжелого оружия, конный взвод. На вооружении этого подразделения находились танк «Т-34» и 1 орудие.

В июле 1941 года в Ровно из Варшавы прибыл полковник Литвиненко на переговоры с Бульбой. Президенту УНР А. Левицкому был представлен план проведения масштабной военной операции по очистке всего Полесья от остаточных групп Красной армии и партизан. Одновременно была достигнута договоренность со штабом генерала Кицингера о проведении антипартизанской акции, однако сам факт существования «Полесской Сечи» немцы признать отказывались [\[27\]](#).

В целях подготовки акции была направлена делегация во главе с хорунжим П. Долматюком-Наливайко к соседям-белорусам для координации действий с отрядами белорусской Самообороны (Самааховы). Белорусами (капитан В. Родзько, поручик М. Витушка) был разработан план действий на собственном участке Полесья.

Проблема недостатка опытных офицерских кадров была решена приглашением бывших офицеров Армии УНР из «мельниковской» ОУН. В результате переговоров в Полесье были направлены Петро Дьяченко и полковник Иван Трейко. Впоследствии к штабу «Полесской Сечи» присоединился полковник Генерального штаба Армии УНР Петро Смородский.

В плане операции первой целью был городишко Олевск, военные действия отрядов УПА-«Полесской Сечи» (УПА-ПС) планировалось развернуть в пятиугольнике Столицы — Сарны — Олевск — Звягиль —

Овруч с последующим объединением украинско-белорусских сил в районе Мозыря.

Подготовка операции не ограничилась действиями военно-оперативного характера и включала в себя разработку политической платформы УПА-Полесской Сечи, получившей название «За що бореться Українська Повстанческа Армія».

Силы противника располагались в регионе Туров— Мозырь и состояли из остатков пехотной и танковой дивизий РККА. Наиболее тяжелым для действий повстанцев был признан район Олевск — Звягиль с остатками укреплений т. н. «линии Сталина». Ставка делалась на ночные налеты или значительную концентрацию сил бульбовцев против конкретного укрепрайона.

21 августа 1941 года в ходе тяжелейших боев был взят Олевск, трижды переходивший из рук в руки. После захвата города в него переехал штаб УПА-ПС, и была организована еще одна школа подготовки младшего офицерского состава. Вход полесской армии в город был торжественно обставлен, и местное население с цветами встречало повстанцев.

Маневрируя своими силами (1 гарнизон и 4 куреня, плюс милиция), Бульбе-Боровцу удалось сломить сопротивление противника и уничтожить группировку в районе Олевск — Емильчино — Лельчицы. Основной боевой единицей бульбовцев стали т. н. «летучие бригады» — группы из нескольких человек (но некоторые достигали численности полка) и быстро перемещавшиеся по хорошо знакомой территории. Транспорт был представлен волами и лошадьми, затем были захвачены полторки и прочая техника. Большой запас динамита, украденного из каменоломен до войны, позволил успешно штурмовать укрепрайоны.

Окончание боевых действий в треугольнике Слуцк— Гомель — Житомир позволило Бульбе-Боровцу взять под свой контроль обширную территорию Полесья, получившую впоследствии наименование «Олевской республики».

За небольшой срок своего независимого существования эта республика обрела свои органы управления, промышленность и сельское хозяйство. В Олевске идеолог УПА-ПС и ближайший сподвижник Бульбы-Боровца Иван Митринга выпускал в свет свою газету «Гайдамак». Отсутствие немецкой цензуры позволило ему открыто критиковать немецкую власть и своих бандеровских оппонентов. В газете были опубликованы лозунги УПА-ПС: «Своя государственность. Вооруженная сила. Вера Христова».

Известный украинский писатель, редактор газеты «Волынь» Влас

Самчук в 1941 году встретился в Львове с Бульбой-Боровцом и впоследствии яркими красками описал молодого лидера полесских повстанцев:

«...Молодой, высокий и стройный, с провокационной рыжеватой бородкой монастырского послушника добродий в старой, вылинявшей форме советского пехотинца с засаленной и вылинявшей желто-синей повязкой на левом рукаве.

При знакомстве, к большому моему удивлению, выяснилось, что это был широко известный атаман из Полесья Тарас Боровец, который создал Полесскую Сечь и который, как и должно всякому атаману, присвоил себе атаманское имя, что звучало ясно и грозно — Тарас Бульба.

...Этот гибкий с ясными глазами нестеровского херувима отрок скорее походил на последователя сартровского экзистенциализма (что за корявое слово!), нежели на толстого, как его рисуют, славного полковника и рубаку Запорожской Сечи Тараса Бульбу... А кто сказал, что современный Бульба, какой-нибудь прапраправнук своего предка, обязательно должен соответствовать описанию Гоголя. Что бы мы делали без Сечи, без Бульбы во время барабанных римских шагов, стальных танков и летающих суперкрепостей?..

... Чудной атаман! Его облик напоминает чтеца... и анархиста. Он же и поэт, и драматург... и, разумеется, как каждый атаман, мечтатель и фантаст. На нем более чем скромная одежда советского пехотинца».

16 ноября 1941 года «гибким отроком» была объявлена демобилизация УПА-ПС, и контроль над Олевском и районом перешел к немцам. Из наименования армии были изъяты слова «Полесская Сечь» — осталось «УПА». Переход на подпольное существование был омрачен инцидентом. В Олевск прибыл гауптштурмфюрер СС Гичко и потребовал предоставить ему вооруженный отряд для уничтожения еврейского населения. Несмотря на отказ сотника Сиголенко предоставить ему людей и уже произошедшую демобилизацию бульбовцев, ему удалось собрать 60 человек и учинить расправу.

По информации В. Филяра, взамен распущенной армии было создано Окружное управление украинской полиции, а организованные украинские отряды вошли в состав полиции. Главным командиром окружной команды

украинской полиции стал сам Боровец, его заместителем — сотник Дуткевич. В Сарнах была организована сержантская школа, которая готовила кадры для УПА.

Для координации действий в новых условиях Бульба-Боровец 2 января 1942 года встретился с президентом Рады УНР А. Левицким. Президент принял решение о начале антинемецкого восстания, как только вермахт дойдет до Волги. При этом ставка делалась на операции летучих бригад, а не на всеобщее восстание населения.

После возвращения в Полесье Бульба-Боровец провел совещание с ветеранами украинского освободительного движения полковниками Долудом и Войнаровским, на котором была выработана дальнейшая тактика действий УПА Бульбы-Боровца (УПА Б-Б). Основными объектами для ударов были избраны гражданская администрация немцев и система снабжения Германской армии. В это же время был разработан «Закон украинского партизана», включавший в себя десять заповедей повстанца.

Постепенно Сечь была преобразована в «Лісове царство», штаб которого находился в лесах Корецкого района. Мобилизация в УПА (Б-Б) охватила прежних повстанцев, и в результате ее Бульба-Боровец получил примерно 1000 человек. 10 апреля 1942 года атаман издал приказ о начале борьбы с гитлеровцами, встреченный «в штыки» бандеровцами. Пять бригад повстанцев (по 100 человек в каждой) были разделены на малые опергруппы по 5–10 бойцов для проведения диверсий против путей снабжения вермахта. В ночь на 19 августа 1942 года силы УПА (Б-Б) осуществили захват крупного железнодорожного узла — станции Шепетовка. В ходе налета бульбовцы захватили четыре эшелона «з різним майном» ^[28] и освободили из двух эшелонов население, угоняемое на работу в Германию.

В местечке Гоша бульбовцы уничтожили немецкий гарнизон и захватили типографию. 28 марта 1943 года повстанцами был захвачен городок Людвиполь.

Советские спецслужбы с самого начала деятельности Бульбы-Боровца наблюдали за успехами его «Полесской Сечи». 5 декабря 1942 года начальник Центрального штаба партизанского движения Пантелеймон Пономаренко докладывал И. В Сталину:

«По сообщению Сабурова, в лесах Полесья в районах Пинск, Шумск, Мизоч имеются большие группы националистов под руководством лица, законспирированного кличкой «Тарас Бульба». Мелкие группы партизан националистами разоружаются

и избиваются. Против немцев националисты устраивают отдельные засады. В листовках националисты пишут: «Бий кацапа-москаля, гони його відсіля, він тобі не потрібен».

В июне 1942 года Головная команда УПА Бульбы-Боровца решила начать переговоры с представителями советской «партизанки». В первых числах сентября делегация во главе с полковником Лукиным из спецотряда Д. Медведева прибыла к повстанцам на переговоры, несмотря на отрицательное отношение к Бульбе-Боровцу («*Тарасобульбовщина — это махновщина под знаменем гайдамаков*»). После многословных здравиц в честь Бульбы десантниками было высказано пожелание о координации общих действий против немцев и предложено бульбовцам уничтожить гебитскомиссара Эриха Коха. Переговоры прошли впустую, никаких договоренностей достигнуто не было. Из содержания докладной записки НКВД от 11 февраля 1943 г. «О положении в городе Кировограде и области» следовало, что Бульба — это враг и бороться с ним предстоит всеми силами:

«Из групп украинских националистов следует указать на группу бульбовцев. Мы послали на связь с ними нашего Струночева, который попал в отряд Медведева. Оказывается, Медведев и Бульба обменялись своими связями. У Бульбы никаких трех тысяч человек нет. Все люди живут в селах легально, а штаб находится в лесу. Вооружение они достали за счет полиции, с которой были крепко связаны. Бульбовцы не трогали партизанские отряды, а сейчас они начали устраивать засады. Мы с ними ведем борьбу, и я считаю, что нам с ними придется еще крепко воевать...» —писал П. Пономаренко.

До момента полного разрыва контактов и начала боевых действий против бульбовцев советское командование пыталось сохранять нейтральные отношения на почве общей борьбы с немцами. В ряде случаев для советских партизан была важна даже не вооруженная борьба бульбовцев против немцев, а их нейтралитет. Об этом свидетельствуют отрывки из личного дневника комиссара ковпаковского партизанского соединения Семена Руднева (с сохранением орфографии автора):

«16 июня 1943 года. Наконец, попали в район действия так называемых «бульбовцев». Это одна разновидность украинских националистов, которые дерутся против немцев и партизан. Здесь же в этих районах находятся бендеровцы, тоже националисты, которые дерутся против немцев, бульбовцев и партизан. Многие

эти банды вооружены хорошо, есть даже артиллерия и танки...

22 июня 1943 года. Сегодня продвинулись на 20 км на запад. Стоим уже недалеко от Ровно. Дорогой уже было два столкновения с националистами, есть уже у нас двое раненых. Забрали очень много националистической литературы. Забрали вчера в плен 8 чел. националистов, простые мужики, после соответствующей работы отпустили, а одного из пленных из Воронежской области взяли к себе...

24 июня 1943 года... При проческе у села Корчин был бой, и за весь день почти не прекращалась стрельба. В результате этих стычек взяли 30 пленных, из них три раненых, убили человек 15, взяли 1 ручной пулемет, штук 15 винтовок и ряд еще, взяли их базу, хлеб, муку и т. д. Ковпак хотел всех расстрелять, я этому воспротивился. За эти дни и особенно за последний день нервы напряжены настолько, что я вторые сутки почти ничего не кушаю. Так как здесь такое политическое переплетение, что нужно крепко думать, убить — это очень простая вещь, но надо сделать, чтобы избежать этого. Националисты наши враги, но они бьют немцев. Вот здесь и лавируй и думай.

25 июня 1943 года... Решили делать наплавной мост через реку Горынь между селами Корчин — Здвизь, но националисты человек 500 заняли Здвизь и заявили, что переправу строить не дадут. Ковпак решил, раз так, то дать бой и снести это село, чему я решительно воспротивился, — это просто, и не требуется большого ума, но жертвы с одной и с другой стороны, жертвы мирного населения, детей, женщин... Я решил пойти на дипломатические переговоры, написали письмо и послали с дивчиной, тон письма мирный. Мы просим не препятствовать проходу. Наша цель общая — бить немцев, а если будут препятствовать, то будем бить... Ковпак снова рассвирепел, немедленно артиллерию и снести это село с лица земли. Я заявил, что на это не пойду, лучше согласен вести бой с немцами за мост в Яновой Долине..... Этот день прошел тяжело, особенно лично для меня: две ночи не спал, два дня почти не кушал, и когда встал вопрос, как брать переправу, то с Ковпаком разошлись, он настаивал брать с боем, разгромить село, я был против, стоя за мирное разрешение вопроса, так как бой затянется, будут жертвы, и особенно мирного населения. На этой почве произошла крупная и очень крупная ссора. А моя точка

одержала победу, мы переправилась без жертв. Нам и надо так вести политику — бить немца вместе, а жить врозь...»

Немецкие спецслужбы, получавшие развединформацию о Бульбе-Боровце и его движении, также не могли долго оставаться в стороне. Переговоры с немецкими представителями штаб Бульбы-Боровца провел 23 ноября 1942 года в селе Москвин с шефом СД Вольни и Подолья штурмбаннфюрером СС Пютцем и начальником политической службы СД региона Йоргенсом. Немцы предложили представителю бульбовцев полковнику Смородскому перевести армию в шуцманшафт, самому стать инспектором антипартизанских сил и провести совместные операции против польских партизан и обывателей. Переговоры также закончились ничем, что резко осудил митрополит — глава автокефальной Украинской церкви. В отповедь владыке Бульба написал:

«Ви співпрацюєте з кожною чужою владою в Україні, а я її поборюю» [\[29\]](#).

24 апреля 1943 года Пютц направил Бульбе письмо, в котором очередной раз предложил атаману перейти на службу к рейху, одновременно предостерегая бульбовцев от контактов с бандеровцами.

В ответном письме к доктору Пютцу Боровец так обозначил свою позицию:

«Я вижу, что за последнее время, прошедшее после нашей встречи, про освобождение украинских политзаключенных нет и речи. Поэтому моя совместная с вами работа невозможна. Наше нелегальное положение не означает, что мы находимся в состоянии войны с Германией. Это лишь самозащита. Мы рассматриваем Германию как оккупанта, но не как врага. Если Германия исключает нашего участия в этой войне как союзника, мы решили остаться до конца войны нейтральными наблюдателями. Мы придерживаемся следующей политической концепции: вам не помогать, но и не вредить. Если немецкая власть будет активно выступать против украинского населения, тогда мы будем вынуждены сменить нейтралитет на антинемецкую борьбу».

Для немцев Бульба становился проблемой, ибо немецкие инстанции

оценивали численность его сил в первой половине 1943 года в 10–20 тысяч человек. Абвер насчитывал у Бульбы на линии Ровно — Звягель 20 тысяч человек. По подсчетам украинского историка В. Косика, всего к тому времени у Бульбы было 4 тысячи повстанцев и еще примерно 10 тысяч могли быть мобилизованы.

В немецком «Обзоре вооруженного сопротивления на Украине в 1943 г.» от 31 декабря 1943 г. говорилось, что банда Тараса Боровца состоит исключительно из украинцев, однако всех политических ориентаций, которые когда-либо имели конфликты с немецкими властями. Основная же масса формируется из:

1. Людей, что сбежали от вывоза в Германию, либо тех, что бежали уже оттуда.
2. Украинских вспомогательных полицейских, что скрываются в лесах.
3. Недовольного местного населения.
4. Бывших членов УНАКОР.

Одновременно с ведением штабом Бульбы политических переговоров с противником, вел свою работу идеолог атамана Иван Митринга, организовавший Украинскую народно-демократическую партию (УНДП) с собственным печатным органом — газетой «Земля і влада». Целью УНДП была идеологическая борьба против коммунистов, немцев и «супернаціоналістів». Предполагалось создать единый народный фронт для борьбы с немцами и большевиками. Конечной целью бульбовцев было создание Украинской Народной Демократической Республики.

Третьи по счету безрезультатные переговоры бульбовцы провели с представителями польских партизан. К тому времени поляки прочно связывали свои надежды с СССР, где к тому же формировалась польская армия генерала Владислава Андерса. Сам Бульба в своих воспоминаниях пишет, что на переговорах был достигнут нейтралитет и даже договоренность о совместных операциях против советских партизан и немцев, но продлилось это сотрудничество недолго — до антипольских выступлений бандеровцев.

В июне 1943 года Бульба издает листовку-воззвание к польскому народу:

«Поляки! Немецким и российским империалистам на руку рознь и вражда меж поневоленных ими народов. А особенно немцам выгодно то, чтобы между украинцами и поляками не было мира».

Далее в листовке говорилось о натравливании немцами поляков на украинцев. Бульба утверждал, что при помощи провокаторов немцы украинскими руками убивают поляков за то, что поляки вырезают украинцев за Бугом. Бульба призывал польский народ не гнаться за мечтой о «кресах усходних» ^[30], а бороться за освобождение своих исконных земель на западе от немецких оккупантов.

Советская разведка (О. М. Сабуров) сообщила в Москву:

«Бульбовцы нападают на польские села. У села Гурля Людвипольского района бульбовцы связали две польские семьи, вывезли их в лес и по-звериному зарезали кинжалами. На хуторе Берестовец 10 мая 1943 года бульбовцы вырезали 11 поляков. В селе Александровка 21 мая они перебили часть польского населения и спалили село. Сожжены также польские села и хутора: Карачук — 100 дворов, Катериновка — 150 дворов, Янцека — 100 дворов, Сохи — 80 дворов. Население, которое не смогло уйти, — уничтожено».

Не исключено, что под прикрытием имени бульбовцев действовали их противники из ОУН Бандеры.

Поляки так же жестоко поступали с местным украинским населением, ибо собственные хорошо вооруженные при помощи немцев отряды имелись в наличии. Разведсводка Украинского штаба партизанского движения сообщает:

«По данным на 12.06.43 в Почаев (47 км от г. Тернополь) из Варшавы прибыло 1500 вооруженных поляков для борьбы с партизанами и украинскими националистами. Польские военные отряды прибыли в Межиричи (40 км от г. Ровно), Тучин (22 км от Ровно), Рокитно (40 км от Сарн), Словечно (50 км от Коростеня и Костополя). Прибывшие отряды жгут украинские села и грабят население».

Спираль кровавой мести набирала обороты:

«Бандеровцы и бульбовцы делают налеты на польские села и устраивают засады против небольших групп партизан, а в отдельных случаях вступают в стычки с немцами. С марта 1943 г. они сожгли польские населенные пункты Заулок, Галиновск,

Марияновка, Переселянка, Пульбеда. В Галиновске бандеровцы зарубили 18 поляков, в с. Пиндики расстреляли 150 поляков, а дети были побиты об деревья головы, в м. Черториск украинские попы лично казнили 17 человек, в хуторах вблизи Немовин убито 117 поляков, в Яновой Долине Костопольского района убито до 570 поляков...

В районах дислокации украинских националистов немцы производят массовые аресты, угоняют население в Германию, сжигают села. Взамен разоружаемой украинской полиции немцы вербуют в полицию поляков. 9 мая в Домбровицкий район приезжали немцы и поляки. В селах Трипутня, Грани они разгромили бульбовцев, уничтожили часть населения и частично сожгли эти села...»

Командир польского партизанского отряда Роберт Сатановский, будучи в Москве в 1943 году, так описал отношение атамана Бульбы к полякам:

«...Его лозунги — смерть ляхам, смерть кацапам. Прилюдно немцы Тараса Боровца не поддерживают, а втайне подыгрывают его деятельности. Немцы, например, фотографируют погромы против поляков и приписывают их партизанам и особенно украинцам, которые, по утверждению немецкой пропаганды, являются врагами польского народа».

Военно-политическая активность бульбовцев стала бельмом на глазу у бандеровцев, которые мечтали подчинить себе сичевиков. 22 февраля 1943 года в штаб УПА (Б-Б) прибыл бандеровский эмиссар А. Бусел, заявивший, что ОУН (Б) пересмотрела свое отношение к бульбовским партизанам и признала их борьбу за необходимость. В соответствии с планами бандеровцев бульбовцы должны были согласиться на следующие условия своего дальнейшего выживания:

1. Полностью сменить свою политическую идеологию.
2. Признать легитимным Акт провозглашения Украинской державы от 30 июня 1941 г.
3. Ликвидировать все политорганы иных партий в Сечи, кроме бандеровских.
4. Принять политруков из ОУН (Б) и сотрудников бандеровской Службы безопасности.
5. Принять участие в полной ликвидации польского населения и

партизан в Полесье.

22 мая 1943 года переговоры были прерваны.

Сам Бульба в своих мемуарах свидетельствовал о попытках объединения всех националистов под единым командованием:

«В марте 1943 года против немецкого террора восстали партизанские отряды ОУН, что признавали провод Бандеры, далее — отделы ОУН, что признавали провод полковника Мельника. Я вел с ними переговоры для того, чтобы объединить моих людей, партизан-бандеровцев и мельниковцев, и вообще — всех украинцев без оглядки на их политические взгляды — в одну централизованную организацию. Для руководства всеукраинским национальным движением я предложил создать Украинскую Народно-Революционную Раду. Раду эту должны были составить представители всех политических течений. Местные организаторы ОУН под руководством полковника Мельника и их отряды начали сотрудничать со мной. С руководством их и с самим Мельником я контакта не имел. Организация бандеровцев проект создания Рады не признала. Мне было предложено занять пост главнокомандующего УПА при условии, что я буду действовать по политической линии бандеровцев. Одновременно организация бандеровцев, что до этого времени называла свои отряды «Войсковые отряды ОУН», переименовала себя в «УПА». Сразу после этого началась широкая акция против немецкого гражданского управления и против национальных меньшинств на Украине. В первую очередь терроризировали поляков...»

В это же время бандеровцы начинают организовывать собственные вооруженные отряды, получившие наименование «Украинская повстанческая армия», заимствованное у бульбовцев. Начальником штаба УПА был назначен Л. Ступницкий (Гончаренко), сына которого бандеровцы вывезли в лес и держали в качестве заложника. Оба они позднее погибли при невыясненных обстоятельствах. Посмертно Ступницкому был присвоен чин повстанческого генерала. Таким образом, на территории Украины начинают действовать две повстанческие силы под одним и тем же названием.

Бульбовские СМИ выпускали ядовитые стрелы в адрес бандеровцев:

«Сегодня на землях Украины снова появилась анархичная

банда новой атамани в виде так называемой бандеровщины. Основной приметой анархичной атамани является ее бесстыдное самохвальство, хамское непризнание никого рядом с собой и вечное желание войны ради войны, а не для создания каких-нибудь духовных или материальных благ».

Первые действия бандеровской УПА были направлены на ликвидацию польского населения и партизан. Под действием пропаганды в лес «к Бандере» ушла большая часть украинской полиции порядка, и образовавшийся после ее ухода вакуум был быстро заполнен немцами мобилизацией в полицию поляков и размещением различных восточных частей. Все это вызвало кровавый хаос в Полесье, где все сражались против всех, а страдало и уничтожалось в первую очередь мирное население.

В начавшейся всеобщей резне Бульба-Боровец издал 20 июля 1943 года приказ, согласно которому его воинство теперь именовалось «Украинской народно-революционной армией» (УНРА) и было предписано готовиться к переходу в подполье. Новым печатным органом УНРА стала газета «Оборона Украины». Политсовет УНРА объединял в своем составе членов Украинской народной демократической партии (УНДП), Союза коммунистов-самостийников и представителей мельниковского Провода ОУН.

Союзником УНРА также являлся Фронт украинской революции (ФУР), созданный летом 1942 года в районе Кременца (Волынь). Возглавлял его Тихон Басюк (настоящее имя Владимир Яворенко), который командовал сотней повстанцев, но покинул ряды УПА и поступил на службу к немцам в качестве полицейского подразделения. Региональный штаб УПА под командованием Крука приговорил Басюка к смерти и привел приговор в исполнение. Еще до убийства предводителя ФУР его представитель Илларион несколько раз наведывался к Боровцу и Митринге. Между Илларионом и Митрингой была достигнута договоренность о вхождении ФУР в УНДП. В начале лета 1943 года Илларион был схвачен бандеровцами и расстрелян.

По некоторым данным, после открытого конфликта с бандеровцами в конце лета 1943 года Яворенко вошел в состав УНРА и осенью того же года перешел в глубокое подполье.

Другой силой, противостоящей немцам, Советам и бандеровцам, стали отряды бывшего поручика Польской армии, украинцев Журбы и Хрина (М. Недзведского).

В сложившейся ситуации руководство УН РА решало вопрос о начале

боевых действий против бандеровцев либо маневрировании с целью ухода от братоубийственной войны. Последнее слово осталось за президентом УНР А. Левицким. Престарелый президент, скрепя сердце, приказал Бульбе принять все меры по недопущению гражданской войны в Полесье и на Волыни. 5 октября 1943 года Бульба-Боровец издал приказ от 5 октября 1943 г. № 105 о расформировании УНРА и уходе в подполье. «Пш землю» ушли штаб УНРА, типография и небольшой отряд охраны. Из подполья штаб Боровца-Бульбы развернул широкую антибандеровскую агитацию, напечатав огромное количество соответствующей литературы.

Удар со стороны бандеровцев был нанесен 19 августа 1943 года нападением на штаб УНРА. Самому Бульбе, И. Митринге и атаману Зубатому-Щербатюку с горсткой бойцов удалось прорваться из окружения. Бандеровцы до смерти запытали супругу атамана Ганну Опочинскую, стараясь выведать у нее места закладки баз с оружием (справедливости ради следует отметить, что по другой информации жена атамана в конце войны якобы проживала в Чехословакии). Над Бульбой был организован заочный суд, на заседании которого бандеровцы постановили пригласить атамана с полной гарантией его безопасности, но Бульба на эту удочку не клюнул!

Осенью 1943 года Полесье превратилось в «котловину смерти» — тысячные толпы беженцев, бежавших от продвигающихся на Запад советских войск, активизация партизан всех политических расцветок усугубили кровавый хаос, сдобренный еще и действиями карателей из лебедевской Службы безпеки ОУН Бандеры.

В это время Бульба-Боровец вновь принял решение о возобновлении переговоров с немцами. Основными требованиями Бульбы были освобождение из концлагеря С. Бандеры (с надеждой, что Бандера остановит своего распоясавшегося заместителя, главу Службы безпеки Николая Лебеда) и признание независимости Украины. Вооруженные силы Бульбы-Боровца, подчиненные ОУН (Б), прекратили существование. Осенью 1943 года такая же участь ждала и мельниковские отряды. Часть из них влилась в ряды бандеровцев, часть подразделений образовала «Волынский легион самообороны», позднее переформированный немцами в 31-й украинский батальон СД.

1 декабря 1943 года атаман был арестован и помещен в концлагерь Заксенхаузен, в один блок со своим политическим оппонентом С. Бандерой. Украинские националы в концлагере не носили полосатых одежд и не голодали. Их содержание было строгим, но хозяйственные немцы «хранили» своих потенциальных союзников до первой необходимости.

Перед арестом Бульбу укрывал у себя в ставке руководитель контрразведывательного органа «Зондерштаб Россия» Б. А. Хольмстон-Смысловский (фон Регенау). Из-за этого впоследствии он был репрессирован, но находившаяся в его распоряжении агентурная сеть, в услугах которой остро нуждалось немецкое командование, позволила быстро обрести свободу и укрепить свое положение. Агентурная сеть Смысловского также распространялась и на воинство Бульбы-Боровца, и отряды мельниковцев. В местечке Обераммергау (Бавария) в подчинении Смысловского функционировала специальная школа по подготовке радистов для отрядов УПА под общим руководством полковника Петро Дьяченко, одновременно являвшегося руководителем резидентской области «Зондерштаба-Р» и функционером УН К. По неподтвержденной информации, в 1944 году в одной из спецшкол Смысловского пребывал руководитель Варшавского восстания генерал Бур-Коморовский.

В 1944 году немцы поместили в Заксенхаузен полковника Мельника. Пребывание украинских лидеров под арестом продолжалось вплоть до октября 1944 года, когда немцам стало понятно, что войну они уже проиграли.

Тараса Бульбу-Боровца немцы освободили из лагеря первым как украинского «вождя», объявлявшего своим первым врагом Советы и желавшим контактов с немцами. После первых переговоров с ним ведомство Гимmlера оставило план возведения Боровца в ранг украинского вождя, ибо Гимmlер сделал окончательную ставку на Власова, а Розенберг справедливо полагал, что Боровец не пользуется популярностью среди украинской эмиграции в Германии.

Т. Боровцу было предложено вступить в контакт со штабом генерала Власова, на что атаман дал резкий отрицательный ответ. Власов для украинских лидеров являлся жупелом российской имперско-колониальной политики:

«Попытка создания антикоммунистического блока так называемых «народов России» с российским генералом Власовым во главе — попытка абсолютно безнадежная. Кто сегодня санкционирует само название «народы России», тот коммунизма не победит, а, наоборот, ему помогает. Коммунизм и Россия — это неразрывное целое. Коммунизм овладел всеми ресурсами Российской империи, а Российская империя дает динамику коммунизму как новому способу империалистического завоевания.

Если говорить о генерале Власове, что хочет быть руководителем антикоммунистического блока, то его особа у украинцев и всех других подсоветских народов доверия не вызывает:

1. как российский империалист.
2. как коммунист.

Мы не имеем точных данных, которые бы доказывали, что генерал Власов, будучи в России, был бы врагом коммунизма. То, что он пребывает в Германии и является идейным коммунистом, свидетельствуют его высокая карьера в Красной армии, наивысшие советские ордена, выполнение им тайных заданий за границами СССР. Такие посты Коммунистическая партия доверяет только тем людям, что имеют огромное доверие российской Коммунистической партии. Когда генерал Власов имеет такое огромное доверие российской Коммунистической партии, то становится ясным, что такому человеку не можем доверять мы, люди, ведущие антикоммунистическую борьбу...

...Германия требует союзников с таким же идеологическим фанатизмом, каковым обладает она сама. Союзников, которые выступают совместно с немецким солдатом не только тогда, когда играют победные фанфары, но и тогда, когда бывают тяжкие неудачи и приходится отступить либо вести партизанскую борьбу. Среди россиян таких союзников немецкий солдат не найдет. Они имеют свою державу и идеологично-политическую цель. Такими союзниками могут быть только националистично-патриотические элементы тех наций, что поневолены Москвой. На эти элементы немецкий солдат может опереться, а не на московско-коммунистических пленных либо специально засланных в Германию агентов НКВД. Таких союзников в националистической Германии не объединит некая московская идея неких «народов России», а только исключительно концепция расчленения великороссийской империи на суверенные национальные державы...»

О том, что его укрывал у себя бывший русский генерал и белогвардеец, Бульба в своих проповедях не вспоминал.

По поручению Украинского национального комитета (УНК) атаман занимался формированием парашютной бригады особого назначения. Это спецподразделение предназначалось для диверсионно-разведывательных

действий в тылах Красной Армии. Номинально парашютисты Бульбы входили в группу «Б» (войска спецназначения) Украинской народной Армии генерала П. Шандрука, главным руководителем украинского формирования был штурмбаннфюрер СС Хайнце Эберхардт, возглавлявший общерусскую группу истребительного подразделения ваффен СС «Восток». Численность парашютистов предполагалось довести до 5 тысяч, но успели сформировать лишь два батальона общей численностью 400 человек. Первый батальон парашютистов был полностью подготовлен к отправке в советский тыл, но окончание войны и отсутствие сил у люфтваффе не позволили реализовать этот план. Сценарий же, разработанный Боровцом, предусматривал высадку пятитысячной бригады в районе реки Припяти и объединение с остатками бывших партизан УНРА. Операция имела кодовое наименование «Майский колокольчик».

После войны атаман влачил нищенское существование в лагерях для перемещенных лиц и сотрудничал с Украинским национальным объединением — политической организацией закарпатских украинцев. С 1948 года бывший атаман проживал в Канаде. Здесь Бульба-Боровец выпускает ряд изданий, которые нелегально в числе других переправлялись на территорию Украины. Среди них были «Бюллетень Главной команды Украинской национальной гвардии», журнал «Меч и воля», военно-инструкторские материалы, листовки.

В 1946 году в Париже Бульба выпустил в свет «Краткий рассказ по истории, идеологично-моральным основам и политической платформе Украинской народной революционной Армии», а также «Кредо революции». В это же время атаман начинает издавать журнал УНРА.

Основным литературным трудом всей жизни Бульбы-Боровца стала книга «Армия без государства. Слава и трагедия украинского повстанческого движения. Воспоминания», которая вышла в свет благодаря Институту исследования Волыни в Виннипеге (Канада). Сам атаман не дожидаясь выхода в свет своей книги и умер 15 мая 1981 года.

В ряде послевоенных источников упоминается о планах Т. Бульбы-Боровца использовать некие подразделения «Украинской национальной гвардии» совместно с белорусскими националистами-эмигрантами в заброске десантных групп на территорию УССР.

В настоящее время на Волыни имя Тараса Бульбы-Боровца окружено почтением. В Ровно одна из улиц теперь названа именем Тараса Боровца (Бульбы). В 2002 году 15 тысяч жителей города обратились к местной Раде с прошением установить памятник своему земляку в Ровно и

переименовать проспект Мира в проспект Боровца (Бульбы).

Украинская Повстанческая Армия и ее союзники

Украинская повстанческая армия была организована весной 1942 года стараниями Организации украинских националистов С. Бандеры. Нужда в собственных вооруженных отрядах была обусловлена активностью действий советских партизан, отрядов Армии Крайовой и других формирований, ведущих партизанские действия.

В июле 1944 года, когда ситуация на фронтах складывалась не в пользу Германской армии, был налажен диалог между немецкими военными кругами и командованием Украинской повстанческой армии (УПА). Этому способствовало то, что немецкие Вооруженные силы уже утратили контроль над большей частью территории Украины. Понимая, что украинские националисты будут вести борьбу с Советской властью в ближнем тылу советских войск, немецкое командование отдавало себе отчет в том, что этот фактор будет играть на руку немецким устремлениям. Абвер предоставил высшим армейским кругам информацию о том, что украинские повстанцы нуждаются в оружии, боеприпасах и медикаментах. Действуя по принципу «Враг моего врага — мой друг», немецкие представители начали фиксировать малейшие возможности установления обоюдовыгодных связей с руководством УПА.

Первый контакт представителей немецких Вооруженных сил и УПА состоялся в январе 1944 года в селе Злазно близ Ровно. Здесь прошла встреча между офицером из кампфгруппы войск СС под командованием обергруппенфюрера СС Прютцманна и представителем одного из отрядов УПА. Переговоры были безрезультатными. По их результатам группа Прютцманна уведомила руководство, что УПА борется против советских партизан и Красной армии, отказывается сдать немцам оружие. При этом парламентарии УПА обещали не нападать на немецкие части и предоставлять информацию о советских партизанских отрядах и регулярных войсках.

9 марта 1944 года советскими войсками был разгромлен батальон полицейского полка СС, в штабной документации которого был обнаружен документ следующего содержания:

Кампфгруппа Прютцманн.
Разведывательный отдел.

Касательно отношения к членам национальной Украинской повстанческой армии.

Начатые в районе Деражно переговоры с руководителями национальной Украинской повстанческой армии были успешно проведены также в районе Вербы.

Достигнута следующая договоренность. Немецкие части не подвергаются нападению со стороны УПА. УПА засылает разведчиков, преимущественно девушек, в занятые врагом районы и сообщает результаты в разведотдел кампфгруппы. Пленные красноармейцы, а также советские партизаны препровождаются в разведотделы для допроса, местные чуждые элементы используются боевой группой на работах.

Для обеспечения такого необходимого взаимодействия

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Агентам УПА, которые имеют удостоверения за подписью «капитан Феликс», или тем, кто выдает себя за членов УПА, разрешать беспрепятственный проход, оружие оставлять при них. По требованию агентов предоставлять им возможность быстрой доставки в разведотделы.

2. Члены отрядов УПА при встрече с немецкими подразделениями для опознавания поднимают левую руку с раздвинутыми пальцами к лицу — таковых не задерживать.

3. Со стороны УПА имеются жалобы на то, что немецкие полицейские части производят самовольную реквизицию, особенно домашней птицы. В соответствии с приказом от 11 февраля 1944 г. командиры частей привлекаются к ответственности за эти самовольные реквизиции.

Генерал-майор, бригадефюрер С С Бреннер

29 января 1944 года командующий XIII армейским корпусом генерал А. Хауффе издал приказ, посвященный взаимоотношениям между частями корпуса и УПА:

«Общеизвестно, что действия УПА против немцев

фактически прекращены и что немецкие солдаты, которые попали в руки УПА, в большинстве случаев, после того как у них отобрали оружие и обмундирование и заменили его на гражданскую одежду, отсылались обратно в свои части. В последние дни националистические украинские отряды ищут связи с войсками.

В одном случае имело место следующее: отряд продолжал борьбу против советских отрядов, но отказывался воевать вместе с немецким вермахтом либо сдать ему оружие.

Все материалы разведки про советские отряды и регулярные войска ими передаются нам, кроме того, нам же они доставляют захваченных пленных для допроса».

Далее генерал Хауффе приказывал своим подчиненным:

1. Вести переговоры с отрядами УПА, которые сами ищут связи, при этом переговоры должны вестись через офицеров, имеющих опыт антипартизанской борьбы.

2. Максимально использовать отряды УПА в целях борьбы с Советами.

3. В случае невозможности достижения согласия с УПА по п. 2 настоящего приказа — бороться против УПА до полного уничтожения.

Отзвук этого приказа прозвучал в показаниях плененного немецкого гауптфельдфебеля, который предпринял попытку просочиться через линию заслонов 237-й особой стрелковой бригады внутренних войск:

«...Наше командование имеет связь с бандами и помогает им оружием и боеприпасами. По этому вопросу издан специальный приказ генерал-лейтенанта Хауффе, в котором он указывает на необходимость оказывать помощь отрядам УПА в их формировании и вооружении, а также в переброске банд для активных действий в тыл Красной армии».

Пленный также сообщил, что в районе Подкамня в тыл Красной армии был переброшен вооруженный немцами батальон УПА. В отряде УПА под командованием Черноморца находились 40 немцев, ожидавших переброски на немецкую сторону, после чего отряд УПА, их доставивший, получил бы оружие.

5 марта 1944 года в Тернополе прошел первый раунд переговоров между оберштурмбаннфюрером СС Паппе (представитель начальника

полицейской безопасности и СД округа Галичина Витиски) и представителем УПА Герасимовским.

Герасимовский передал Паппе условия, на которых украинские националисты были готовы сотрудничать с немцами:

1. Прекращение арестов членов ОУН (Б), которые будут работать против большевиков.

2. Освобождение из тюрем всех арестованных бандеровцев, которые также будут воевать против Советов.

3. Немцы обязаны прекратить всякую антибандеровскую агитацию со стороны мельниковцев, которые обзывают своих политических оппонентов «большевистской заразой и большевистской агентурой».

4. Бандеровцы имеют право ведения собственной пропаганды и создания воинских подразделений, при этом ничем не ущемляя немецкие интересы.

5. Немцы организуют защиту мирного украинского населения от польского террора.

После изложения условий Герасимовский уведомил немцев, что со своей стороны руководство ОУН-УПА будет оказывать всяческое содействие немецкой армии. Кроме того, бандеровцы брали на себя обязанность предоставлять немецкой стороне всю развединформацию против «ляхов и москалей», но взамен просили оружия и боеприпасов.

Стороны договорились о том, что уведомят свое руководство об условиях и переговоры продолжатся в Львове.

В течение марта — апреля Герасимовский трижды встречался с оберштурмбаннфюрером СС Витиской.

19 марта 1944 года Витиска провел встречу с двумя представителями армейской разведслужбы из состава группы армий «Юг». На встрече обсуждался вопрос о взаимодействии УПА с абвером. Материалы встречи Витиска направил в Берлин шефу гестапо Г. Мюллеру. В своей телеграмме шефу Витиска докладывал, что целью встречи было выяснение взглядов абвера на сотрудничество с националистами. Из сообщения Витиски следовало, что начальник разведывательной абверкоманды-101 подполковник Лингардт зондировал возможности привлечения к сотрудничеству военнопленных. Результатом работы Лингардта стал вывод о невозможности привлечения военнопленных к работе, в отличие от личного состава отрядов УПА. С выводами Лингардта согласился начальник диверсионной абвер-команды-202 подполковник Зелигер. Благодаря такой проработке вопроса между немецкими служебными инстанциями было достигнуто понимание возможности использования

отрядов УПА в качестве разведывательно-диверсионных формирований.

Несмотря на это, установившийся контакт был разорван, т. к. бандеровцы в ряде случаев без объяснения причин на переговоры не являлись. Более того, вскоре выяснилось, что по приговору военно-полевого суда УПА за самовольное ведение переговоров с немцами были расстреляны два полевых командира УПА.

Другая встреча представителей Германской армии и УПА состоялась летом 1944 года в Карпатах в районе г. Борислава.

По результатам встречи начальник штаба корпуса армий «Северная Украина» генерал фон Ксиландер в своем донесении от 18 августа 1944 года уведомил вышестоящие инстанции, что на встрече были достигнуты следующие соглашения:

1. УПА не будет атаковать немецкие части в том случае, если немцы со своей стороны не будут нападать на повстанцев.

2. На уровне командиров частей могут вестись переговоры по техническим вопросам, касающимся контактов и взаимодействия.

3. УПА берет на себя обязанность оказывать помощь немецким военнослужащим, оказавшимся на советской стороне фронта, и помогать им пересечь фронт.

В своем донесении Ксиландер также уточнил, что УПА по-прежнему руководствуется исключительно своими интересами. В конце документа генерал сообщил, что считает невозможным доверять людям из УПА какие-либо поручения и вести с ними переговоры.

Несмотря на это, части вермахта в Карпатах получили инструкции, предписывающие корректно вести себя по отношению к местному населению, не вступать в бои с отрядами УПА, которые первыми в бой не вступают, стараться избегать разговоров с украинцами на политические темы.

В начале ноября 1944 года немецкими спецслужбами была подготовлена памятка для немецких военнослужащих. В ней содержалась информация об УПА. Этот документ содержал в себе информацию о численности повстанческих рядов — 80–100 тысяч человек «регулярных» упистов. Отмечалось, что при желании численность УПА может быть развернута до двух миллионов бойцов. Инструкторы отмечали, что УПА является важным фактором противодействия советскому наступлению.

Министерство по делам оккупированных восточных территорий оценивало силы УПА в 60 тысяч солдат.

Постепенно ряды УПА пополнялись сотрудниками немецкой военной разведки. Органами госбезопасности были зафиксированы

многочисленные случаи пребывания в отрядах УПА немецких офицеров. Роль их была различна — от командования отдельными группами до инструктажа повстанцев.

В марте 1944 года в ходе боестолкновения в селе Заморочье Высоцкого района Ровенской области среди убитых уписов из отряда Лайдака и Ярко были обнаружены 7 трупов немецких военнослужащих, внедренных в отряд УПА абвером. Позднее в этом же районе была ликвидирована банда Панасюка в составе 60 человек. Выяснилось, что эта группа была переброшена немцами через линию фронта южнее г. Броды. Группа имела для связи с немцами портативную радиостанцию.

7 апреля 1944 года на территории Шумского района Тернопольской области была ликвидирована группировка УПА под руководством двух немецких офицеров. Позднее в этом же районе была ликвидирована немецкая диверсионная радиофицированная группа, обильно снабженная взрывчаткой.

27 июня 1944 года близ села Кохановка Вишневецкого района Тернопольской области с немецкого самолета была сброшена разведывательно-диверсионная группа в количестве 16 человек. По горячим следам были задержаны 7 десантников. Все они были выпускниками немецкой разведывательно-диверсионной школы, располагавшейся в деревне Дубляны Дрогобычской области, куда были направлены одним из командиров УПА Кравчуком (Синий).

Сами абверовцы положительно оценивали имеющийся в их распоряжении «украинский потенциал». Руководитель абверкоманды-101 подполковник Лингардт сообщил своему руководству:

«В результате быстрого продвижения русских войск стало почти невозможным привлекать к работе военнопленных. Остается единственная возможность — использовать участников УПА. Без связи с УПА осуществлять агентурно-разведывательную деятельность было бы вообще невозможно. Предоставленный в мое распоряжение военным сектором УПА материал исключительно обширен и в большей части годен для использования в военном отношении. В некоторых случаях соединения украинских банд УПА вместе с немецкой армией сражались против Красной армии и большевистских партизан. Хотя соединения УПА имели большие потери, но на некоторых участках фронта в критический момент оказали немецкой армии услуги, которые нельзя недооценивать».

В августе 1944 года близ Львова начались переговоры между представителями южного штаба УПА и капитаном Кирном — представителем немецкой военной разведки. Руководство района УПА дало согласие на совместное с немцами ведение подрывной работы в советском тылу, но при выполнении немцами следующих условий:

1. Освобождения С. Бандеры и всех его соратников.
2. Гарантии в создании независимого Украинского государства.
3. Обеспечения УПА оружием, обмундированием, средствами связи, медикаментами и деньгами.
4. Создания украинских разведывательно-диверсионных школ и обучения в них членов ОУН радиосвязи.
5. Диверсионные группы ОУН-УПА подчиняются в оперативном отношении руководству 202-й диверсионной команды абвера, а в остальном — штабу УПА.

Кирн, имея на руках письменные полномочия командования, принял условия националистов, но выставил свои условия:

1. Южный штаб УПА выделяет для нужд АК-202 необходимое ей число потенциальных диверсантов.
2. Право комплектования фупп диверсантов остается за руководством АК-202, оно же определяет районы использования групп.
3. Штаб УПА делится с АК-202 всей имеющейся у него развединформацией о Красной армии, а также о деятельности ОУН-УПА на данном участке фронта от Варшавы до румынской границы.

Торговля окончилась удачно для обеих сторон, «контракт» заключили. Было принято решение об обмене командами связи между АК-202 и штабом УПА. Представителем УПА у абверовцев стал бывший капеллан ДУН, отец Иван Гриньох («профессор Данилов»), имевший чин капитана вермахта. На роль представителя абвера в УПА рассматривалась кандидатура полковника Зигфрида Мюллера, до этого возглавлявшего рижский филиал абвера.

И. Гриньох содействовал вербовке, комплектованию и подготовке украинских диверсантов.

На допросе в органах госбезопасности З. Мюллер сообщил:

«В начале декабря 1944 года в Краков прибыл С. Бандера, который к тому времени получил дачу под Берлином от отдела 4-Д гестапо и работал под руководством оберштурмбаннфюрера СС Вольфа. Бандера лично инструктировал Данилова, а также подготовленную нами агентуру для заброски в УПА...

...В распоряжении АК-202 имелись 5 разведшкол. Одна, руководимая мной школа под условным наименованием «Мольтке», вплоть до апреля 1945 года готовила кадры диверсантов исключительно из числа украинских националистов. Вербовку диверсантов проводил Данилов вместе с офицерами АК-202.

Кроме того, абвергруппа-206, входившая в состав АК-202, имела непосредственную связь через линию фронта с отрядами УПА в Карпатах. Из этих отрядов мы черпали агентуру, обучали ее в своих краткосрочных школах, а затем забрасывали в тыл Красной армии.

В последние месяцы перед капитуляцией Германии в руководимой мною диверсионной школе «Мольтке» обучались 45 диверсантов из числа украинских националистов. 25 человек из них были присланы в школу штабом УПА с территории, занятой частями Красной армии, остальные были завербованы в лагерях военнопленных...

...В связи с приближавшимся разгромом Германии я, осуществив заброску последней группы, 21 апреля 1945 года перешел в Праге на нелегальное положение и больше в АК-202 не явился. О судьбе и дальнейших действиях группы Кирна мне ничего не известно.

Однако мне известно, что главари ОУН приняли меры к установлению связи с командованием англо-американских войск. Данилов и Бурлай имели указание штаба УПА перейти через линию фронта к англо-американским войскам, проинформировать их о желании украинцев координировать свою подрывную деятельность на территории Украины с командованием англо-американских войск. Часть группы должна была сопровождать Бурлая к американцам. Данилов пытался уйти к союзникам вместе с Бандерой. Зная, что я владею английским и французским языками, Бурлай предлагал мне присоединиться к его группе и вместе перейти к американцам.

В начале апреля 1945 года по указанию РСХА Бандера с другими главарями ОУН создал отряд из украинских националистов для защиты Берлина от наступающей Красной армии. Сам же Бандера покинул предоставленную ему гестапо дачу под Берлином и бежал в г. Веймар. Бурлай мне рассказывал, что Бандера договорился с Даниловым о совместном переходе на

сторону американцев...»

Если некоторые читатели в силу своих убеждений не поверят в искренность слов Мюллера, полученных на допросе, приведем другой документ, подтверждающий взаимодействие ОУН-УПА с немецкими инстанциями. Слово начальнику абверкоманды-202 подполковнику Зелигеру:

«Организация подрывной работы за линией фронта может быть выполнена только при помощи УПА. В районах, занятых русскими, УПА является их единственным противником. Поэтому укрепление УПА, снабжение ее оружием и обучение определенного количества людей соответствуют интересам Немецкой армии... Нам необходимо охватить всех членов УПА на территории Галиции и после обучения и вооружения их перебрасывать самолетами на русскую сторону или же пропускать большие группы через фронтовые бреши. Для этого есть согласие берлинских инстанций. Я уже продолжительное время имею через посредника связь с Шухевичем и получил от него несколько человек для обучения, Шухевич предложил вооружить все отряды УПА в Галиции и постепенно перебросить их на сторону русских, но я из предосторожности пока не принял это предложение. Все же, по договоренности с Берлином, в ближайшее время на участке фронта Делятин — Станислав, непосредственно на переднем крае оборон. ы, мы вооружим группу УПА около 100 человек и при помощи действующих там немецких частей перебросим их за линию фронта...»

Налаживание взаимодействия между УПА и вермахтом шло и на уровне полевых командиров УПА и немецких частей. Еще в декабре 1943 года партизанская разведка докладывала в УШПД о двух встречах бандеровцев с немецкими офицерами. Партизаны сообщили о четко разработанной упистами и националистами замене гарнизона города Камень-Каширский 13 января 1944 года.

По заранее достигнутой договоренности националисты построили для отхода немецких частей мост через реку Турия, по которому немцы вышли к Ковелю. Гарнизон оставил в городе в целостности и сохранности 300 винтовок, ящики патронов, 200 пар белья, 30 комплектов униформы, хлеб, соль, скот, сено и прочее. Выступивший из лесов отряд УПА насчитывал

более 500 человек, вооруженных 3 минометами, 3 станковыми и 30 ручными пулеметами.

Вступив в город, националисты захватили все оставленное им имущество. Приказ, полученный от командования УПА, предписывал законсервировать и зарыть в землю все тяжелое оружие, оказывать помощь немецким военнослужащим в переходе линии фронта. Упистам также вменялось в обязанность заставить местных жителей немедленно приступить к обмолоту урожая и забою скота для создания запасов для нужд УПА.

В конце января 1944 года партизанским отрядом Вершигоры был разбит отряд УПА из 200 человек. При захвате повстанческого штаба в руки партизан попало соглашение, подписанное представителями УПА и немецкими ландвиртами (чиновниками, ответственными за заготовку продовольствия) Владимир-Волынского комиссариата. Документ содержал в себе взаимные обязанности сторон относительно обеспечения немецких войск и ведения борьбы с советскими и польскими партизанами.

31 января 1944 года партизанской разведкой было перехвачено письмо немецкого коменданта города Горохова (близ г. Луцка), адресованное руководителю гороховской районной организации ОУН Павлу с предложением начать переговоры по вопросу о заключении союза и совместных действиях.

В начале марта 1944 года сотня УПА под командой куренного Макса уничтожила католический монастырь в местечке Подкамень Бродского района Львовской области. От командования дислоцированного здесь немецкого гарнизона отряд УПА получил 4 станковых пулемета, 300 винтовок, 25 тысяч патронов, 3 ротных миномета и несколько топографических карт.

Этот факт сотрудничества отражен в служебной переписке оберфюрера СС Биркампа. 15 марта 1944 года Биркамп уведомил свое руководство, что националистам были переданы также боеприпасы и медицинские материалы.

В апреле 1944 года в руки УПА попали два немецких агента — Гаврилюк Татьяна и Крылов Виктор. Служба безопасности УПА быстро их «расколола», и Крылов выложил все про свое задание, будучи уверенным, что рассказывает все сотрудникам Смерша. Показания Крылова подтвердила Гаврилюк.

Повстанцы отпустили агентов, при этом Гаврилюк передала письмо от командующего УПА-Юг Клим Савура (Охрима) в абвер, в котором он предлагал абверовцам поставлять более качественную развединформацию,

нежели та, что могла бы добыть пара таких неумелых агентов. При этом командир УПА перечислил немцам условия, на которых он готов к сотрудничеству. Среди них была просьба выделить повстанцам десять тысяч пулеметных лент и 250 тысяч патронов к ним, 200 автоматов, 20 полевых орудий, 30 минометов, 10 зениток, 500 автоматов «ППШ» либо немецких автоматов, 500 бельгийских пистолетов, 10 тысяч фанат, 100 мин.

Информация была принята немцами «к размышлению». Аналогичные по содержанию донесения поступали и на других участках фронта. Оуновцы требовали оружия, боеприпасов, медикаментов, раций. Впоследствии повстанцы начали требовать у немцев оружие советского производства (в т. ч. приборы для бесшумной стрельбы), для которого в тылу Красной армии было проще добыть боеприпасы. Оружие поставлялось различными путями: немецкие части при отходе из населенных пунктов «забывали» его либо тайно доставляли в условленное место, где его принимали повстанцы.

Одновременно с ведением переговоров с немцами УПА вела переговоры и с представителями Венгерской армии. Для переговоров с ними ответственным был назначен член Центрального провода ОУН Емельян Логуш («Иванив»), исполнявший функции руководителя Краевого провода ОУН «Юг».

Во второй половине августа 1943 года возле села Конюшки Здолбуновского района Ровенской области прошли переговоры между руководителем разведотдела штаба УПА-Юг А. Дольницкого (Логуша) с офицерами Венгерской армии. Была достигнута договоренность о том, что венгры не будут воевать против УПА на территории Дубновского и Костопольского районов области.

После переговоров был издан приказ командующего группой УПА-Юг Энея (Петр Олейник) о прекращении боевых действий против венгерских частей.

Об успехе переговоров Эней доложил командующему УПА Климу Савуру (Дмитрию Клячковскому). Последний одобрил действия Энея и приказал провести новые переговоры с венграми, но на качественно ином уровне. По решению Головного штаба УПА парламентаром должен был стать тот же А. Дольницкий. Последний вновь встретился с сотрудниками Генштаба Венгрии подполковником Падани и майором Вецкенди. Переговоры шли с 25 декабря 1943 г. в селе Дермань Мизочского района Ровенской области в течение 10 дней. Параллельно ширилось сотрудничество УПА с венграми. В селе Будераж Здолбуновского района руководством ОУН-УПА для венгерских солдат были организованы

концерт художественной самодеятельности и парад войск УПА.

3 января 1944 года переговоры между оуновцами и венграми закончились подписанием соглашения. Венгерское командование и вверенные ему войска взяли на себя обязательство не вести боевые действия против ОУН-УПА, сообщать оуновцам о действиях советских партизан. По договору венгры получали бы от оуновцев продовольствие, а взамен сдавали бы в лес оружие, боеприпасы, медицинские материалы и прочее. ОУН-УПА взяла на себя обязательство также не вести против венгров боевых действий и уведомлять о передвижениях советских партизанских отрядов.

После подписания договора Логуш вместе с подполковником Падани и майором Вецкенди вылетел самолетом ВВС Венгрии в Львов, где состоялась еще одна встреча между венграми и представителями Центрального провода ОУН.

В январе 1944 года делегация ОУН-УПА в составе Е. Логуша, Е. Врецьоны, А. Луцкого и В. Мудрого вместе с подполковником Падани вылетела на венгерском самолете в Будапешт, где провела ряд встреч с представителем Генштаба Венгерской армии полковником Шотани и другими высокопоставленными офицерами.

Шотани заверил украинцев в том, что сам регент Венгрии адмирал Миклош Хорти уведомлен о ведущихся переговорах с ОУН-УПА. На встречах в Будапеште было достигнуто соглашение о совместных боевых действиях против Красной армии. Взамен венгерская сторона обещала украинцам предоставить политическое убежище руководству ОУН-УПА при осложнении обстановки.

Встречи с венгами не прошли впустую. Впоследствии у бандеровцев изымались оружие, снаряжение и униформа венгерского образца.

Окончание военных действий в Европе не погасило очаг напряженности в Западной Украине. Как и всякая партизанская армия, УПА не могла существовать без помощи извне. Украинскими повстанцами быстро заинтересовались спецслужбы Великобритании, США и Германии. Контакт с новыми хозяевами Европы был установлен в 1945 году, и уже они взяли на себя снабжение УПА необходимым. Фактически ОУН и УПА как инструменты воздействия на «Советы» перешли в «наследство» к другим силам, кровно заинтересованным в наличии антисоветского сопротивления в Восточной Европе.

**Глава 3. ДИВИЗИЯ СС «ГАЛИЧИНА».
УКРАИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ
АРМИЯ**

Начало дивизии «Галичина»

Истоки формирования украинского соединения войск СС обнаруживаются 29 июня 1941 года, когда представители украинских ветеранских организаций учредили в Кракове административно-организационное ядро для последующего создания национальных воинских частей в рядах Германской армии. Бывший офицер Украинской Галицийской армии полковник Альфред Бизанц, возглавлявший Управление по делам населения в дистрикте «Галичина», уведомил свое берлинское руководство об интересе к созданию украинских формирований со стороны генералов Михаила Омельяновича-Павленко, Михайло Капустянского, полковников Романа Сушко, Гната Стефанова, Петро Дьяченко, капитана Михайло Хроновята. Все эти украинские офицеры ранее также служили в рядах Австро-Венгерской, Украинской Галицийской и Армии Украинской Народной Республики, сражались против Советов.

В это же время подполковник Армии УНР Михайло Шуляев предложил свои услуги нацистам в создании самостоятельного украинского формирования в составе Германской армии. Немецкое руководство навело справки об этой личности и выяснило, что самозванец не является фигурой, поддерживаемой значительным союзом украинских деятелей. Ответа от Гитлера Шуляев так и не дождался. 14 марта 1943 и 29 сентября 1944 года Шуляев еще дважды повторял свои предложения немцам, однако и на этот раз ничего не вышло. У немецкого военно-политического руководства были свои планы в отношении украинской «пятой колонны» и пользующихся полным доверием общественных и военных деятелей из среды националов.

Еще одну попытку воздействия на немецкие власти предпринял 28 апреля 1942 года генерал Андрий Вовк, лидер УНАКОР, предложив немцам детально разработанный план немецко-украинских действий. Кроме предложений по созданию союзных Германии украинских вооруженных формирований, Вовк предложил создание Украинской державы в Европе. В своем втором меморандуме от 3 февраля 1943 года Вовк вторично довел до немецкого руководства свои идеи.

Вышеупомянутые личности не имели весомого влияния в украинских массах в отличие от предводителя ОУН полковника Андрея Мельника.

В своем письме к Адольфу Гитлеру от 7 июля 1940 года Андрей Мельник писал:

«Украинский народ, который, как другие народы, в продолжение столетий боролся за свою волю, принимает близко к сердцу идею создания Новой Европы. Задачей целого украинского народа остается реализация этого идеала в действительности.

Мы, старые борцы за свободу в 1918–1921 гг., просим чести для нас и нашей молодежи принять участие в крестовом походе против большевистского варварства. Мы желали бы вместе с легионами Европы идти плечо к плечу с нашим освободителем немецким вермахтом и иметь возможность создать с этой целью украинское вооруженное формирование».

Просьба полковника осталась без ответа.

В июле 1941 года полковник Мельник вновь обратился к Гитлеру с просьбой о создании украинских войсковых формирований в составе Германской армии.

7 июля 1941 года профессор В. Кубийович, председатель Украинского Центрального комитета, обратился к немецкому руководству с письмом, в котором просил создать украинское воинское формирование. По Галичине начали быстро распространяться слухи о скором создании немцами Украинской армии. Не исключено, что такие слухи запускали в массы сами немцы. На волне этих слухов молодежь быстро откликнулась на призыв немецких властей. Первый набор рекрутов (2 тысячи человек) был проведен успешно, но впоследствии все они были распределены малыми группами по немецким частям.

Осенью 1941 года в журнале «Бережанские вести» Украинский Краевой комитет (прообраз будущего УЦК) объявил о наборе украинских добровольцев в отдельную часть в составе Германской армии.

До 1942 года немцы так и не решились начать создание крупных украинских воинских частей. Так продолжалось вплоть до катастрофы вермахта под Сталинградом. В январе 1942 года Гитлер отверг предложенный ему фельдмаршалом фон Рейхенау план формирования украинской и белорусской дивизий вермахта. После поражения ввиду нехватки личного состава командование 1-й танковой армии издало приказ от 19 февраля 1942 года о наборе украинских рекрутов в состав немецких подразделений. Впоследствии украинские группы по 50–60 человек участвовали в боевых операциях в составе немецких частей и были объединены под командованием «группы Ферстера».

По информации лейтенанта вермахта Иохима Урбана, на Восточном

фронте служило на положении «хиви» не менее 600 тысяч восточных добровольцев. Еще 200 тысяч служили в отдельных частях. По информации генерала Э. Кестринга, на это время в рядах Вооруженных сил Германии пребывал миллион добровольцев. Услышав это из уст генерала, рейхсфюрер Гиммлер был сражен наповал. Придя в себя, он не поверил в слова Кестринга и сообщил, что ему, Гиммлеру, ничего об этом не известно.

После поражения под Сталинградом бригадефюрер СС, губернатор дистрикта «Лемберг» (Львов) доктор Отто Вехтер прибыл в Берлин к рейхсфюреру СС с ходатайством о формировании украинской дивизии. В своих воспоминаниях бывший начальник штаба дивизий «Галичина» Вольф Дитрих Гайке упоминает о том, что Вехтер имел план создания одной украинской добровольческой дивизии как ядра, вокруг которого можно было бы позднее сформировать другие дивизии ^[31]. Не исключено, что сам Вехтер видел себя командиром этого украинского формирования. Губернатор верил, что его начинание поддержат украинские общественные круги и, главное, население выделит десятки тысяч добровольцев. По его мнению, размер формирования зависел бы лишь от количества немецкого персонала, который должен был бы занять место недостающих украинских офицеров и унтер-офицеров.

Гиммлер согласился с предложением, определив статус украинского добровольца СС равным статусу немецкого военнослужащего СС, отличие было только в одном — было разрешено иметь своих священников, чего в других формированиях войск СС не допускалось. Гиммлером был наложен запрет на любое упоминание слова «украинская» в контексте мероприятий, связанных с формированием дивизии. Имела право на существование лишь «галицкая» терминология.

В Берлине же была достигнута договоренность о выделении для нужд формирующейся дивизии 600 немецких унтер-офицеров войск СС. При этом 300 человек должны были прибыть в Галицию из Голландии и 300 — из Ораниенбурга (Восточная Пруссия).

Для организации рекрутской работы и взаимодействия с украинской общественностью было решено создать особый военно-политический орган — Военную управу.

Вместе с тем в высших кругах СС имелось убеждение в политической неблагонадежности украинских союзников. Так, заместитель начальника РСХА оберстгруппенфюрер СС Карл Вольф уже в послевоенных своих воспоминаниях писал:

«Мы в РСХА были против создания дивизии, не веря в украинскую верность относительно сотрудничества с немцами. Для нас было очевидным, что мы обучаем своих врагов, которые рано или поздно присоединятся к УПА...»

18 апреля 1943 года в Львове на конференции представителей организаций — участников 1-й мировой войны, глав украинских окружных комитетов выступил профессор Кубийович и озвучил идею создания украинского войскового формирования. В своем выступлении он привел следующие доводы в пользу создания украинского формирования:

1. Украинцы таким образом включаются в борьбу с большевизмом.
2. Происходит выход на политическую арену украинских политиков.
3. Создается зародыш Украинской армии.
4. Лишь таким способом украинцы смогут получить армейскую школу для подготовки военных кадров.

Помимо таких масштабных задач, при сотворении украинского формирования сама Галичина получала бы некие послабления, в которых была заинтересована ее администрация.

«Проводя переговоры о создании дивизии, я имел в виду получение различных выгод, которые мы могли бы получить и про которые я часто говорил на различных собраниях. При создании дивизии автоматически сменился бы политический режим в Генерал-губернаторстве, и тем самым поддерживались бы украинские устремления. Одновременно мелкими шагами — а не путем подписания договоров — можно было бы укрепить украинские позиции, занять новые посты в администрации края, получить новые достижения на хозяйственном и политическом поприщах», — писал после войны В. Кубийович.

Параллельно с вопросом о создании украинской воинской части решался вопрос о принятии закона о частной земельной собственности в Галичине. От решения данной проблемы полностью зависело желание местного населения идти на Восточный фронт. После публикации закона планировалось развернуть кампанию агитации для вовлечения молодежи в формирование.

В Берлине Вехтер провел совещание с генералом СС Вальтером Крюгером, шефом полиции безопасности Генерал-губернаторства Фридрихом Вильгельмом Крюгером и шефом СС-Гауптштамта группенфюрером СС Готтлобом Бергером. На совещании было принято решение о начале создания в составе войск СС украинской дивизии, именуемой в дальнейшем СС добровольческая дивизия «Галичина».

На «волне» создания украинской дивизии СС Вальтер Крюгер воскресил собственный план создания полицейских полков из населения Люблинского дистрикта.

По предварительным подсчетам, в дивизии должно было служить 600 офицеров, 2000 унтер-офицеров, 50 врачей и 20 ветеринаров. Было решено привлечь в дивизию 300 бывших офицеров-украинцев, служивших ранее в армии Австро-Венгрии, 100 офицеров-украинцев из Польской армии и 100 из армии Украинской Народной Республики, из этих же источников предполагался набор унтер-офицеров. Для формирования дивизии немцы предоставили 600 своих офицеров. Униформа должна была быть стандартной, на правом рукаве — щитообразная нашивка с изображением галицкого льва и трех корон — бывшего символа, включенного в герб Австро-Венгрии во времена владычества императрицы Марии-Терезии. Рисунок с трезубцем был отвергнут, так как лев в гербе Галичины имел значение символа регионального, а не всеукраинского уровня. Была также достигнута договоренность о поставке дивизии повозок и лошадей местным населением. Предусматривалось создание военного оркестра.

К новобранцам предъявлялись следующие требования: рост — не менее 1 м 65 см, возраст — не менее 18, но не более 35 лет. Члены ОУН С. Бандеры призыву в дивизию не подлежали.

28 апреля в Львове был провозглашен акт о создании украинской дивизии войск СС, в котором подчеркивалось, что дивизия создается не для полицейских целей, а для действий на фронте. Губернатор Вехтер негласно запретил ведение всяческих разговоров о том, что дивизия является союзной немцам воинской частью; наоборот, факт существования дивизии рассматривался как свидетельство желания украинцев бороться за «Новую Европу». Было запрещено использование знамен с изображением тризуба св. Владимира, вместо него рекомендовался все тот же галицкий лев, как символ регионального, а не всеукраинского военного формирования. Секретный циркуляр О. Вехтера заставил его лавировать между украинскими устремлениями и жесткими инструкциями Берлина. Впоследствии он уведомил местные власти, что Боевая управа — независимый от немецких властей орган.

Замыслы Кубийовича обрести вместе со своей дивизией и политический капитал начали реализовываться. После провозглашения акта о создании дивизии УЦК обратился в немецкую администрацию с предложениями об амнистии для членов ОУН (Б), реприватизации различных хозяйственных объектов, получении независимого статуса вспомогательной полиции, украинской прессы и, главное, улучшении

положения украинцев, находящихся на работах в Германии. УЦК также поднял вопрос об объединении вокруг дивизии иных украинских формирований.

Боевая управа И Духовная опека

Для формирования дивизии была создана украинская Боевая управа (в ряде источников именуется Военной управой или Войсковой управой) — общественно-политическая организация, ставившая своей целью опеку дивизии и оказание помощи родственникам военнослужащих. В состав БУ вошли в основном бывшие офицеры Австро-Венгерской и Украинской армий и представители Украинского Центрального комитета — единственной гражданско-административной и общественно-политической структуры, которую признавали немцы. Окончательно Войсковая управа оформилась 15 апреля 1943 года. Из всех бывших украинских офицеров, которым было предложено войти в ее состав, отказался лишь полковник доктор Роман Дашкевич. Офицер предостерег земляков от поспешных шагов и упомянул о возможной победе антигитлеровского альянса.

Во главе Войсковой управы стал украинофильствующий немец Альфред Бизанц. Бизанца на пост соглядатая за деятельностью БУ «протолкнул» О. Вехтер. Такое назначение вызвало недовольство многих членов управы, ибо они знали его привычку «прогибаться» перед немцами.

В состав БУ вошли следующие сотрудники:

- сотник Осип Навроцкий — начальник канцелярии, сотник.
- инженер Михайло Хроновят — начальник отдела кадров.
- доктор Любомир Макарушка — начальник отдела офицерских кадров и связи с дивизией.
- инженер Юрий Крохмалюк — глава историко-архивного отдела.
- инженер Андрий Палий — начальник отдела по оказанию помощи родным добровольцев.
- отец Василь Лаба — отдел душепастырства.
- Степан Волынец — референт отдела пропаганды.
- доктор Владимир Билозор — руководитель отдела здравоохранения.
- профессор Зенон Зелений — начальник отдела по работе с молодежью.
- доктор Иван Рудницкий — глава правового отдела.
- инженер Евген Пиндус — заместитель начальника канцелярии.
- Михайло Кушнир — начальник отдела пропаганды.

Упомянутые выше Навроцкий, Билозор, Хроновят, Пиндус и Волынец в годы Первой мировой войны служили в Легионе УСС, другие — в УГА. Пиндус, Зелений и Крохмалюк служили в польских Вооруженных силах и

окончили офицерские школы, а Волынец окончил Школу червонных старшин в Киеве.

Состав БУ был представлен Вехтером немецкому руководству. В присутствии высоких чинов СС, СД и НСДАП Вехтер проинструктировал «управителей» о том, что свои обязанности они могут выполнять исключительно с его, Вехтера, ведома. Немецкие документы утверждают, что поручение на организацию управы было выдано полковнику Бизанцу.

Почетным главой управы был избран бывший генерал Австро-Венгерской и Галицкой армий Виктор Курманович. Ответственным за учет и подготовку украинских офицерских кадров для дивизии стал политик и публицист, затем штурмбаннфюрер СС Дмитро Палиев, впоследствии погибший под Бродами. В годы Первой мировой войны Палиев служил в Легионе УСС, затем в УГА, был проводником идеи создания регулярных украинских воинских частей и противником партизанщины. В предвоенные годы возглавлял про-нацистскую партию — Фронт национального единства, в который, помимо него, входили также и будущие члены управы Палий, Хроновят, Крохмалюк, Кушнир и Волынец. Палиев отказался войти в состав управы и добился своего перевода в дивизию. Бывший усусус имел большое влияние на главу УЦК Владимира Кубийовича и немало сделал для «наведения мостов» между украинскими военными дивизии и немецким персоналом. Не его вина в том, что все его устремления хоронились Фрицем Фрайтагом.

Особое значение придавалось установлению взаимодействия с Украинским Центральным комитетом под руководством В. Кубийовича. В своих послевоенных воспоминаниях Кубийович и его заместитель Кость Панкивский сообщили, что до 28 апреля 1943 года вели переговоры с Вехтером и даже представили ему список условий, при выполнении которых немцами украинцы смогли бы оказать им полное содействие в формировании дивизии:

1. Дивизия должна иметь ярко выраженный национальный характер: национальную символику (включая тризуб) и свое командование. Немецкие офицеры должны оказывать содействие офицерам украинским и служить связным звеном с немецким руководством. Не более, но и не менее.

2. Дивизия должна принадлежать вермахту, а не СС — войскам, скомпрометировавшим свою репутацию в глазах мирного населения.

3. Дивизия должна быть моторизованной, иметь полный комплект современного оружия, включая танки.

4. Немцы должны гарантировать использование дивизии целиком и на

Восточном фронте.

5. Немцы обязаны освободить политических заключенных и бывших офицеров ДУНов «Роланд» и «Нахтигаль», которые отказались продолжать службу в Германской армии.

6. Бежавшие с принудительных работ в Германии получают гарантию амнистии.

Через несколько дней требования были забыты, и впоследствии о них вспомнили лишь в конце 1944 года.

Все украинские устремления находились под жестким контролем немцев. Так и деятельность управы контролировалась Бизанцем. Заседания ее неофициально делились на «официальные» (с присутствием немцев) и «неофициальные» (без немцев). Протоколы заседаний вел М. Островерха, а помимо официальных протоколов — свою «Хронику работы управы». Увидев записи в этой «Хронике», Бизанц сказал хроникеру: *«Бог ты мой, если тебя с этим дневником отловит гестапо, расстреляют сразу же!»*

В мае 1943 года профессор В. Кубийович обратился с воззванием к галичанам:

«Украинские граждане!

Пришло долгожданное время, когда украинский народ вновь получит в свои руки оружие, чтобы вступить в борьбу против грозного врага — большевизма. Вождь Великогерманского рейха дал свое согласие на создание отдельной украинской добровольческой формации под названием СС-стрелковой дивизии «Галичина».

Мы должны использовать эту возможность взять в руки оружие, ибо это является делом национальной чести и в нашем национальном интересе.

Участники освободительной борьбы, офицеры и солдаты УГА!

22 года назад вы с глубоким сожалением прощались со своим оружием, когда бороться уже не было силы. Кровь ваших товарищей по оружию, что погибли на Поле Славы, зовет вас завершить начатое дело, исполнить великий обет, данный в 1918 году. Вы можете плечом к плечу с непобедимой немецкой армией уничтожить большевистскую свору, что ненасытно упивается кровью нашего народа и невиданно дикими способами доводит его до полного уничтожения. Вы сможете отомстить за невинную кровь миллионов ваших братьев, замученных в казематах НКВД,

на Соловках, в Сибири, в Казахстане, за миллионы братьев, умерших от голода в насильственно организованных большевиками колхозах.

Вы, что прошли тернистым, но геройским путем УГА, прекрасно понимаете, что такое неравная борьба. Вы представляете, что против такого врага, как красная Москва, можно идти лишь при поддержке, с полным оснащением и вооружением, другими словами; лишь плечом к плечу с той армией, что в силах разбить красную свору. Недавние антибольшевистские планы европейских держав 1918–1920 гг. только подтверждают то, что в Европе есть только одна держава, которая может победить СССР, — Германия. Целых 22 года со святым терпением ждали мы святой войны против диких красных орд, что угрожали Европе.

Нечего говорить, что в этом всемирном сражении решается судьба украинского народа. Поэтому нам следует ясно понять всю важность настоящего момента и принять участие в вооруженной борьбе. Теперь эта борьба не является неравной и безнадежной. Теперь против нашего вечного врага встала самая лучшая вооруженная сила мира — теперь или никогда!»

Военная управа развернула по Галичине сеть своих вербовочных пунктов. По дистрикту были разбросаны 17 окружных и 33 районных пункта БУ. В Варшаве представительство ВУ возглавил бывший полковник Армии УНР Михайло Поготовка. В 1944 году была организована женская секция управы.

Другой кампанией, проводившейся БУ и УЦК, стал сбор средств на формирование дивизии. Всего было собрано примерно 2 миллиона злотых.

Пропаганда, способствовавшая притоку добровольцев, утверждала, что дивизия является продолжательницей «славных традиций Украинских сечевых стрельцов». Селянам говорилось, что сокращение «СС» в названии дивизии расшифровывается как «сечевые стрельцы». С приближением фронта на управу была возложена эвакуация семей военнослужащих.

Войсковой управой также выпускалась малоформатная газета-еженедельник «До перемоги», редактировал которую Михайло Острове́рха. Тираж газеты был примерно 8 тысяч экземпляров. Впоследствии пропагандистский отдел штаба дивизии издавал свою газету.

С июля 1943 года по март 1944 года 13 военных корреспондентов дивизии СС «Галичина» прошли курс обучения при центральном пункте

отдела военных корреспондентов ваффен СС, затем были распределены по частям.

Со своей стороны активную агитационную работу развернуло пресс-бюро УЦК, подчиненное отделу культуры во главе с Михаилом Кушником. Пресс-бюро имело в своем штате кадры писателей и журналистов, писавших статьи и репортажи. Материалы из пресс-бюро шли далее в различные газеты Галичины и Польши. Каждый материал проверялся цензурой. Свобода слова отсутствовала.

Документы СС-Гауптамта свидетельствуют, что на 21 июня 1943 года комиссию прошли 26 436 человек. Из них лишь 3281 человек был признан физически пригодным для войск СС, 10 281 — пригодными к службе в армии, 12 874 были признаны негодными к службе, из которых в свою очередь были забракованы 7139 человек из-за малого роста (менее 165 см).

Немецкий руководитель призыва гауптштурмфюрер СС К. Шульце сообщал в Берлин следующие окончательные итоги кампании:

1. Всего записались добровольно — 80 тысяч человек.
2. Были признаны подлежащими призыву — 53 тысячи.
3. Включены в списки призывников — 42 тысячи.
4. Призваны — 27 тысяч.
5. Ходатайствовали об освобождении от службы — 1400.
6. Получили призывную повестку — 25 600 человек.
7. Призваны на службу — 19 047.
8. Фактическая численность новобранцев — 13 245.
9. Освобождены из лагерей подготовки вследствие болезней — 1487.
10. Пребывают в учебных лагерях — 11 578.

Кроме указанных категорий лиц, охваченных призывной лихорадкой, немцами были выделены людские излишки, образовавшиеся в результате работы комиссий, и направлены на формирование 5 полицейских полков и 1 резервного батальона «Хайденхейм».

Отбор новобранцев проводился специальными комиссиями под председательством немецкого окружного руководителя либо районного комиссара. В состав комиссии входили также офицер местной полиции, представитель БУ, священник, учителя, чиновники и общественные деятели. В соответствии с установками руководства в дивизию брали исключительно украинцев.

Набор шел значительно легче, чем предполагалось. Успех вербовочной кампании для нужд дивизии объяснялся тем, что многие молодые люди стремились таким образом избежать мобилизации в строительные батальоны «Баудинста» («Baudienst» — «строительная служба»),

занимавшиеся строительством укреплений и дорог. Позднее управой были проведены успешные переговоры с оберштурмфюрером СС Шмукерлагом о включении в состав дивизии 10 тысяч подростков, дислоцированных в районе Дрогобыча. Тех, кто бежал из Германии с работы, в дивизию принимали и амнистировали. Другими «добровольцами» были хлопцы 16–18 лет, которым грозила служба в «Украинской службе Родине» (аналог немецкой «Deutsche Heimat-dienst»). Тех, кто ко времени создания дивизии уже служил в этих «стройбатах», в дивизию не отпускали до завершения полугодового срока службы. При этом молодежи обещали по прошествии 6 месяцев зачисление в школы унтер-офицеров и после их окончания — в дивизию.

Впоследствии управа оказывала содействие немецким военным властям в организации набора юных «добровольцев» ПВО и люфтваффе. Воззвание к ним и объявления о наборе подписывал полковник Бизанц. После прохождения службы «юнаки» должны были пополнить ряды украинской дивизии. На 31 марта 1945 года в картотеке учета управы были зарегистрированы 6547 юношей и 1121 девушка.

Функционеры БУ в процессе работы натолкнулись на проблему обеспечения дивизии медицинскими кадрами. Управа наладила связь с Украинским союзом докторов. На призыв этого союза от 4 июля 1943 года откликнулся 161 доктор. Большинство из них были люди «в летах» и непригодные для службы. Из этого числа более или менее подходили 32 человека, однако на воинскую службу они не спешили. Вскоре руководитель отдела здравоохранения БУ Билозор сообщил своему руководству, что из них «никто не хочет идти в дивизию».

Кроме врачей, к 19 ноября 1943 года добровольцами записались 9 ветеринаров, 2 стоматолога, 8 зубных техников и 2 аптекаря. Отношение немцев к этому персоналу вызвало в дальнейшем полный отказ медиков вступать в дивизию. Аптекари, стоматологи, не имевшие войсковой подготовки, были направлены на прохождение полного курса рекрутского обучения. Лишь после нажима со стороны управы докторам присвоили офицерские звания.

После изменения обстановки на фронте, особенно после Сталинграда и Курска, отношение населения к дивизии изменилось. Энтузиазм исчез. Требовалось искать новые подходы к населению для пополнения быстро рedeющих шеренг дивизии. Члены ВУ начали выступать с предложениями о начале мобилизации молодежи. Другой причиной, заставившей говорить о мобилизации, была работа ОУН-УПА, призывавших галичан идти не в дивизию, а к ним — в «зеленый гай» (лес).

На волне набора добровольцев в дивизию немецкие военные власти начали проводить насильственную мобилизацию молодежи. 13 июня 1944 года М. Хроновят уведомил управу о бесчинствах немцев в разных районах Галичины. В районе Брежан молодежь хватали и направляли на службу в 9-ю и 10-ю дивизии войск СС. Уполномоченный БУ по Зборовскому району Г. Лучанко привел пример того, как при выезде из села Хоростец во Францию немцы забрали с собой 40 человек. В Винниках близ Львова немецкие власти без уведомления БУ зарегистрировали всех мужчин с 1900 по 1930 год рождения. В ряде случаев немецкие комиссии мобилизовали людей в Организацию Тодта, молодежь забирали в ряды «воспитанников СС» и готовили к службе в ПВО.

При создании БУ планировалось, что этот орган будет осуществлять функции связного между украинскими войсковыми частями и украинским населением, однако на практике немцы превратили БУ в орган материальной помощи военнослужащим дивизии и их родственникам. Управа не имела много прав, зато обязанностей было «багато». Немецкое руководство к рекомендациям БУ не прислушивалось, но не потому, что плохо относилось к ее сотрудникам, а потому, что для них работа БУ не имела никакого решающего значения.

С приближением фронта управа начала эвакуацию семей своих сотрудников и добровольцев, служивших в дивизии. Вместе с УЦК управа была эвакуирована в местечко Криница, затем в Краков и далее в Любен. Покинув родину, управа и УЦК продолжали свою деятельность, опираясь на три города — Берлин, Вену и Любен. Через них шли заявления от добровольцев о приеме в дивизию, распоряжение квартирным фондом и рабочими местами для родственников добровольцев. Существенной помощью нуждающимся со стороны УЦК и управы была выдача единовременных пособий и рекомендаций.

Не обошлось и без потерь. Так, уже после освобождения Украины советскими войсками разведслужбой УПА было установлено, что военная контрразведка захватила картотеку управы, содержащую информацию о сотнях добровольцев и их семьях.

Параллельно работе управы, такую же деятельность по вербовке добровольцев проводил и штаб дивизии. Вербовочные комиссии, состоящие, как правило, из нескольких офицеров и унтеров, посещали лагеря военнопленных и вели вербовочную работу. Вербовка велась и в рядах восточных рабочих (украинцев), работающих на немецком производстве. Среди этой категории потенциальных добровольцев большинство были выходцами из восточных районов Украины.

Сотрудники управы и ее руководство всегда с тревогой относились к положению дивизии и отношениям между украинским составом и немецким. Со своей стороны немецкие спецслужбы держали руку на пульсе украинских устремлений и надежд. Изучение документов РСХА той поры однозначно указывает, что в управе, УЦК и дивизии действовала контрразведывательная сеть, информировавшая немецкое руководство о каждом высказывании того или иного украинского коллаборациониста.

Нижеприводимый документ РСХА сообщает об обстановке, сложившейся в УЦК и дивизии в январе 1945 года, когда обстановка на фронте однозначно указывала на скорое крушение Третьего рейха:

«Для Главного управления Имперской безопасности — IVN — лично в руки группенфюреру СС Мюллеру. Берлин.

Относительно стрелковой дивизии СС «Галичина» — теперь 1-й Украинской дивизии.

Доверенные лица из стрелковой дивизии СС «Галичина» сообщают следующее:

В дни празднования украинского Рождества полковник Бизанц и руководитель Украинского Центрального комитета д-р Кубийович прибыли в Пряшев и Зилляйн как гости 1-й Украинской дивизии, где вели разговоры с офицерами, унтер-офицерами и солдатами. Полковник Бизанц в своей речи ясно указал, что причины до сих пор не решенных украинских проблем следует искать в немецкой катастрофе на Востоке. При этом осталось невыясненным, то ли он намекал на неудачу немецкого правления в период оккупации восточных территорий, то ли на боевые действия на Востоке — из его речи это не было понятно. Однако он высказал мнение о неудачном немецком правлении в Галичине. Д-р Кубийович высказал свое мнение, что в решении украинского вопроса скоро наступят долгожданные перемены.

Среди боевого состава дивизии выказывается недовольство вооружением. Недовольны тем, что выданы лишь винтовки, пулеметы и автоматы, что во время широкомасштабных боевых действий, в которых участвовали отдельные части дивизии, является явно недостаточным. Не хватает в первую очередь противотанкового вооружения, такого как «Панцерфауст», «Панцершрек» и пр.

Воинство жалуется на дефицит культурного обслуживания,

материалов для чтения, газет и книжек. С немецкой стороны не делается ничего, чтобы с помощью пропаганды бороться с сильной вражеской работой, ведущейся против дивизии. Разведка противника теперь очень широко распространяет среди личного состава дивизии информацию о том, что дивизию вскоре подчинят генералу Власову. Этим и объясняется стремление добровольцев дезертировать или перейти в УПА.

Про недостаток культурной и пропагандистской работы в дивизии я уже упоминал в своем предыдущем донесении. Также ранее мной обращалось внимание на то, что украинские военнослужащие дивизии хотят не только проходить войсковую подготовку, но и научиться управлению и деловодству в своих войсковых подразделениях. Мои доверенные лица теперь доносят, что в отношении-занятости всех канцелярских должностей немецкими фюрерами и унтер-фюрерами ситуация в лучшую для украинцев сторону все еще не изменилась. Как наиболее характерный пример хочу сообщить, что в украинском подразделении в Чадцах на выдачу угля поставлен немецкий унтер-офицер в звании шарфюрера.

В дивизии постоянно обсуждается вопрос о том, что украинские командиры со стороны немецких офицеров и унтер-офицеров не пользуются авторитетом и уважением. Вследствие этого у украинских офицеров складывается впечатление своей неполноценности. Что касается украинских командиров, прошедших полную офицерскую подготовку в Германии, то у них знания и подготовка находятся на должном уровне.

Что касается личности руководителя УЦК д-ра Кубийовича, то надежный украинский источник сообщает, что и до сей поры эта личность немецкой стороной не изучена. Это тип хваткого приспособленца, который на каждой проблеме наживает себе капитал. Кроме того, в украинских кругах он подозревается в том, что уже успел обеспечить себя на случай любого варианта окончания войны. Следует исключить возможность установления им контактов с Советами, т. к. он, как и каждый украинец, является очевидным противником большевиков. В то же время относительно него есть подозрения, что он сумел установить контакты с американцами и англичанами и в случае поражения Германии снова займет значительное место в украинской колонии.

Дивизия по приказу рейхсфюрера СС в ближайшие дни будет передислоцирована в XVII войсковой округ.
IV служба III проинформирована особо.

Оберштурмбаннфюрер СС доктор Витиска».

После войны все члены управы осели на Западе. Полковник Альфред Бизани был арестован в советском оккупационном секторе Австрии, куда выехал на поиски своих родных. Там же был арестован и Виктор Курманович, не захотевший бежать от большевиков.

В 1947 году на последнем заседании БУ под председательством П. Шандрука было принято решение о ликвидации управы.

Другим военно-политическим институтом, созданным для нужд дивизии, стал корпус дивизионных капелланов-душепастырей, состоявший из священников-униатов.

Политическое разрешение на создание этого корпуса было принято самим рейхсфюрером СС в порядке исключения именно для формирующейся 14-й дивизии СС. Другим инонациональным формированиям СС (за исключением мусульманских формирований) своих священнослужителей иметь не полагалось.

В июле 1943 года по инициативе Готглоба Бергера должна была состояться встреча митрополита Андрея Шептицкого с высшими «иерархами» СС по вопросу религиозного обеспечения дивизии. Бергер желал пояснить митрополиту, что присутствие священников в рядах дивизии является нежелательным и терпеть их руководство СС собирается лишь до тех пор, пока душепастыри будут настраивать военнослужащих на сотрудничество с немцами. В случае обострения обстановки вся вина будет возложена на митрополита. Встреча с Шептицким не состоялась, т. к. он выслал на переговоры отца Василия Лабу. В ходе беседы с ним Бергер указал ему на обеспокоенность немецкого руководства религиозным вопросом. Отец В. Лаба пообещал от имени всех священнослужителей приложить все силы для обеспечения боеспособности дивизии.

Еще до этой встречи в Берлине обергруппенфюрер СС Бергер был заочно знаком с отцом Василием. Произошло это «знакомство» при следующих обстоятельствах. В день провозглашения акта о создании дивизии о. В. Лаба отслужил службу в соборе святого Юра в Львове. Все богослужение и речь священника негласно были записаны на магнитофон. Запись была размножена, переведена на немецкий язык и передана в высшие инстанции, включая СС. Г. Бергер, ознакомившись с немецким

переводом богослужения, узрел в некоторых его фрагментах крамолу, но понял, что ситуация находится под контролем.

Несмотря на суровость командира дивизии и его принципиально строгое отношение к проявлению любых национальных устремлений, в религиозном вопросе Фрайтаг проявил недюжинную гибкость. Он установил дружеские отношения с А. Шептицким, а последний со своей стороны дорожил дружбой с этим фюрером СС. Добрые отношения способствовали и нормальной деятельности душепастырей. Шептицкий благословил на пост религиозного «командира» дивизии о. В. Лабу, служившего во время 1-й мировой в Австро-Венгерской армии, а в 1919 году — священником в УГА. По свидетельству современников, по своему уровню развития (в т. ч. и в вопросах военных) о. В. Лаба превосходил всех немецких офицеров.

Отец Василий Лаба установил духовную опеку над формированием и подобрал для дивизии священников. Каждый полк и батальон дивизии имели своих душепастырей, деятельность которых впоследствии курировал главный священник дивизии отец Михайло Левенец, носивший в петлицах «кубики» гауптштурмфюрера СС.

О священниках дивизии стоит рассказать подробнее. Все эти люди были преисполнены радостью служения в «своей украинской дивизии» и старались всегда и во всем помогать военнослужащим. Многие из духовных отцов были в прошлом военнослужащими Австро-Венгерской, Украинской (петлюровской) или Польской армий. Некоторые из них прошли через преследования польских властей, отбыли срок в польских и советских тюрьмах и концлагерях. Так, отец И. Нагаевский был осужден польским судом, затем в 1941 году арестован гестапо, но до обвинения дело не дошло, и он был выпущен на свободу.

Судя по воспоминаниям бывших военнослужащих и самих душепастырей, можно сделать вывод о малом различии в положении священников дивизии и ее офицеров. Те и другие носили униформу и офицерские знаки различия. Особенный интерес вызывает подготовка, которую будущие священники дивизии прошли в немецких «учебках» летом 1943 года. В учебно-тренировочном лагере Сеннхайм в Эльзасе будущие украинские душепастыри были собраны в «особое подразделение». В комнатах разместилось по два кандидата. Каждому были выданы комплекты парадного и учебного обмундирования и все стандартное снаряжение пехотинца вермахта, включая винтовки и штыки. В программу подготовки входили строевая подготовка, бег по пересеченной местности, гимнастика. Теоретические занятия включали в

себя чтение карт, организацию всех родов войск, воинских единиц, основы стратегии, ознакомление с армией противника. На последнее делался особенный упор, и будущим душепастырям подробно рассказывали о структуре Красной армии, ее составе и стандартных методах ведения боевых действий.

В первой половине октября 1943 года священники вернулись на Украину. Из рядов этого духовного воинства были исключены три священника, т. к. была выявлена их полная непригодность, обусловленная солидным возрастом и болезнями. Один из них, отец Северин Сапрун, позднее стал духовником украинских частей ПВО.

Три священника — Д. Ковалюк, И. Голойда и О. Карпинский — были направлены в учебно-тренировочные лагеря во Франции, где проходили курс обучения будущие военнослужащие дивизии. Отец В. Дурбак стал духовником боевой группы Байерсдорфа. О. Кладочный и М. Левенец прибыли в Нойхаммер, где заняли свои посты в 30-м и 29-м полках соответственно. Е. Кордуба был духовником 14-го артиллерийского полка дивизии.

И. Нагаевский стал заместителем душепастыря дивизии о. митрата Василия Лабы, который жил в Львове и в Нойхаммере бывал редко.

Первоначально все священники после обучения получили звания унтерштурмфюреров СС, отец В. Лаба получил чин штурмбаннфюрера СС, о. И. Нагаевский — оберштурмфюрера СС.

Помимо деятельности, именуемой в наши дни «работой военного психолога», священники дивизии постоянно вели пастырскую работу. Для личного состава дивизии проводились религиозные мероприятия. При этом все церковные праздники, установленные греко-католическим церковным календарем, отмечались регулярно. Католические праздники, «отстающие» по календарю на два дня, решено было не отмечать.

С особой любовью встречали Рождество. При этом солдаты и младшие чины праздновали его по-своему. Заранее создавался запас алкоголя, а также патронов. С патронами были трудности. На стрельбищах каждому солдату выдавали определенное количество патронов, гильзы от которых после стрельб он должен был сдать своему унтеру. Каждый патрон отслеживался, и не дай бог, если у кого-нибудь была нехватка! Тем не менее к Рождеству запас патронов был создан. Ночью под Рождество весь лагерь взрывался от стрельбы из всех видов пехотного оружия и разрывов гранат. В первый раз немецкий состав решил, что на лагерь напали или начался мятеж. Украинские офицеры объяснили своим немецким коллегам, что на Украине принято шумно и весело встречать Рождество.

Особенно тяжелой была религиозная опека солдат дивизии, приговоренных дивизионным трибуналом к смертной казни. С каждым из таких осужденных священник проводил последние часы его жизни и поддерживал добрым словом и молитвой. В ряде случаев благодаря заступничеству душепастырей перед командиром удалось смягчить наказание провинившимся. В Словакии о. И. Нагаевский благодаря дружеским отношениям с местным населением сумел спасти двух солдат от расстрела за кражу курицы у крестьян.

В дивизии имелся и свой хор под руководством Б. Осташевского. Дирижерами хора были А. Крушельницкий, затем гауптштурмфюрер СС И. Тиссен. В его составе были не только украинцы, но и немцы. Хор выступал на различных торжествах в присутствии высокопоставленных гостей.

Офицеры и солдаты

Приказом о формировании дивизии от 30 июля 1943 года ответственным за акцию был назначен бригадефюрер и генерал-майор войск СС Вальтер Шиманна. За время своего короткого командования формирующейся дивизией Шиманна успел прославиться как ненавистник украинцев, настраивавший против них и немецкий состав. В начале октября 1943 года руководство СС перевело Шиманна в Грецию. 22 октября рейхсфюрер СС уведомил его, что с 9 ноября 1943 года ему надлежит принять под командование подразделения СС и полиции в Греции.

В конце 1943 года в формирующуюся дивизию прибыл новый командир — оберфюрер СС Фриц Фрайтаг ^[32] — суровый и честолюбивый военный бюрократ. По свидетельству современников-немцев, Фрайтаг являлся офицером шуцполиции и до назначения на пост командира дивизии командовал полком в 4-й полицейской панцергренадерской дивизии.

Основной чертой характера Фрайтага было его болезненное честолюбие, которое в моменты гнева принимало уродливые формы жестокости. Фрайтаг мечтал пробиться на самый верх карьерной лестницы и требовал от окружающих признания его заслуг. Начальник штаба дивизии отзывался о Фрайтаге как о «теоретике, который хотел командовать боевой единицей, сидя за канцелярским столом».

Отец И. Нагаевский так описывает комдива:

«Командир был выше среднего роста с массивным телом и большой головой, которая мощно восседала на такой же шее. Сразу я подумал, что он саксонец. Его темные волосы с залысинами были гладко причесаны назад. В его зеленоватых глазах можно было увидеть искры энергии, а еще больше — жестокости. Его речь была резкой и жесткой, и он не напоминал мне аристократичных офицеров вермахта, которых я уже имел возможность наблюдать в 1941 году».

Внутренняя жизнь дивизии его не интересовала, но для решения множества проблем у Фрайтага был один рецепт — наказание виновных.

В позитиве у Фрайтага были разумность и последовательность. Он владел знаниями военной тактики и умел применить их на практике. Все

приказы и распоряжения он отдавал с полным спокойствием, ибо, по его разумению, все, что выучил и (или) считал правильным, он безоглядно проводил в жизнь. Все, что, по его мнению, шло во благо украинской дивизии, он проводил в жизнь энергично и последовательно, но без чуткости и гибкости, тупо повторяя заученное. За малейший проступок Фрайтаг отдавал людей под полевой суд. Если какой-либо проступок совершал немец, Фрайтаг прикладывал максимум усилий, чтобы его кара была гораздо более суровой, нежели у украинца.

О сотрудничестве с офицерским корпусом Фрайтаг не мог даже и подумать, ибо, по его мнению, офицерский состав дивизии оставлял желать лучшего. Недоверие распространялось и на его ближайших сотрудников. Как человека — писал начальник штаба дивизии В. Д. Гайке — ген. Фрайтага не воспринимало ни украинское, ни немецкое воинство нашей дивизии. Отношение Фрайтага к украинцам в дивизии характеризует наложенный им запрет на появление командира «комбинированного» полка Е. Побигущего в офицерском казино. Фрайтаг мотивировал свой запрет тем, что украинцу нельзя слушать внеслужебные разговоры немецких офицеров.

Приняв украинскую дивизию, Фрайтаг считал это формирование не только боевой единицей, но и трамплином для своей карьеры. Для этого в дивизии все должно быть образцовым — и санитарный отдел (по его прихоти врачи менялись как перчатки), и питание, и автопарк.

На национальный характер формирования комдиву было наплевать, поэтому его отношение к проявлению национальных устремлений можно было бы в лучшем случае считать прохладным. Как человека его не уважали не только украинцы, но и немцы.

Не исключено, что тяжелый характер и нервное поведение Фрайтага объяснялось заболеванием его сердца. Как свидетельствует его начальник штаба, однажды между ними состоялся серьезный разговор, в котором подчиненный сообщил комдиву, что считает его действия неправильными. После этого Фрайтаг слег на три дня и хворал. К чести Фрайтага следует отнести, что этот серьезный и нелюбезный разговор не стал причиной ссоры и мести с его стороны.

Несмотря на негативные стороны командира дивизии, само соединение было сформировано быстро и в срок благодаря именно его, Фрайтага, попечению. Дальнейшее поведение комдива, в т. ч. его неоднократное уклонение от выполнения своих обязанностей, следует искать в трагической обстановке тех дней и отсутствии надлежащего боевого опыта.

Вышеупомянутым начальником штаба дивизии был назначен майор вермахта Вольф Дитрих Гайке [33]. По свидетельству сотен очевидцев из числа украинских военнослужащих, этот офицер был полной противоположностью своего шефа. В дивизию Гайке пришел из артиллерии в январе 1943 года после окончания Академии Генерального штаба и службы в штабе Сухопутных войск. Шеф штаба дивизии знал историю Украины, литературу, был осведомлен о положении украинцев во время немецкой оккупации.

Штаб дивизии состоял из отделов:

- 1a — тактический (майор В. Д. Гайке);
- 1b — боевого снабжения (гауптштурмфюрер СС Шааф);
- 1c — разведка (гауптштурмфюреры СС Винц, Гирман, Феркуняк);
- 2a и 2b — кадровый (гауптштурмфюреры СС Финдер и Палиев);
- 3 — полевой трибунал (штурмбаннфюрер СС Циглер);
- 4a — обеспечения (штурмбаннфюрер СС Зульцбах);
- 4b — санитарное обеспечение (оберштурмбаннфюрер СС доктор Шпехт);
- 4c — зубоврачебный (Майер);
- 4d — ветслужба (оберштурмбаннфюрер СС доктор Копп);
- 5 — автоколонна и мехчасть (штурмбаннфюрер СС Берндт);
- 6 — пропаганда и идеологическая работа (штурмбаннфюрер СС Цогляуер, гауптштурмфюрер СС Угрин-Безгришный).

Судьбу украинского формирования войск СС отражает и та чехарда наименований, которые дивизия меняла несколько раз. Во время набора добровольцев, проводимого БУ, дивизия именовалась «СС стрелковая дивизия «Галичина» или «Галицийская дивизия» (SS Schützen Division «Galizien»). С августа 1943 года, когда началась организация соединения, дивизия именовалась «СС добровольческой дивизией «Галичина» (SS Freiwilligen Division «Galizien») — это название продержалось до 27 июля 1944 года.

В августе 1944 года, после поражения под Бродами и переформирования, прежнее наименование было изменено на «14-ю гренадерскую дивизию войск СС (Галицийскую № 1) — 14. Waffen Grenadier Division der SS (Galizische № 1). К зиме 1944 года, когда реорганизация близилась к завершению, дивизию стали именовать 14-й гренадерской дивизией войск СС (Украинской № 1). Слово «украинский» («Ukrainische») стало дополнять также и наименования полков и батальонов дивизии.

Весной 1945 года, когда было объявлено о создании Украинской

национальной Армии, дивизия была переименована в «1-ю Украинскую дивизию Украинской национальной Армии» (1-я УД УНА).

В период формирования всеми тремя полками дивизии командовали украинские офицеры:

1-м полком — штурмбаннфюрер СС Евгений Побигущий, бывший офицер Польской армии, командир ДУНа «Роланд» и 201-го украинского шума-батальона. Впоследствии полк получил № 29 и нового командира — оберштурмбаннфюрера СС Деерна.

2-й полк (затем переименован в 30-й) возглавил штурмбаннфюрер СС Борис Барвинский, впоследствии — оберштурмбаннфюрер СС Форстройтер.

3-м командовал гауптштурмфюрер СС Степан Котиль, затем, когда полк получил № 31, его возглавил штандартенфюрер СС Панир.

Командиром артиллерийского полка был назначен штандартенфюрер СС Байерсдорф. Гауптштурмфюрер СС Карл Бриштот стал командовать стрелковым батальоном. Остальные командные должности заняли штурмбаннфюреры СС Рембергер (фузилерный ^[34]батальон), Кюстер (зенитный дивизион), Кляйнов (резервный батальон).

Украинским офицерам достались всего три командирских поста:

- командир 3-го батальона 29-го полка — Михаил Бригидер,
- командир 1-го батальона 29-го полка — штурмбаннфюрер СС Евген Побигущий,
- командир дивизиона тяжелой артиллерии — Николай Палиенко.

Особое место среди офицеров дивизии занимал гауптштурмфюрер СС Дмитро Палиев. Он выполнял обязанности офицера связи с «великим тактом, терпением и мастерством». Учитывая непростой характер Фрайтага Палиеву можно было бы посочувствовать.

Большинство украинских офицеров служило ранее в Австро-Венгерской армии, УГА, некоторые — в Русской Императорской армии, затем в Армии УНР. Лишь некоторые из них имели современную войсковую подготовку, полученную на службе в Польской либо Советской армиях, но таких было меньшинство. Бывшие офицеры Советской и Польской армий были молоды, энергичны, представляли себе, что значит современный бой. Большинство «стариков» из бывших «австро-венгров», «петлюровцев» из-за своего возраста и ранений полноценную службу нести не могли, но рассчитывали найти в дивизии хорошее местечко.

Взаимоотношения между украинскими офицерами и их немецкими сослуживцами оставляли желать лучшего. Украинцы были низведены в дивизии до уровня людей «2-го класса». Особенно обострились отношения,

когда произошла смена командиров полков. О появлении некоего немецкого полковника в расположении своего 29-го полка Е. Побигущий узнал от прибежавших из расположения украинских офицеров. Прибыв на место, Побигущий увидел, что немец-штандартенфюрер ходит и знакомится с расположением полка. Позднее штандартенфюрер СС Деерн уведомил украинского офицера, что в соответствии с приказом командира дивизии он командует полком. Об уведомлении прежнего комполка о его смене новым офицером не было даже речи. В Югославии во время боя партизанами было уничтожено отделение солдат дивизии. Унтер-штурмфюрер СС Трач в боевой обстановке попытался доложить командиру 30-го полка Форстройтеру о ситуации, однако комполка даже не стал слушать подчиненного и умчался от него в автомобиле. Все присутствовавшие при этом остолбенели. Командир полка не принял рапорт только потому, что испугался боевой обстановки. Среди немцев были и те, которых украинцы полюбили. Таковым был штандартенфюрер СС Карл Вильднер.

Некоторые из немецких офицеров рассматривали дивизию не только как родной дом, но и как возможность здесь заработать. Бывший дивизионник Павло Грицак, переживший трагедию под Бродами и советский плен, не жалея сочных красок, рисовал образы немецких офицеров:

«...наш дивизионный шеф канцелярии Валь сказал: «... будете на фронте, то перед вами будут советские пулеметы, а за вами — наши». Этот Валь — тот еще был типчик. Активный эсэсманин с 1939 года, чрезвычайно хитрый человек, классный организатор, на гражданке — бюрократ из торговли, что не мешало ему выдавать себя за студента-медика, участник «Остфронта». Был он страшным мегаломаном, разжалованным за жестокость (хотя говорил, что его исключили из офицерской школы за «вольномыслие»), креатурой Кюстера, который забрал его к себе, зная его организаторские способности. Он действительно поставил штабную работу на высоту. За это Кюстер сделал его, невзирая на разжалование и сопротивление штаба дивизии, унтершарфюрером.

Близ этого человека стояли другие «господа». Это офицеры снабжения Маних и Янсен. Эти люди смотрели на дивизию как на источник своих доходов и свои теории систематично претворяли в практику. Они вечно ссорились с Валем при дележке добытого, а сколько они украли наших продуктов, этого

никто не знает. Особняком стоял симпатичный «фейерверкер» Францишек Прохазка, чех из Брно, которого тяжкая доля загнала в Галицкую дивизию. Он был врагом эсэсманов. От немцев терпел издевки.

Все они, эти Шефферы, Визе, Энгели, Пичонки и как они там звались, — рвань. Для этого «союза» варили специальные обеды. Продукты для него брали только за счет солдат, а украинские унтера, что целый день изводили себя на тяжелой службе, ели кипяченую воду с капустой. В процессе комплектования кадров прислали нам еще двух немецких уштуфов — Блома и Фридрихса. Первый — классический тип надменного немца, приятель Эмхена, которого превосходил по интеллигентности и ростом почти вдвое, славился тем, что ценил войсковое умение и был справедливым. Занимал должность коменданта легкой 20-мм батареи, жил с солдатами неплохо, пока не истоптал тризуб, который хлопцы выложили из камней около барака. С этого часа отношения ухудшились. Другой — Фридрихе, очень молоденький, нелюбимый большинством немцев, которые видели в нем карьериста, партийца. Специально враждебного отношения к нам ему нельзя было бы предъявить. Так, немец как немец».

Унтер-офицерских украинских кадров в дивизии не было. Лишь некоторые имели польский и современный советский опыт.

Немецкий «раменперсонал» направлялся в украинскую дивизию по остаточному принципу. Отличие составляли лишь артиллеристы — артиллерийская инспекция направляла в дивизию настоящих мастеров своего дела. Немецкие офицеры и унтер-офицеры относились к украинцам не как к унтерменшам, но понять настроения украинских добровольцев не могли и не желали. По свидетельству немецкого персонала унтер-офицеры были молоды и не имели большого опыта и знания людской психологии. Некоторые из них не гнушались воровства и пьянства. Из-за отсутствия взаимопонимания между украинцами и немцами неоднократно вспыхивали конфликты. Здесь в дело вступал 3-й отдел штаба дивизии (военно-полевой суд). Его начальником был справедливый и опытный немец-офицер, однако он был вынужден исполнять многочисленные излишне суровые приказы Фрайтага.

Проблемой для украинцев было и отношение к ним со стороны командира запасного батальона дивизии штурмбаннфюрера СС Кляйнова.

Фрайтаг считал его прекрасным организатором, умеющим наладить различные курсы обучения. Все жалобы на Кляйнова он складывал отдельно и никогда их не рассматривал. Впоследствии Кляйнов, собрав батальон после Бродской битвы, орал на подчиненных и устроил стрельбу из пистолета поверх голов всего батальона. До самой смены его в батальоне не было даже единого учебного плана.

Взаимоотношения между немцами и украинцами отягощала еще и языковая проблема. Командным языком в дивизии был немецкий. Многие украинские офицеры старшего возраста, как и унтеры, достаточно владели немецким, но большинство солдат его не ведали. В период обучения и формирования дивизии солдаты были вынуждены прилагать усилия к изучению языка. Большие сложности из-за языковой проблемы имел дивизионный отдел связи, укомплектованный преимущественно украинцами, которые могли свободно говорить по-немецки. В этих условиях было бы правильным принять в дивизии за командный язык украинский. Это было бы реальным при достаточном количестве образованных немецких офицеров и унтеров.

22 января 1944 года в дивизию был включен личный состав 204-го украинского шума-батальона. Весной 1944 года в дивизию были «возвращены» 4-й и 5-й полицейские полки, а впоследствии 6-й, 7-й и 8-й. Включение этих полков в дивизию стало возможным лишь после упорной борьбы за них, которую вели губернатор Вехтер, члены УЦК и сам личный состав этих полков. Большинство офицеров и унтеров из этих полков не отвечало требованиям, предъявляемым к личному составу войск СС. Ряд офицеров был из числа фольксдойче уроженцами Словакии, и их позднее также включили в состав дивизии как наиболее пригодных и знакомых с украинскими солдатами.

Полевой запасной батальон дивизии, размещавшийся в г. Вандерн близ Франкфурта-на-Одере, насчитывал 800 человек. За счет этого подразделения происходило пополнение офицерских и унтер-офицерских кадров и рядовых. В его составе действовали различные курсы обучения специалистов. В апреле 1944 года наплыв добровольцев уже позволял развернуть батальон в полк. Его не планировалось включать в состав дивизии, т. к. его задачей было предоставление подготовленных кадров. Немецкое руководство решило полк в дивизию влить, т. к. большинство его военнослужащих были украинцами. Первоначально взаимодействие командования полка с дивизией было недостаточным, но впоследствии все трудности удалось преодолеть. На первом этапе в полку насчитывалось до 5 тысяч «неприкаянных» рекрутов, к тому же плохо обеспеченных

обмундированием. Постепенно ситуация изменилась в лучшую сторону, и полк стал полностью удовлетворять потребности украинской дивизии в кадрах.

Большинство украинских солдат происходило из Галичины, бывшей в то время частью Генерал-губернаторства. Большинство из них было «сырым материалом» и войсковой подготовки за плечами не имело. Средний возраст у 90 % добровольцев колебался от 18 до 30 лет.

О самом украинском воине той поры В. Д. Гайке писал:

«Украинец воспринимает все идеалистично. Он видит не реалистичную объективную действительность, которая перед ним, а видит свою фантазию, которую он бы желал увидеть... Чисто индивидуалистический характер украинца — в противоположность россиянину — ориентирует его на Запад. Индивидуализм ярко проявляется в его отношении ко всему окружающему... Характер украинца уравновешенный и приветливый. Он рассудителен и скромн. На себя смотрит с чувством юмора и иронии... Его историческое прошлое сделало его недоверчивым и замкнутым в себе. Он веселый, приветливый, традиционно гостеприимный, но не легкодоступный».

Для многих солдат прибытие в немецкие казармы было целым событием в жизни. Украинские хлопцы впервые столкнулись с немецким армейским бытом и учебой. Вот как описывает быт бывший солдат дивизии Ярослав Овад:

«Еще несколько дней после прибытия мы ходили в гражданской одежде, затем нас переодели в мундиры, и немцы приняли все меры, чтобы они на нас ладно сидели. Выдали также ботинки, ремни, нижнее белье, по три сорочки, постельное белье, полотенца, платки и прочее. Главное — выдали винтовки и штыки, и мы стали справными вояками. Теперь мы имели «пирожки», или полевые кепки, т. н. «фельдмюте», а также каски с эмблемами СС. Торнистры были из телячьей шкуры, шерстью наружу. Такие ранцы я видел на фотографиях моего отца из Австрийской армии. Выдали котелки, лопатки, а ложки, вилки и ножи были упакованы в так называемый «эсбетцек». Также выдали круглые коробочки из рыжего материала для масла либо мармелада. Все эти вещи нам выдали сразу после прибытия,

чтобы мы могли питаться. Кормили нас один раз в день, а утром и вечером давали кофе. Также выдали набор т. н. «маркетендеварен» (зубная щетка и паста, паста и щетка для обуви, нитки, иголки, бритва для бритья, мыло и пемза). Забыл сказать, что выдали еще и хлебник, т. н. «бротбойтель», и полевую фляжку. Одели нас в дрелихи, в которых мы ходили на учение. Имели мы мундиры «А» и «Б».

Дни были одинаковыми: с утра вставали в 7 часов, дежурные солдаты шли за кофе, а мы в это время умывались, брились, одевались и застилали кровати, так, как нас научили унтер-офицеры — инструкторы...

...После раннего кофе был сбор. Командиры подразделений давали наказ шписам, а когда приходил сотенный, то шпис докладывал ему: сколько в наличии, сколько хворых в лазарете, сколько на других занятиях. Он оглядывал всех, как мы выбриты, хорошо ли вычищены ботинки, нет ли под ногтями грязи. Проверял, есть ли хлебник, фляжка и другие предметы снаряжения. После этого отдавалась команда «Направо, шагом марш», и походной колонной мы шли на «геленде». Сотенный сначала шел с нами, а позднее получал коня и ездил на нем, но никогда не присутствовал до конца занятий. Это хорошо знали наши унтера и не были так «остры» с нами. Учебу мы вели в соответствии с планом, который висел на доске близ столовой.

После обеда снова были занятия — в основном по комнатам (чистка оружия, уход за обмундированием), т. н. «пуп унд пфлихтштунде». Занятия шли до десяти вечера. Около семи вечера снова давали кофе и «ферп-флегунг» (масло или маргарин, мармелад или мед и колбаса).

После вечерней проверки все шли спать.

Дежурный в комнате солдат следил, чтобы все лежали в кроватях. Приходил дежурный унтер, которому дежурный по комнате давал рапорт: «Группа такая-то, столько-то людей. Все в порядке». Пройдясь по комнате, он проверял, все ли в порядке, говорил «Доброй ночи!» и шел на проверку другой комнаты.

В конце недели, в субботу, если не было занятий, а только приборка территории с мытьем полов, стульев, столов, чисткой ложек, к нам приезжали родные и привозили всякую всячину — выпивку, сигареты, еду, словом, всего, что душа пожелает».

Особую тревогу командования дивизии вызывали эти «родительские дни». Это было следствием близкого расположения Хайделагера к Галичине. В конце каждой недели в лагерь прибывали сотни родителей и друзей военнослужащих, нагруженные тоннами подарков и продуктов (включая горилку). Застолье принимало угрожающие размеры, с песнями и возлияниями. Вскоре такие «праздники» были воспрещены, но солдаты дивизии быстро нашли выход из создавшегося положения — они встречали родных на станции в Дебице и располагались в близлежащих лесах. Близость родных мест также сказывалась на дисциплине, фиксировались случаи дезертирства. Командование дивизии обратилось в вышестоящие инстанции с просьбой перевести место формирования дивизии в Германию, однако там не было свободных лагерей.

Приезды родителей рождали и инциденты. Ярослав Овад так описывает один случай:

«Солдат отвел свою маму до станции и ждал прибытия поезда. В поездах и на станции господами были польские «баншутцы» — железнодорожные полицейские, набранные немцами из поляков. Один из этих баншутцев то ли не пускал, то ли выбросил маму из вагона. Увидев это, наш дивизионник, недолго думая, подскочил к баншутцу и штыком ударил его в бок. Не знаю, точно, убил он его или ранил. Мама уехала, а его задержала военная полиция. Военные власти оправдали его и в награду дали день отпуска. Немцы придерживались старого имперского принципа «разделяй и властвуй», противопоставляя поляков и украинцев».

В минуты отдыха молодые солдаты старались вырваться из замкнутого пространства лагерей на волю, и иногда удавалось отдохнуть на славу, особенно когда в отдыхе были заинтересованы унтер-офицеры. Тогда содрогались близлежащие городки и увеселительные заведения.

Роман Лазурко, обучавшийся в школе подготовки унтер-офицерских кадров в Голландии, сам принимал участие в одном таком загуле:

«...Не прошла и неделя нашего обучения, как вечером, после занятий, заходит к нам ротный Крафт.

— Украинише фрайвиллиге! Украинские добровольцы! Кто из вас имеет голландские гульдены?

Гульденов мы, к сожалению, не имели.

— Черт побери! Я имею приказ от унтерштурмфюрера Редера вывести вас в город и попеть ваши славные украинские песни. Что же нам теперь делать?

Повисла густая тишина. Тонким голосом кто-то отозвался:

— Мы можем спеть... в кредит.

— Гут... Зеер гут... Парадный мундир, штык на пояс, сбор во дворе, бегом марш!

Вечер чудный, погода теплая, на улицах полно народа. Наши песни голландцы уже знали, т. к. мы пели, следуя на учения и обратно, а кроме того, в годы Первой мировой войны здесь стояла какая-то часть синежупанников, которая оставила о себе добрую славу, и их слава перешла и к нам. Рядом с нами маршировали детишки, а поблизости шли девчата. В этот вечер мы начали концерт песней «Мы танкоистребители», за ней «Черную курочку», далее более юморную «Мала мама»...

Так промаршировали мы к одному красивому ресторану. Осматриваюсь — элегантно, как перед войной в Львове. Крафт остановил нас, мы ударили сапогами, так что эхо разнеслось под каменными сводами, а Крафт в окружении других старшин пошел на разговор в ресторан. Владелец ресторана был разумным голландцем, сразу понявшим, что выиграть спор с немцем в войсковом мундире и ротой в количестве 52 человек ему не светит. Однако то, что все они будут иметь вскоре деньги, в этом он сомневался. Даст ли он нам выпить в кредит? Наступил решающий момент. Напротив него стоят пять здоровенных унтеров, на улице стоит в ожидании целая рота. Голландец подумал и согласился. Он даст выпить в кредит.

Мы вошли в ресторан. Это впервые за шесть месяцев учебы мы вошли в культурную обстановку и к тому же к славным напиткам. Выпили мы здорово, продемонстрировали наши концертные номера, пропили семьсот гульденов и, церемонно попрощавшись, вышли на улицу. Провожал нас весь ресторан. Девчата с сожалением, владелец со вздохом облегчения. На улице сбор, и с маршевой песней возвращаемся в казармы. Но...

Беда не спит. Несчастье поставило нам на дороге еще один ресторан, в котором играл хороший оркестр. Ну как не потанцевать, когда ноги сами ходят! Гауптшарфюрер Крафт скомандовал: «Хальт!», «Все вперед!» — и, как гусак, ввел нас в ресторан. Набравшись смелости, мы зашли сюда уже не робея. А

ресторан весь полный вермахтом, персоналом батарей ПВО, обслуживающей аэродромов (дивизия «Герман Геринг»), летчики, саперы, а каждый с паненкой, оркестр играет сердечное танго и вальсы, аж плакать хочется, у микрофона поет дивчина душещипательные песенки. Наш Крафт захотел произнести речь, но певичка не стала ему уступать. Тогда он деликатно отобрал у нее микрофон, зал поднялся, он только успел крикнуть в микрофон: «Ахтунг, украинише фрайвиллиге!» — и разбил им лампу. Наши предчувствия относительно этого вечера начали сбываться, наши нервы лопнули. Как будто нас кто-то поджег, мы взялись за кресла, стулья, ножки столов и давай лупить кого попало. Такая концентрированная атака вызвала панику. «Бротбойли» и «Герман Геринг» через окна и двери, саперы попробовали дать отпор, мы их разнесли, как татарву по степи, летуны вылетали, помахая руками, девки спрятались под столами, отлично!

Команда «Ахтунг!» — и мы спокойно вышли на улицу. Славно окончив вторую часть нашего выступления, с песней на устах маршировали в казармы...»

В Голландии не только рестораны пришлись по душе будущим унтерам. Так, на одной из улиц городка стояла на столбе миниатюрная копия голландской мельницы. Однажды вечером ветрячок исчез. Славный украинский доброволец Вовк залез на столб, снял миниатюру. Впоследствии ветрячок, а также миниатюра карлика «Гуго», вывезенные из Голландии «на память», кочевали вместе с украинцами по вагонам, блиндажам и казармам.

На смену веселым праздникам приходили муштра на плацу и полевые учения.

По свидетельству бывших военнослужащих, дивизия (ее первое формирование) снабжалась превосходно. Оружие и снаряжение приходили новенькими прямо с заводов и фабрик. Оружие получали под таким слоем вазелина, что на чистку уходило много времени. Орудия и полевые кухни сверкали новой краской. Войска СС снабжались в приоритетном порядке, нежели части вермахта.

Зимой 1944–1945 года 14-я дивизия СС «Галичина» состояла из следующих частей и подразделений:

1. Штаба дивизии.
2. 1-го СС-добровольческого полка (SS-Freiwilligen-Regiment)

3. 2-го СС-добровольческого полка
4. 3-го СС-добровольческого полка
5. СС-велосипедного батальона (SS-Radfahrer-Bataillon)
6. СС-истребительно-противотанкового дивизиона (SS-Panzerjäger-Abteilung)
7. СС-артиллерийского СС полка (SS-Artillerie-Regiment)
8. СС-дивизиона зенитной артиллерии (SS-Flak-Abteilung)
9. СС-саперного батальона (SS-Pionier-Bat.)
10. СС-дивизиона связи (SS-Nachrichten-Abt.).

Гетман Иван Мазепа

Тарас Шевченко

Император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I Габсбург

Профессор М. Грушевский

Принц Вильгельм Габсбург-Летринген, он же Василь Вышиванный

Один из инициаторов создания Легиона УСС, адвокат К. Трильовский

Командир Легиона УСС Антон Варивода

Основатель УВО — ОУН полковник Евгений Коновалец

Командир рот Легиона УСС

Полковник Андрей Мельник

Ярослав Стецко

Степан Бандера

Офицеры ДУН «Роланд».

В центре (отдает честь) — Р. Ярый

Военнослужащие 115-го украинского полицейского батальона. 1943 год

Пропагандистский плакат «Гитлер — освободитель»

*Начальник штаба 115-го полицейского батальона Г. Васюра на судебном процессе.
1986 год*

Палач Хатыни Петро Войновский. Послевоенное фото

Офицер Люфтваффе Роберт Олейник

Идеолог Полесской Сечи Иван Митринга

Отец Василь Лаба

Украинские помощники Люфтваффе

Отец Северин Сапрун — духовник украинских помощников ПВО и Люфтваффе

Проф. д-р Владимир Кубийович

Фриц Фрайтаг— брнгадефюрер СС и генерал-майор войск СС.

Майор Вольф-Дитрих Гайке — единственный линейный старшина, который принадлежал к сухопутным войскам (Вермахт), а не к СС.

Вывеска призывной комиссии

Львовские добровольцы маршируют на призыв Боевой Управы

Дмитро Палиев

Евген Побигуций

Майор Владимир Хладич

Офицеры 14-й дивизии СС «Галичина»

Полевые занятия

Фрайтаг, Гиммлер и Вехтер (слева направо)

Присяга

Ветераны в дивизии «Галичина»

После выхода из Бродского котла

Подразделение УПА

Застолье с родителями

Немецкие и украинские офицеры и унтер-офицеры СС

Отступление. Последние часы войны

В мае 1944 года дивизия закончила обучение. Тогда же место формирования в Нойхаммере посетил с инспекционной проверкой рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. К тому времени дивизия состояла из трех пехотных полков (29-го, 30-го и 31-го), артиллерийского полка, дивизиона связи, саперного и фузилерного батальонов, дивизионов зенитной и противотанковой артиллерии, батальона охраны, конного эскадрона, отдела полевой жандармерии (после Бродов — сотня), музыкальной роты, 2 технических рот, запасного батальона и учебного полка.

Дивизия имела на вооружении немецкое оружие, но после боевых действий в Словакии получила также качественное оружие чешского производства.

Пехотный полк дивизии состоял из двух батальонов и 13-й и 14-й рот, после сражения под Бродами эти роты были преобразованы в егерские для ведения разведки. Батальон (курень) состоял из трех стрелковых рот, вооруженных легким оружием, и 1 роты тяжелого оружия. Рота (сотня) состояла из трех взводов и одного отделения гранатометчиков. Взвод в свою очередь включал в себя три отделения (1 старшина и 9 стрелцов в каждом) и имел на своем вооружении пулемет «МГ», стрелки были вооружены немецкими винтовками «маузер» или одноименными карабинами, старшина имел пистолет-пулемет «МП-38» и пистолет.

Рота тяжелого оружия состояла из трех взводов тяжелых пулеметов, взвода 80-мм минометов и насчитывала 230 человек и 57 лошадей.

Помимо 75-мм орудий, дивизия имела на вооружении батареи 20-мм, 37-мм и 88-мм («Флак») орудий.

Обучение

Формирование дивизии началось 17 июля 1943 года, когда первый эшелон с рекрутами численностью 740 человек прибыл в Брюнн (Брно). Здесь новобранцам выдали униформу, снаряжение и ознакомили с учебной программой. 740 человек распределили по трем ротам. 500 человек образовали две роты рекрутов, из которых готовили унтер-офицеров, еще 240 человек образовали третью роту — это были офицеры, служившие ранее в различных армиях — Польской, Австро-Венгерской, Русской, Советской, Чешской.

1 августа 1943 года этих украинцев перевели в Хайделлагер близ г. Дебица (Генерал-губернаторство). В Хайделлагере из украинцев был создан SS-Freiwilligen Ausbildung Bataillon Z.b.V. (учебный добровольческий батальон СС специального назначения). Батальон насчитывал в своем составе 14 рот. Основной задачей батальона была трехмесячная подготовка рекрутов к службе. Командовал батальоном штурмбаннфюрер СС Бартель.

После первоначальной подготовки военнслужащих батальона направляли на различные курсы подготовки офицерского и унтер-офицерского состава.

Украинские добровольцы были разбросаны по учебным подразделениям вермахта и СС по всей территории Европы.

Местами размещения и обучения будущих украинских офицеров и унтер-офицеров были следующие школы и лагеря подготовки:

1. Адлерхорст/Готенхафен
2. Амстердам
3. Арользен
4. Бенешау (Богемия)
5. Берлин-Цоллендорф
6. Билефельд
7. Браслау-Лисса
8. Брюнн (Брно)
9. Буссум (Голландия)
10. Каннштадт
11. Дахау (Бавария)
12. Ферншвайлер близ Трира
13. Глау близ Требина
14. Грац

15. Гамбург-Ральст
16. Хайделлагер (Генерал-губернаторство)
17. Хайденхейм-Бренц
18. Хильферзум (Голландия)
19. Карлсруэ
20. Кензберг
21. Кобленц
22. Кельн-Вестхафен
23. Кеслин (лагерь для депортированных)
24. Лауенбург (Пруссия)
25. Лешаны (Чехия)
26. Маастрихт (Голландия)
27. Мерхинген (Эльзас)
28. Метц (Лотарингия)
29. Мюнхен
30. Нойхаммер
31. Нюрнберг
32. Ортез (Франция)
33. По (Франция)
34. Пиковице (Богемия)
35. Поршиц (Богемия)
36. Радольфцель
37. Радом (Генерал-губернаторство)
38. Зааральрабен (Саарбрюккен)
39. Салье-де-Берн (Франция)
40. Страсбург (Эльзас)
41. Тарб (Франция)
42. Тайниц (Богемия)
43. Торн (Торунь, Генерал-губернаторство)
44. Варшава
45. Цаберн (Эльзас).

Главной базой формирования дивизии на первом этапе был полигон Хайделлагер, затем — Нойхаммер.

Основной проблемой при формировании дивизии был недостаток национальных офицерских и унтер-офицерских кадров. В самом начале формирования дивизии из многих сотен добровольцев было отобрано полторы тысячи человек для последующего обучения в офицерских школах и на курсах унтеров. Отбор кандидатур велся с учетом их образования и

здоровья. Для подготовки ротных требовался год, но такого времени не было, и дивизия готовилась к скорому выходу на фронт. В таком случае подготовленные в офицерских школах и на курсах унтеров украинцы не смогли бы получить полноценного, пусть и краткого, боевого опыта. Несмотря на это, командование пошло на то, чтобы направить кандидатов на обучение, — чем сильно ослабило дивизию. В Берлин шли просьбы выделять для дивизии опытных и добросовестных офицеров. В таких кадрах нуждались и вермахт, и СС, поэтому взять классных специалистов для дивизии было неоткуда.

Пытаясь найти решение проблемы, для обучения на офицеров и унтер-офицеров было выделено 800 человек. Около 100 человек обучалось на краткосрочных курсах при дивизии.

Недостаток украинского офицерства не тревожил комдива. Он планировал вообще убрать из дивизии всех украинских офицеров вплоть до командиров рот. Их должны были заменить немцы. Д. Палиев неоднократно намекал командиру, что дивизия носит характер национальной, но Фрайтаг от своих планов отказаться не смог, и лишь недостаток немецких же кадров помог украинцам избежать насаждения немцев на всех командных постах.

Одной из проблем обучения личного состава было его размещение в войсковом учебном лагере Хайделлагер на территории Генерал-губернаторства. Части дивизии были разбросаны по территории этого значительного полигона, и связь порой осуществлялась лишь посылными. Сам лагерь составляли деревянные бараки с самым примитивным обустройством.

Недостаток в войсковом имуществе тормозил реализацию планов по развертыванию образцовых учебных частей дивизии. Данные подразделения объединяли бы в своих рядах наиболее подготовленные кадры, готовые для последующего формирования на их базе полноценных боевых частей. Под руководством наилучших унтеров-инструкторов в учебных подразделениях воспитывались наиболее подготовленные кадры, готовые в свою очередь к преподаванию военных знаний.

Для решения основной проблемы дивизии — нехватки унтер-офицеров и офицеров были организованы курсы для обучения. На них кандидаты проходили основной курс обучения, затем их направляли на высшие курсы обучения. Большую часть рекрутов командировали в запасные части вермахта, где они проходили начальное обучение и учились владеть личным оружием. Своих унтер-офицеров не хватало, в связи с чем в первый период своего существования все три пехотных полка и

фузилерский батальон были сведены в единый полк, которым энергично командовал бывший «роландовец» майор (штурмбаннфюрер СС) Евген Побигущий. Сам Побигущий к этому времени уже окончил курс офицерского обучения в Просечницах близ Праги, где вместе с ним обучались еще 160 украинских офицеров. Ему единственному немецкая аттестационная комиссия подтвердила последнее его звание в Польской армии, и в войсках СС был присвоен его немецкий аналог — штурмбаннфюрер СС. Другим украинцам пообещали присвоить (или подтвердить прежние) звания лишь по истечении четырех месяцев службы.

Помогло Побигущему и его прекрасное знание немецкого языка и работа внештатным переводчиком в Просечницах. Сам Побигущий в своих послевоенных мемуарах вспоминал курс обучения в Просечницах как хорошую школу, но отягощенную совершенно бесполезными «науками». Так, однажды немецкие унтер-офицеры заставили будущих украинских офицеров тянуть 5 километров по песку 77-мм орудие.

В местечке Лешаны близ Праги прошли курс обучения украинские офицеры. В Хайделлагер они вернулись в октябре 1943 года. Среди них было 11 гауптштурмфюреров (сотников), 53 оберштурмфюрера (поручика) и 29 унтерштурмфюреров (хорунжих). Когда они вернулись в Хайделлагер, то некоторые из них были назначены на командирские должности. Евген Побигущий возглавил 29-й полк, сотник Борис Барвинский — 30-й, 31-й полк — майор (штурмбаннфюрер) Степан Котиль, саперный батальон — сотник И. Рембалевиц, фузилерный батальон — сотник Карл Бристот, батальон связи — сотник Сосидко.

Постепенно дивизия пополнялась унтер-офицерскими кадрами. Одновременно прибывали новые добровольцы, численность которых приблизилась к 10 тысячам. Все они обучались азам армейского ремесла в Хайделлагере, офицеры и унтеры учились на курсах. В конце января 1944 года комдив также выехал на четырехнедельные курсы повышения квалификации в Гиршберг (Силезия). На время отсутствия его заменил штандартенфюрер СС Байерсдорф.

Одна из школ подготовки унтер-офицерского состава, в которой обучались и украинские кадры, действовала в г. Хильверсуме (Голландия). По свидетельству окончившего курс Романа Лазурко, школа была одной из лучших:

«Началось наше обучение, твердое и безжалостное с занятиями, что длились с раннего утра до позднего вечера. Здесь мы поняли, что Гайделлагер был отдыхом. Мы уже были хорошо

подготовлены, однако, вспоминая сейчас марш по глубокому песку и пение в противогазной маске на лице под палящими лучами солнца, где можно было куриные яйца печь, кажется, что все это было не со мной. Но нет. Это был не сон. Мы имели намерение показать немцам, что украинцы не менее их тверды, а может, и тверже их».

Обучение солдат мало отличалось от первоначального курса обучения украинских офицеров и унтеров. О занятиях рекрутов свидетельствует Я. Овад:

«Нас разбили на группы и начинали учебу с элементарных вещей: как маршировать, останавливаться, отдавать честь. Если что-то шло не так, то как наказание было «Гинлеген!» («Лечь!»), чередовавшееся с «Ауф, марш, марш!» («Встать, вперед, вперед!»), и вечное «Гинлеген». В обед мы возвращались в бараки, снимали с себя все, брали столовые наборы и под руководством унтера либо офицера шли на обед... На обед давали по несколько рыбин, некий соус-тунке, кусок мяса либо что-то вместо него. Порции были малыми, однако следует заметить, что я никогда не болел животом, а по идее они и не могли быть большими, так как после часового отдыха требовалось опять выходить на занятия, а с наполненными желудками мы не могли хорошо действовать.

...В начале было много ночных тревог. Чтобы приучить нас к ночи, показывали, как в ночи все по-другому звучит. Как звучит войсковое подразделение, когда идет в нашу сторону и когда удаляется, как звучат выстрелы от нас и в нас, как звучит пулемет, как все в ночи меняется. То же самое происходило в поле и в лесу. На этих учениях все делали немцы: стреляли, наступали, а мы были лишь зрителями и старались все запоминать. В другой раз мы все делали сами, а после учений все обсуждали с нами, что было сделано правильно, а что ошибочно. Мы еще были слабы, каски стискивали наши головы. Если стукнуть по каске, то голова долго гудела. Но со временем привыкли.

...Учили нас наступать. Приказали крепить штыки к винтовкам и с криком, чтобы создать как можно больше шума (и этим придать себе смелости), бежать на врага. Теперь мы бежали, стреляя, и нас поддерживали пулеметы. Требовалось идти в

рукопашный бой, колоть врага штыком либо лупить прикладами винтовок. Уже после «атаки» показали нам один воинский прием и как его делать. Когда ты бежишь с заряженной винтовкой и насаженным штыком, то, чтобы попасть в бегущего навстречу врага, требуется смотреть на него через кончик штыка и прицелиться в него на полпути меж собой и врагом. Тогда и стрелять. После этого целиться в следующего противника. Пулеметчикам сказали взять пулемет за сошки, поднять за ремень (он раздвоенный), перебросить через голову и, держа за сошки, сечь очередями слева направо. Это тогда, когда к пулемету прикреплен барабанный магазин, а когда только патронная лента на 50 зарядов? Тогда скрепляются четыре ленты, которые переносятся в одной коробке.

...Мы также имели противогазные маски. Проводили стрельбы в противогазах, но только один раз, и больше это не повторялось. Из-за употребления противогаза я натер себе кожу на подбородке, и у меня появилась проблема с утренним бритьем, ибо это мероприятие отбирало много времени, но я все успевал, и ротный похвалил меня.

...Ходили мы на занятия в дрелихах. Дрелих — это куртка из плотной материи синевато-зеленого цвета, простеганная, как перина. Перед наступлением зимних холодов нам выдали плащи и рукавицы».

В дождь и в жару, ночью и днем немецкий персонал натаскивал молодых солдат и кандидатов в унтер-офицеры. Порой такие учения принимали и не совсем обычную форму. Иногда солдаты из различных подразделений дивизии (у которых совпадали учебные программы) «воевали» друг против друга. Случалось, разбивали друг другу носы. Совсем иначе шла учеба, когда на учебном поле «противостояли» друг другу украинцы и немцы:

«Однажды поучили мы шибко умных немцев из «гитлерюгенда». Их высокомерие допекло, видно, не только нас, ибо, когда снова пришла пора для ночных учений, наш ротный Редер выслал первых в поле, чтобы окопались в обороне, установили орудия на огневые позиции и ждали атаки.

— Как только будете атакованы, бейтесь как львы! — наставлял их унтерштурмфюрер громким голосом. — Не

посрамите немецкого оружия и немецкого мундира!

Пошли «гитлерюгенды», усмехаясь. Их уже не стало видно, когда ротный обратился к нам:

— Мы хотим сделать из них воинов и, кроме того, показать им, что воевать — это не так просто, как им кажется. И к тому же из вас мы тоже хотим сделать первоклассных вояк! Если поймаете одного из них, лупите их сколько влезет, заберите у них винтовки, каски и другое барахло. Не опозорьте мундир немецкой армии, несмотря на то, что у вас сердце украинское, но мундир на вас немецкий. Марш!

Пошли мы в немецких мундирах с украинскими сердцами. Постарались выложить все то, что вбили в нас немцы, а еще и до того, что изучили в «Пласте» в наших горных лагерях. Захватили мы целую их оборонную позицию внезапно, обошли сзади и ударили с флангов, сбили «гитлерюгенд», как перезрелое яблоко, набрали полно оружия и амуниции, еще и колесо взяли от одного орудия. Бедные немцы старались потом эту пушку поднимать на руках, а это тяжело, да еще и ночью!

Вернувшись из «боя», сложили мы перед сотенным наши трофеи, тогда и появились немцы с подбитыми глазами, распухшими носами, с отсутствием оружия и снаряжения. А немецкие заповеди солдата учат, что утрата оружия — это позорище, и хуже его лишь трусость и предательство. Уштуф Редер подтвердил это вслух, нам же досталась похвала и кровати в казарме, а «гитлерюгенд» еще раз пошел в поле, а после прихода чистил оружие, винтовки и орудия.

Следует заметить, что через пару дней пред ночными учениями к нам пришли ребята из «гитлерюгенда» и принесли нам горы папирос и фляжки шнапса, попросив, чтобы мы не повторяли больше того, что случилось. Ну и мы, конечно, выиграли этот бой значительно «гуманнее», нежели в первый раз».

После курса «молодого бойца» солдаты проходили курс изучения воинской специальности.

Украинские новобранцы войск СС, как и их германские сослуживцы, принимали присягу на верность главнокомандующему немецкими Вооруженными силами А. Гитлеру [\[35\]](#).

В феврале 1944 года после многочисленных просьб место

формирования дивизии было перенесено на территорию Германии в лагерь в Нойхаммере (Силезия). Переезд был сопряжен с преодолением многих трудностей. Не хватало грузовиков и опытных в перемещении военного имущества людей. В течение трех недель всю дивизию перевезли на новое место дислокации 30 эшелонами. Этот опыт переброски также пригодился дивизионникам впоследствии.

Сам Нойхаммер был немецким гарнизонным комплексом с просторными казармами вермахта, огромными полями для артиллерийских стрельб и пехотных маневров. Во время войны, когда потребности армии возросли, командование передало в подчинение начальника полигона и бывший лагерь военнопленных — комплекс деревянных бараков за колючей проволокой. Бараки эти были построены на песке. Песок был бедой Нойхаммера. Он ощущался везде — на зубах и в волосах солдат, в их винтовках и в стволах орудий. Избавление от песка шло круглосуточно, но этот противник был непобедим.

Лагерь деревянных бараков делился на три части. Лучшая часть состояла из крепких и теплых бараков, между которыми были проложены асфальтовые дорожки, в умывальниках имелась горячая и холодная вода, туалеты были размещены в укромных местах и оборудованы сливом. В этой части лагеря размещались штаб дивизии, лазарет (затем госпиталь), склад обмундирования, продуктовый склад и оружейная. Здесь же находилась и площадь для богослужения. Вторая часть лагеря именовалась «Гинденбург-лагер».

Бараки были неплохи, однако асфальта и площади здесь не было, но между строениями росли высокие и стройные сосны.

Третья часть лагеря — «Цайссау» — размещалась в двух километрах от главного лагеря за сосновым лесом. Здесь бараки стояли на песке, без какого-либо фундамента и ранее служили для концентрации советских военнопленных. Здесь же недалеко было кладбище для убитых в плену. В братских могилах насчитывалось до 4 тысяч жертв (в каждой). Близ кладбища стояла и стена, возле которой происходили расстрелы. Новые бараки, построенные в этой части лагеря, стояли на высоких столбах, однако постоянно перекашивались. Происходило это потому, что строили их на могилах тех самых военнопленных, зарытых в песок. Трупы разлагались, и столбы-основания бараков разъезжались. Воду в этом районе нельзя было пить из открытых источников, и ее привозили на автомашинах. Воду для кухни брали из колодца, выкопанного близ лагеря, но и из него вода шла жирная. Туалет был оборудован в 200 метрах от лагеря, и водили к нему солдат строем, но только по «большой нужде».

Нужду малую будущие освободители Украины справляли в песок, когда их никто не видел.

Трагическое для украинских военнослужащих положение сложилось в учебно-запасном батальоне (затем развернутом в полк). Его командир штурмбаннфюрер СС Кляйнов являлся как бы «филиалом» Фрайтага со всеми его безумиями. В полку им не было сделано ничего. Люди не были разбиты по ротам. Командиром 1-й роты был немецкий офицер, которого солдаты так никогда и не увидели. Во время командирства Кляйнова солдаты были предоставлены сами себе, многие не имели военной униформы и били баклуши в той же одежде, что выехали из дома. Обучением молодых солдат на свой страх и риск без каких-либо планов занимались украинские унтер-офицеры, и зачастую унтершарфюрер командовал ротой новобранцев.

Постепенно, с ухудшением обстановки на фронте Кляйнов все более проявлял ненависть к украинцам. Особенно болезненно стал относиться Кляйнов к своим восточным подчиненным после Бродской трагедии. Тогда советские танки ворвались в расположение батальона. Кое-как солдаты, вооруженные карабинами с деревянными (учебными!) патронами, сумели разбежаться по окрестностям, сам же комбат удрал от них на автомобиле.

После того как остатки батальона были кое-как собраны в Львове, на сборном пункте к ним явился Кляйнов и начал едва ли не матерно поносить украинских солдат за «трусость», «дезертирство» и прочие смертные грехи. При этом сам он никому не сказал, как сам едва ли не в подштанниках сбежал от своего подразделения при звуках первых выстрелов. Вышедшим из боя и горячки отступления солдатам Кляйнов не позволил даже получить на полевой кухне хотя бы по кружке горячего эрзац-кофе. После переброски батальона на окраину Львова личный состав был построен, и Кляйнов вновь оскорбил солдат, обвинив их во всех смертных грехах, включая поражение у Сталинграда, под Курском и Бродами, а в конце истерики выхватил «парабеллум» и открыл стрельбу поверх голов целого батальона. Немецкий персонал опешил от такой дикой выходки. Солдаты не могли напомнить своему начальнику о деревянных патронах, которыми были заряжены их винтовки под Бродами.

К маю 1944 года боеспособность дивизии достигла высокого уровня, но по сравнению с хорошо обученной немецкой дивизией (особенно войск СС) была недостаточной. Для получения боеспособного соединения необходимо было направить ее на относительно спокойный участок фронта, где можно было бы расположиться двумя полками на передовой линии, а третий полк оставить в резерве. Такой вариант развития событий

для той поры был бы слишком фантастическим. Несмотря на эту фантастику, главнокомандующий армией «Западная Украина» генерал-фельдмаршал Модель с пониманием отнесся к просьбам украинцев о выделении им именно такого участка фронта. В конце мая 1944 года Модель, несмотря на высшие приказы, разрешил 10 офицерам дивизии прибыть на выделенный участок фронта для ознакомления с обстановкой.

16 мая 1944 года в дивизию прибыл рейхсфюрер СС. В смотре принял участие и губернатор О. Вехтер. Свой визит Гиммлер начал с речи, обращенной к немецким и украинским офицерам дивизии. На следующий день рейхсфюрер присутствовал на боевых учениях всех частей дивизии. По окончании учений Гиммлер провел закрытое совещание, на котором признал дивизию вполне боеспособной, высказал признательность за столь быструю ее подготовку и пообещал всячески поддерживать формирование. На третий день Гиммлер вместе с Вехтером вылетел в ставку Моделя.

Кампфгруппа «Байерсдорф». Первые бои дивизии

В начале февраля 1944 года, когда в дивизии отсутствовал ее командир и его замещал штандартенфюрер СС Байерсдорф, в штаб поступил приказ от высшего командующего СС и полиции Генерал-губернаторства в Кракове о формировании боевой группы из одного пехотного полка, дивизиона легкой артиллерии, саперного и противотанкового подразделений для участия в антипартизанской операции. В приказе также содержалась информация о противнике — партизанском соединении Ковпака. Боевая группа после ее прибытия в район боевых действий вошла бы в подчинение командующего СС и полиции Генерал-губернаторства.

Руководство формирующейся дивизии устно отказалось выделить группу, но поступил повторный приказ, также мотивированный решением Г. Гимmlера. Впоследствии выяснилось, что рейхсфюрер ничего не знал о подобном распоряжении. Руководство было уведомлено Байерсдорфом, что дивизия не в состоянии выделить такие силы, т. к. находится в стадии формирования, и уведомил о возможности выделить боевую группу в более скромном составе.

После совещания всех офицеров дивизии было принято решение о формировании боевой группы в составе одного пехотного батальона, усиленного батареей легкой артиллерии. В состав группы предполагалось включить наилучших офицеров и унтерштурмфюреров. В течение 48 часов (а не 24, как было в приказе) боевая группа под командованием штандартенфюрера СС Байерсдорфа (начальник штаба гауптштурмфюрер СС Кляйнов) была сформирована. Командиром 1-го пехотного батальона был назначен гауптштурмфюрер СС Бриштот, 2-го — оберштурмбаннфюрер СС Рембалевиц. Дивизионом полевой артиллерии руководил оберштурмбаннфюрер СС М. Палиенко, подразделением боевой разведки — оберштурмбаннфюрер Р. Долинский, ответственным за боевое обеспечение — оберштурмбаннфюрер СС Поляков. Капелланом группы был отец Всеволод Дурбак.

Относительно состава группы сведения противоречивы. Бывший начальник штаба дивизии В. Д. Гайке в своих послевоенных воспоминаниях писал, что в группу входил один пехотный батальон, а Р. Долинский утверждал, что батальонов было два.

О том, в каких условиях формировалась группа, свидетельствует отрывок из статьи, опубликованной в газете «Вести комбатанта»:

«Тревога. До рассвета мы получили оружие, амуницию и сбрую для лошадей. Каждый ремешок отдельно. Собрать такую сбрую было нелегко. Я взял рисунок, на котором был нарисован запряженный конь, вывел коня и при помощи рисунка начал собирать упряжь. Между ездовыми и возницами есть такие, что не имеют ни малейшего представления, а коней впервые увидели в дивизии, не знают запряжки, не умеют ездить верхом. Худшим является то, что они еще не стреляли из орудий... ездовые сидят первый раз на конях, одни кони тянут вперед, другие назад, одни скачут, другие ложатся на землю. С такими конями требовалось выйти на боевое задание». Свидетелем и участником этих событий был бывший гауптштурмфюрер СС Михайло Ддябога.

Слова сотника подтвердил и штурмбаннфюрер СС Евген Побигущий, более того, он сообщил, что каждый пехотинец выступал против партизан, имея в подсумках всего по 15 патронов на винтовку.

Группа действовала в районах Любачева, Чесанова, Тарнгорода, Билгорая и Замостья. Солдаты группы не имели теплого зимнего обмундирования, а ночевали обычно в полях, т. к. им было приказано в села не входить.

Сведения о боевых успехах боевой группы противоречивы. По одной информации группа фактически уничтожила прорывавшееся в район Львова партизанское соединение под командованием Л. Шукаева, между Билгораем и Тарнгородом столкнулась с советским отрядом численностью в 400 человек и после тяжелого боя пленила около 200 человек. Возможно, эти боевые действия вел один из полицейских полков, сформированных из украинцев.

В одно из селений группа вошла, и поэтому уже после войны ее действия в этом селе стали предметом споров между украинскими и польскими историками. Поляки утверждают, что украинцы спалили село Гута Пеняцкая, не пощадив никого, включая детей и стариков (500 человек). Украинская сторона (ветераны дивизии) утверждает, что в село группа была вынуждена вступить с тяжелыми боями и понесла потери, т. к. оно было гнездом московских и польских партизан.

Анализируя немецкие, польские и советские документы тех лет, становится очевидным, что действительно село Гута Пеняцкая, как и ряд других польских сел этого района, было базой целого ряда польских и советских партизанских отрядов. Самообороной села командовал бывший поручик Войска Польского Казимир Войцеховский, который тесно

сотрудничал с инспекторатом Армии Крайовой в бродском подполье. Еще до прибытия группы Байерсдорфа в район в этом селе получила убежище и постой группа советских партизан Бориса Крутикова из партизанского отряда Дмитрия Медведева. Поляки совместно с советскими партизанами участвовали в боях с отрядами УПА. Обычно такие бои заканчивались не только разгромом отрядов украинских националистов, но и разграблением и уничтожением близлежащих украинских сел. При этом победители проводили мероприятия, после 2-й мировой войны получившие наименование «этническая чистка». Аналогичным образом поступала украинско-немецкая сторона. Такой характер боевые действия приняли по всей территории оккупированной Украины и Польши с регионами компактного проживания украинского либо польского населения.

При подходе немецких войск к Гуте Пеняцкой с ее околицы был открыт интенсивный пулеметный и ружейный огонь. Наступавшие развернули боевые порядки и повели наступление на село по всем правилам воинского искусства. Бой в селе продолжался длительное время, трофеями немецко-украинских карателей стали автоматическое оружие, взрывчатка и боеприпасы партизан. В ходе боя за село украинские подразделения понесли потери в личном составе. Судьба села в таких условиях была predetermined. Следует также отметить факт участия в карательных операциях против польских сел и украинской полиции. Не исключено, что в составе полиции за польскими партизанами «бегали» вчерашние члены УПА, до этого «бегавшие» от поляков.

Один из участников тех событий так свидетельствовал о боевых действиях группы:

«Не помню, что было до того дня, когда напутственной речью нас провожал Шнеллер. Построившись в колонну, мы начали маршировать до соседнего села, отдаленного на несколько километров. Он приказал нам петь песню, но как только мы вышли на горбок, посыпались выстрелы из пулемета и винтовок. Мы сразу же рассыпались в цепь и залегли. Установив пулеметы на станки, открыли огонь по противнику. Приказали нам окопаться. Но где там! Земля замерзла, трудно было выкопать ямку, не то что окоп. Полежали мы так до вечера, крепко замерзли, а когда стемнело, собрали нас, и пошли мы гуськом тропинкой в сторону села. Был там малый мостик через ручей. Мы шли гуськом на другой берег русла. Тут услышали взрыв и крики раненого. Это взорвалась мина, и одному из наших

оторвало ногу по колено. Крики, стоны, поиски санитаров... А мы идем дальше, и души наши на плечах. А если снова кто встанет на мину? А может, я?

На наше счастье, все этим одним взрывом и закончилось. Дошли мы до села, а партизан и след простыл. Они ушли на санях. Остановились мы тут, выставили посты, а на следующий день снова вышли в погоню. Так и продолжалось, когда мы прибывали в село, покинутое партизанами, их не было, ибо они своевременно уходили из сел. Так мы и забавлялись, как кошка с мышкой, и никак не могли отловить их...»

По свидетельству Вольфа Дитриха Гайке, группа задание фактически не выполнила. По прибытии на место она попала под командование генерала полиции в Перемышле, не имевшего ни малейшего понятия о командовании армейскими частями. После четырехнедельных боев и походов по пересеченной местности группа вернулась в место расположения дивизии в Нойхаммер.

Уже после возвращения группы в дивизию стала поступать информация о различных проступках, совершенных военнослужащими в период боевых действий. Это объяснялось отчасти тем, что группа оперировала в местности, населенной преимущественно поляками. По приказу Фрайтага многие из дивизионников, понесли наказание.

Сам оберфюрер СС Фрайтаг после возвращения с учебы в дивизию заявил, что никогда бы не стал исполнять такой нелепый приказ о выделении боевой группы, т. к. ему известно, какими способами местные полицейские начальники действуют на местах и как ловко они умеют прикрываться именем рейхсфюрера СС. Ему также стало известно, что Гиммлер никогда не давал приказа о выделении из дивизии боевого отряда. Он лишь обсуждал с обергруппенфюрером СС В. Коппе возможность участия солдат украинских формирований в боевых действиях против Ковпака. Как истый служака Коппе «в лепешку разбился», чтобы заполучить украинцев на антипартизанский фронт.

Дивизия и УПА

Формирование дивизии не осталось незамеченным со стороны ОУН-УПА С. Бандеры. В руководстве ОУН-УПА фактически произошел раскол по вопросу взаимодействия и влияния на дивизию. Возвращенные абвером кадры из числа бывших «дружинников» во главе с Романом Шухевичем (Тарас Чупринка), сами получившие немецкое воинское образование, предлагали высшему руководству не противиться набору в дивизию молодежи и выслать в ее ряды максимально возможное число своих людей. Эту же идею поддержали офицеры Краевого войскового штаба ОУН Львовского округа, при этом некоторые из них демонстративно записались добровольцами в дивизию. Против дивизии выступили Главная команда УПА (ГК УПА) под руководством Клим Савура и Леонида Ступницкого (Гончаренко), а также Краевой провод ОУН на западноукраинских землях, предлагавший провести акцию бойкота в отношении набора в дивизию.

Обе «партии» провели не одно совещание по вопросу отношения к дивизии, и вскоре был найден компромисс, в результате чего бойкот набора не проводился, а оуновцы в дивизию пошли с расчетом 1 член ОУН на каждый взвод. Некоторые члены ОУН в дивизию вступили по личному указанию Р. Шухевича для осуществления разведки и поддержки связи с УПА.

Таким образом, ОУН (Б) была в курсе всего происходящего в дивизии, сформированной стараниями своих политических оппонентов — мельниковцев и немцев. В июле 1943 года Р. Шухевич встретился с офицером «Галичины» Любомиром Макарушкой, и на встрече была достигнута договоренность о том, что ОУН (Б) не будет бойкотировать создание «Галичины», но и помощь оказывать тоже не станет. Впоследствии отряды УПА ОУН (Б) с удовольствием принимали в свой состав солдат «Галичины».

Весной 1944 года по приказу Романа Шухевича в дивизию записался добровольцем член ОУН (Б) Богдан Пидгайный. По свидетельству последнего, Шухевич как руководитель военного отдела организации вынашивал планы постепенного овладения дивизией. При этом другой целью была подготовка офицерских и унтер-офицерских кадров руками немцев для нужд УПА. Шухевич желал произвести такую инфильтрацию членов ОУН в дивизию, чтобы на каждых 7 ее военнослужащих приходилось по одному — «тайному руководителю» из ОУН-УПА.

Основной сложностью работы в дивизии членов ОУН Бандеры было наличие в ней членов ОУН Мельника. Многие украинские офицеры, среди которых можно назвать Дмитро Палиева и Любомира Макарушку, выступали против любого сотрудничества «с лесом». Несмотря на такую оппозицию, Палиев как человек порядочный впоследствии помог ОУН сохранить жизнь ее члену Качмару, которого хотело арестовать СД уже в дивизии.

Кроме Пидгайного, связи с ОУН-УПА поддерживали также гауптштурмфюреры СС (сотники) Малецкий, Левицкий и упомянутый оберштурмфюрер СС Качмар. Именно от этой группы украинских офицеров шла информация Шухевичу о планах немецкого командования относительно использования дивизии на фронте.

В период пребывания дивизии в Хайделлагере УПА вела тихую пропаганду среди военнослужащих дивизии. Повстанческое командование стремилось привлечь на свою сторону новых добровольцев, а уже призванных рекрутов перетянуть в свои отряды. После переезда дивизии в Нойхаммер дезертирство из ее рядов сократилось, и лишь иногда отпускники пропадали на родине. Здесь они попадали под влияние УПА, которая завлекала молодых людей в свои ряды, обещая им борьбу под национальным знаменем. В ряде случаев УПА привлекала солдат-отпускников к кратковременному обучению своих отрядов, после чего отпускала их обратно в дивизию.

С началом 1944 года в дивизии поползли слухи, что в ближайшее время дивизию перебросят на фронт. До руководства ОУН-УПА дошла информация, что немецкое военное руководство выделяет дивизии боевой участок на фронте в районе г. Станислава. Весной 1944 года здесь оперировали большие отряды УПА, главной базой которых был Черный Лес — обширный лесной массив, представлявший упистам возможность развернуть здесь свои лагеря. В окрестностях Станислава действовали отряды Резуна, Черника, Гамалия и других. В Черном Лесу велись боевые действия против красных партизан и парашютистов. Отряды УПА сумели также очистить обширный район и от немецких войск, создав таким образом «Республику УПА». Повстанческое командование с радостью встретило известие о переброске дивизии в регион. «Провидныки» УПА не думали о том, что дивизию могут бросить против их же отрядов, наоборот, надеялись установить тесные связи с солдатами и офицерами, пополнить за счет дивизии свои арсеналы и кадровый состав. Известие о переброске дивизии на фронт было воспринято с огорчением. Близость фронта, отсутствие подходящей местности для боевого взаимодействия, эвакуация

населения создавали непреодолимые трудности для влияния на 14-ю дивизию.

Летом 1944 года близ Бродов оперировала сотня УПА «Дружинники». В составе этого отряда УПА пребывали несколько бывших членов дружин украинских националистов, сформированных абвером еще в 1941 году.

В своих послевоенных воспоминаниях Евген Побигущий свидетельствовал, что украинские офицеры дивизии знали, что командование УПА выдвинуло в район Бродов два батальона, чтобы они при удачном стечении обстоятельств помогли дивизии влиться в УПА. По его словам, накануне битвы под Бродами к нему пришли два офицера УПА и заявили, что большевики начнут наступление во второй половине июля двумя ударами: с севера на Бугск и с востока на Золочев. Командир дивизии отказался даже переговорить с ними — его смутило отсутствие на пришедших из леса униформы.

В боях под Тернополем значительная часть личного состава 3-го полицейского полка ушла в лес, чтобы затем стать основой для формирования военной группы УПА «Лисоня», что действовала на Подолье. Командиром группы был поручик Осип Беспалько («Остап»), который погиб 3 августа 1947 года в бою с советскими войсками. Штаб группы возглавлял бывший поручик Польской армии Владимир Якубовский (Бондаренко). Под руководством этих офицеров группа УПА «Лисоня» в 1944–1947 годах вела боевые действия против советских Вооруженных сил и органов местной власти.

В марте 1944 года значительная часть унтер-офицеров и солдат 5-го полицейского полка, что стоял в Замостье, покинула свой полк, перешла Буг и влилась в отряд УПА имени полковника Ивана Богуна, что оперировал в Порицких лесах Владимирщины. Отряд возглавлял бывший старшина Польской армии поручик Острожский. Он с удовольствием принял к себе вчерашних солдат.

По информации летописца истории УПА Льва Шанковского, эта группа солдат покинула полк из-за того, что немцы не позволяли его личному составу выступить на защиту украинских сел в Грубешовском районе, которые в это время методично уничтожала польская партизанка Армии Крайовой.

Среди прибывших в лес был уроженец Холмщины унтер-офицер Ягода-Черник. Ему поручник Острожский поручил сформировать из уроженцев Холмщины сотню (роту) УПА. Ягода-Черник сотню сформировал, и на ее базе впоследствии было создано подразделение УПА

«Волки». В апреле 1944 года богунцы, подкрепленные куренем (батальоном) УПА им. Наливайко и сотней «Волки», перешли Буг и зачистили территорию от отрядов АК, прогнав их за р. Чучву. «Умиротворив» этот район, отряды УПА вскоре перешли Чучву и выгнали поляков в район м. Грабовец-Томашув. Во время боев с поляками «Волки» разрослись до куреня. Впоследствии «Волки» воевали с «Советами» и «поляками» на Холмщине, совершали набеги на Подляшье.

Во время боя под Бродами 3 тысячи дивизионников также ушли в лес. В районе Бродов в то время оперировала сотня УПА «Дружинники» под командой хорунжего Черника. В этом подразделении служило множество бывших военнослужащих ДУНов «Роланд» и «Нахтигаль». Здесь же стояли учебная рота УПА (золочевская), которую вывели еще перед Бродским боем, и один заново формирующийся после поражения волынский отряд УПА. Л. Шанковский сообщает, что после Бродской битвы «Дружинники» увеличили численность личного состава втрое. Были созданы новые сотни УПА «Дружинники», под номерами I, II, III. Хорунжий Черник во главе одной роты «Дружинников», подкрепленной 2–3 ротами бывших дивизионников, впоследствии вышел из Бродского котла и пробился из района Золочева в Черный Лес. Здесь хорунжий отпустил часть дивизионников, не желавших воевать далее вместе с УПА, с частью других вышел в поход на Станиславщину, где перешел фронт.

По информации Б. Пидгайного, братание дивизионников с членами УПА происходило самостийно, по инициативе «снизу». При этом немало оружия, боеприпасов и амуниции ушло в лес.

Бывший офицер дивизии Роман Долинский рассказывал о контактах дивизионников с отрядами УПА близ г. Золочева, и из этого свидетельства становится ясным, что контакты по инициативе «снизу», конечно, были, но и «верхи» дивизии были об этом прекрасно уведомлены:

«Когда конники отпускали своих коней пастись вне расположения частей, тогда при розысках лошадей приходилось углубляться в лес. Немцы на это не отваживались, но наши воины были здесь у себя дома. Через несколько дней после нашего прибытия мои солдаты донесли мне, что в лесу, в котором мы размещены, присутствуют некие полуобмундированные, вооруженные люди. Еще перед выездом на фронт я был уведомлен про наличие во фронтовой полосе отрядов УПА, которые действуют самостоятельно, часто и против немцев. В дороге на место я убедился в достоверности этих слухов. Я не

знал дислокации этих отрядов, а в конкретном случае это могли быть еще и большевистские партизаны. Я выслал в разведку своего помощника, одного из наиболее осведомленных и боевых старшин с группой хорошо вооруженных унтеров и солдат. Через полдня рыскания по лесу разведка наткнулась на передовой пост, вооруженный легким автоматическим, преимущественно советским, оружием и окружила их. Несмотря на то что офицерский состав УПА состоял в основном из молодых людей, малознакомых с ведением современных боевых действий, командование этого отряда знало свое дело хорошо. Пройти далее без тяжелого боя было бы невозможно, ибо на отдалении пятисот шагов была линия обороны, укрепленная тяжелыми пулеметами, минометами и другим оружием. Скоро было установлено, что это отряд УПА — золочевское подразделение, которое было хорошо проинформировано не только про появление в районе дивизии, но и о расположении ее отдельных частей. Командир батальона УПА искал встречи со мной. На другой день, выбрав свободное время и с соблюдением всех мер предосторожности, я вместе со своим помощником, двумя унтерами и несколькими солдатами пошел к месту размещения куреня УПА. Его командир продемонстрировал хорошую осведомленность обо мне, я же со своей стороны продемонстрировал знакомство с высшим руководством УПА.

Район был для нас безопасный как с точки зрения наблюдения за противником, так и для наблюдения за «союзниками». Немцы из вермахта обходили этот район, т. к. имели некоторый опыт «общения» с УПА в результате проведенных ими реквизиций и грабежей местного населения. Штаб дивизии также знал про наличие отрядов УПА, однако на какие-либо акции против них не решался, зная доброе отношение к ним со стороны дивизионников. Здравый смысл подсказывал, что лучше иметь в тылу слабого противника, ходом событий становившегося нашим союзником, нежели советских партизан. К тому же я не имел в своем подразделении ни одного немца и мог спокойно провести в гостях у упистов половину дня. Мы утвердили план совместной обороны, взаимной связи и безопасности. Курень УПА ощущал недостаток боеприпасов к винтовкам и пулеметам советского производства и запасов консервированных продуктов. В течение нескольких дней мои

солдаты доставили им несколько повозок того и другого. Эта акция была проведена так быстро и скрытно, что про это знали лишь те, кто доставил все необходимое в лес.

Через неделю ко мне прибыл командир подразделения полевой жандармерии поручик Феркуняк (ныне покойный) с негласным распоряжением от командира дивизии Фрайтага связаться с УПА. Я насторожился, ибо был уверен, что дивизионная контрразведка уже имеет информацию о моих контактах с УПА, тем более что ее возглавлял балтийский немец, который хорошо говорил по-русски и хорошо знал украинский язык. Я отговорился от этого поручения тем, что у меня отсутствуют дипломатические навыки, а поскольку поручение носит приватный характер, отказался от него.

Украинские офицеры дивизии имели тогда обоснованные подозрения против Феркуняка, вызванные скорее его служебными функциями, нежели деловыми мотивами. Я же чувствовал к нему полную симпатию и доверие. Мне нравился этот открытый гуцул из Жабьего, который никогда не прощал немцам их взбрыкиваний. Ведомый инстинктом, я открыл ему карты и рассказал, как обстоят дела. Позднее я заявил ему, что если Фрайтаг ищет связи с УПА, пускай ищет сам, а мое дело нести службу. Феркуняк целиком разделял мое мнение и обещал хранить все в тайне. Через несколько дней ко мне снова явился офицер для поручений из штаба дивизии с тем же самым поручением. Я резко отказался.

Развитие событий шло быстрым темпом. Корпус, что занимал район Броды — Золочев, в том числе наша дивизия, оказался в окружении врага, превосходящего нас в десятки раз. Первую информацию об окружении мы имели от УПА. Командование дивизии на первых порах скрывало от нас этот факт...»

Известный историк дивизии «Галичина» и ее бывший офицер Василь Верига сообщает о случае ухода в лес с пулеметом и запасом патронов одного из пулеметчиков 30-го полка. Командир батальона гауптштурмфюрер СС Виттенмайер не стал принимать никаких карательных мер, но серьезно переговорил с обер-штурмфюрером СС Малецким. Последний попросил у своего начальника три часа времени для розыска дезертира. Через три часа заплаканный, с подбитым носом (но и с

пулеметом) солдат объяснялся с Малецким. Из леса солдата вернули сами уписты и в награду за верность подарили ему еще и трофейный «наган»;

Со стороны немецких военнослужащих также остались свидетельства о встречах с отрядами УПА. Служивший в дивизии унтером Эрих Корн, воевавший под Бродами и выходивший со своими солдатами из котла, встретился с группой упистов:

«Во время общего отступления я следовал с группой украинцев к подножию Карпат. Внезапно мы оказались лицом к лицу с хорошо вооруженными партизанами, что наставили на нас свои автоматы.

— Куда?

— В Ужгород.

— Мы бандеровцы. Сдайте оружие!

Мои украинцы ответили, что они также воевали против большевиков. Командир партизан оживился, увидев, что «напал» на украинцев, и лавиной слов обрушился на украинских эсэсманов, призывая присоединиться к его отряду. Мои ребята отказались, и партизаны отпустили нас без каких-либо инцидентов».

Новосформированная дивизия «Галичина», оперируя уже в Словакии, пыталась восстановить контакт с УПА. Среди солдат и офицеров ходили слухи, что существует официальное представительство УПА в Братиславе. Связи с руководящими кругами ОУН-УПА у дивизионников не было. Когда дивизия шла маршем из Словакии в Югославию, Пидгайному стало известно, что одна из рот дивизии готова в любую минуту самостоятельно выступить «до маршу в Украшу». Приказа от Б. Пидгайного ротные так и не получили, т. к. последний не имел связи со своим подпольным руководством.

Противореча самому себе, Тот же Пидгайный свидетельствовал, что в конце апреля 1945 года он получил приказ от Миколы Лебеда силой захватить командование дивизией, обезоружить немецкий офицерский и унтер-офицерский состав, пробиться на Юг и захватить какой-либо порт на Адриатическом побережье и ждать высадки англичан.

Побигущий называет такой приказ «дивным» и утверждает, что сам он как откомандированный УПА в дивизию подобных приказов не получал.

Унтершарфюрер Василь Сирский из штабной роты 29-го полка свидетельствовал, что в каждую свободную минуту унтеры этой роты

учили в Ясенове членов УПА воинскому ремеслу. Тогда же между УПА и дивизией была достигнута договоренность, в соответствии с которой все молодые хлопцы этого района, имеющие мало-мальски представление о воинском обучении, должны были влиться в УПА, а не имеющие «начальной военной подготовки» должны были влиться в дивизию. В один из дней в штабе 29-го полка были зарегистрированы 120 добровольцев, которых затем выслали на обучение в район Красного.

Общее количество военнослужащих дивизии, воевавших затем в рядах УПА, неизвестно. Наиболее осведомленные источники называют цифру в 1 тысячу человек, другие — 3 тысячи. В их числе были беглецы-дезертиры из Хайделлагера, унтеры и солдаты полицейских полков, впоследствии «до лав УПА» присоединялись дивизионники из Словакии.

Бывший оберштурмбаннфюрер СС Онуфрик впоследствии возглавил школу подготовки старшинского состава УПА «Олени», бывший гауптштурмфюрер СС В. Гошка — Дрогобычский курень УПА. Сотник Мирон прославил себя тем, что уже после войны провел 2-й рейд УПА в Словакию, за что был награжден командованием Золотым крестом боевых заслуг 1-го класса.

Боевой опыт и выучка бывших эсэсовцев высоко ценились в УПА, и из них формировались подразделения гнуснопрославленной своими зверствами Службы безопасности (безпеки).

Дальнейшая их судьба незавидна — почти все они погибли в боях с советскими войсками, некоторым удалось «отделаться» длительными сроками лагерного заключения.

Бродская эпопея

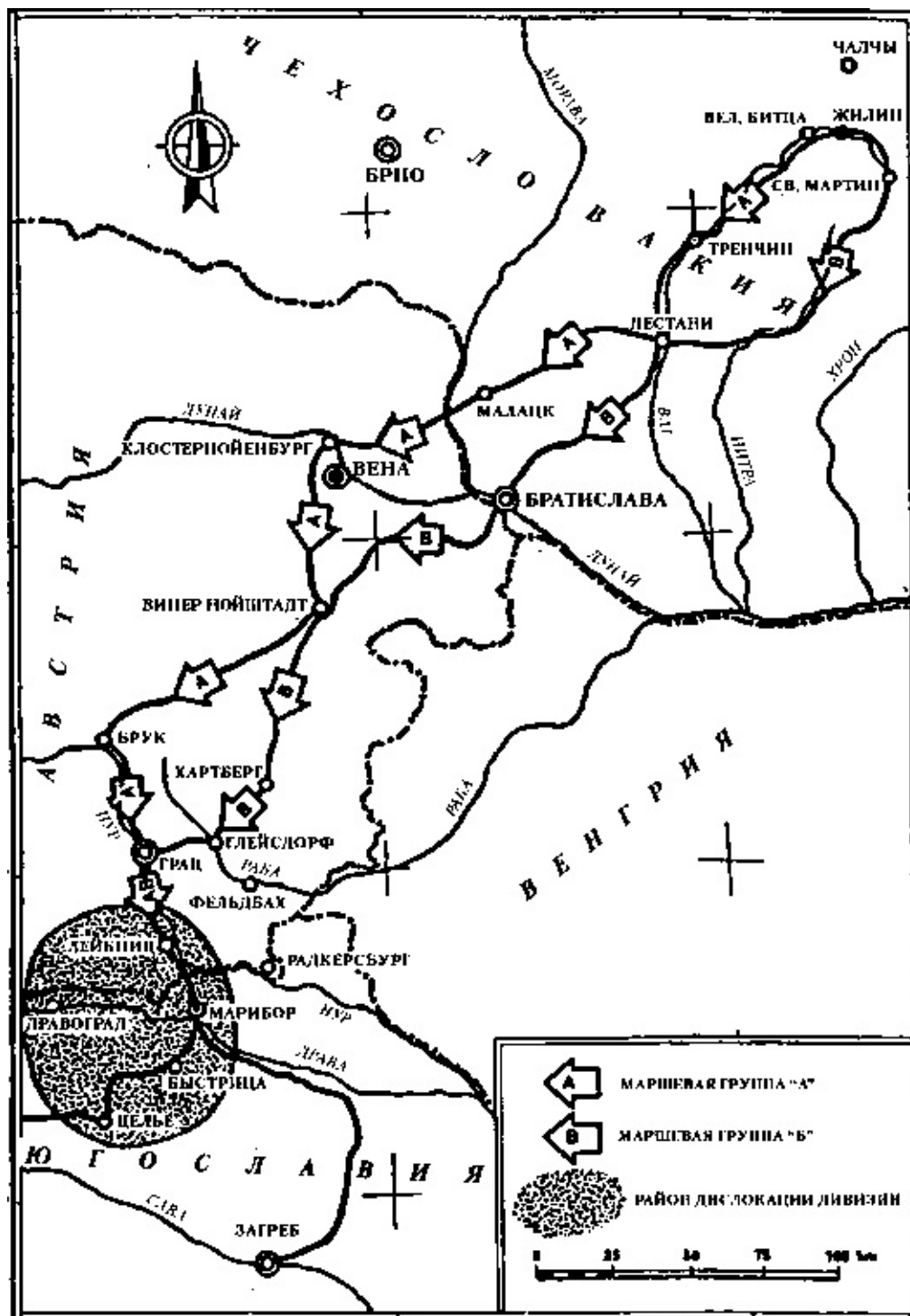
В июне 1944 года началась подготовка к выезду дивизии на фронт. Генерал-фельдмаршал Модель телеграммой запросил командира дивизии и его штаб прибыть в ставку для обсуждения условий введения дивизии в бой. Штабисты дивизии после получения телеграммы обсудили с губернатором О. Вехтером общее положение украинского формирования. В штабе Вехтера немецкие офицеры «Галичины» встретились с оберштурмбаннфюрером СС Гюнтером Далькеном, ответственным за проведение пропагандистской акции «Скорпион-Ост», направленной на разложение армии противника. Со своей стороны Далькен пообещал дивизионникам свою поддержку и попросил командование дивизии уделить внимание ведению пропаганды на советскую сторону специально созданными для этого группами пропагандистов.

Из Львова офицерский состав дивизии прибыл в ставку Моделя. В беседе с комдивом главнокомандующий выслушал его предложения по поводу предстоящего ввода дивизии в бой. Модель учел мнение Фрайтага и с учетом пожеланий выделил для «Галичины» участок фронта в окрестностях г. Станислава в зоне ответственности 1-й танковой армии. На следующий день комдив и начальник штаба выехали в штаб 1-й ТА. В лице командующего армией, бывшего офицера армии Австро-Венгрии Эрхарда Рауса визитеры встретили своего союзника. Для дивизии он выделил район к востоку от г. Станислава. Через день командование дивизии вернулось в штаб-квартиру Моделя для доклада. Первые эшелоны дивизии должны были выехать на фронт за две недели после возвращения Ф. Фрайтага в Нойхаммер. Фрайтаг, В. Д. Гайке немедленно возвратились в место расположения дивизии и начали ее подготовку к выезду на фронт.

Перед выездом на фронт 14-я дивизия СС «Галичина» включала в себя:

1. Штаб дивизии
2. 29-й СС-добровольческий гренадерский полк
3. 30-й СС-добровольческий гренадерский полк
4. 31-й СС-добровольческий гренадерский полк
5. СС-фузилерский батальон
6. СС-дивизион зенитной артиллерии
7. СС-артиллерийский полк, состоявший из 4 дивизионов
8. 14-й СС-саперный батальон

9. 14-й СС-дивизион связи
10. СС-полевой запасной батальон
11. Транспортную колонну
12. Административное подразделение
13. Санитарную часть и снабженческий отдел.

28 июня 1944 года началась переброска дивизии на фронт. Каждый день из Нойхаммера отбывало по 4 эшелона с людьми и техникой. Уже 25 июня из Нойхаммера выехала передовая часть дивизии, за нею 26-го — командир и начальник штаба. Буквально за 20 минут перед вылетом Вольфа Дитриха Гайке в место прибытия частей дивизии в Нойхаммер пришла телеграмма — приказ от Высшего командования Сухопутных войск, где сообщалось, что дивизия будет введена в бой не в ранее утвержденном и обследованном районе близ г. Станислава, а на другом участке линии фронта в центре расположения немецкой группировки «Западная Украина». В этом районе происходило оживление в советском тылу и явное укрепление и пополнение советской группировки. По мнению ОКХ, предполагалось начало советского наступления восточнее Львова.

Таким образом, рушились все первоначальные планы о постепенном втягивании дивизии в боевые действия. Сам ход боевых действий на Востоке и успехи наступающих советских войск в ходе легендарной Львовско-Сандомирской операции обусловили последовавшую затем трагедию для галичан под Бродами. Создать «санаторные» условия для украинцев уже не представлялось возможным — они становились передовым отрядом на острие главного удара противника.

В июне 1944 года дивизия была включена в состав 13-го армейского корпуса генерала А. Хауффе, входившего в 4-ю танковую армию группы армий «Западная Украина». Реально оценивая силы, дивизия «Галичина» могла бы успешно защищать фронт шириной 8–12 километров, а получила 36-километровый участок второй линии фронта. К тому же на фронте ощущалась нехватка танков, и отсутствовало надежное авиационное прикрытие. Немецкое командование, не имевшее резервов, попыталось новосформированной дивизией укрепить тонкую линию обороны близ Львова.

Командование 13-го АК не скрывало от начальника штаба «Галичины» своей радости по поводу прибытия его дивизии. Дивизии было поручено оборудование второй линии обороны. Сам Хауффе в беседе с В. Д. Гайке описывал свой участок фронта как до недавних пор безопасный. На передовой линии вся война сводилась до сего времени к действиям разведгрупп. До проявления грозных признаков подготовки наступления советская авиация в небе действовала пассивно, но в последние дни перед прибытием дивизии усилила авиаразведку.

4-й ТА была поставлена задача по обороне района в окрестностях местечка Броды. Пока наступления не было, немцы успешно маневрировали и собственными силами отбивали наступления местного значения. В состав корпуса входили 4–5 дивизионных групп (каждая малой численности). 4-я ТА «танковой» была лишь по названию, т. к. имела в своем распоряжении всего 50 танков, имевших к тому же маленький боезапас. Немецкая авиация на фронте фактически бездействовала. Опираясь на данные разведки, А. Хауффе полагал, что советское наступление будет предпринято через две недели, и его главной целью будут именно Броды — важный коммуникационный узел. О том, что советские войска прорвутся на двух участках фронта и охватят Броды «в клещи», не было и речи.

Части дивизии планомерно прибывали на фронт и выходили в места своего размещения. Учебно-запасной полк был переброшен из Вандерна, где ему не хватало места, в Нойхаммер. В полку в это время насчитывалось около 7 тысяч солдат.

Дивизионное командование неофициально обратилось к командованию 4-й ТА с просьбой не вводить дивизию в бой частями и учитывать ее особенности как в плане недостаточной военной подготовки, так и инонационального состава.

Внутренний настрой солдат дивизии был неоднозначным. Молодым и горячим не терпелось вступить в бой. Многие не знали, за что, собственно, пойдут они погибать. Полковник Бизанц еще в Нойхаммере кричал: *«Идите, сражайтесь и не спрашивайте, за что, как и мы не спрашивали в 1918 году!»*

По прибытии на фронт дивизия начала создавать укрепленные позиции. По выработанному плану три пехотных полка и батальон фузилеров укрепляли передовую линию. Все иные части дивизии разместились в глубине фронтового района. Отделы снабжения и обозы располагались в окрестностях г. Ожидова. Запасной батальон окопался на западе от Ожидова и представлял собой резерв дивизии. Несмотря на то, что части дивизии были размещены близ сел и местечек, личному составу было запрещено покидать места расположения. Линия фронта находилась в 20 километрах.

Снабжение дивизии продовольствием осуществлялось путем поставок. По селам разъезжали комиссии снабжения, которые закупали скот. По информации майора Гайке, нередко сами солдаты «Галичины» с оружием в руках вмешивались в работу членов комиссии.

Вскоре после обустройства новых позиций командование дивизии,

исполняя приказ, было вынуждено перебросить два полка на новые места.

Постепенно обстановка на фронте накаляется. Возрастает активность советской артиллерии. Численность противостоящих советских войск возрастает с каждым днем. Активизируется советская авиация, немецкая же в небе отсутствует. У 13-го корпуса отсутствуют какие-либо резервы. На этом участке фронта 13-му корпусу противостояли 1-я, 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, отдельный танковый корпус, 6-я, 7-я и 8-я кавалерийские дивизии. Каждая из танковых армий состояла из 3 танковых корпусов (каждый по 2 танковые бригады). В каждой из бригад насчитывалось от 300 до 400 танков. Кроме них, сюда же входили отдельные минометные и артиллерийские части. Кавдивизии, кроме кавполков, имели по 50 танков каждая.

В целом на фронте обстановка складывалась по аналогичному сценарию. Против немцев стояли три танковые армии по три ТК в каждой, один отдельный ТК, три кавдивизии, около 20 дивизий в резерве, приблизительно 1800 танков.

Немцы могли противопоставить два ТК («танковые» лишь по названию), два пехотных корпуса (15 дивизий) и 2 резервные дивизии. Незадолго до начала советского наступления 3-ю, 5-ю и 6-ю танковые дивизии, части которых были разбросаны в районе на восток от Ковеля, передислоцировали в Венгрию.

13 июля 1944 года после массивной артподготовки советские войска развернули наступление. В своей первой стадии Красная армия прорвала немецкий фронт на двух стратегических направлениях: 1-м — по дороге Тернополь — Львов (удар пришелся в середину 38-го корпуса), 2-м — на северо-запад от Бродов на стыке 13-го армейского и 46-го танкового корпусов. Оба удара были столь сильными и стремительными, что их невозможно было остановить, не имея танков и авиации. Основной таранной силой ударов были танки «Т-34», поддерживаемые с воздуха штурмовиками и истребителями.

Особенно быстрыми и успешными оказались действия советских танков, замкнувших кольцо окружения 13-го немецкого корпуса. Северный удар советских сил пришелся на левое крыло 13-го корпуса, а основная его тяжесть обрушилась на соседний 46-й ТК. Командир и начштаба дивизии, что располагалась на левом крыле 13-го корпуса в начале наступления, наехали в штабном автомобиле на мину. В неуправляемых частях возникла паника, что усугубило полную картину хаоса. Советские танковые части давили гусеницами и расстреливали смешавшиеся немецкие порядки, прорвались в район Бугска, где замкнули кольцо окружения.

13-й корпус, а вместе с ним и 14-я дивизия СС «Галичина» в течение нескольких дней были окружены. Командование частей, находившихся в котле, не имело представления о происходящем за его пределами. Советское командование ранее не имело планов окружения корпуса. Директива Ставки утверждала основной целью наступления Львов. Таким образом, оказавшиеся в окружении немецкие части оттянули на себя ударный кулак, предназначенный для прорыва на столицу Галичины.

Не останавливая атаки, советские части начинают маневр, направленный на уничтожение корпуса. Танковые атаки следуют со стороны Подкамня в направлении Брода. Танки прорывают правое крыло 13-го корпуса и в прорыв устремляются новые резервы. Передовые части 14-й дивизии СС отступают под ударами превосходящих сил. Единственным резервом командования корпуса становится 14-я дивизия СС.

Вместо использования «Галичины» единым кулаком немецкое командование предпочло бросать ее в бой отдельными полками. Первым пошел в контрнаступление 30-й полк, чьим заданием было закрыть прорыв на правом крыле корпуса. Для перехода в контрнаступление полка были вынуждены снять его с позиций близ Сасова. Совершая десятикилометровый переход, личный состав полка увидел воочию деморализованные и отступающие немецкие подразделения и сожженные остовы боевой техники. Для необстрелянных и не до конца обученных украинцев такая картина была предвестником разгрома. На марше части полка неоднократно подвергались налету советской авиации и понесли невосполнимые потери в людях и конном составе.

Заняв предназначенные позиции в маленьком леске, полк пошел в наступление под сильнейшим обстрелом. Советская пехота не противостояла наступающим, их встретили советские танки. Большая часть полка была намотана на танковые гусеницы и расстреляна на плоской как стол местности. Приданный полку дивизион легкой артиллерии неоднократно пытался занять позиции для боя, но под вражеским обстрелом не смог развернуться. Вскоре дивизион занял позиции под прикрытием нескольких стогов сена на открытой местности. После вступления орудий в бой «стога сена», оказавшиеся советскими танками, огнем своих орудий расстреляли в упор орудия галичан.

Советская пехота шла в атаку под прикрытием авиации и артиллерии. О том, что творилось на передовой, вспомнил бывший артиллерист, унтершарфюрер СС Владимир Молодецкий:

«Три наших орудия заговорили. Большевики, однако, постепенно

подходят. Наша стрельба доходит до максимума. Стволы орудий стоят горячими, а пулеметы разогрелись до невозможности. Советские воины гибнут, разрываемые шрапнелью и четвертованные пулеметным огнем, но приближаются все ближе, безостановочно стреляя из автоматов. В это время звучит команда приостановить стрельбу. Еще каких-нибудь 250–150 метров, и наши шрапнели будут задевать наших же солдат. Требуется скорое выполнение приказа. Кричу артиллеристам: «Прекратить огонь!» Хлопцы немедленно залегли. Из-за кустов, что раскинулись по левой стороне кладбища и протянулись до маленькой речки, выбегает с примкнутыми к винтовкам штыками рота фузилеров. Могучее «Слава!» покрывает стрельбу.

Большевики остановились, залегают и открывают сильную стрельбу. Через минуту из-за разваленных хат высыпается вторая рота фузилеров, которая кидается на правое крыло большевистского прорыва. Громкое «Слава!» смешивается с диким «Ура!». На все то, что сейчас творится, смотрю, стискивая в руках автомат, а пот скатывается крупными каплями со лба. Масса солдат смешивается в страшной борьбе. Короткие ружейные выстрелы, сверкающие удары штыками, страшные удары прикладами винтовок».

Вскоре на помощь полку были брошены 29-й и 31-й полки вместе с приданными артиллеристами. Первоначально оба полка пытались пробиться в район Подгорцев. Их попытка наступать мало отличается от той, что была предпринята 30-м полком. Советские танки не оставили ни малейшего шанса украинцам на успех. Вскоре полки понесли огромные потери, а оставшиеся в живых солдаты были деморализованы. В прорыв командование кинуло все имевшиеся и понадерганые где только можно остатки немецких частей. Остатки же дивизии «Галичина», поддерживаемые огнем своей артиллерии, занимают центральный участок фронта. Остатки 30-го полка были сняты с передовой на переформирование в резерв. В течение четырех дней он был переформирован в гораздо меньший по численности полк. После реорганизации 30-й полк был брошен на прочесывание лесной местности, заполненной советскими подразделениями, пробившимися во вражеский тыл. Теперь главным для дивизии становится создание преграды в долинах Сасова и Ясенова и недопущение прорыва противника в лесную местность.

В это время приходит информация о прорыве противника на северо-западе от Бродов. Из Бугска полевой-запасной батальон сообщает о сильных танковых атаках и о своем отходе на запад, такая же ситуация складывается в тылах дивизии, где разместились части снабжения. Штаб

дивизии не мог поверить столь скорому появлению противника в тылах.

Пока еще существующие линии связи с командованием фронта уведомляют о двух оперативных ударах противника на Львов. К немецкому командованию приходит понимание того, что первая фаза битвы успешно завершена для советских сил замыканием кольца с 13-м корпусом внутри. Советское наступление на Львов разворачивается. 16 июля пал Золочев, и советские войска вышли к Бугу и замкнули Бродское кольцо.

Связь корпуса с командованием армии рвется. В таких условиях командование корпуса понимает, что единственное, что остается, — держаться до конца. Командование дивизии отдает приказ держаться за занятые позиции всеми силами. Полное господство советской авиации не позволяет производить ремонт и укрепление позиций минами, и всю эту работу приходится делать короткими ночами.

В продолжение десяти дней корпус вел тяжелейшие бои, приковывая к себе значительные советские силы. Особенно тяжело приходилось украинцам и их соседям по позициям — 349-й дивизии. Противник направил острие удара именно в стык двух дивизий.

Полки встали перед прорывающимися советскими танковыми частями в долине Сасова и Ясенова. Развернулись ожесточенные бои за села Пеняки, Гуту Пеняцкую, Гуту Верхобугскую, Суходолы. Начались проблемы со снабжением, войска стали ощущать нехватку боеприпасов. Ситуацию осложняло отсутствие нормальной связи. Все телефонные линии были разорваны при артиллерийских и авиационных налетах. Радиоаппаратура не работала, вследствие чего приказы и донесения приходилось рассылать посыльными.

Против немецко-украинских позиций на равнине были применены гвардейские реактивные минометы «катюши». Это стало переломным моментом в битве под Бродами. Множество солдат впадают в шок, а затем в панику.

Развалины старинного замка в Подгорцах несколько раз переходили из рук в руки. В тылу обороняющихся 29-го и 30-го полков появляются первые танки противника. Брошенные им навстречу противотанковые подразделения вступают в противоборство на максимально короткой дистанции. 31-й полк, штаб которого целиком погиб близ Сасова под ударами «катюш», начинает распадаться.

В это время извне была предпринята попытка помочь окруженцам. На прорыв кольца пошли 8-я танковая и 20-я панцергренадерская дивизии. Наступление этих двух формирований было отбито советскими частями, при этом немецкой группе прорыва посчастливилось самой не попасть в

окружение. В данный момент советское командование уже перенесло основную тяжесть главного удара в направлении Львова.

В такой катастрофической обстановке командование 13-го корпуса получает приказ командования о прорыве кольца окружения. Командир корпуса избирает направление на Подольские высоты — место наиболее вялого наступления советских войск. В распоряжение начальника группы прорыва генерал-майора Ф. Линдемманна придан 14-я дивизия СС «Галичина» и немецкая пехотная дивизия. Другие части немецкой армии должны быть двинуты в прорыв. Начинается концентрация всех сил окруженных. Часть окруженной группировки призвана сдерживать прорыв советских войск, другая — стремительным броском прорвать кольцо окружения.

В ночь с 17 на 18 июля немецкие и украинские части предприняли попытку вырваться из кольца и соединиться с 8-й танковой дивизией, но попытка окончилась неудачей. 19 июля советскими частями был взят г. Колтев, и кольцо окружения сжалось. Образовался котел размером 9 на 8 километров, в котором оказались 65 тысяч человек.

В это трагическое для дивизии время Фриц Фрайтаг сообщил генерал-майору Линдемманну, что дивизия неуправляема. Телефонный разговор происходил при начальнике штаба В. Д. Гайке, и он не мог поверить своим ушам — его поразило это высказывание командира. До сей минуты части дивизии неукоснительно исполняли все приказы Фрайтага. Изумленный командир корпуса отдал приказ Фрайтагу о передаче управления дивизией генералу Линдемманну, а самого Фрайтага прикомандировал в распоряжение штаба корпуса.

Штандартенфюрер СС Порфирий Силенко в своих мемуарах сообщил, что во время бродской трагедии к Фрайтагу пришли украинские офицеры с предложением прорваться ночью из кольца, при этом оставить все войсковое имущество, посадить на лошадей и возы всех раненых и выставить наиболее боеспособных в голове колонны прорыва. На это предложение Фрайтаг заявил: *«Со всем тем, что имеем, пойдём и дальше. Здоровых выслать вперед в голову колонны, а остальные останутся при имуществе. Знаете, как сохраняется войсковое имущество и как трудно его пополнить?»* В результате все войсковое добро вместе с ранеными так и осталось в кольце. Тот же Силенко вспоминал: в Бродском кольце в передовых частях не осталось ни одного немца-офицера, а молодые немецкие унтеры под разными предлогами стремились уйти в тыл.

Паниковал не только Фрайтаг. В панику ударился и немецкий персонал дивизии. Не будучи духовно и дружески связанными с украинским

составом, немецкие военнослужащие предпочитали «удалиться» с передовой. Так, в окопах близ Ольска гауптштурмфюрер СС Вайс покинул своих подчиненных. Впоследствии, уже после битвы, Вайс вернулся к остаткам своей сотни с Железным крестом на груди. 16 июля в селе Куты советскими войсками был захвачен медпункт дивизии с 400 ранеными солдатами «Галичины». Еще до захвата немецкие танки вывезли на своей броне раненых немцев, а украинцев забрать экипажи отказывались.

Прорыв дивизии планировался на предрассветные часы, однако операция началась днем, когда уже взошло солнце. Особенно жестокие бои шли за лесистую высоту и село Гаваречину, а также близ села Белый Камень.

22 июля 1944 года части корпуса пробили брешь в кольце окружения близ Золочева меж сел Княжье и Ясиновцы. Четыре немецкие самоходки 8-й танковой дивизии вермахта пробились к осажденным. Украинцы вели боевые действия в составе частей Линдеманны, сдерживавших напор советских войск в районе Почапы — Белый Камень — Гологоры — Белзец — Скварява. Прорыв кольца первоначально составлял всего 150–200 метров, и постепенно немецкие войска «прогрызали» его все больше. «Ворота» во вне находились под постоянным обстрелом всех видов оружия противника. Советские танки курсировали по проходу вдоль и поперек, перепахивая гусеницами песок и расстреливая любого смельчака. Место прорыва имело сложный рельеф — близ железнодорожной ветки Бугск — Золочев природа создала непреодолимый рубеж — «берега» Подольских высот, уже занятые советскими частями, среди которых были и снайперы. При штурме этих высот погибли тысячи немецких военнослужащих от огня снайперов и артиллерийского обстрела. Тем же, кто занимал эти песчаные «берега», открывался прекрасный обзор нижележащей местности. При прорыве котла окруженные натолкнулись не только на самой природой созданные укрепления, но и на вполне рукотворные укрепрайоны. Такие опорные пункты советских войск состояли из небольших гарнизонов, усиленных 2–3 танками. В местечке Гологоры такой укрепрайон основательно потрепал прорывающихся — в ходе боя немцы потеряли здесь убитым своего командира корпуса.

В горячке отступления, когда части перемещивались друг с другом, людьми еще и руководил страх, постоянно подкрепляемый появлением тут и там советских танков, на прорыв шли группами и в одиночку. Такие группы формировались на скорую руку немецкими и украинскими офицерами СС и вермахта из того личного состава, что был в данную секунду рядом. На прорыв шли немцы и украинцы, казахи и русские из

восточных подразделений. Прорваться к своим удалось немногим. Большинство смельчаков были убиты либо попали в плен. Не избежал этой участи и один из украинских артиллеристов дивизии «Галичина» Павло Грицак:

«...Сформировав роту, поручик выехал сдать команду кому-то из офицеров вермахта. Близ нас формировались немецкие роты, долгий хвост обоза также готовился к дороге. Когда батарея немецких полевых гаубиц открыла огонь, казалось, что ситуация не так уж и трагична.

Под вечер 22 июля 1944 года шла наша группа в числе приблизительно двух батальонов пехоты, без тяжелого оружия, лишь с поддержкой огня немецких батарей. Группа разместилась в трех линиях, последнюю из которых и заняли галичане. На нашем участке командовал оштруф Фридрихе, командир нашей второй батареи, наш единственный офицер из дивизиона. Таких групп вышло из Почап (и, по-видимому, не только из Почап) много, и дальнейшая судьба нашей группы типична для всех остальных.

Наша группа вступила в бой вечером 22 июля без больших трудностей, из села на запад от речки, что текла через Почапы. Настала ночь, большевистское сопротивление возросло, длинная линия пулеметной очереди прорезала ночь над селом. Одна из групп вырвалась вперед, и неизвестно, что с ней стало. Их, наверное, разбил огонь большевистских минометов, что в это время засыпал наше село. Часть группы, в которой был и я, закрепилась на краю села и связалась с несколькими ротами вермахта, что подошли из Почап. Утром 23 июля эта укрепленная группа пошла в прорыв. Галичан там была рота, наших офицеров не было. Немцы из нашей группы имели «панцерфауст» и «офенроры», пулеметов было очень мало. Группу проводил немецкий обер-лейтенант. Офицеров в группе было мало, и они держались друг друга.

Высыпавшись из села, группа россыпью ринулась вперед. Навстречу нам бил сумасшедший пулеметный огонь из ближайшего леса. Мы бежали через ямы с водой, над которыми стоял густой туман. Может быть, поэтому большевистский огонь был неприцельный. На вражеский огонь мы не отвечали. Немецкая батарея все еще пробивала нам путь.

По мере приближения к лесу огонь врага возрастал. К нему прибавился и минометный обстрел. Столбы воды из болота с мокрым песком вздымались в небо. Наши потери возрастали. Про убитых никто не думал. Приказов никто не отдавал. Всем было понятно, что поставлено на кон. Размах и решительность атаки заставляли большевиков покидать свои позиции близ леса и втянуться в село, в которое одновременно ворвались и мы. Довольно многочисленные «хиви», какие-то черные азиаты, верещали устрашающе. Ничем иным они не могли поддержать атаку, т. к. не имели оружия. Может быть, и к лучшему... Через несколько минут село было наше. Из подвалов и погребов показывались перепуганные люди. На хатах всюду выставлены образа святых. На столах вдоль дороги хлеб, молоко и сыр. Сила наступления была колоссальной. Оказывается, и близлежащее село в двух километрах от занятого нами буквально за несколько минут было нашим.

Большевистский обстрел усиливался. К пулеметному и минометному обстрелу присоединился и артиллерийский, довольно сильный, огонь. Село горело, люди бросились под обстрелом спасать свое добро. Появились советские самолеты-разведчики. Стало очевидным, что высшее командование противника заинтересовалось нашим прорывом. Второе село, как я уже говорил, большевики не обороняли, и наш прорыв на нем выдохся. Наши сильно поредевшие цепи ворвались в село и — неожиданно для себя — не встретили отпора. Удивление было велико.

Недолго царило спокойствие. Вместо пехоты, что до сей минуты отбивала наше наступление, появились 7 танков. Они начали рейдировать по селу туда-сюда, разрушая все на своем пути. Нас же не было и батальона. Немцы, старые вояки с Восточного фронта, и те признавались, что такого пекла еще не видели.

Некоторые отчаянные немецкие головы с панцерфаустами пошли спасать ситуацию. Вскоре один танк загорелся и остановился, а другой — экипаж покинул сам. Не имея поддержки пехоты, танки повернули, тогда мы пошли за ними и скоро вышли на околицу села. Ситуация складывалась так: мы на краю села, перед нами на протяжении 300 метров луг. За лугом — железнодорожная насыпь, за насыпью — гора, покрытая лесом.

Между насыпью и лесом еще свободное пространство. На нем как на ладони видны две роты советской пехоты и пять танков, что вышли из села.

Короткая передышка — и все, что живое, рвет в последний, как оказалось, прорыв. Наша батарея все еще здесь в тылу и помогает нам огнем довольно прицельным. Бежим через луг. На нас сыплется ливень огня и железа. Это бьют 75-мм и 125-мм орудия советских танков «КВ-II» и «Т-34». Теперь понял, что значит выражение «Люди мрут, как мухи». Вскоре добегаем до железнодорожной насыпи. Я никогда не думал, что 300 метров — это так далеко. Залегает перед насыпью. Перед нами откос метров 50, а на другой его стороне лежат красноармейцы. Их меньше, чем нас, хотя нас не больше 300. Но 5 танков...

Слышим грохот гусениц, и пять танков выезжают на насыпь. Лежим ничком близ стальных рычащих гребов. А они не стреляют, т. к. мы в мертвом пространстве. Зато дружно палит советская пехота из пулеметов, автоматов и винтовок.

«Проклятье, все назад!» — ревет близлежащий майор вермахта. Из его рта течет кровь. Душа прорыва, но и он лишь человек. Через секунду лежит уже недвижимый. У нас все, кто еще живы (а их уже совсем мало), катятся назад. Большевики стреляют густо, град железа летит нам вслед. С насыпи ведут огонь шрапнелью танки — знают, что теперь их добыча от них никуда не уйдет. Хорошая тренировка для вражеских танкистов — мы от них в 100–150 метрах и бежим во все лопатки к селу.

Лечу головой вперед в какой-то овраг. Еще раз оглядываюсь. Больше смотрим назад, чем вперед. Опять какой-то ров. Сбегаем в него и бежим по его дну гуськом. Советский танкист имеет время прицелиться. Свист, грохот — и хвост нашего «гуська» уничтожен взрывом. Летят куски солдатского мяса. Еще взрыв — «гусек» еще короче. Зажмуриваю глаза, но ноги несут вперед... Свист, грохот, горячий дым — и те, что бежали передо мной, валятся бездыханные. Я их проскакиваю и бегу далее...

Танки осторожно прощупывают село своими орудиями. А под вечер появляются отовсюду массы советской пехоты, прочесывают село и всех, кто по воле небес не убит, не покалечен, не разорван в куски, — забирают в плен.

Вечером 23 июля 1944 года из штурманна я стал военнопленным...»

Из котла удастся вырваться небольшому отряду украинских добровольцев и присоединиться к аналогичной группе, возглавляемой Фрайтагом. Остатки 13-го корпуса, в составе которого находились украинцы, продолжали отступать в направлении на юго-запад.

Сумев объединить вокруг себя лишь часть спасшихся украинцев, штаб дивизии предпринимает усилия по сбору вокруг себя других остатков личного состава. Дивизионный транспорт весь погиб в котле, но помощь приходит от командования 8-й ТА, позволившей украинским офицерам передвигаться на броне. С помощью курьеров удастся собрать остатки дивизии, вышедшие из котла, и вести их далее на запад. Остатки дивизии в виде колонны отступают по открытой местности и постоянно терпят налеты вражеской авиации, от которой особенно достается местам скопления войск — мостам, переправам и перекресткам. От такого марша недобитая дивизия опять несет невосполнимые потери. Маршрут отступления 14-й дивизии лежит через Стрый — Дрогобыч — Самбор. В Дрогобыче Фрайтаг встречает полковника Бизанца и рассказывает ему обо всей Бродской эпопее. Тем временем части дивизии вместе с остатками разбитого 13-го корпуса начинают стягиваться в район Ужгород — Мукачево в Закарпатье.

При подсчете общего количества вышедших из котла возникла цифра 500 украинцев. К этим людям, пережившим ад и сосредоточенным в селе Спас над Днестром, приехал О. Вехтер. Здесь Вехтера ждал сюрприз. Командир дивизии оберфюрер Фрайтаг обрушил на него дикую по своей неприязни к украинцам тираду. По словам Фрайтага, именно украинцы были повинны во всем случившемся. Они не выполняли приказов командира, они саботировали распоряжения своих немецких офицеров, наконец, именно украинцы погубили его, Фрайтага, карьеру. Вехтер, как может, успокаивает истерику Фрайтага и сообщает ему, что в Берлине прекрасно осведомлены, как геройски стояла под советским огнем украинская дивизия. Постепенно, излив Вехтеру все, что скопилось на его душе, Фрайтаг нехотя признает, что дивизия действительно воевала в таких условиях неплохо. Присутствовавший при первой половине фрайтаговской истерики В. Д. Гайке вышел из помещения, когда комдив начал валить всю вину на украинцев. В дальнейшем Фрайтаг так и не смог отделаться от неприязни к своим украинским подчиненным. В августе 1944 года на выступлении перед украинскими офицерами в школе подготовки офицерского состава в Просечницах (Чехия) он «разъяснил» всем присутствующим, что неудачи дивизии проистекали лишь от самих украинцев. Договорился до того, что на защиту украинских солдат встал

немецкий офицер, руководитель школы.

Переправившись через Карпаты, остатки дивизии в количестве 1500 человек были сосредоточены в районе между городами Мукачевом и Ужгородом. В полном составе прибывают ветеринарная и техническая роты, большая часть запасного батальона. Кроме части легкого стрелкового оружия, имевшегося у прорвавшихся бойцов, львиная доля вооружения дивизии осталась в котле.

Оставшиеся в живых офицеры дивизии по памяти восстанавливали ход боевых действий, т. к. все документы погибли в боях. Итоги первой кампании для дивизии были трагическими. Дивизия пошла в бой, имея в своем составе 11 тысяч военнослужащих. В котле было утрачено 7 тысяч человек — большинство погибли, часть попала в плен. Определенная часть попала в армейские госпитали, и на их возвращение в строй можно было рассчитывать. Часть дивизионников оказалась в составе 18-й добровольческой дивизии СС «Хорст Вессель» в районе местечка Ясло. Высказывалось мнение, что часть солдат дивизии уже под Бродами перешла в ряды УПА. По самым скромным подсчетам, вырваться из огня должно было не менее трех тысяч человек. Не принимавший участия в сражении учебно-запасной полк сохранил свои кадры — 8 тысяч человек.

Потери были убийственными. Погибли в котле два украинских офицера — Микола Палиенко и Дмитро Палиев. Из немецких офицеров погибли командир 31-го полка и командир дивизиона связи.

Советские источники содержат мало информации о потерях противника. По советским подсчетам, в плен попали 17 тысяч военнослужащих немецкой армии, в том числе два генерала. На поле боя остались лежать около 30 тысяч военнослужащих.

Современник тех событий Евстахий Загайчевский, служивший до перехода в «Галичину» в пехотных частях, утверждал, что надломленный моральный дух немецких войск не способствовал стойкости. После покушения на Гитлера в войсках было «потеряно сердце»:

«...Это уже был не тот немецкий воин из 1941–1942 гг. Я сам был свидетелем событий, когда во время атаки наших частей дивизии «Тотенкопф» под Гродно 23–24 июля 1944 года две батареи полевых орудий вермахта обстреляли нас. После этого инцидента личный состав батарей был снят с фронта и проведен через «десяткование», т. е. каждого десятого из них, включая офицерский и унтер-офицерский состав, расстреляли, а других вывезли в штрафные подразделения. Также и возвратившиеся из

Бродов говорили, что во время окружения как офицеры, так и солдаты-немцы бросали оружие с криком «Войне конец! Гитлер убит!» и сдавались в плен большевикам».

Из Закарпатья остатки дивизии были переброшены в Нойхаммер, где стоял полнокровный запасной полк дивизии, на переформирование. Фриц Фрайтаг выбыл в Берлин, временно исполнять должность командира стал штандартенфюрер СС Байерсдорф.

Фрайтага принял рейхсфюрер СС и поблагодарил его за поведение дивизии в окружении. Вслед за похвалами Фрайтаг получил приказ о новом формировании дивизии. К чести оберфюрера следует отметить, что он обратился к Гиммлеру с просьбой снять его с поста комдива и дать ему под начало немецкую дивизию. Гиммлер просьбе своего подчиненного не внял и лишь повторил свой приказ.

Второе рождение дивизии

5 сентября 1944 года вышел приказ о новом формировании дивизии. Этим же актом командиру дивизии предписывалось закончить ее подготовку к 31 декабря.

Основная часть военнослужащих вновь сформированной дивизии размещалась в Нойхаммере, часть дивизионников была расквартирована на территории близлежащего бывшего лагеря военнопленных за колючей проволокой. Такие условия размещения не могли не вызывать справедливых нареканий со стороны командования дивизии, но такие условия были предоставлены командующим 8-м военным округом.

В отличие от первого формирования дивизии вторая попытка облегчалась наличием собственного офицерского кадра и расположением части, когда все формирующиеся заново ее подразделения находились в одном месте. Проблему размещения солдат в концлагере также удалось вскоре решить, и большинство из них покинули бараки за колючей проволокой. В дивизию постепенно прибывало новое оружие.

В Нойхаммер прибыла тысяча немецких офицеров и унтеров — учебный персонал. Дивизия отправила своих кандидатов на обучение в офицерские и унтер-офицерские школы. Несмотря на прибытие такого пополнения, ощущалась нехватка опытных офицеров и унтеров, погибших под Бродами.

Роман Лазурко так описывает возвращение тех немногих, что смогли вырваться из Бродского окружения:

«А эшелоны подходят. Только какие? Из роты возвращается 15–20 человек. Некоторые артиллерийские батареи полностью погибли в боях с советскими танками. Вечерами сходимся и слушаем рассказы. Из этих многочисленных историй у меня складывается общая картина. И из других участков фронта поступает та же информация. Предал вермахт, который сломался в первой советской атаке, а после покушения на Гитлера немецкие дивизии начали выходить с фронта на позиции дивизии, никого об этом не уведомив, и дивизия, стоявшая во второй линии без противотанкового оружия, вдруг очутилась на передовой, на острие большевистского прорыва к Бродам. Части дивизии занимали участок фронта скромными силами, не

получив высшего приказа к выступлению, поэтому части дивизии понесли такие потери. Солдаты рассказывали, что никто не сдавался в плен, раненые добивали себя. Примером этого может служить факт, что добил себя выстрелом в голову полковник Микола Палиенко, командир артиллерийского полка дивизии, останки которого верные солдаты вынесли с поля боя. Полковник Палиенко был единственным высшим офицером-украинцем в ту трагическую минуту. Он не был таким, как майор Кляйнов или генерал Фрайтаг и другие. Полковник Палиенко был ранен в бою во главе своего полка и погиб, чтобы не попасть в руки врага, когда группу солдат, которые выносили его с поля боя, окружила группа советских танков».

Место погибшего Дмитро Палиева занял гауптштурмфюрер СС Любомир Макарушка, до этого времени служивший в Войсковой управе.

Недостатка в украинском пополнении дивизия не испытывала, но в отличие от первого набора, когда молодежь с охотой шла на службу добровольно, теперь она шла под страхом встречи с «Советами», чьи войска шли по Украине. Все новые рекруты проходили первоначальный цикл обучения в учебно-запасном полку дивизии.

Из учебных частей прибыли 200 командиров рот и два батальона егерей, состоящих из румынских фольксдойче. По мнению начальника штаба дивизии, наиболее пригодными эти фольксдойче были на должностях конюхов. Полезным приобретением были офицеры и унтеры-фольксдойче из Словакии. Они имели за плечами опыт военной службы в Словацкой армии и быстро нашли общий язык с украинцами, однако не пользовались популярностью у командира дивизии.

В дивизии постоянно ощущался дефицит офицеров и унтеров. Кадры, выпускаемые учебно-запасным полком, также требовали обучения уже в составе дивизии. Командир дивизии бомбардировал высшие инстанции просьбами о выделении дополнительного количества немецких офицеров и унтер-офицеров. Постепенно в распоряжение комдива начали поступать немецкие кадры, и к концу 1944-го — началу 1945 г. все командные и административные посты в дивизии были заняты немцами. В подразделениях дивизии, где требовалось применение технических познаний, украинцы не могли занять офицерских должностей, т. к. уровень их познаний был явно недостаточным для этого. Подготовить такие кадры в той обстановке возможностей не было.

Замыслы Фрайтага простирались до создания резерва немецких

офицеров. Постепенно ситуация в дивизии начала накаляться: украинские офицеры были низведены до уровня парий, место которых лишь в составе учебно-запасного полка либо Войсковой управы. Макарушка пытался повлиять на комдива, но дальше скандала дело не двинулось — украинцам были отданы лишь посты ротных командиров. Немало офицеров, и не только украинцев, требовалось убрать из дивизии за их полную профнепригодность и за то, что под Бродами они показали себя с худшей стороны. Надлежащих выводов комдив не сделал.

В различных подразделениях дивизии были созданы унтер-офицерские курсы. В составе учебно-запасного полка дивизии удалось с успехом наладить такую подготовку.

Часть унтеров направлялась на подготовку в специальные школы. Так, из дивизиона противотанковой артиллерии 20 августа 1944 года в школу унтер-офицеров в Лауэнбурге выехали 12 человек.

«Школа размещалась в здании бывшей клиники для умалишенных (хорошие перспективы!) и от железнодорожной станции была отделена на два километра. Хорошо пропотев под тяжестью наших ранцев, мы прибыли на место. Здесь снова прохождение различных формальностей и бег по различным подразделениям и комнатам. Из нас сформировали одно подразделение и его влили в «интернациональную роту» противотанковой артиллерии. Рота состояла из представителей четырех наций: из нас — украинцев, эстонцев и хорватских мусульман, последние ходили в своих традиционных красных фесках вместо войсковых пилоток. При нас остались также три немца, что приехали с нами. Две другие роты были немецкими. Нашим ротным был унтерштурмфюрер Баля, немец из Хорватии. Его заместителем был унтер-шарфюрер Вишневский, немец с Поморья... Первые дни в школе нам, и особенно мне, приходилось тяжело. Уже столько раз я проходил это учебно-казарменное житье, что не хватало нервов слушать вопли «учителей», унтеров, исполнять разные поручения в наказание...

Каждый день с утра после завтрака и сбора мы ходили на учебу на местности либо занимались с орудиями. Учебу мы проводили с 75-мм орудием либо меньшего калибра — 55 мм. После обеда изучали теорию в учебных классах. Возле больших «зандкастов» (макетов на песке) учили нас теории артиллерийской стрельбы. Каждую субботу до полудня была

муштра. Со временем мы начали выезжать на практические стрельбы в район Штрена в 25 км от Лауэнбурга.

Меня назначили переводчиком с немецкого языка для нашего подразделения. Тяжело было переводить, не ведая украинскую воинскую терминологию, поэтому над каждым «тяжелым» словом я останавливался, подбирая термин. Хуже всего было, когда разъяснение касалось материальной части орудий или иного оружия, где каждая деталь имела свое название. Хорошего словаря на украинском языке мы не имели, поэтому отдельные части, украинское название к которым мне не удавалось найти, приходилось называть по-немецки. Также часто демонстрировали нам учебные фильмы, устраивались ночные тревоги и далекие марши.

Школа имела три курса: наш противотанковый, пехотный и легких полевых орудий. Нас, украинцев, на трех курсах было около 220 человек. В противотанковой роте — 12, в роте пехотных орудий — 4, а другие — на пехотном обучении...»

В отличие от «первой» дивизии, дивизии второго состава были делегированы права на присвоение офицерских званий. Многие из украинских офицеров старших возрастов проходили процедуру перепроверки своей пригодности к службе. Экзамены устраивались в учебно-запасном полку. По результатам таких перепроверок происходило немало скандалов из-за нежелания командира полка Кляйнова признавать украинцев годными к офицерской службе. Фрайтаг своего подчиненного выгородил, и безобразия с офицерскими зачетами продолжались. Кляйнов окончательно «сдался в плен» собственной антиукраинской шизофрении. При прохождении рот с украинскими песнями он впадал ярость, «строил» солдат и унтеров-немцев за то, что допускали такое «безобразие». При этом Кляйнов обзывал солдат последними словами, из которых самыми нейтральными были эпитеты «предатели», «трусы», «подонки». Состояние больного мозга Кляйнова усугубляло еще и... Варшавское восстание. Штурмбаннфюрер СС не разделял поляков и украинцев, потому и набрасывался зверем на «потенциальных бунтовщиков».

Ситуация изменилась лишь после того, как его сменил на посту командира полка штандартенфюрер СС Маркс, сумевший в короткий срок наладить добрые отношения не только с подчинявшимися ему украинскими кадрами, офицерами, но и с Войсковой управой и УЦК. Последние две инстанции активно сотрудничали с полком в вопросах

материального обеспечения, культурной и духовной опеки личного состава.

Обучение офицерских кадров дивизии проводилось в других воинских частях и школах СС. Полторы тысячи человек были направлены на обучение в ряды дивизии СС «Викинг» в Модлинский учебно-тренировочный лагерь. Здесь украинцы были распределены преимущественно в панцергренадерские полки «Германия» и «Вестланд» — в пехоту и артиллерию. В составе «Викинга» украинцам пришлось вступить в бои с наступающими советскими частями в районе Модлин — Легионово, где погибли 200 украинцев. До 4 ноября 1944 года украинцы несли фронтową службу, затем были возвращены в «Галичину». 4 ноября 1944 года командир дивизии СС «Викинг» штандартенфюрер СС Ульрих подписал специальное обращение к украинцам:

«Воины-добровольцы против большевизма! Три месяца тяжелых боев позади. Вы славно исполнили свои обязанности, удерживая фронт перед значительно превосходящими силами противника. Только что рейхсфюрер СС издал приказ о вашем возвращении в дивизию СС «Галичина». Я благодарю вас за вашу службу и решительность в антибольшевистской борьбе и желаю вам воинского успеха в дивизии «Галичина» до окончательной победы над нашим вечным врагом — большевизмом».

Следует отметить, что эти полторы тысячи украинцев не были первыми украинскими военнослужащими дивизии СС «Викинг». Первые украинские рекруты попали в дивизию в 1939–1940 гг. из числа украинских беженцев. Военное руководство отобрало из их числа молодых людей наиболее «арийской» внешности и включило в состав ваффен СС. В 1941 году руководитель Львовского СД Кольф издал секретный приказ, в соответствии с которым в ряды войск СС должны были призываться уроженцы Западной Украины (в основном галичане и волынцы) как «расово чистые». В результате набора в СС пошли служить свыше двух тысяч украинцев.

В дивизию поступала информация о скрытых резервах, вполне пригодных для полноценного пополнения рядов. Особые надежды на свой переход в дивизию имели украинские молодые люди, служившие в составе немецких ПВО, т. н. «флакхельферы». Молодежь рвалась в дивизию, однако немецкие инстанции не могли одновременно оголить батареи зенитных орудий, уполовинив численность их персонала.

В период второго формирования дивизия обрела полноценный

медперсонал. Несмотря на то что дивизия была инонациональной и по своему статусу не имела полномочий на организацию своего полевого госпиталя, такое разрешение было дано высшими инстанциями. Теперь все раненые украинские военнослужащие проходили лечение в своем госпитале, а не мыкались между немецкими госпиталями, своим же учебно-запасным полком и дивизией. Для нужд дивизии из фондов Генерал-губернаторства был выделен санаторный корпус на курорте в Закопане, куда могли выезжать на реабилитацию и отдых раненые солдаты дивизии.

Техническое обеспечение дивизии шло в соответствии с планами снабжения, однако не могло сравниться с тем, что было при первом формировании, когда имущество шло потоком. Несмотря на это, начальники отделов прилагали максимум усилий для снабжения дивизии транспортом, оружием, боеприпасами и обмундированием.

По своей структуре обновленная дивизия «Галичина» отличалась от прежней только тем, что вместо дивизиона зенитной артиллерии имела батарею 37-мм зениток. Уже после окончания формирования пришел приказ о переформировании дивизии в пехотную дивизию СС. Такие боевые формации уже принимали участие в боевых действиях, однако по своей численности и убогому обеспечению не могли сравняться с полноценными дивизиями ваффен СС.

Огромной проблемой оставались лошади. После утраты фактически всего конного состава под Бродами дивизия так и не смогла восполнить эти потери. Реквизиционные комиссии из состава дивизии были высланы в Генерал-губернаторство, но эффективность их работы оставляла желать лучшего. Многие из «снабженцев» уходили в УПА, некоторые погибли в боях с партизанами, другие попали в плен к наступающим советским частям.

Личный состав всех без исключения подразделений снабжения также был обязан пройти военную подготовку к ведению полноценных боевых действий. Кроме того, во всех подразделениях дивизии действовали свои курсы повышения квалификации солдатского ремесла.

В период переформирования дивизии была укрупнена до ста человек рота полевой жандармерии, в задачу которой входило поддержание дисциплины и порядка в дивизии.

В боевых действиях под Бродами выявились особенности поведения украинских солдат. Так, по наблюдению немецких офицеров, украинцы тяжело переносили вражеский обстрел в окопах, зато с наилучшей стороны проявили себя в контратаках и штурмах. В период второго формирования

уделялось больше внимания изучению рукопашного боя, ночных походов, стрельбам. Каждое подразделение было обязано пройти через ночные тревоги с маршами с полной выкладкой и преодолением различных препятствий.

Плановые учения начались 15 сентября, в начале октября проводились боевые стрельбы во взаимодействии всех родов оружия. Успешно прошли тренировки штурмовых групп.

Новинкой для дивизии стала «Станция почтовых голубей и собак», в которой было 50 собак, натренированных для охраны и преследования. Впоследствии собаки пригодились при ведении боевых действий против партизан в Словакии.

Иначе, нежели в «первой» дивизии, обстояло дело с приездами родственников. Теперь уже дивизия кормила прибывавших в Нойхаммер родственников военнослужащих, причем не только украинцев, но и немцев. В большинстве своем это были уже люди, лишившиеся крова, хозяйства и покинувшие родину. Отпуска военнослужащим также давались с целью поддержки родни.

Командование дивизии регулярно уведомляло вышестоящие инстанции о ходе обучения и комплектования дивизии. В рапортах указывалось на нехватку оружия и как следствие на невозможность полноценной боевой учебы. Командование указывало на невозможность введения неподготовленной дивизии в бой.

По состоянию на зиму 1944–1945 гг. дивизия включала в себя:

1. Штаб
2. 29-й гренадерский полк в составе 1–3 батальонов
3. 30-й гренадерский полк (1–3 батальон)
4. 31-й гренадерский полк (1–3 батальон)
5. Артиллерийский полк (1–4 дивизиона)
6. Фузилерский батальон
7. Истребительно-противотанковый батальон
8. Саперный батальон
9. Дивизион связи
10. Транспортную колонну
11. Административное подразделение
12. Санчасть в составе 1–2 санрот, полевого госпиталя, техроты и ветроты
13. Полевую почту
14. Полевой запасной батальон
15. 14-й учебно-запасной полк (1–3 батальона и запасной батальон).

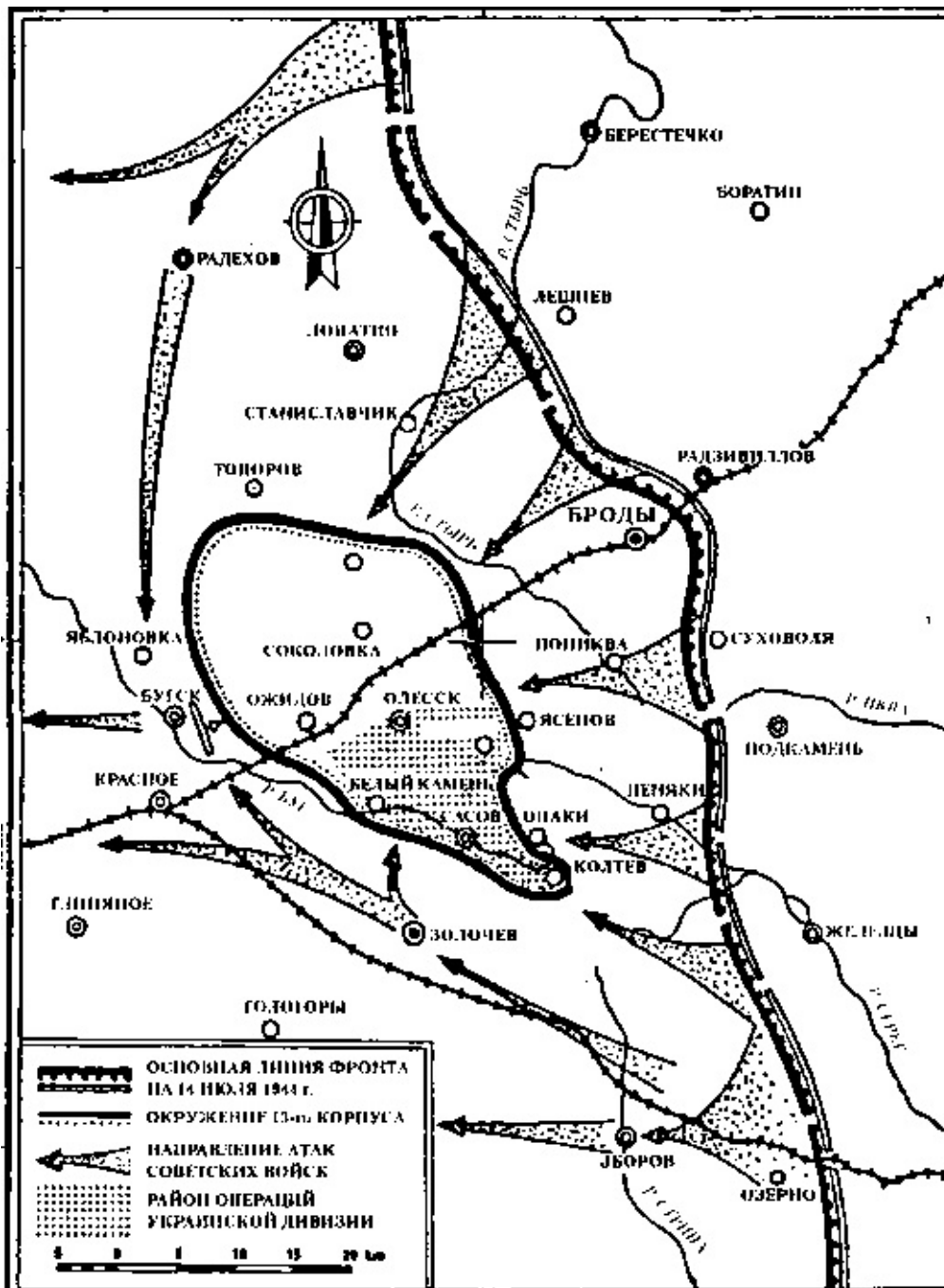
Национальный характер формирования также давал право командованию дивизии требовать от высших инстанций особого отношения. Вскоре удалось «пробить» новое название дивизии, теперь она стала именоваться «украинской» (Ukrainische), и на всех мероприятиях рядом с немецким флагом вывешивался теперь и жовто-блакитный флаг Украины, разрешалось исполнять в официальной обстановке гимн Украины. Были внесены изменения и в текст присяги. Если ранее ее текст повторял слова немецкой присяги, то теперь в ней появились слова о борьбе за Украину и ее народ. Герб Украины — трезубец святого Владимира — пока что официально был запрещен, но неофициально все клумбы и аллеи в расположении дивизии были украшены его мозаичным изображением.

Неожиданным для всех стало награждение Ф. Фрайтага Рыцарским Железным крестом. Первоначально в дивизии это известие восприняли как признание своих заслуг. Поздравление Фрайтагу не прислали Украинская Войсковая управа, УЦК и О. Вехтер, что свидетельствовало об их истинном отношении к комдиву. Вехтер поздравил Фрайтага с наградой лишь четыре месяца спустя и в неофициальной обстановке.

Словакия — Штирия

30 августа 1944 года в Словакии началось восстание против прогитлеровского правительства Йозефа Тисо. Большая часть Словацкой армии во главе с министром обороны Фердинандом Чатлошем поддержала мятежников. Восстание началось с выступления танкового гарнизона в местечке им. Св. Мартина в районе Ружемберока. Первыми жертвами восставших стали гражданские немцы и солдаты-тыловики. Вскоре восстание заняло территорию в районе Банска-Бистрица — Зволень. Части Словацкой армии, руководимые советским инструкторским составом, постепенно превращались в партизанские отряды, опиравшиеся на поддержку местного населения. Под угрозой полного паралича находились важнейшие коммуникации в тылах немецких войск.

Силы по подавлению восстания возглавил главком немецкой группировки в Словакии генерал-лейтенант Герман Хефле. От СС подавление восстания непосредственно курировал начальник СС-Гауптамта обергруппенфюрер СС Г. Бергер. В соответствии с планом, разработанным штабом Хефле в Братиславе, планировалось провести наступление в центр восставших при наличии достаточных сил. В помощь немецкой группировке командование выделило 14-ю украинскую дивизию СС «Галичина».

Маршрут перехода дивизии из Словакии в Словению

28 сентября главное командование СС издало приказ, согласно которому «Галичина» передислоцировалась в Словакию в распоряжение обергруппенфюрера СС Бергера. Дивизии поручалось нести охрану района Жилин и продолжать обучение. Учебно-запасной полк дивизии также

перемещался в Словакию.

Другим приказом командованию дивизии было предписано создать одну боевую группу в составе пехотного батальона, усиленного подразделением артиллерии, противотанковым и саперным отрядами. Группу надлежало сформировать и выслать в распоряжение командующего войсками вермахта в Словакии.

В состав боевой группы командование выделило один из батальонов 29-го полка, одну батарею легкой артиллерии, две роты истребительно-противотанкового оружия, две роты саперов, отделения связи и боевого снабжения.

Командовать группой было поручено бывшему офицеру Словацкой армии, фольксдойче, оберштурмбаннфюреру СС Карлу Вильднеру. Хромого Вильднера украинские солдаты любили за его доброе отношение к ним.

В течение 24 часов группа тремя эшелонами была переброшена в Словакию, для всей же остальной дивизии был заказан транспорт в Братиславе. Группа прибыла на место разгрузки 29 сентября 1944 года на станцию Землянско — Костеляни и промаршировала к Новой Бане, затем через Жарновицу до Брезина. Во время первого же перехода группа была обстреляна партизанами из минометов. Наиболее сильный бой группа Вильднера вела за село Вигно и город Банска-Бистрица. В этом регионе группе противостояла группировка из 2 тысяч титовских партизан.

Накануне переброски личного состава комдив со своим штабом выехал в Братиславу для обсуждения всех подробностей передислокации, размещения дивизии. Прибыв в штаб Хефле, Фрайтаг уведомил его, что дивизия находится в стадии формирования, вооружена не полностью и проходит период обучения. Фрайтаг также сообщил, что наилучшее оружие передано боевой группе Вильднера и в настоящее время дивизия фактически небоеспособна, а из-за отсутствия транспорта не оперативна. Хефле с учетом отнесся к тревогам комдива и со своей стороны пообещал приложить максимум усилий к быстрейшему снабжению дивизии всем необходимым.

Хефле сообщил, что дивизии будет выделен район близ городка Жилин, где дивизии предписывается вести борьбу с партизанами и продолжать свою боевую учебу. Хефле также уведомил, что деятельность партизан в данном районе слабая и боевой учебе это не повредит. Перед размещением украинцев район прочесала запасная танковая дивизия «Татра», и именно ее заменяет в месте расположения дивизия «Галичина».

Хефле поручил комдиву связаться с командиром «Татры» и обговорить

детали смены. Со своей стороны Фрайтаг поручил начальнику отдела боевого обеспечения дивизии связаться со штабом Хефле и обговорить условия размещения и довооружения дивизии.

На следующий день комдив и штабные офицеры дивизии выбыли к командиру дивизии «Татра» генералу фон Липеру и обсудили предстоящий процесс переброски частей «Галичины». На месте выяснилось, что украинцы сменят немцев в населенных пунктах Чадцы, Ружомберок, Св. Мартин, Поважска-Бистрица, Жилин, Турзовка. Через местности шла важнейшая железнодорожная магистраль из Силезии в Братиславу и из Жилина в Ружомберок.

15 сентября 1944 года первые эшелоны дивизии выехали из Нойхаммера в Словакию.

Украинская дивизия сменила дивизию «Татра» и расположилась в следующих населенных пунктах:

- Штаб дивизии — в г. Жилине,
- 29-й полк — севернее г. Жилина, его командный пункт — в Кисуцком Новом Месте,
- 30-й полк — в районе западнее Жилина, его командный пункт — в Великой Битче,
- 31-й полк — в районе восточнее Жилина, его к/п — в местечке Св. Мартин,
- Фузилерский батальон — севернее Жилина, его к/п — в м. Райец,
- Артиллерийский полк — в районе близ Жилина, его к/п — в Битчице,
- Истребительно-противотанковый дивизион — в м. Св. Мартин,
- Саперный батальон — в м. Врутки,
- Дивизион связи и административные подразделения — в г. Жилине,
- Полевой запасной батальон — восточнее г. Жилина, Учебно-запасной полк — в районе Чадцы, ряд к/п его батальонов был размещен по близлежащим селам.

Следует отметить, что в подчинение штаба дивизии перешли 11 различных частей (в основном силой до батальона), которые также необходимо было снабжать. В целом вместе с учебно-запасным полком и приданными силами дивизия насчитывала в своих рядах около 22 тысяч человек. Несмотря на трудности с кадровым обеспечением, дивизионные пекарня и мясобойня довели свою производительность до высшего показателя и могли снабжать 45 тысяч человек.

Местности, где были расквартированы части и подразделения дивизии, были разделены на боевые участки. Каждое подразделение, размещенное здесь, было ответственно за охрану, обеспечение порядка и спокойствия

населения и за борьбу с партизанами. Все «чужие» боевые единицы, располагавшиеся в зоне ответственности украинского подразделения, были обязаны подчиняться его командиру. С первых же дней прибытия частей дивизии весь сектор ответственности, доставшийся от дивизии «Татра», был пересмотрен, и начаты разведывательно-штурмовые операции против партизан. Основной задачей дивизии стала охрана железнодорожной колеи Ружомберок — Жилин, которая проходила через сильно пересеченную лесами, горами и тоннелями местность. Кроме охраны «железки», украинцам также было предписано нести вахту на военных заводах в местах проживания рабочих в Ружомбероке. Оба задания имели статус «поручений фюрера», и к их исполнению дивизионники относились с ответственностью. Нередкими были случаи, когда партизаны похищали рабочих по дороге на работу либо с работы и заводы лишались квалифицированных специалистов. Особенно важной была охрана оружейного завода в г. Поважска-Бистрица.

Несмотря на охрану железной дороги, здесь постоянно гремели взрывы, поднимавшие в воздух рельсы и шпалы. Такие диверсии значительного урона не приносили, и сообщение быстро восстанавливалось. В районе действия дивизии не было взорвано ни одного моста или туннеля. В течение первых же десяти дней после выхода дивизии на боевое дежурство обстановка изменилась. Если раньше немецкие офицеры не рисковали ездить в автомобиле без прикрытия сильной охраны, то теперь по дорогам можно было продвигаться ночью и без охраны.

Штабисты дивизии регулярно участвовали в совещаниях, проводившихся в штабе командующего в Братиславе. С немецким руководством установились добрые взаимоотношения, что сказывалось и на отношении к дивизии в целом. Для ее нужд было выделено достаточное количество лошадей, повозок, амуниции.

В нее стало поступать качественное оружие чешского производства. Другим источником пополнения арсенала стали партизаны, в боях с которыми было захвачено оружие чешского, советского и немецкого производства. Почти весь артиллерийский парк украинской дивизии составляли теперь немецкие полевые гаубицы, отбитые у противника.

Боевое обучение личного состава дивизии совмещалось с антипартизанскими операциями. Одно дополняло другое, и для украинцев, раскатанных советскими танками на фронте, учебные стрельбы по партизанам казались манной небесной. «Катюш» у партизан не было. Пока.

К особенностям театра военных действий следовало отнести то, что

местные условия более подходили для ведения боевых операций силой батальона, максимум — полка. Из-за сложного рельефа местности ведение боевых крупномасштабных действий всей дивизией в целом было затруднено.

В конце октября 1944 года немецкое командование отдало приказ о начале наступления на укрепленный район повстанцев в районе Банской-Бистрицы. Численность противника оценивалась в 60–80 тысяч хорошо вооруженных людей. В своем распоряжении партизаны имели тяжелое оружие, включая артиллерию, танки и даже самолеты. В боевых действиях против такого противника приняла участие группа Вильднера, которой пришлось принять участие как в наступательных, так и оборонительных боях. Другая боевая группа дивизии под командованием гауптштурмфюрера СС Виттенмайера прикрывала железную дорогу и шоссе из Ружомберока на восток. Эта группа в составе одного пехотного батальона, усиленного подразделениями артиллерии, саперов, противотанкового оружия, связи и снабжения, вступила в бои с партизанами, постепенно вытеснила их в гористую местность и продолжила их преследование. Группой были выявлены партизанские склады оружия, из которых и получили артиллеристы дивизии свои гаубицы. По свидетельству В. Д. Гайке, успех боевых групп дивизии был обусловлен добрыми взаимоотношениями, наладившимися между командирами групп и их украинскими подчиненными. Третья боевая группа была создана для атаки партизан близ того же Ружомберока, но вооруженного отпора не встретила и была расформирована.

В течение короткого времени восстание было подавлено. Повстанцы сдавались в плен целыми отрядами.

Частям дивизии после изменения обстановки была поставлена задача продолжать громить партизанские отряды, которые всеми силами стремились выйти из района боевых действий и оторваться от противника. Дивизия успешно справилась с поставленной задачей.

Результатом успешных для дивизии боевых действий против партизан было ее полное и успешное самоснабжение. Партизаны снабдили дивизию всем тем, чего не могли выдать немцы. Автомобили, пулеметы, гаубицы, лошади — все было взято в качестве трофеев.

В ходе боевых действий для разведки местности применялся единственный легкомоторный самолет дивизии «физелершторх». Кроме штабного самолета, в ряде случаев в боях против партизан принимали участие и небоювые подразделения дивизии.

Вместе с украинцами участие в подавлении восстания принимала и бригада СС под командованием бригадефюрера СС доктора Оскара

Дирлевангера. Набранная из военных преступников бригада отметила свой путь в Словакии массовыми расстрелами мирного населения. В период боев с партизанами бригада на короткое время перешла под командование командиру 14-й дивизии СС. По свидетельству начальника штаба украинской дивизии, штаб бригады приказов Фрайтага не исполнял, сам Дирлевангер в ответственный момент боя сказался больным и ходом боевых действий не интересовался. Другим инациональным военным формированием, участвовавшим в подавлении словацкого восстания, было Восточно-Туркестанское боевое соединение СС под командованием «исламизированного» немца Гаруна-аль-Рашида (Вильгельм Хинтерзатц).

Слабым местом дивизии оставались связь и согласованность действий с другими частями немецких войск. В одном случае партизанам удалось уйти из окружения благодаря тому, что ряд украинских военнослужащих на ночь оставили свои позиции и разместились на ночевку в доме крестьянина. Наутро части, прочесывавшие лес, не нашли противника. Приказом Фрайтага украинский офицер, ответственный за случившееся, был отдан под суд..

В Словакии, затем и в Словении жестокость Фрайтага вновь напомнила всем дивизионникам о том, кто ими командует. Однажды три украинских офицера штаба дивизии В. Мурович (адвокат дивизионного суда), отец М. Левенец и еще один, имя которого история для нас не сохранила, сняли с дверей одной комнаты печати и устроили в ней себе ночевку. В этих «апартаментах» дивизионники узрели склад писем военнослужащих дивизии. Вскоре в «квартиру» вошли жандармы, произвели обыск, забрали часть писем и всех троих «квартирантов» арестовали. Во время допросов офицеры взяли всю вину на себя, в результате чего священник был освобожден. По приговору полевого суда офицеры были приговорены к расстрелу.

Позднее адвокат Мурович рассказал своим знакомым, как ему удалось бежать из-под стражи. При смене караула в дивизионной тюрьме он постучал в двери и сказал конвоиру, что «уже закончил беседу с заключенным» и хочет выйти. Караульный, не зная, что адвокат является и осужденным, отпустил его. Вечером того же дня Мурович удрал из места расположения дивизии и через несколько дней по поддельным документам добрался до Вены.

По информации украинских и немецких источников, добрые отношения установились между личным составом дивизии и местным населением. Установление контактов достигло своего апогея, когда началась торговля различным военным имуществом. Со стороны

командования дивизии такие контакты были пресечены быстро и жестко.

Партизаны устанавливали контакт с украинцами посредством пропаганды. Особенный успех она имела в труднодоступных местах, где стояли подразделения. Однажды под воздействием пропаганды в горы ушли 20 человек из санитарной роты. За время пребывания в Словакии из рядов дивизии дезертировали 200 человек.

Светлым событием в жизни дивизионников стали Святки 1945 года. Праздник встречали в соответствии с украинскими обычаями кутьей и рыбой. На Рождество в дивизию прибыла делегация УЦК во главе с В. Кубийовичем и ВУ во главе с А. Бизанцем. Гости малыми делегациями посетили места расположения частей дивизии. В приватном разговоре Бизанц уведомил начальника штаба дивизии, что Вехтер ^[36] и он сам прикладывают все усилия для того, чтобы сместить Фрайтага с должности комдива. Бизанц интересовался мнением В. Д. Гайке о кандидатуре на пост командира дивизии, но дипломатичный начштаба перевел разговор на другую тему. Позднее Бизанц встретился наедине с самим Фрайтагом, но разговор никаких результатов не дал, лишь углубил разницу во взглядах между офицерами.

Глава боевой управы дивизии также обратился с просьбой к комдиву дать возможность украинцам занять некоторые вакантные должности в дивизии, не дожидаясь, пока их заполнят немецкие кадры, особенно в дивизионном штабе. По свидетельству начальника штаба, из-за тупоумия Фрайтага никаких просьб им воспринято не было.

В эти же дни в штаб дивизии Бизанц принес весть о создании Украинского национального комитета во главе с генералом Павло Шандруком. Вместе с этим известием Бизанц уже лично от себя сообщил Фрайтагу, что украинцы никогда не согласятся иметь командующим армией немецкого офицера.

После такого рождественского визита пропасть между командиром дивизии и украинскими кругами стала непреодолимой. Не лучше складывались отношения Ф. Фрайтага и с представителями Словацкой Национальной партии Глинки и его гвардией. Следует отметить, что в рядах этой пронацистской словацкой организации было немало бывших уголовников. Организации Глинки создавали немало трудностей местной администрации. Попытка найти опору была предпринята глинковцами «предложением руки и сердца» украинской дивизии. Фрайтаг предложение дружбы отверг и запретил своим подчиненным вступать в контакты со словацкими наци. Несмотря на такой суровый запрет, добрые взаимоотношения между дивизионниками и глинковцами установились в

местах расположения частей дивизии, за исключением г. Жилина — «столицы» Ф. Фрайтага.

Вскоре в дивизию из Братиславы поступил ряд грозных приказов, предписывающих прервать все контакты с местным населением и ужесточить режим в населенных пунктах. Немецкое военное руководство опасалось расширения контактов военнослужащих-славян с местным славянским же населением. Фрайтагом в свою очередь был подготовлен ряд актов в самом резком тоне. Эти акты стали причиной ряда скандалов, возникших между комдивом и начальником штаба дивизии, убеждавшим своего шефа в том, что их выполнение приведет лишь к активизации партизанского движения.

Продолжая свою недальновидную политику, Фрайтаг обязал дивизионную кассу выплачивать жалование военнослужащим поровну в немецких марках и словацких кронах. До этого приказа жалование, выдавалось в словацких кронах, на которые можно было без проблем купить все необходимое на местном рынке. Результатом приказа стало то, что украинцы начали распродавать на местных рынках излишки униформы.

В период пребывания в Словакии «Галичина» получила пополнение. В качестве такового прибыли украинцы, ранее отправленные после Бродского сражения на обучение в 5-ю дивизию войск СС «Викинг». В «Викинге» украинцы были распределены по полкам «Германия», «Вестланд» и другим боевым единицам. Военной управой для них был выделен духовник — отец Юлиан Габрусевич. Основные потери (200 человек) украинцы понесли в районе Модлин — Легионово, где им противостояли части НКВД.

В ходе прочих боев в живых остались 500 человек, которые после приказа Главного управления СС возвратились в дивизию. Уехавшие в июле 1944 года на обучение в Венгрию курсанты из лагеря Нойхаммер (1000 человек) под командованием оберштурмфюрера СС Фроляка были разбросаны по частям СС. Украинцы участвовали в обороне Будапешта и после тяжелых потерь были возвращены в свою дивизию. Влились в дивизию и несколько десятков девушек, уроженок Прибалтики, мобилизованных немцами в службу ПВО.

Боевое обучение дивизии подходило к концу. Командование в очередной раз направило меморандум высшему руководству, в котором обговаривало возможности введения дивизии в бой. После рассмотрения этих рекомендаций дивизию планировалось разместить в западной части Галичины, еще не занятой Советами, для борьбы с партизанами. Штаб армии в Кракове проявил заинтересованность в размещении дивизии, и для

переговоров в Краков выехал Фрайтаг. План выезда в Галичину был сорван успехами советских войск.

В результате зимнего наступления 1944–1945 гг. советские войска вышли к границам Словакии с двух направлений — с запада и из Венгрии. На западе им противостояла 1-я ТА, на востоке — 6-я ТА. С командованием 1-й армии дивизия поддерживала связь и получала информацию о ситуации на фронте.

В тревожной обстановке немецкое военное руководство отдало приказ об оборудовании боевых позиций и укреплений в долине рек Кисуц — Ваг. Кроме войск, в строительстве линий обороны участвовали местные административные органы, запасные воинские части. Частями украинской дивизии был сооружен паромный причал близ Жилина, выделялись лошади и люди для строительства других объектов. В соответствии с приказом немецкого руководства из Братиславы началось оборудование позиций «линии Нитра» в долине реки Турчи. Этому участку придавалось особое значение, поскольку укрепления, построенные здесь, должны были играть роль укрепрайона, оберегающего фронт от обхода неприятельских сил со стороны Польши. В работах активно участвовал 31-й пехотный полк дивизии, расквартированный близ села Св. Мартин, и батальон саперов.

Тем временем под ударами советских войск отступала 1-я танковая армия. Вскоре советские войска прорвали словацко-венгерский кордон и подошли к Банской-Штавице. Это стало сигналом к подготовке боевых действий на фронте для всех частей украинской дивизии. На этот раз командование дивизии сформировало боевые группы для ведения боев с наступающими советскими войсками. Каждая из групп состояла из пехотного полка, усиленного артиллерией, истребительно-противотанковым оружием, саперами, подразделениями связи и снабжения. Каждый полк создавал боевые группы. Первая группа была готова к выходу на позиции через 24 часа после издания приказа. Для переброски частей была сформирована автоколонна.

В конце декабря 1944 года дивизия получила приказ о выделении на фронт боевой группы для закрытия советского прорыва в районе Банской-Штавицы. Боевая группа в составе 29-го полка и вспомогательных формирований выехала автомобилями на фронт. 30-й полк находился в полной боеготовности. Боевая группа 29-го полка под командованием оберштурмбаннфюрера СС Деерна отличилась в боях с советскими войсками, многие ее военнослужащие получили награды. В январе 1945 года группа вернулась в дивизию.

Фронт все более продвигался в глубь Словакии. Перед командованием

дивизии вскоре встала задача отвода соединения в новый район.

21 января 1945 года в дивизию поступил приказ о передислокации в Штирию. В приказе говорилось, что дивизия выступает в район размещения пешим маршем. По прибытии в район личный состав обязан был окончить обучение и быть приведен в полную боевую готовность. Конкретная местность, выделенная для размещения частей, будет указана по прибытии высшим руководителем СС и полиции в Любляне обергруппенфюрером СС Росснером. Учебно-запасной полк также вместе с дивизией выступает пешим маршем. Дивизии было запрещено выступать по главному шоссе Братислава — Жилин, по которому происходило снабжение немецкой группировки. До нового места назначения пролегал маршрут через горные массивы, заснеженные, труднопроходимые для людей и лошадей дороги протяженностью в 500 километров.

Для реквизиции коней и повозок дивизия получила разрешение от командующего немецкой группировкой. Сама реквизиция происходила с оценкой коня и повозки, о чем бывшему владельцу выдавался ордер с указанием цены имущества.

Проблемы были с перемещением дивизионного автотранспорта, который испытывал острую нехватку горючего. Было принято решение о вывозе основного автопарка по железной дороге, малая часть автомашин оставалась при дивизии для обеспечения связи.

31 января дивизия вышла на марш двумя маршрутами, разбившись на три группы:

- 1-я маршевая группа «А» в составе комдива (руководитель группы), 29-го и 30-го пехотных полков, учебно-запасного полка, дивизиона связи, части истребительно-противотанкового дивизиона, артполка, снабженцев и штаба дивизии следовала маршрутом Чадцы — Нойштадт — Клостер Нойбург — Винервальд — Грац — Марибор;

- 2-я маршевая группа «В» в составе командира 31-го пехотного полка (руководитель), самого полка, батальона фузилеров, саперного и полевого запасного батальонов следовала маршрутом Врутки — Братислава — Винер Нойштадт — Глейсдорф — Грац — Марибор;

- 3-я маршевая группа «С» под руководством командира истребительно-противотанкового дивизиона представляла собой автоколонну дивизии, следовавшую железнодорожными эшелонами в Марибор.

Ежедневно части дивизии проходили маршем по 30–40 километров день 3–4 дня подряд с остановкой на ночлег, после чего давался один день на отдых и починку имущества. Труднейший путь достался 2-й группе, ей

пришлось преодолевать заваленные снегом дороги в Малых Карпатах и в Австрии. Группа «А» также с большим трудом преодолевала снежные заносы и метели и была вынуждена сделать восьмидневную остановку в австрийском Бруке. Несмотря на трудности, все части дивизии выполняли свою норму дневных переходов. Перед каждой группой следовал отряд квартирьеров, в чью задачу входило подобрать для личного состава подходящие места ночлега.

По дороге в Штирию 100 военнослужащих из дивизии дезертировали. Уже на территории Австрии командование дивизии связалось с руководством лагерей, в которых пребывали украинские беженцы, с целью пресечения возможных контактов солдат с земляками.

На участке маршрута следования Грац — Брук дивизия была вынуждена идти ночными маршами из-за активности английской авиации, действовавшей с аэродромов в Италии. Избежать жертв полностью не удалось — дивизия понесла потери в людях и конском составе из-за обстрела с самолетов.

Новые сложности ждали дивизию на новом месте. Район, выделенный ей для расквартирования, оказался слишком мал, и части стояли скученно. На первом этапе неудовлетворительным оказалось и снабжение дивизии продовольствием, что усугублялось постоянными бомбардировками.

Начальник штаба дивизии посетил гауляйтера района доктора Зигфрида Уиберрайтера в Граце, к которому также обратился с просьбой расширить район размещения дивизии. Гауляйтер обрушил на В. Д. Гайке гневную речь, полную упреков, и поставил в вину дивизии само ее здесь присутствие. Чиновник упрекнул офицера в том что его дивизия будет-де обжирать местное население и вносить смуту и беспокойство в его доселе тихий район. В ответ начштаба заявил, что в его «спокойном районе» нельзя по ночам ездить на автомобиле, а дивизия прибыла сюда по приказу Верховного командования, гауляйтеру подчиняться не намерена. В этой беседе на повышенных тонах партиец заметил, что является старым другом Гитлера и приложит все усилия, чтобы дивизия в его районе не задержалась. Несмотря на такую, казалось бы, непреклонную позицию, в конце концов Уиберрайтер смилостивился и разрешил расширить район размещения частей дивизии. В дальнейшем отношения с партийцем нормализовались, и он благосклонно отнесся к размещению дивизии.

Квартирьеры дивизии с первых же дней своего прибытия были вынуждены вести бои с партизанами и по этой причине задания своего выполнить в полной мере не смогли. Местные антипартизанские силы полиции и войск размещались в сильно укрепленных пунктах, фактически

в постоянной партизанской осаде. Местной администрации по этой же причине не существовало.

В соответствии с планом размещения части дивизии были расквартированы с учетом близости фронта. Два пехотных полка стояли в районе Марибора, в качестве подкрепления с ними пребывал дивизион легкой артиллерии. Все тяжелое оружие, особенно истребительно-противотанковый дивизион, было собрано в районе Марибора на случай быстрой переброски в угрожаемый район. Впоследствии дивизия выполнила приказ местного командующего войсками СС и полицией и разместила свои части в населенных пунктах Дойч-Ландсберг — Лейбниц — Марибор — Словенска-Бистрица — Словенска-Конице — Словеньградец — Дравоград для действий против партизан. В Мариборе размещение частей было запрещено. Центр дивизии приходился на занятые партизанами лесистые горы Погорья близ реки Дравы. Штаб дивизии располагался в местечке Селница-над-Дравой.

28 февраля 1945 года дивизия официально завершила переброску на новое место и расположилась по обе стороны бывшей линии границы между Австрией и Югославией (преимущественно на югославской территории). После окончательного размещения частей дивизии ее командование приступило к решению проблем в отношениях с местной администрацией. Во многом помог гауляйтер Уиберрайтер, занимавший в дискуссиях сторону командования дивизии.

Другой проблемой стало самоснабжение солдат дивизии, получавших урезанные пайки. Несмотря на то, что в Штирию был вывезен запас продуктов из Словакии, солдаты недоедали. Положение стабилизировалось, когда комдиву удалось «выбить» для дивизии усиленный паек как для части, ведущей постоянную борьбу с партизанами.

Области Штирия (Штейнмарк) и Каринтия была разделены на охранные зоны, одна из которых была выделена дивизии «Галичина». Соседями украинцев были полицейские и армейские части со своими зонами ответственности. Как и в Словакии, вся зона ответственности дивизии была разделена на боевые участки, за которыми были закреплены отдельные части и подразделения, отвечавшие за порядок, охрану объектов и борьбу с партизанами. Командир подразделения также исполнял роль местного коменданта, и ему подчинялись все размещенные в его районе воинские части, включая инациональные.

Судя по воспоминаниям бывших военнослужащих дивизии, отношения с местным населением были своеобразными. Солдаты с удовольствием продавали ему излишки униформы или меняли их на

продукты. Одновременно из-за активности партизан любой местный житель мог быть схвачен по подозрению в партизанстве.

Сами партизаны представляли собой два враждующих лагеря. Первый составляли коммунисты-титовцы, получавшие оружие и боеприпасы, а также инструкторов из СССР и Великобритании. В горах их насчитывалось до 30 и более тысяч. Оружия и боеприпасов им не хватало, как и стойкости в боях. Развитие событий показало, что они очень «храбро воевали» с пленными и разоруженными союзниками частями немецкой армии, не брезгуя рвать зубы плоскогубцами у раненых и пленных вчерашних противников.

Другой вооруженной силой были королевские четники Дражи Михайловича, или «Югославская королевская Армия». Армия эта подчинялась своему командиру, установившему отношения с немцами, и активных боевых действий против них не вела.

В районе действий дивизии основной противостоящей силой были партизаны-титовцы. С первых же дней размещения украинские части начали последовательно зачищать местность от партизан, устанавливая свой контроль и охрану мостов, тоннелей, дорог. За короткий срок титовцы были загнаны в глубь горных массивов. Если в первые дни прибытия дивизии по магистрали Марибор — Целле невозможно было проехать в автомашине даже днем, то теперь (как и в Словакии) можно было ездить и ночью.

Полноценных боевых действий против партизан, когда их вытесненные отряды окружались и уничтожались, дивизия не могла вести из-за нехватки воинской силы. Несмотря на это, дивизия заслужила признание со стороны обергруппенфюрера СС Росснера и снабжалась всем необходимым. Тот же Росснер с легкостью отдавал приказы Фрайтагу о ведении боевых действий против партизан в труднопроходимой местности.

Первой крупной боевой акцией дивизии совместно с другими частями войск и полиции под командованием Росснера был поход в район горного массива Менина Планина. В этом районе сконцентрировались партизанские базы, снабжение которых осуществлялось с воздуха из СССР и Великобритании. Дивизии «Галичина» было поручено подойти к массиву, сосредоточиться и войти в него. В глубине дивизии надлежало развернуть преследование и уничтожение партизан. Успех зависел от быстроты и согласованности действий.

Сам марш по заснеженной горной местности, мороз и ветер, падеж коней и отсутствие теплых помещений не могли способствовать выполнению боевой задачи. Три дня мучений для личного состава

закончились с нулевым результатом. Было захвачено несколько партизан, сами дивизионники утратили одного убитым и нескольких ранеными. Наибольшей проблемой для дивизии при ведении боевых действий в горах была связь. Радиоаппаратуры для связи в горах дивизия не имела, да и не могла иметь, т. к. представляла собой не горнострелковое формирование. Самолет дивизии, в операциях задействован не был.

Другим боевым заданием стала прочистка района Моцырь — Любно — Сольчава и горного массива Босковец. При переброске попали под обстрел союзнической авиации эшелоны с украинцами, многих убило либо ранило. Другая часть группировки шла к месту долгим маршем. Результат прежний, но потери увеличились.

Почти все попытки разбить партизан крупными силами успеха не имели. Партизаны снимались с места расположения, когда полки еще только выезжали на место операции. Затем отряды разбивались на мелкие группы и просачивались через кольцо окружения. Большого успеха в антипартизанской борьбе могли бы достичь маневренные и хорошо снабженные всем необходимым ударные группы.

Ответные удары партизан наносились по тылам дивизии, подрывались мосты, дороги, тоннели, сжигались села, проводились нападения на мелкие подразделения.

Планы Росснера простирались до уничтожения всего титовского сопротивления в крае. Им был разработан план, по которому украинцам надлежало стать основой ударной группировки. Боевая группировка должна была выйти из района Любляны и пробиться в направлении к Триесту. Обстановка на фронте не позволила провести замысел в жизнь.

По всей области Штирия — Каринтия полное господство в воздухе имела английская авиация. Самолеты регулярно «висели» в воздухе. Атакам подвергались дороги, строения и мелкие подразделения войск. Над районом пролегал маршрут полета армд союзнических бомбовозов, летавших бомбить Вену. Из-за налетов авиации было прервано железнодорожное сообщение. Грац и Марибор находились под постоянным обстрелом с воздуха. Другие самолеты рейдировали в горы и сбрасывали полезные грузы партизанам.

В феврале 1945 года в дивизию прибыл «Волынский легион» (или «Украинский легион самообороны»). По оценке начальника штаба дивизии, командовал им *«штурмбаннфюрер войск СС, проявлявший признаки психического заболевания, был он фантаст и на командира воинской части не подходил»*. До включения в состав дивизии легион расположился в сельской местности. Любомир Макарушка собирался выехать в это

формирование и разъяснить его личному составу, что по своей сути украинская дивизия является национальным формированием, входит в состав УНА и будет бороться за Украинскую державу. Штурмбаннфюрер-фантаст убедил его в том, что он сам проведет такое разъяснение. В день, когда планировалось в торжественной обстановке включить легион в дивизию, в его месторасположение выехали командир полка и начальник штаба дивизии. На месте прежнего расположения легионеров не застали. Две трети легиона с оружием, снаряжением, возами и лошадьми дезертировали. На месте установили, что свое обещание штурмбаннфюрер-«фантаст» не сдержал, ничего про дивизию не рассказал. Неприязнь к дивизии в рядах легиона была усилена и находившимися в нем и ранее отчисленными из дивизии офицерами. Не ориентируясь в ситуации, волынцы пошли в леса на восток от Марибора, в район Ленарт — Витомарцы, который был занят четниками. Четники, увидев в своей местности незнакомое формирование, уведомили о его приходе местные власти в Мариборе. Через мариборские власти в дивизии узнали, где находится пропавший легион.

На следующий день дивизия выслала батальон под командованием начальника штаба дивизии. Беглецов окружили без единого выстрела. В своем обращении к личному составу легиона Вольф Дитрих Гайке уведомил, что всем надлежит возвратиться с оружием в место расквартирования, никакой кары за уход солдатам не будет. Начальник штаба также сообщил, что вся вина за уход дезориентированного легиона лежит на его командире, вовремя не рассказавшем своим бойцам про дивизию. Переводил речь Л. Макарушка. Все, что волынцы услышали от начштаба дивизии, было для них новостью.

После возвращения легиона в дивизию его личный состав был распределен по частям дивизии. Украинский командир легиона Роман Кивелюк (Ворон) был впоследствии расстрелян по приказу Ф. Фрайтага за грабеж. Приговор был столь быстро приведен в исполнение, что начальник штаба дивизии, считавший Ворона достойным снисхождения, узнал о казни, когда она уже состоялась. Все волынцы считали, что их бывшего командира расстреляли за уход легиона, несмотря на ранее данные им обещания.

Во время пребывания в Штирии из дивизии дезертировали 150 человек.

Тем временем положение на фронте складывалось не в пользу немцев и их союзников. Советские войска прорвались с флангов у озера Балатон и вышли в район Фельдбаха на старую австрийскую границу.

Контрнаступление немецкой армии у Балатона закончилось безрезультатно.

Гром среди зимнего неба Штирии грянул, когда в марте 1945 года в штаб дивизии поступил приказ командования группы армий «Юг» о сдаче личным составом дивизии всего оружия в пользу формирующихся немецких частей. Приказ предписывал собрать все оружие, доставить его на станцию в Марибор и погрузить в вагоны для доставки в Нюрнберг. Приказ вызвал в дивизии шок.

В СССР такой приказ сочли бы вредительским. Советские части стояли в 40 километрах от Марибора, дивизия вела бои с партизанами, а близ Нюрнберга уже стояли союзнические войска. Кроме того, из-за полного господства английской авиации оружие не могло быть не только вывезено из Марибора (где уже был уничтожен вокзал), но и ввезено в него. В случае выполнения приказа дивизия осталась бы без оружия один на один с партизанами, а само оружие в лучшем случае было бы уничтожено налетами авиации. В такой обстановке за благо было бы целиком перейти на сторону партизан. Приказ не мог быть выполнен ни при каких условиях.

Не желая конфликтовать с вышестоящими инстанциями, командование дивизии уведомило их о серьезнейшем положении дивизии и начало запрашивать дополнительные инструкции. Через день после получения приказа Ф. Фрайтаг выехал в ставку рейхсфюрера СС в Зальцбурге. Тем временем части дивизии вели наступление на партизан в горном массиве Погорье, а штаб ждал указания от комдива из Зальцбурга. После проверки штаб Гимmlера приказ подтвердил. Положение осложнилось, и в дивизию ушел приказ об остановке боевых действий против партизан. Начальник полевой ставки Гимmlера пообещал Фрайтагу содействие в отмене приказа.

На запрос командования группы армий «Юг» из дивизии было прислано подтверждение исполнения приказа. Деша также содержала необходимое условие для его исполнения — наличие неповрежденных железнодорожных вагонов и паровозов на станции в Мариборе. Для вывоза оружия, транспорта и имущества дивизии требовалось 38 вагонов. Квартирмейстер группы армий «Юг» пообещал Фрайтагу уточнить приказ о разоружении дивизии — возможно, речь шла лишь об одном эшелоне оружия.

Из штаба дивизии во все командные инстанции армии и СС (включая Главное управление) ушла тревожная телеграмма, разъясняющая возможное развитие событий в случае разоружения дивизии.

Через несколько дней из группы армий «Юг» прибыла команда для

проведения разоружения. В ее распоряжение дивизия передала лишь малую часть своего стрелкового оружия, сдача которого вызвала немало бурных сцен в частях.

Положение на фронте обострялось. Советские части подошли к Марибору. Немецкие резервы отсутствовали, и в случае дальнейшего наступления войска 3-го Украинского фронта перерезали бы магистраль Марибор — Грац. Дивизия стянула свои полки (29-й и 30-й) к Марибору и приступила к сооружению оборонительных позиций в его районе, артиллерия и истребительно-противотанковые подразделения дивизии заняли позиции в самом городе. Батальон саперов оборудовал позиции на окраинах города. Комендантом города был назначен командир одного из пехотных полков дивизии. О своих самостоятельных действиях командование дивизии уведомило соседей — 2-ю и 6-ю ТА.

В это же время штаб дивизии получил ряд распоряжений и инструкций о сдаче оружия от следующих инстанций:

1. Рейхсфюрера СС
2. Полевого штаба рейхсфюрера
3. Оперативного отдела ОКВ
4. Генерал-квартирмейстера ОКВ
5. Группы армий «Юг»
6. Группы армий «Юго-Восток»
7. Командующего 13-м военным округом
8. Командования 2-й армии
9. Командования 6-й армии.

Все эти «указивки» противоречили друг другу. В некоторых из них речь шла о частичном разоружении.

Действия на фронте уже потребовали выдвижения частей дивизии на передовую. Батальон фузилеров был переброшен в местечко Шпильфельд для обороны моста через реку Мур. Переброска частей к Марибору завершилась, саперы оборудовали позиции.

Идиотизм с приказом о разоружении продолжался. Учитывая обстановку на фронте, изъятое оружие было возвращено частям дивизии. В это тяжелое для украинцев время в дивизию прибыли Вехтер и полковник Бизанц. Фрайтаг поначалу не согласился принять их в штабе и рассказать о положении дивизии, однако под давлением начальника штаба «снизошел» до них. Вехтер и Бизанц были неплохо ориентированы в боевой обстановке, но ничего не знали о разоружении. Группенфюрер СС Вехтер был ошеломлен этой новостью. После первого шока бывший губернатор Галичины начал действовать. Он самостоятельно связался со всеми

высшими инстанциями, включая Гимmlера. Вехтер поднял на ноги гауляйтера Уйберрайтера и популярно разъяснил последнему, что будет с его вотчиной, если дивизию действительно разоружат. Гауляйтер в свою очередь бросился обзванивать всех своих вышестоящих друзей-руководителей.

Помощь пришла от... англичан. Их авиация в очередной раз так разбомбила железнодорожный узел в Мариборе, что сообщение было прервано на несколько дней.

Вехтер выехал к главкому группы армий «Юг» генерал-полковнику Александру Леру для разъяснения сложившейся ситуации. Вехтер и Макарушка сообщили генералу, что было бы целесообразней не разоружать дивизию, а вывести ее на передовую как вполне боеспособный резерв. Сам Фрайтаг к Леру ехать отказался и запретил поездку начальнику своего штаба.

Пока шла штабная разборка, полки дивизии укрепляли оборону на восток от реки Мур, чтобы теснее сомкнуться на флангах с соседями — частями 2-й и 6-й армий. Советские войска уже нащупали слабые места в стыках позиций и прорвали фронт в наиболее уязвимом месте. Галичане сумели занять позиции, способствующие закрытию прорыва. Командиры передовых подразделений получили приказ о начале разведки передовой противника и особенно дорог к Гляйхенбергу и Фельдбаху. Вехтер возвратился в штаб дивизии с вестью о заступничестве главкома группы армий «Юг». Тем временем дивизия провела сдачу части ручного оружия, но затем оно вновь было возвращено солдатам.

В начале апреля 1945 года дивизия получила другой, еще более нелепый приказ. В дивизию прибыл некий генерал люфтваффе с предписанием принять командование дивизией, провести инвентаризацию всего ее имущества и оружия и переформировать ее в новую, 10-ю парашютно-десантную дивизию. Для выполнения задания генералу было подчинено подразделение из тысячи парашютистов. На другой день после прибытия авиагенерала в штаб дивизии поступил приказ от командования 18-го военного округа (к которому дивизия не имела ни малейшего отношения) о переименовании дивизии в «10-ю парашютно-десантную». На этот раз командование украинской дивизии также не стало спешить с исполнением приказа.

Бурная деятельность Вехтера по спасению своего детища принесла успех. 28 марта 1945 года из штаба Гимmlера в Зальцбурге пришел приказ — оружие не сдавать и ждать дальнейших распоряжений.

Тем временем дивизия укрепляла позицию по реке Мур. 31-й полк

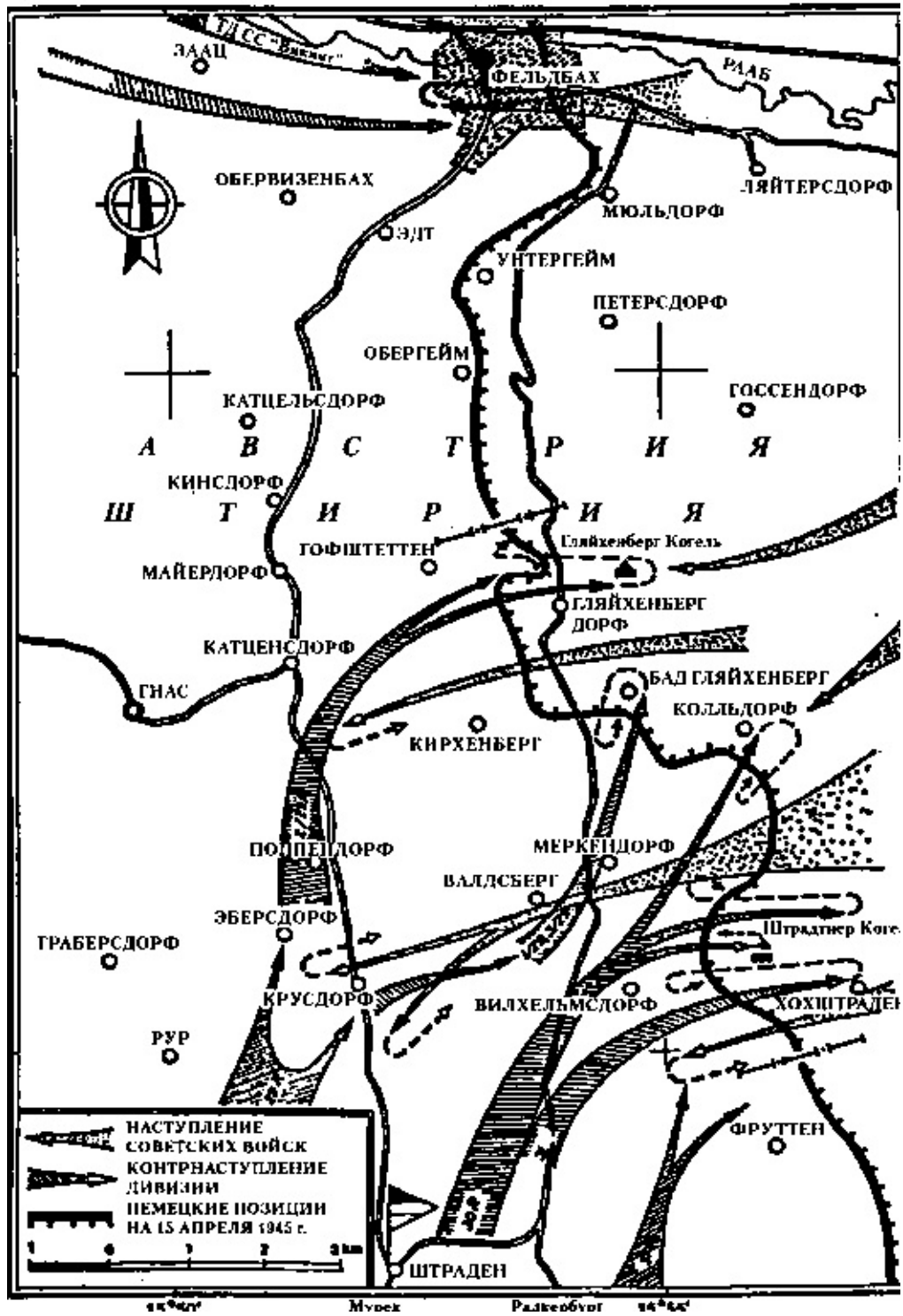
дивизии шел к позициям из района Конице маршем. Поскольку дивизия самостоятельно, по личной инициативе, строила позиции и вела подготовку к боям, стала ощущаться нехватка продовольствия и боеприпасов. Помощь оказал крайсфюрер местного «Народного союза» Штирии. Поскольку дивизия в данный период не была подчинена армии, положение требовалось исправлять другими методами. Вскоре проблема была решена разоружением отступающих с фронта венгерских частей. Несмотря на их многочисленность и враждебное отношение, украинцам удалось пополнить арсеналы. В результате разоружения в дивизии был сформирован артиллерийский дивизион.

Последние бои дивизии. Фельдбах— Гляйхенберг

30 марта 1945 года украинская дивизия была включена в состав 2-й немецкой армии, что являлось существенным подкреплением для этой немецкой группировки. В соответствии с приказом дивизии надлежало закрыть прорыв фронта между 2-й и 6-й армиями в районе Гляйхенберг — Фельдбах. После долгих и нервных дней с разоружением дивизии и ее «претворением в парашютную» для всех стало ясно, что этим утопическим планам сбыться не суждено. Дивизия выиграла этот тяжелый бой со своим же командованием.

Приказом командования группы армий «Юг» от 31 марта 1941 года дивизия была подчинена 1-му кавалерийскому корпусу 2-й армии. Дивизии предписывалось начать 1 апреля наступление с целью ликвидации советского прорыва.

Загадочным оставалось для штаба дивизии отношение к ней со стороны полевого штаба рейхсфюрера СС. Так, в распоряжение дивизии прибыл некий офицер СС, который пробыл в штабе 10 дней. По поведению этого офицера было ясно, что он выполняет некую тайную миссию по проверке деятельности штаба и его командира. Эсэсовец так и убрался из дивизии, ничего не объяснив о цели своей миссии.

Операции 14-й дивизии СС «Галичина» в районе Фельдбах — Глейхенберг

В закрытии прорыва приняли участие 29-й и 30-й полки 14-й

украинской дивизии, каждый из которых был усилен дивизионом легкой артиллерии. 31-й полк был подтянут в качестве резерва. Батальон саперов продолжал строить укрепления в Мариборе, батальон фузилеров был придан 22-й танковой дивизии и действовал в районе Радкерсбурга. На левом крыле наступления находился полевой запасной батальон, имея с левого фланга дорогу Глейсдорф — Фельдбах. На правом фланге вели наступление части 3-й кавдивизии, слева — остатки разбитой в боях 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Запасной полк украинской дивизии располагался в месте своей постоянной дислокации в районе Дойч — Ландсберг и воевал с партизанами.

Наступление немецких сил началось 1 апреля 1945 года в 6.30 утра и развивалось успешно. Сопrotивление противника было незначительным. Вскоре части дивизии заняли высоту и село Штраден. Штаб дивизии был перенесен ближе к месту событий в Штраден. После упорных боев украинцы и немецкие части захватили господствующие высоты Штрадтнер Когель и Гляйхенберг Когель. Особенно тяжелые бои шли за село Гляйхенберг. Советским частям удалось контратаковать и отбросить 29-й полк украинской дивизии, но последовавшее после перегруппирования наступление, поддержанное артиллерийским огнем, позволило украинцам отбить район. Успех объяснялся еще и тем, что советская сторона не использовала в боях танки и авиацию.

Полученное задание по прикрытию места прорыва дивизия выполнила. Успех украинцев позволил немцам оттянуть с передовой и поставить в резерв 3-ю кавдивизию 1-го кавкорпуса.

Последовавший от командования армии приказ предписывал дивизии закрепить успех и отбивать все попытки противника захватить утраченные им позиции. Активизация советских войск не заставила себя ждать. Основной целью советских атак стали две высоты — Штрадтнер и Гляйхенберг. Первые наступления, сопровождаемые сильным артобстрелом, были отбиты, малые прорывы были быстро нейтрализованы.

Вскоре артиллерийский обстрел многократно усилился. Под сильным натиском советской пехоты в некоторых местах фронта украинцам пришлось отступить, и тогда в действие была введена 3-я кавдивизия.

О характере боев за Штрадтнер Когель рассказывает Е. Загайчевский:

«— Рота, приготовиться к выступлению!

Для меня это прозвучало четко... однако чем довооружить часть взвода? Что делать — приказ есть приказ! Наскоро оглядываю свой взвод: восемь бойцов имеют винтовки, один —

легкий пулемет. Тем, что не имеют легкого оружия, приказываю взять побольше ручных гранат, фаустпатронов и боеприпасов. Через минуту снова команда — уже к выходу. Рота за ротой растянулись долгими рядами вдоль дороги прямо в сторону Маркендорфа. В этом направлении слышится густая и хаотичная стрельба. Часто разрываются ручные гранаты. В штабе полка, около которого проходим, горячая суета... Дорогой в сторону Штрадтнера едут телеги обозов тех рот, что стояли в лесу за Маркендорфом. Встречаем первых раненых, что на возах либо пешком следуют в нашу сторону. «Разоружаю» некоторых раненых, и вскоре мой взвод уже имеет оружие. Несколько минут по дороге — и мы уже в селе Маркендорф. Здесь было полным-полно отступивших солдат из рот, что стояли в лесу.

Адъютант полка перегруппирует эти резервы и с помощью нашей роты организует контрнаступление. Наша рота как свежая и полная единица является ядром наступления. Мы, как и вторая рота под командованием хорунжего Бучка, занимаем центр, слева — первая рота под командованием хорунжего Букачевского, справа — третья рота под командованием ст. десятника Гтсеровского. Наш сотенный поручик Кельнер на правом крыле вместе с адъютантом полка ведет отступивших из рот второго батальона 30-го полка.

Рота разворачивается в цепь, и мы скорым маршем входим в лес. Здесь встречаем солдат из разрозненных подразделений — их включаем в роту. От них узнаем, где противник. Проходим еще несколько десятков шагов густым лесом и выходим на поляну. С противоположной стороны началась густая стрельба. Это враг. Быстро перебегаем это открытое место и залегает на противоположной стороне. Без приказа начинаем стрельбу из винтовок в чащобу, что перед нами. После короткой перестрелки собираемся и идем далее. Лес вскоре редет, и поле обозрения становится лучше.

Как кошка, прокрадываюсь от дерева до дерева, все вперед и вперед. Возле меня — три моих «гуцулика» — Максимюк, Бенюк и Палийчук. Несмотря на то, что первым двоим уже по сорок, однако они могли бы посрамить в деле и тех, кто помоложе. И вот впереди вижу, как большевики тянут «максима». Стреляю из своей винтовки, опершись на дерево, не видя при этом, что напротив меня поджидает смерть: какой-то большевик, отступая,

прицелился в меня из своей десятизарядки на расстоянии каких-нибудь 30 шагов. Звучит мой выстрел: слышу крик: «Десятник!» Звучит еще один выстрел и еще один... Пуля со свистом пролетает около моих глаз... Оборачиваюсь, откуда донесся крик... Позади меня с наведенным перед собой карабином стоит стрелец Палийчук. Гляжу прямо, куда глядит и его карабин. Понял все. Палийчук спас положение, а тем самым и мою жизнь. С благодарностью я кивнул ему, и мы пошли дальше. Все это длилось секунду.

Подойдя к убитому большевику, гляжу, что выстрел был прицельный. Пуля пробила щеку около уха и вышла в другую сторону...»

В момент локальных неудач опять проявился болезненный характер командира дивизии. Когда на командном пункте присутствовал командир 1-го кавкорпуса, Фрайтаг под впечатлением прорывов линии фронта вновь отказался от командования дивизией и от ответственности за ее действия. Генерал отказа от командования у Фрайтага не принял и приказал ему продолжать исполнять свою службу. Вскоре положение на фронте стабилизировалось. После этого инцидента Фрайтаг вызвал к себе Л. Макарушку и обрушился с гневом на украинский состав дивизии. Украинский офицер со своей стороны «перешел в контрнаступление» и отбил гневную тираду психически неуравновешенного комдива, порекомендовав ему дать указание Войсковой управе ликвидировать дивизию. Кроме того, Макарушка усомнился в справедливости оценки поведения украинского состава в бою. После этого он с разрешения комдива выбыл на передовую и увидел, что на передовой (в отличие от штаба) все в порядке, войска стоят стойко и выполняют все указания руководства. Прибыв обратно в штаб, Макарушка доложил Фрайтагу о боевой обстановке и запросил командира о его решении передать приказ о ликвидации дивизии в Боевую управу. Фрайтаг ничего не ответил, но и приказов никаких отдавать не стал.

Высоты Гляйхенберг и Штрадтнер несколько раз переходили из рук в руки. 3-й кавдивизии приходилось несколько раз отступать и возвращать утраченные позиции. Противник превосходил немецкие части по численности в 4–5 раз. В бой постепенно были введены танки, но авиация не применялась. С немецкой стороны бронетехники не было.

Тяжелейшие бои развернулись на южном фланге в районе Радкерсбурга, где отбивал атаки батальон фузилеров дивизии. В ходе боев

большие потери понес 29-й полк, отличившийся при захвате Гляйхенберга, и 30-й полк. Вскоре оба полка требовалось отвести с передовой для пополнения. Замена прибыла из полевого запасного батальона, тем не менее каждый полк пришлось уменьшить до трех батальонов. В боях погибли два командира батальонов, множество офицеров было ранено. Командиры 29-го и 30-го полков Деерн и Паннир были ранены, и им было предписано покинуть позиции и прибыть в дивизионный госпиталь в Фелькермаркте. Заменить комполков было нечем, но затем на их должности были направлены Вильднер и Витгенмайер.

Вскоре в результате сильнейшего артобстрела и атаки были утрачены позиции на обеих высотах. Отбить их уже не пытались, избегая ненужных потерь. Особым по значимости оставался замок Гляйхенберг, являвшийся основным опорным пунктом оборонявшихся украинцев.

Замок, расположенный на высокой горе, покрытой лесом, успешно обороняли полки дивизии, резервом которых были батальоны саперов и фузилеров. При необходимости в качестве резерва можно было использовать полевой запасной батальон. Таким образом, дивизия смогла создать на относительно нешироком фронтовом участке глубокую оборону. Правым соседом дивизии были 3-я и затем ее сменившая 4-я кавалерийские дивизии, а левым — дивизия СС «Викинг».

Вскоре советские войска начали применять реактивные минометы:

«С диким завыванием, что до глубины души пронизывает человека, выстреливает эта установка 48 зарядов одновременно, и они с диким воем летят в нашу сторону. В одну секунду лесная тьма сменяется котлом огня, дымными разрывами и сумасшедшим грохотом... Страшно мне стало не столько за себя, сколько за двенадцать людских жизней, что притулились к земле и ждут в страхе моего приказа. Пишу «моего», т. к. никого из офицеров больше не было. Старший десятник Киндер, что недавно пришел, куда-то исчез. Скажу отступить назад — быть беде, начнется паника. Собираю всю свою силу воли и иду вдоль залегшего взвода. Криком и руганью сдерживаю некоторых, что обращаются ко мне со словами: «Десятник, я пошел назад». Знаю, что, если отпустить одного, разбегутся все, поэтому говорю всем, что буду стрелять в того, кто еще захочет отойти. На мое счастье, прибежал старший десятник Киндер и отдал приказ отойти с позиций», —писал Е. Загайчевский.

Саперы украинской дивизии смогли заложить минные поля и оборудовать оборонные позиции и заставы. Каждую ночь на передовой действовали развед- группы дивизии, охотившиеся за «языками». Штурмовые группы дивизии были нацелены на прорыв позиций

противника и уничтожение его укрепленных пунктов. По обе стороны фронта работали пропагандисты. В результате советской пропаганды на советскую сторону перешла рота галичан. Командование дивизии, не полагаясь более на политическую благонадежность военнослужащих, было вынуждено производить ротацию подразделений, перебрасывая их с одного участка на другой.

В это время развивались события и в «верхушке» украинско-немецкого руководства.

После введения дивизии в бой группенфюрер СС Вехтер выехал в казачьи части и нанес визит главному немецких войск в Италии генерал-полковнику фон Фитинхофу. Перед своим выездом Вехтер упоминал о возможности капитуляции дивизии. Имел он и свой план вывода дивизии из боевых действий, который предусматривал стянуть в единый кулак казачьи части XV кавалерийского корпуса, 14-ю дивизию и Восточно-туркестанское соединение СС в местность близ Толмеццо и перейти на сторону союзников. Другой идеей Вехтера была передача украинской дивизии после капитуляции в состав Польской армии генерала Владислава Андерса. Вехтер исходил из того, что большинство военнослужащих дивизии является украинцами, уроженцами довоенной Польши и может рассчитывать на присоединение к польским частям. Самым неприемлемым вариантом была бы передача дивизии «Советам». Обо всем этом Вехтер хотел поговорить с Фитинхофом.

Во второй половине апреля 1945 года к дивизии присоединились 2500 военнослужащих, ранее служивших в частях ПВО. Все они не имели пехотного обучения. Среди бывших флакхельферов находились около 70 офицеров и множество унтеров. Все они были ранее служащими частей аэродромного обслуживания и ПВО. До этого времени Ф. Фрайтаг был бы рад такому притоку немецких кадров в дивизию, но в этот момент пополнение стало тяжким грузом для дивизии. Дивизия уже не имела запасов оружия для своих солдат, особенно тяжелой была ситуация с оружием в запасном полку. Несмотря на это, для Фрайтага каждый немец был на вес золота, и он приложил все усилия к включению пополнения в ряды дивизии. Первоначально комдив желал бы заменить украинцев немцами и отправить «освобожденных» галичан в стройбат. Этот план был встречен в штыки штабом, и от него вскоре отказались. Фрайтаг принял решение, в соответствии с которым пополнение должно было пройти обучение. Часть пополнения в 1200 человек направили в полевой запасной батальон, других разделили по частям дивизии. Часть прибывших хельферов, обладавших познаниями в радио, телефонии и прочих

технических предметах, сразу же приняли в специализированных подразделениях. Командир 29-го полка вместе с начальником штаба дивизии противились включению пополнения в боевые части. Командир 30-го полка, наоборот, желал как можно скорее включить пополнение в свою часть. В полку из новоприбывших был сформирован 3-й батальон. У Фрайтага имелся и запасной план, по которому в каждом из полков дивизии создавался один чисто немецкий батальон. Реализовать этот план не удалось из-за обострения боевой обстановки.

Тем временем командование армии отдало приказ об усилении строительства боевых укреплений. Результатом этого стало сокращение численности учебно-запасного полка и перевод его «излишков» в рабочие батальоны. Впоследствии этот план был одобрен генералом Шандруком, однако сменить карабин на лопату военнослужащим не довелось.

Во второй половине апреля 1945 года дивизию подчинили 6-й армии, которой командовал генерал танковых войск Герман Бальк. 6-я армия, в свою очередь, передала дивизию 4-му танковому корпусу СС обергруппенфюрера СС Герберта Гилле. Так украинская дивизия стала правым крылом 6-й армии и занимала участок до Фельдбаха. На новом участке дивизия имела два главных укрепленных пункта: один — замок Гляйхенберг, другой — стратегический участок под Фельдбахом. Снабжение дивизии было налажено, продовольствием личный состав снабжался без перебоев. Из-за плохого транспортного сообщения в дивизии остро ощущался дефицит снаряжения, а также снарядов. Несмотря на это, положение в дивизии было лучшим, нежели в других частях армии. Во многом это было достигнуто благодаря работе офицеров отдела снабжения дивизии, сумевших создать запасы продовольствия.

В конце апреля 1945 года в дивизию прибыли главнокомандующий Украинской национальной Армией генерал-лейтенант Павло Шандрук, руководитель УН К профессор В. Кубийович, группенфюрер СС О. Вехтер, полковник А. Бизанц и оберфюрер СС доктор Ф. Арльт.

В торжественной обстановке дивизия приняла новую присягу ^[37] на верность Украине. Присяга эта была своеобразной — части и подразделения дивизии, бывшие на фронте, направляли своих делегатов на присягу. Когда делегаты присягнули Украине, подразделение, их направившее, считалось присягнувшим.

При встрече с личным составом дивизии П. Шандрук вручил всем новые кокарды, представлявшие украинский национальный символ — трезубец св. Владимира. На встрече с начальником штаба дивизии В. Д. Гайке уведомил главкома о ситуации на передовой и в самой дивизии.

Проведя в дивизии несколько дней, Шандрук отбыл в учебно-запасной полк, где и остановился. Такой шаг был по достоинству оценен немецким персоналом дивизии, понимавшим, откуда ветер дует. Пребывание Шандрука в штабе дивизии рано или поздно стало бы причиной конфликта с Ф. Фрайтагом. В полку же конфликта не удалось избежать. На этот раз его причиной стало вызывающее поведение штандартенфюрера СС Маркса, однако прибывшие с Шандруком Вехтер и Арльт быстро «успокоили» его, разъяснив правовое положение украинского главкома. Из «огляда» полка выяснилось, что Маркс по собственному почину убрал из полка всех опытных украинских офицеров и свел их в отдельную роту. Маркс показался Шандруку «нацистским садистом», и главком решил приложить все силы, чтобы избавить полк от такого командира.

25 апреля по приказу Шандрука в дивизии началось принятие новой присяги. Первым принял присягу 30-й полк, что пребывал в резерве, другие полки и самостоятельные части высылали на церемонию своих представителей. После принятия присяги представителями подразделения считалось давшим присягу. Такой способ приведения к верности был обусловлен тяжелой фронтовой обстановкой.

Тем временем в дивизию начали приходить новости из Германии, свидетельствующие о полном крушении рейха. Приказом комдива в дивизии была проведена ревизия всего имущества и запасов, с целью подготовки к дальнему и тяжелому маршу. В воздухе носились сплетни о направлении дивизии в т. н. «альпийский редут», созданный руководством СС для продолжения борьбы.

В первые дни мая 1945 года в штаб армии были приглашены все командиры, адъютанты и начальники штабов частей. Командарм поставил перед войсками задачу по активизации деятельности разведгрупп. Генерал сообщил всем присутствующим, что в ближнем тылу армии еще хватает запасов боеприпасов и амуниции.

Тем временем на фронте был заменен сосед дивизии на правом ее фланге. Теперь на передовой близ украинцев расположились части 16-й дивизии СС «Рейхсфюрер СС».

По инициативе командира дивизии из ее расположения навстречу продвигавшимся войскам западных союзников был выслан в качестве парламентаря Л. Макарушка. В районе Фелькермаркта он попал в расположение английской части, командир которой принял его корректно и с уважением. Макарушка просил англичанина назначить район Фелькермаркта сборным пунктом дивизии для перехода на сторону англичан. Эта территория англичанами пока занята не была, но в лесах

здесь оперировали партизаны Тито, с которыми у англичан была связь. На замечание Макарушки, что дивизия не может существовать рядом с коммунистами, англичанин посоветовал взять дивизии город и удерживать его до подхода основных английских сил. Прибыв в Фелькермаркт, Макарушка связался с представителями партизан и сообщил им о своих переговорах с англичанами. Титовцы категорически отказались от сотрудничества и уведомили, что Фелькермаркт находится в сфере интересов Югославии, а не Великобритании. После долгих переговоров с партизанами Макарушка под титовским нажимом решил выбрать северное направление. Учебно-запасной полк под командованием Макарушки отправился в свой последний поход на Запад.

Про переход в Северную Италию через Толмеццо к союзникам согласно планам Вехтера нельзя было и подумать. Английские части уже вступили в район Фелькермаркт — Клагенфурт, партизаны Тито так окрепли в численности и оружии, что переход до Толмеццо был просто невозможен. Дивизия к тому же не могла выйти с фронта, не обрушив его.

6 мая 1945 года на совещании в 4-м танковом корпусе СС все командиры частей были уведомлены, что Германия стоит перед капитуляцией. Для спасения частей, составляющих фронт, с 7 мая части должны оторваться от противника и выйти на территорию, занятую войсками англо-американского альянса. 7 мая с фронта должны были выйти части корпуса, 8 мая — украинцы.

В полдень 6 мая 1945 года на совещание к командующему армией были приглашены все командиры частей. Генерал Бальк уведомил собравшихся о скорой капитуляции рейха и о задаче всех частей фронта — отойти на запад и всеми силами стремиться избежать пленения. Украинской дивизии местом сбора был определен г. Фелькермаркт.

Всем частям 4-го танкового корпуса СС было приказано сняться с позиций. Сосед дивизии — 1-й кав-корпус с большим трудом переправился через реку Мур через линию фронта. Украинцам как самым «немоторизованным» пришлось нелегко. Первой дивизии отступить не разрешило командование армии, отступить же в числе последних значило попасть в плен советским войскам. Маршрутом отступления дивизии была дорога из г. Граца через г. Вольфсберг до Фелькермаркта. Батальон саперов дивизии построил 12-тонный мост через Мур южнее Граца для ускорения прохода дивизии.

7 мая 1945 года в 11.00 начался отход соседних дивизии частей с фронта. С первых метров марша стало ясным, что все дороги на запад забиты немецкими войсками, но их переходом толково руководили

офицеры и части полевой жандармерии. Все части 6-й армии, включая и 4-й ТК СС, отступали маршрутом Грац — Вольфсберг — Фелькермаркт (т. н. ПАК-штрассе). Из-за несогласованности планов эвакуации частей у Вольфсберга столкнулись две отступавшие войсковые колонны 2-й и 6-й армий.

Сам уход дивизии был связан с недоразумениями, возникавшими с уходом ее левого соседа — кавалеристов. С ними не могли договориться об одновременном уходе с линии фронта. Ни командование 4-го ТК СС, ни 6-я армия арбитрами в этом споре стать не захотели, поэтому спор о времени и последовательности отступления окончился безрезультатно.

В продолжение целого дня 7 мая 1945 года комдив и начштаба дивизии ежечасно запрашивали командные инстанции о часе отхода с позиций. В дивизию шли короткие телеграммы: «*Ждите, час отступления вам сообщат*». 8 мая в 2 часа ночи в штаб дивизии перезвонил Вехтер, обеспокоенный положением дивизии, он же сообщил, что армия уже отдала приказ об отступлении. Тем временем все тылы дивизии уже вышли из мест своего расположения, фронтовые части пребывали на передовой. Начальник штаба вновь запросил 4-й ТК СС про приказ, однако никакой информации не пришло. В 6.00 8 мая в штаб дивизии позвонил начальник штаба 4-го ТК СС и отдал приказ об отступлении. Части начали сниматься с фронта.

Дивизия вышла из состава 4-го ТК СС и была подчинена лишь своему командиру. С украинской дивизией не попрощались (даже по телефону) командиры ни корпуса, ни армии.

Командный пункт дивизии и ее штаб снялись со своего места лишь в 10.00 8 мая и сразу же пересекли мост через Мур. Противник отступление заметил, но никаких действий не предпринимал. Части отходили с фронта в соответствии с планом, лишь 30-й полк понес потери под Фельдбахом. Отступление украинских полков шло без какого-либо прикрытия с воздуха, поэтому в полдень они были атакованы советскими самолетами. Колонны при авианалете больших потерь не понесли, т. к. весь транспорт, артиллерия и запасы были оставлены на позициях.

С учебно-запасным полком дивизия поддерживала радиосвязь до вечера 7 мая, однако вскоре связь прервалась. Штабу дивизии пришлось выделить офицера для связи с полком, чтобы вывести его в район сбора близ Фелькермаркта.

Переход частей через Мур прошел в порядке. Все части были обеспечены продовольствием, и запасы могли быть пополнены в складах близ Граца. В составе штабной колонны следовали Шандрук, Вехтер и

Арльт.

Вскоре колонна дивизии начала распадаться в общей колонне войск, отступавших на запад. Командование дивизии старалось пробиться в голову колонны, чтобы при необходимости возглавить личный состав при встрече с войсками союзников. Советская авиация несколько раз налетала на колонну, но больших потерь не было.

В это время в штаб дивизии пришла весть от высланного к учебно-запасному полку офицера. Он сообщал, что в районе Фелькермаркта англичан нет, но зато здесь пребывает сильный полк титовских партизан. Учебно-запасной полк, подразделения которого понесли тяжелые потери, попытался пробиться на север. Во время ожесточенных боев с титовцами полк распался. После боя вышедший из него начальник штаба полка встретил лишь командира полка, трех командиров батальонов и нескольких солдат. В такой ситуации командованием дивизии было принято решение смешаться с отступающими немецкими частями. О выходе в район Фелькермаркта не могло быть и речи. Дивизия изменила маршрут и начала двигаться по маршруту Твимберг — Юденбург — Мурау — Маутендорф — Радштадт вместе с отступающими немецкими войсками.

10 мая командный пункт дивизии разместился на рынке в городишке Тамсвеге, а вечером того же дня переехал в деревушку Санкт-Андре близ Тамсвега. Вечером того же дня в штаб дивизии пришло сообщение, что западные союзники собирают здесь все инациональные части вермахта и СС, это же подтвердил и Вехтер. Начальник штаба дивизии как бывший офицер вермахта выехал на пропускной пункт в Тамсвеге, чтобы узнать возможность выхода дивизии из города. Перед тем как покинуть расположение штаба, майор Гайке попросил Вехтера дожждаться его возвращения. Фрайтаг лег спать, а Вехтер пообещал дожждаться возвращения начштаба. Через несколько часов в Маутендорфе Гайке встретил трех украинских офицеров, которые сообщили ему о самоубийстве командира дивизии. В своих воспоминаниях начальник штаба дивизии упоминает о некоем плане Фрайтага уйти в горы с наиболее верными немецкими офицерами. Когда офицеры отказались следовать за ним в горы, Фрайтаг застрелился.

По возвращении на место с новым маршрутом движения дивизии Гайке стало известно, что генерал Шандрук выехал к американцам в Радштадт. Со своей стороны начальник штаба связался с английским командованием, которое выделило украинской дивизии место сбора под Тамсвегом. Командиром лагеря дивизии был назначен Е. Побигущий. Фактическим командиром дивизии с 10 мая 1945 года был генерал

Михайло Крат, самый молодой из высших украинских офицеров — участников Гражданской войны. На этот пост Крата назначил генерал Павло Шандрук.

В Маутендорфе начальник штаба встретил полковника Бизанца, направлявшегося в Радштадт. Позднее Вольф Дитрих Гайке был переведен в лагерь военнопленных, где узнал от полицейского чиновника, что Фрайтаг действительно застрелился, а его тело было похоронено на кладбище в Санкт-Андре.

Трагично сложилась и дальнейшая судьба куратора дивизии губернатора дистрикта «Львов» группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции доктора Отто Вехтера. После интернирования дивизии в Австрии Вехтер в штатском костюме сумел пробраться в Италию. Позднее он умер от туберкулеза в одном из монастырей в 1949 году. Доктор Фриц Арльт «устроился» сельскохозяйственным, рабочим к одному из немецких бауэров.

Генерал П. Шандрук получил от американцев пропуск в штаб американской дивизии в Зальцбурге, где его продержали на положении «почетного пленника» 5 дней, затем дали пропуск в г. Ауфкирхен (Бавария), где им был открыт сборный пункт военнослужащих дивизии.

Невыданные

В американской оккупационной зоне по окончании боевых действий оказалось около тысячи военнослужащих 1-й дивизии УНА. Их несколько раз перемещали из одного лагеря в другой, другая группа в 150 человек находилась в Австрии. В отличие от англичан американцы не особенно строго придерживались политических договоренностей с СССР и зачастую отпускали украинцев на все четыре стороны, как только те сдавались в плен. Их было немного, и впоследствии эти люди осели в лагерях для перемещенных лиц. Позднее они эмигрировали в США, Канаду и Аргентину.

Основное ядро дивизии дошло до городка Тамсвег, территория которого контролировалась Армией Ее Величества. Другим пунктом сбора стал городок Шпиталь на реке Драве. Офицеры дивизии начали создавать лагерь из личного состава полков, что входили в дивизию. Полковник Михайло Крат, пользовавшийся протекцией Павло Шандрука, стал комендантом лагеря.

Небольшое количество дивизионников пребывало в Клагенфурте, Филлахе и других лагерях на Северо-Западе Австрии.

Все вышеупомянутые лагеря постоянно пополнялись дивизионниками, прибывавшими поодиночке и целыми подразделениями. Вскоре в Клагенфурте, Фельдкирхе и Шпитале насчитывалось около 12 тысяч рывших военнослужащих УНА и их родственников.

Долго так продолжаться не могло, и союзные власти решили переместить часть интернированных из центра Европы близ советского сектора на ее периферию. Украинцам посчастливилось отправиться в Италию. Здесь, на морском побережье между городами Беллария и Римини был образован украинский лагерь.

Первую партию украинцев — три тысячи солдат и офицеров — англичане вывезли грузовиками. Вслед за ними перебросили и остальных. В лагере украинцы совместными усилиями наладили нормальную жизнь, и на побережье Адриатики возникло «Украинское государство» в миниатюре.

26 июля лагерь посетила советская репатриационная комиссия. Результатом ее работы стало возвращение в СССР 1052 человек. Комиссия работала кропотливо и беседовала с каждым дивизионником.

Все уроженцы Галичины и иных районов Западной Украины до сентября 1939 года являлись гражданами Польши и возвращаться в Страну

Советов не собирались. Советское правительство требовало выдачи дивизии целиком, но у галичан нашлись заступники. Представители Украинской автокефальной церкви обратились за заступничеством к Ватикану. Ватикан ходатайствовал перед правительством США о сохранении бывших служащих дивизии от выдачи в СССР.

После советской комиссии в лагерь прибыла польская для вербовки людей во 2-й польский корпус генерала Владислава Андерса. На ее призыв откликнулись лишь 176 человек.

До весны 1947 года бывшие дивизионники не ведали, как сложится их судьба, у всех в памяти были свежи подробности выдачи казаков в СССР. Правительство Великобритании приняло решение о вывозе всех украинцев из своих лагерей на территорию Соединенного Королевства. Все они были вывезены в Великобританию, где многие остались жить. Часть украинцев из Англии выехала в США и Канаду. В Канаду было очень сложно получить визу, к тому же со стороны Канадского еврейского конгресса на украинцев посыпались обвинения в истреблении евреев в годы войны. Департамент эмиграции Канады потребовал от английского правительства предоставления развернутой исторической справки о пути украинского формирования в годы последней войны. Такой документ был подготовлен, и разрешение на въезд было дано.

Впоследствии в эмиграции бывшими офицерами и солдатами были организованы «Товарищество бывших воинов 1-й дивизии УНА» и ряд других ветеранских организаций.

Получив такой подготовленный боевой материал, как военнослужащие дивизии СС «Галичина», руководители западных разведслужб не преминули воспользоваться потенциальными диверсантами и разведчиками. В 1950 году на территорию Украины были десантированы бывшие дивизионники Левко Баглай, Теодор Рач, Книш, Малик, Ясинский и другие. Все они имели задание от руководства УГВР по оживлению деятельности националистического подполья. Всю группу удалось быстро нейтрализовать благодаря деятельности советского агента Кима Филби.

Украинская Национальная Армия

В 1944 году, когда боевые действия велись уже за пределами СССР, в германском военно-политическом руководстве наметились две основные концепции развития отношений с представителями восточного коллаборационизма.

Первая концепция — условно можно именовать ее «власовской» — сводилась к идее формирования объединенных военно-политических сил под общим русским командованием. Основным проводником этой идеи был Генрих Гиммлер.

Вторая концепция предусматривала создание самостоятельных военных и политических формирований из числа «восточных» народов. Эту концепцию защищал рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг. Согласно его идее каждый из «поневоленных» народов имел бы свой национальный комитет и свою национальную армию.

Лагери эти не были едиными. Внутри каждого из них были как сторонники, так и противники проводимых идей. Так, начальник РСХА Эрнст Кальтенбруннер не одобрял планы своего шефа и поддерживал идеи Розенберга. По его приказу 27 сентября 1944 года из концлагеря Заксенхаузен были освобождены руководители Организации украинских националистов Степан Бандера, Ярослав Стецько, Тарас Бульба-Боровец и другие «щирые диячи».

Вскоре была оформлена идея создания единого военно-политического украинского представительства. По замыслу его авторов (одним из основных создателей УНК был доктор Отто Бройтигам), таковым должен был стать Украинский национальный комитет (УНК).

Немецкие инстанции провели ряд переговоров с потенциальными руководителями Комитета — бывшим гетманом Павлом Скоропадским, Степаном Бандерой, Андреем Мельником. Отбор кандидатуры проводился и с дальним прицелом — немцам была необходима влиятельная фигура для противопоставления ее генералу А. А. Власову. Кандидатура бывшего гетмана отпала сразу, т. к. этот яркий представитель украинской эмиграции авторитетом не пользовался и на пост руководителя УНК не подходил в принципе — как бывший русский генерал. Бандера и Мельник первоначально заняли выжидательную позицию.

Доктор Фриц Арльт из восточноевропейского отдела СС-Гауптшта

провел переговоры с Андреем Мельником. Из документов тех лет следует, что сам Мельник отказался от участия в комплектовании УНК, но оставался «закулисной» фигурой, имевшей значительное влияние на происходящий процесс.

Оживление в процесс принятия окончательного решения внесла украинская эмиграция, сконцентрированная в основной своей массе в окрестностях словацкого города Пряшева (Прессбурга). Имевший в ее среде агентов оберштурмбаннфюрер СС Витиска докладывал в Берлин о настроениях, царивших в этой колонии. По информации его агента, в украинской колонии начали усиленно муссировать слухи о грядущем освобождении из лагерей всех украинских националистов и создании самостоятельного украинского правительства в эмиграции. Второй слух, циркулировавший в Пряшове и достигший немецких ушей, гласил, что Бандера встретился с Власовым и совместно с ним разрабатывает планы совместных действий двух национальных армий. При этом украинцы будут якобы опираться на УПА и дивизию СС «Галичина», а россияне — на свои формирования, но на основе тесного сотрудничества. Тот же источник докладывал, что наиболее приемлемыми кандидатурами на пост главкома Украинской армии были бы бывшие генералы Армии УНР Греков и Петров.

28 сентября 1944 года О. Бройтигам направил руководству следующий документ, дающий представление о планах немецкого руководства относительно подбора кандидатуры на пост главы УНК:

«Штурмбаннфюрер доктор Лрльт и оберфюрер Крегер пришли к общему выводу, что наилучшим выходом из создавшегося положения будет создание Украинского национального комитета. Кандидат на пост руководителя УНК не был назван. Обсуждению подлежат кандидатуры гетмана Скоропадского, а также Бандеры либо представителя его группы. Кандидатура Скоропадского отклоняется СС. Высказывается опасение, что он имеет недостаточное влияние на молодое поколение, к нему с недоверием относятся националисты как к бывшему русскому офицеру и землевладельцу. Бандере же, наоборот, приписывается большое влияние, прежде всего на УПА (украинские партизаны), но сейчас можно смело утверждать, что у него натура партизана, а не политика. Потому было высказано предположение о возглавлении комитета не Бандерой, а одним из его ближайших соратников и друзей.

Далее идет кандидатура Семененко, бывшего бургомистра Харькова, который давно претендует на перворазрядную роль, но не является кандидатурой, которую можно было бы противопоставить Власову.

На совещании 25 сентября господин рейхсминистр Розенберг предложил начальнику РСХА опросить господ Мельника и Бандеру об их отношении к назначению на пост главы комитета Скоропадского.

В пользу Скоропадского говорит его прошлое гетмана, абсолютно лояльного Германии, и политическая бескорыстность. Скоропадскому уже 71 год, и он мог бы и далее вести спокойную жизнь, далекую от политики. То, что он выставляет свою кандидатуру, так это оттого, что он болеет за дело. Он является довольно значительной фигурой и мог бы объединить все украинские течения и партии. Во всяком случае он был бы той особой, что можно было бы поставить рядом с Власовым.

Против Скоропадского говорит то, что его прошлое может служить козырем для советской пропаганды. Возможно, что он не сможет так поднять молодежь бывшей Советской Украины, как это удалось бы человеку из рядов Бандеры.

В пользу Бандеры говорит его молодая горячность и созданный им радикальный украинский национальный союз. Правда, в прошлом этот союз был направлен больше против Германии, нежели против большевизма. Все же руководимая этим союзом УПА является сегодня очень ценным оружием в борьбе с большевизмом... Бандера — это человек, который не так однозначно, как Скоропадский, относится к Германии. Бандера думает, что служит интересам Украины и может не сегодня завтра выступить против Германии. Таким образом, необходимо подобрать кандидатуру из ближайшего окружения Бандеры. Это должен быть совсем новый человек, но он не будет равен Власову. Нам также следует бояться того, что Бандера либо некто из его окружения будет стремиться к объединению всех украинских групп.

Решение могло быть таковым: поручить Семененко с началом весны создание комитета, а вопрос о его руководителе оставить пока что открытым. Это имело бы свои выгоды: во главе комитета стояла бы лояльная и старательная личность, но украинский комитет проигрывал бы российскому при отсутствии

главы. Семененко был у Скоропадского и дал согласие на работу под его руководством.

Скоропадский через своих посредников зондирует, что было бы, если бы Мельник и Бандера вошли в «кабинет Скоропадского». Он опасается, что Бандера даст отказ, ибо ему уже дали понять, что Украинский национальный комитет возглавит он либо его союз».

Под опекой немцев были проведены переговоры между С. Бандерой, А. Мельником, В. Кубийовичем, В. Доленко. На этих встречах была достигнута первоначальная договоренность о том, что в состав УНК войдут 5 человек. Главой (председателем) комитета должен быть генерал-лейтенант Павло Шандрук, его заместителем — доктор В. Кубийович, а также один из представителей эмигрантов из Восточной Украины, по одному представителю от ОУН (Б) и ОУН (М). Кандидатами на пост представителя Восточной Украины рассматривались профессор Дубровский и профессор Ветухов, однако оба отказались от этой роли, и эту должность занял адвокат О. Симоненко.

Генерал Павло Шандрук, до этого времени не принимавший активного участия в создании каких-либо украинских организаций и воинских частей, был известен своей дипломатичностью и патриотизмом. Именно Шандрук стал формальным главкомом всех украинских формирований, воевавших на стороне нацистской Германии. Личность этого человека до сих пор остается неизвестной, поэтому уделим внимания его биографии.

Павел Феофанович Шандрук родился в 1889 году в селе Барсуки на Волыни в семье священника. Окончил духовную семинарию и Историко-философский институт в г. Нежине. После этого молодой человек поступил в Алексеевское военное училище, которое окончил в 1913 году и вышел в Русскую Императорскую армию в чине подпоручика.

В годы Первой мировой войны молодой офицер не гнушался окопной службы и к 1918 году был уже в чине штабс-капитана. Уже после распада Русской армии он командует бронепоездом «Запорожец» в армии Петлюры, затем Запорожским куренем.

В Армии УНР впоследствии он занимает командные посты в бронетанковых частях и кавалерии. В 1919 году участвует в походе на Киев, переживает сильнейшую эпидемию тифа. С 1920 г. П. Шандрук остается в Польше, вместе с остатками Украинской армии содержится в лагерях интернированных, где начинает выпускать военный журнал «Табор». Журнал выходил благодаря Шандруку вплоть до 1939 года.

В 1938 году П. Шандрук окончил польскую Академию Генерального штаба. Во время короткой войны с немцами украинский офицер командует 29-й дивизией, защищавшей Гродно. В ходе боев ее командир был пленен, после чего начинаются его контакты с немецкой военной администрацией.

Руководитель «старой» части ОУН Андрей Мельник оставил за собой право отзыва Шандрука из УНК, и это решение «атамана» повергло генерала в шок. По мнению Шандрука, Мельник не имел права на этот шаг, ибо речь шла о срочной организации комитета, способного объединить вокруг себя и спасти людей в час окончательного падения рейха.

Отсутствовало желание конструктивного диалога с Мельником и немцами и у Степана Бандеры. По его инициативе комитет должны были составлять территориальные представительства Украины. По его предложению Восточную Украину должен был представлять О. Симоненко, Западную и эмиграцию — В. Кубийович. Генерал Шандрук также представлял бы интересы старой эмиграции и был бы ответственным за формирование национальных воинских единиц.

Из состава комитета по собственной инициативе вышел мельниковец О. Бойдуник, объявивший, что считает эту структуру совершенно бесполезной и даже вредной.

Для преодоления раскола профессор В. Кубийович собрал 12 марта 1945 года в Веймаре совещание представителей украинских кругов. На совещании присутствовали в том числе сам глава Украинского Центрального комитета В. Кубийович, его заместитель К. Панкивский, адвокат В. Доленко, профессор Евтухов, полковник А. Бизанц, С. Бандера, президент А. Левицкий и другие. На совещании было принято решение о ликвидации УЦК и передаче всех его дел УНК. Генерал П. Шандрук выступил с докладом, в котором обрисовал все трудности, связанные с отношением ОУН (М) к УНК. В возникшей дискуссии К. Панкивский заявил, что все украинские политические организации обязаны подчиниться УНК. Шандрук предложил исключить всех представителей украинских политических партий и течений из УНК и ввести в оборот Термин «украинская общественность», что встретило отклик у президента А. Левицкого и С. Бандеры.

Немецкому руководству вскоре все эти интриги надоели, и было принято волевое решение — во главе комитета поставить хорошо известную немцам фигуру. 23 февраля 1945 года А. Розенберг назначил генерал-лейтенанта Павла Шандрука главой УНК и поручил ему провести организацию комитета.

Декларация о создании УНК и национальной армии была передана

Шандруку в МИДе Германии. В ней говорилось следующее:

«Генералу Павло Шандруку. Берлин — Шарлоттенбург. Для предоставления возможности полного участия в решающей фазе борьбы против большевизма и внесения справедливого порядка в национальные взаимоотношения в Европе я утверждаю действующий орган, созданный Вами, — Украинский национальный комитет как национальное представительство Украины. Я утверждаю:

1. УНК является единым представителем украинского народа, признанным немецкими властями.

2. УНК имеет право представлять жизненные интересы Украины и уведомлять о них в своих декларациях и манифестах.

После окончательного решения вопроса о сборе тех украинцев, что служат в Немецкой армии, я приложу все усилия к тому, чтобы все украинские формирования были собраны вместе для создания Украинской освободительной армии».

12 марта 1945 года УНК был создан в следующем составе:

- председатель — П. Шандрук,
- заместители — В. Кубийович и О. Семененко,
- и.о. секретаря — П. Терещенко.

В состав УНК формально не вошли представители Рады УНР, возглавляемой президентом А. Левицким. Со своей стороны президент УНР в эмиграции поддержал генерала П. Шандрука на посту главкома УНА и оказывал ему всяческое содействие в подборе кадров для штаба Украинской национальной армии.

15 марта 1945 года приказом А. Левицкого П. Шандрук был назначен командующим УНА.

Совмещая два поста, Павло Шандрук приложил титанические усилия по созданию Украинской армии. Для этой работы он пригласил генерала О. Вишневого и майора Я. Фартушного, кроме них, «багато старшин» из состава первой эмиграции. К штабу Шандрука примкнул также генерал Михаил Омелянович-Павленко. Шефом штаба УНА был назначен полковник А. Валлийский, начальником инспекционного отдела — майор Д. Бакун, шефом отдела снабжения — полковник О. Шандрук-Шандрушкович, квартирмейстером — поручик Мартынюк, связным штаба — лейтенанты В. Середюк и Стрийский. За юриспруденцию в армии отвечал адвокат — полковник Ружицкий. Духовником армии митрополит

Поликарп назначил протопресвитера Билецкого.

С помощью доктора Арльта для нужд формирующейся армии были выделены большие войсковые казармы в г. Нимеке, где впоследствии размещалась 1-я бригада 2-й дивизии УНА.

Генерал Шандрук планировал провести формирование новой Украинской армии. По его плану 14-я дивизия СС «Галичина», вливаясь в состав УНА, была бы переименована в 1-ю дивизию УНА. Поскольку 14-я дивизия СС находилась под сильным немецким контролем, основную ставку Шандрук сделал на формирование 2-й дивизии УНА. Несмотря на такую ситуацию, 15 апреля 1945 года дивизия «Галичина» была передана в состав УНА и официально была переименована в Первую дивизию УНА 27 апреля 1945 года. При этом были переименованы ее полки: 29-й полк дивизии стал именоваться 1-м украинским, 30-й полк — 2-м украинским, 31-й — 3-м украинским. Все военнослужащие армии должны были принять новую присягу на верность Украине:

«Присягаю Всемогущему Богу на этом Святом Евангелии и его Животворящем Кресте, что, не жалея здоровья и жизни, буду защищать с оружием в руках, всегда и всюду под Украинским Национальным Знаменем, свой народ и родную Украину. Как воин Украинской Национальной Армии присягаю выполнять беспрекословно приказы моих командиров, а служебную информацию хранить в тайне. Так помогут мне Господь и его Пресвятая Мать. Аминь».

В соответствии с планом главкома 2-ю дивизию УНА составляли бы противотанковая бригада «Свободная Украина» («Вильна Украина») под командованием генерала Петро Дьяченко и бригада майора В. Питулея. О последней боевой части Украинской армии читатель узнает позднее, сейчас же познакомимся поближе с краткой историей «Вильной Украины».

Решение о ее формировании было принято 22 февраля 1945 года по приказу СС-Гауптамта, когда началась кампания по организации «восточных» противотанковых подразделений. За короткий срок немцами и коллаборационистами был создан ряд инонациональных формирований, вооруженных противотанковым оружием. Некоторые из них несли постоянное боевое дежурство и при необходимости могли быть переброшены на грузовиках на угрожаемый участок фронта в случае прорыва советских танков. Украинцы были вооружены стрелковым оружием, минометами и переносными реактивными «панцерфаустиами» и

«офенрорами».

Украинское формирование было расквартировано в г. Нимеке в старинных армейских казармах. К началу 1945 года бригада насчитывала в своем составе 3 тысячи человек. Командиром бригады был генерал Петро Дьяченко, пользовавшийся дружеским расположением генерала П. Шандрука. Разницу отношений Павла Шандрука с командирами бригад 2-й дивизии характеризует то, что за все время формирования и существования обе бригады ни разу не соприкасались в процессе обучения, их командиры избегали друг друга. Не случайно и то, что личный состав 1-й бригады зачастую именовал именно свое формирование «2-й дивизией УНА».

Судьба командира 1-й бригады УНА Петра Дьяченко является точной копией судьбы Павла Шандрука. Служба в Русской Императорской армии, участие в войне с большевиками на стороне Петлюры, командование кавалерийскими частями (3-я Запорожская конная бригада, т. н. «Черные запорожцы»), неудачный Зимний поход частей армии УНР, лагеря для интернированных в Польше, служба в Польской армии, Академия Генштаба. В оккупированной немцами Польше П. Дьяченко находится в распоряжении главы Рады УНР Андрея Левицкого и по его поручению позднее служит в должности начальника штаба Полесской Сечи атамана Бульбы-Боровца.

Ни в одной из ныне вышедших в свет на Украине биографий генерала не упоминается о его службе в абвере. До войны Дьяченко возглавлял мельдекопф (переправочный разведпункт) абверштелле «Кенигсберг» в г. Сувалки. Дальнейшая карьера генерала складывалась в контрразведывательном органе абвера — зондерштабе «Россия», который возглавлял блестящий русский офицер Б. А. Хольмстон-Смысловский. На этой тайной работе П. Дьяченко возглавлял резидентскую область — один из участков оккупированной территории, на которой работали контрразведчики зондерштаба. Из этой страницы биографии можно сделать вывод о полном и безграничном доверии, которым пользовался бывший офицер Русской армии со стороны немецкого руководства.

Большинство военнослужащих бригады Дьяченко по своему происхождению являлись уроженцами восточных областей Украины и лишь около 20 % были галичанами. Комплектование бригады и всей 2-й дивизии УНА в целом происходило в основном путем перевода украинских военнослужащих из рядов вермахта в индивидуальном и групповом порядке, а также украинцев из числа служащих пожарных команд Берлина (500 человек), среди которых было некоторое число бывших советских офицеров. Провести отбор среди пожарных Дьяченко решил сам, для чего

прибыл в Берлин на место расквартирования пожарных команд. Из 500 добровольцев он отобрал группу из 75 человек, которую составили его же земляки — уроженцы Полтавской и Миргородской областей. С конца февраля в Нимек стали прибывать дезертиры из пожарных команд, из которых стал формироваться 2-й батальон.

25 февраля 1945 года Дьяченко перевез украинцев из Берлина в городок Нимек для дальнейшего формирования и обучения. Здесь был сформирован первый батальон бригады в составе трех учебных рот, унтер-офицерской, пулеметной, минометной и хозяйственных рот. Каждая сотня состояла из 5 взводов, в каждом из которых состоял 21 человек. Командиром каждого взвода был офицер либо унтер с правами офицера и два его заместителя. Такая организация являлась обычной структурой для... немецких воздушно-десантных частей.

Особую «статью» представляло собой наличие в составе формирования 4-й роты, кадрами которой были 32 бывших повстанца из УПА, присоединившиеся к бригаде в районе Глаца. В процессе формирования бригады сразу же возникла «вечная» для всех комплектующихся восточных частей проблема — нехватка офицерских и унтер-офицерских кадров. Решить проблему удалось лишь частично привлечением престарелых эмигрантских кадров. Старики-офицеры после первых же часов занятий в поле «исчезали» в казармах и больше уже не выходили на занятия. Возраст брал свое. Другой проблемой были 16–17-летние «моторные хлопцы», объединенные в 3-й батальон.

В городках Глаце и Нимеке личный состав бригады проходил обучение в соответствии с программой, написанной самим П. Дьяченко. Немцы в ход занятий не вмешивались. Основная тяжесть учебного процесса легла на плечи начальника штаба бригады, майора Владимира Хладича (Гладича). Под его руководством личный состав вскоре после начала занятий снискал похвалу немецкого руководства.

1-й батальон имел на вооружении автоматические штурмовые винтовки «штурмгевер», второй — обыкновенные карабины «маузер». Пулеметчики располагали двумя тяжелыми пулеметами, минометчики — двумя минометами.

Помимо организационных трудностей, существовала реальная угроза быстрой переброски формирования на фронт. Для скорейшей и полной украинизации бригады и с учетом продвижения союзников в глубь Германии Шандрук отдал приказ Дьяченко провести принятие присяги военнослужащими бригады 23 марта 1945 года.

В этот день в торжественной обстановке военнослужащие бригады

приняли присягу. В ее тексте отсутствовали клятвы верности Гитлеру и рейху. После произнесения слов присяги каждый солдат подходил к престолу, целовал крест и Евангелие, становился на колени и целовал знамя бригады и произносил: «Присягаю!»

4 апреля 1945 года генерал Шандрук вместе с доктором Ф. Арльтом выехали в штаб-квартиру главнокомандующего фельдмаршала Ф. Шернера с прошением о включении 2-й дивизии УНА в состав немецких войск и ее обеспечении всем необходимым. Шернер делегацию принял, выслушал и направил Шандрука к генералу фон Штрахвицу, который не только дал согласие на включение дивизии в состав своей группировки, но и выделил ей новые казармы, куда дивизия должна была прибыть через пять дней. Графа Штрахвица Шандрук пригласил посетить расположение 1-й бригады, чем тот и воспользовался. При посещении украинского формирования на графа Штрахвица неизгладимое впечатление произвела учебная рота, которую возглавлял майор Хладич. По признанию графа, такой дисциплины, четкости и порядка он не наблюдал с 1941 года. Штрахвиц посетил два батальона, признал их образцовыми и приказал сформировать моторизованную роту, для которой выделил мотоциклы. По его приказу рота должна была быть готова к немедленному прибытию на фронт.

Между тем фронтовая обстановка требовала выдвижения на линию огня все новых и новых резервов. Вопреки решению Штрахвица вышестоящее немецкое командование выделило 2-й бригаде участок по обороне предместий Бранденбурга.

3 апреля 1-ю бригаду 2-й дивизии УНА эшелонами перебросили на фронт близ города Глаца. К штабу бригады были прикомандированы немецкие майор Мартин, капитан и два унтер-офицера, которые вплоть до окончания переброски бригады из своих вагонов не выходили и делами не интересовались. По свидетельству самих украинцев, эта команда связи в основном «сражалась» с горилкой, получить которую могла только с разрешение генерала Дьяченко.

По состоянию на 12 апреля бригада имела следующее расписание:

- 1-й батальон (лейтенант Фуре) в составе 3 рот (1–3),
- 2-й батальон (хорунжий Хладич) в составе 3 рот (4–6),
- 3-й батальон (хорунжий Старовойт),
- батальон тяжелого оружия,
- моторизованная сотня (хор. Иваненко),
- хозотдел (хор. Яременко),
- взвод жандармерии (сотник Сокальский),

- санитарный взвод.
- Роты (сотни) бригады были скомплектованы по принципу землячества: 1-я состояла из миргородцев, 2-я — из уроженцев Лубенщины, 3-я — черниговцев.

Многие отделения состояли не только из уроженцев одной области и района, но и родственников.

До г. Бауцена бригада не доехала, т. к. первый же эшелон, на котором перевозились штаб бригады, 1-й батальон и моторота, был обстрелян пулеметным и артиллерийским огнем в 12 километрах от города. Быстро покинув вагоны, украинцы спешили и заняли близлежащие к железнодорожной магистрали высоты.

В это же время пришло известие, что Бауцен окружен, но его гарнизон еще держится.

От близлежащих немецких инстанций был получен приказ занять наиболее подходящие для обороны позиции и не допустить расширения прорыва фронта. В целом бригада вошла в состав корпуса «Герман Геринг». После прибытия второго эшелона бригада установила контакт с соседями. На фронт были выдвинуты два батальона, третий был в резерве.

17 апреля бригада получила приказ провести разведку сильным подразделением в направлении Бауцена и попытаться установить связь с окруженной группировкой. Передовой отряд был скомплектован из 4-й роты, мотопатрулей и 2-й роты. Группа солдат из 2-й роты сумела прорваться в Бауцен и доставить в распоряжение бригады из города двух фольксштурмовцев.

Одновременно с удачным началом боевых действий начались проблемы внутренние. Из подчинения вышла 4-я рота, в составе которой были бывшие члены УПА. Припертый свидетельствами однополчан, командир роты Кириленко признался, что имеет указание от представителя Украинской головной вызвольной рады при штабе генерала Шандрука любыми способами не ввязываться в бой. Таким образом, этот офицер имел фактически двух командиров и не знал, кому из них подчиняться. Дьяченко лично предупредил упишта, что, если еще раз проявится неготовность исполнить приказ, он будет расстрелян.

22 апреля вечером 3-я рота перешла в наступление и выбила противника с его позиций и заняла близлежащую станцию. В бою были взяты 12 военнопленных и вагон с табаком.

23 апреля бригада в составе двух батальонов развернула наступление и, встречая незначительное сопротивление, продвинулась на 5 километров

в направлении автобана Бауцен — Дрезден. Ситуация осложнялась отсутствием связи с соседними немецкими частями.

27 апреля с утра автобан наполнился отступающими немецкими обозами и деморализованной пехотой. В это же время в бригаду прибыл командир и отдал приказ о наступлении 2-й и 3-й ротам. Пройдя немного вперед, роты попали под интенсивный артобстрел. Противник перешел в контрнаступление и прорвал линию обороны залегшей 1-й роты, чем создал угрозу прорыва в тыл бригады. С передовой в штаб ушло донесение о создавшейся опасной обстановке.

Генерал Дьяченко, получив донесение, выехал на «Фольксвагене» в штаб бригады и мобилизовал там всех, кто мог держать в руках оружие, включая немцев — водителей грузовиков. Дьяченко лично повел их в атаку на прорвавшегося неприятеля. Под натиском тыловиков передовые линии советской пехоты начали отход. Развивая успех, Дьяченко приказал 5-й и 6-й ротам перейти в наступление, поддержанное прибытием и вводом в бой шести немецких 37-мм зенитных автоматических пушек. Локальный успех способствовал развитию наступления. Противник сдавался. К 11 часам утра бригада взяла в плен 300 рядовых, 10 офицеров (в основном младших лейтенантов) и... комдива Войска Польского полковника Лилевского. Трофеями стали 4 противотанковых орудия, 5 полковых минометов, около 20 пулеметов, 200 подвод с различным войсковым имуществом.

При опросе пленных выяснилось, что украинцы разбили 19-й полк 7-й польской дивизии. Из числа пленных украинцев 50 человек вошли в состав бригады Дьяченко.

Вечером того же дня в штаб бригады прибыл командир корпуса «Герман Геринг» и вручил П. Дьяченко Железный крест. В ночь бригада была снята с участка фронта и перебросена за Эльбу. На следующий день бригада пополнилась советским оружием и лошадьми.

2 мая в ходе боевых действий из боевых порядков исчезла 2-я рота, по-видимому, выполнила приказ своего «провидника» и дезертировала. По приказу комбрига местность начали прочесывать мотопатрули и вышли на дезертиров в 16 километрах от штаба бригады. Несмотря на требования немецкого персонала, и в этот раз уписты отделались легким испугом.

5 мая в бригаду пришло известие, что командующий фронтом отдал приказ о передислокации бригады к линии реки Эльбы для объединения с 14-й дивизией СС «Галичина». К этому времени украинская бригада уже была моторизована, и ее личный состав начал готовиться к переброске. Вечером того же дня советские войска начали наступление севернее Дрездена в направлении Праги. Фронт рушился.

Украинская бригада шла на запад в направлении Эльбы. На марше части бригады попали под авианалет советских штурмовиков. После налета в ее рядах недосчитались многих солдат, немало было убито и лошадей.

7 мая вечером бригада достигла Эльбы близ города Тетчева. Ближайший мост был разнесен советскими штурмовиками. В это же время немецкие части массово начинают сдавать оружие чехам. Командир бригады отдал приказ личному составу стремиться навстречу американцам по направлению к г. Веймару. 8 мая с утра сторожевые посты доложили, что в окрестностях появились советские танки и мотопехота. Вскоре пришло известие о капитуляции рейха.

Последние дни бригады прошли под угрозой захвата советскими частями. 30 % личного состава удалось перейти демаркационную линию и стать военнопленными Армии США. Другие погибли либо были захвачены советскими частями.

В контексте данного рассказа следует упомянуть и о попытках установления контактов между украинским руководством и западными союзниками. Попытка установления связи была предпринята самим Шандруком с использованием каналов профессора Смаль-Стоцкого в Праге. Второй канал предполагалось наладить с помощью доктора Вехтера и Фрица Арльта. Оберштурмбаннфюрер Арльт, прекрасно владевший английским языком, написал меморандум английскому командованию, в котором разъяснил, что такое украинские формирования и против кого они борются. В своих послевоенных воспоминаниях «Arms of Valor» П. Шандрук также упоминает о попытках Вехтера и Арльта спасти казачьи формирования под начальством генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро и перевести его казачьи подразделения вместе с 1-й дивизией УНА в английский сектор. На встрече с Шандруком 2 мая Шкуро отказался от услуг немецко-украинского альянса и сообщил, что самостоятельно вместе с казаками будет пробиваться в Югославию. Дальнейшая трагическая судьба самого А. Г. Шкуро и казаков общеизвестна.

О своем подчинении командованию УНА сообщил командир Бригады вольного казачества полковник П. Терещенко (350 человек). Это подразделение также было передислоцировано в Чехию.

О готовности войти в УНА сообщили командир размещенной в Дании 281-й запасной бригады (5 тыс. чел.) полковник Ф. Гудима, командование 2 охранных полков (по тысяче человек в Голландии и Бельгии), УВВ (80 тыс. человек). Заявили о своем подчинении также несколько украинских групп ПВО в районе Берлина (2,5 тыс. человек).

По данным генерала Э. Кестринга, в немецких Вооруженных силах

весной 1945 года насчитывалось около 220 тысяч украинцев, которых формально можно было бы включить в состав УНА.

Объединение всех этих вышеупомянутых частей и УВВ позволило бы развернуть 2-ю украинскую дивизию УНА под командованием П. Дьяченко, но военно-политическая ситуация складывалась не в пользу украинских националистов.

История 2-й бригады Украинской национальной Армии, входившей в состав 2-й дивизии УНА, малоизвестна, ибо информации о ней крайне мало, даже в таких информированных кругах, как украинская эмиграция.

Первоначально это украинское формирование именовалось «бригадой майора Питулея» и предназначалось для борьбы с советскими танками. Квартировала бригада в 50 километрах от Берлина в бранденбургских казармах, штаб ее размещался в 5 километрах от Бранденбурга. Семьи военнослужащих и офицеров располагались в Бриллове, Радевеге и Бранденбурге. Личный состав бригады проходил интенсивное обучение на полигонах дивизии «Бранденбург» и пополнялся новыми кадрами. Вскоре командование бригады уже неофициально именовало ее «дивизией».

Сам майор Питулей был бывшим комендантом львовской вспомогательной полиции. В его подразделении насчитывалось 70 % военнослужащих — уроженцев Западной Украины и 30 % выходцев из восточных районов республики. В состав формирования были переданы военнослужащие различных украинских войсковых частей и подразделений вермахта, полиции, военнопленные, беженцы с Украины.

Командир бригады не пользовался благорасположением у командующего УНА генерала Павла Шандрука, что отражалось и на самой бригаде, снабжавшейся по остаточному принципу. В «любимчиках» Шандрука была 1-я бригада УНА под командованием его старого друга полковника Петра Дьяченко. В отличие от Питулея у Дьяченко в бригаде служили 80 % уроженцев восточных областей Украины и всего 20 % галичан. Средний возраст военнослужащих 2-й бригады приближался к 25 годам, офицеры (которых не хватало) были постарше, и большинство из них уже имело за своими плечами опыт военной службы в Польской, Советской армиях.

Особенностью 2-й бригады было наличие значительного количества украинских офицеров. Военнослужащие 2-й бригады были вооружены стрелковым оружием, противотанковыми гранатометами «панцер-фауст», «офенрор» и минометами.

Среди украинцев витали надежды на скорейшее освобождение из-под немецкого ярма и освобождение Родины от большевизма с помощью

союзников. В целом люди были угнетаемы самой мыслью о пребывании в этой сырой песчаной местности, вдалеке от своей Родины. Разлука усугублялась недостатком продуктов и обмундирования. В день солдат бригады получал кусок черного хлеба, замешенного на древесных опилках, кусок эрзац-маргарина и тарелку некой баланды, именуемой «суп». Медицинская служба бригады насчитывала в своем составе одного немца-фельдшера и трех санитаров.

По неподтвержденной информации, в марте 1945 года бригаду посетил Г. Гиммлер и якобы произнес фразу: *«Украинцы, вы скоро будете иметь свою армию и вернетесь на свою Родину»*. Сам факт такого визита подтверждается тем, что рейхсфюрер СС до последних дней войны был в курсе всего, что касалось формирования восточных частей, неоднократно приезжал в Бранденбург и его окрестности, которые союзническая авиация бомбила крайне редко.

2 апреля 1945 года личный состав бригады в количестве 3400 человек в торжественной обстановке принял присягу на верность Украине и Украинской национальной армии. По свидетельству бывших солдат и офицеров бригады, ее личный состав после принятия присяги самостоятельно, не дожидаясь приказов и разрешений, разместил на униформе национальную символику.

В планах немецко-украинского командования 2-й бригаде 2-й дивизии УНА отводилась роль защитника окрестностей Бранденбурга. 1-я бригада должна была действовать отдельно на отведенном ей участке фронта. До конца своего существования обе бригады не использовались как единая 2-я дивизия УНА. Причиной этого было полное недоверие немецкого руководства к личному составу 2-й бригады, в основной своей массе состоявшей из галичан-националистов. Немецкое руководство опасалось негативного воздействия бандеровцев на солдат 1-й бригады 2-й дивизии УНА.

В ночь на 23 апреля 1945 года расположение 2-й бригады было атаковано советскими войсками под прикрытием артиллерии и пулеметов бронепоезда. Советская пехота предприняла маневр по окружению Бранденбурга. Во время артобстрела были уничтожены электростанция, армейские склады. Из-за отсутствия электричества местность осталась без питьевой воды. 27 апреля была уничтожена кухня, и личный состав бригады остался без питания, т. к. запасов продуктов и воды сделано заранее не было. В расположение бригады начали сбегаться семьи военнослужащих, что еще более усугубило общее положение. Окончательная катастрофа пришла вместе с уничтожением линии связи с

командованием. Штаб бригады не успел уничтожить штабные документы, и они попали в руки наступавших советских войск.

Боевые действия против наступавших советских частей велись в самом Бранденбурге и окрестностях хаотично, наскоро созданными группами украинских солдат во главе с офицерами. Личный состав был вынужден вести боевые действия в городской и сельской местности, где не было единой линии фронта. При этом немецкие солдаты предпочитали долгой борьбе сдачу в плен либо покидали фронт. Масла в огонь подливали советские мегафоны, установленные по другую линию фронта: *«Братья-украинцы, за кого вы сражаетесь здесь, на чужбине? Вас ждет Родина, батька Сталин и работа около вашей хаты!»* Пропагандистская кампания перемежалась обстрелом из «катюш».

8 мая украинские позиции облетела весть о готовившемся прорыве на запад и выходе с линии фронта. Вскоре в рядах украинцев из 2-й бригады начали появляться солдаты в советской форме, но с нашивками «УВВ» на рукавах — на помощь осажденным прорвались три батальона Украинской освободительной армии, с помощью которых удалось оторваться от преследования наступавших советских войск и вывести часть гражданских беженцев.

Вырвавшись из пекла боя, беженцы и солдаты попали под бомбовый удар союзной авиации на местности, заросшей молодым подлеском. Счет жертв в той обстановке не велся, но смерть в тот день собрала богатый урожай. Уже в 1992 году при проведении строительных работ близ Бранденбурга были случайно обнаружены массовые захоронения людей. В общих могилах было захоронено около 13 тысяч человек. Экспертиза показала, что все они были захоронены в сороковых годах. Не исключено, что среди этих жертв были и военнослужащие 2-й бригады 2-й дивизии УНА.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

И. Л. Солоневич

«О сепаратных виселицах»

В № 12 «Нашей страны» в статье «По стопам 1613 года» попалась очень неудачная формулировка о сепаратистах, «которые пусть уж подождут... до виселицы». Это, так сказать, редакционный недосмотр, в том числе и мой. Местные аргентинские украинцы оказались обиженными. Может быть, и кое-кто другой. Формулировка о виселице оказалась неудачной главным образом вследствие ее краткости. Я вообще уклонялся от тем о наших российских сепаратизмах просто потому, что этот вопрос считаю совершенно третьесортным.

В тех «Тезисах Народно-монархического движения», которые были нами выпущены перед войной, решение «национального вопроса» было предложено в такой форме.

Российская империя есть наш общий дом, имеющий нашу общую крышу и общие внешние стены. Но в пределах этого дома каждая народность имеет свою собственную квартиру, в которой она может устраиваться, как ей будет угодно — с некоторыми, однако, условиями: не поджигать общего дома и не устраивать в своей собственной квартире складов взрывчатых веществ, воровских притонов или нарушения общественной тишины и спокойствия.

Каждый человек Империи может говорить, писать, учиться и самоуправляться на каком ему угодно языке.

Может знать общегосударственный язык, но имеет полное право и не знать. Может вводить в свою школу этот язык — но имеет право и не вводить. Однако: язык правительства, армии, транспорта, связи и пр. — должен быть языком общегосударственным. Словом, никто никого не заставляет любить русский язык. Не любишь — не надо, тебе же будет хуже.

Никакого нового изобретения тут нет. За некоторыми исключениями на Руси так и было. Ключевский пишет, что «Москва не любила ломать местных обычаев» — но не любил этого и Петербург. Финляндия и Бухара

управлялись собственными законами и на собственном языке. Польша до завоевательных своих восстаний — тоже. В Прибалтике очень долгое время официальным языком оставался — как и был — немецкий язык. На Кавказе дело было сложнее: один Дагестан во времена советской «коренизации» имел шестнадцать официально признанных языков. Один грузинский имел три официально признанных наречия. В результате этого советский Кавказ был довольно точной копией конца Вавилонской башни после смешения языков.

Но в общем — с поправками на всякие ошибки и промахи — дело шло приблизительно к тому предположению, которое и было сформулировано в «Тезисах». Весь вопрос, собственно, заключается не в том, будут ли латыши говорить по-латышски — конечно, будут. И даже не в том, будут ли они говорить по-русски — будут те, кто захочет пробиться в жизни. Весь вопрос заключается в том и почти только в том, что ни русское правительство, ни русский народ во всех его трех ветвях — великорусской, малорусской и белорусской — никогда не признавали и, по всей вероятности, никогда не признают своей какой бы то ни было отделенности друг от друга. Отделение Украины от Великороссии означает гибель. И Великороссии и Украины.

Таким образом, то, что я написал о сепаратистах и о виселицах, не касается никак ни латышей, ни грузин. Политические и прочие обстоятельства почти наверняка приведут Латвию к включению в состав Российской империи, но с чисто моральной точки зрения мы никак не вправе считать латвийских или грузинских сепаратистов какими бы то ни было изменниками. Включение Прибалтики в состав империи неизбежно потому, что тысячелетний порыв России к морю не может быть остановлен соображениями о «самоопределении вплоть до отделения». Но это все вопросы, так сказать, технические, вопросы, никак не грозящие бытию России. Украинский сепаратизм грозит бытию всей России — то есть и Великороссии, и Малороссии. Украинский сепаратизм, кроме того, вырос на целой серии сплошных подлогов.

Самостийные разговоры об эксплуатации Москвой Украины — это есть, конечно, сплошной вздор. Московская власть прекратила бесконечную гетманскую резню, и общерусскими усилиями были разгромлены и татары, и Польша, и Турция — веками и веками поддерживающие Украину в состоянии пустыни и пепелища. Общерусскими усилиями были построены железные дороги, Кривой Рог и Донбасс, гавани и университеты. Общерусскими усилиями были разгромлены и Наполеон и Гитлер. Это все, как мне кажется, совершенно

очевидно. Это совершенно очевидно для каждого среднего великорусского, малорусского или белорусского хлебороба или сапожника. Но доказывать все это профессиональным самостийникам нет никакого смысла. Они ничего этого не будут слушать не потому, чтобы все это было неправдой, а потому, что все это им невыгодно.

Я стопроцентный белорус. Так сказать, «изменник родине» по самостийному определению. наших собственных белорусских самостийников я знаю как облупленных. Вся эта самостийность не есть ни убеждение, ни любовь к родному краю — это есть несколько особый комплекс неполноценности: довольно большие вожделения и весьма малая потенция — на рубль амбиции и на грош амуниции. Какой-нибудь Янко Купала, так сказать, белорусский Пушкин, в масштабах большой культуры не был бы известен вовсе никому. Тарас Шевченко — калибром чуть-чуть побольше Янки Купалы, понимал, вероятно, и сам, что до Гоголя ему никак не дорасти. Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме. Или — третьим в деревне, чем десятым в Риме.

Первая решающая черта всякой самостийности есть ее вопиющая бездарность. Если бы Гоголь писал по-украински, он так и не поднялся бы выше уровня какого-нибудь Винниченки. Если бы Бернард Шоу писал на своем ирландском диалекте — его бы никто в мире не знал. Если бы Ллойд Джордж говорил только на своем кельтском наречии — он остался бы, вероятно, чем-то вроде волостного писаря. Большому кораблю нужно большое плавание, а для большого плавания нужен соответствующий простор. Всякий талант будет рваться к простору, а не к тесноте. Всякая бездарность будет стремиться отгородить свою щель. И с ненавистью смотреть на всякий простор.

Когда я говорю о бездарности, я не говорю только об отсутствии таланта. Понятие бездарности включает в себя как неотъемлемую часть понятия — также и тщеславие. Есть целая масса очень хороших, очень разумных людей, которые не блещут никакими талантами, но которых никто не обзовет бездарностями: ну не дал Бог таланта — значит, не дал. Бездарность надувается, пыжится, на цыпочки становится, бездарность прежде всего претенциозна. Бездарность обвиняет весь мир в том, что весь мир не оценил ее дарований. И бездарность ненавидит весь мир за то, что весь мир не несет к ее ногам благодарственных даров за бездарность. Бездарность автоматически связана с ненавистью.

Тарас Шевченко, конечно, великим талантом никак не был. Я люблю его поэзию, и я знаю ее. Это не Гете и не Байрон, не Пушкин и не Лермонтов, и даже не Кольцов и Никитин. Он писал трогательно-

провинциально-детские стишки. Они очень напоминаю стихи моего сына — в возрасте лет двенадцати:

Я ем сосиску — ах, как вкусно!
Что это — сказка или сон?
Ведь в животе безмерно грустно:
Давно уже пустеет он.

Очень трогательные стишки — для двенадцати лет. Трогательность Шевченки усугубляется его трагической крепостной судьбой, но ведь крепостная судьба — это не национально-украинское явление. И его призыв:

Кайданы порвите
И ворожьей злою кровью
Землю напоите...

— имел в виду не только крепостное право. Он имел в виду братскую резню.

Кое-кто из наших единомышленников исписывает горы бумаги для исторических, лингвистических и даже краниологических [\[38\]](#) доказательств того, что великороссы, малороссы и белорусы — это только три ветви одного и того же народа. Я думаю, что все эти доказательства более или менее не нужны. В краниологии все равно никто ничего не понимает — даже теоретики расовой теории, а что касается лингвистики, то я бы привел Шевченко:

Думы мои, думы мои,
Лихо мене з вами.
Чого стали на папиру
Смутними рядами?
Что вас витер не розвивяв,
Як суху былину?
Что вас лихо не прислало,
Як свою дытину?

Как видите, никакого перевода на общерусский язык не нужно никак.
Янка Купала:

Партизаны, партизаны, белорусские сыны!
За неволю, за кайданы режце гитлярау паганных,
Кааб не укресли век яны.
Не давайце гадам силы над собою распрасцець,
Рыйце загодзя магилы, вырываите с живых жылы,
Кроу за кроу, а смерць за смерць!

Как видите — тоже никакого перевода не нужно. Нужна, я бы сказал, орфографическая корректура. Так что ни лингвистика, ни краниология тут решительно ни при чем. Вопрос вовсе не в них — вопрос в дружбе или в ненависти

Ненависть

Пройдя неслыханные в истории человечества муки и испытания, все три ветви одинаково русского народа и одинаково православного народа сошлись, наконец, под скипетром царя Московского православного. Больше всего для этого сделали великороссы. Меньше всего от этого выиграла она. Великороссы есть наиболее старинная ветвь русского народа — они и без нас, белорусов, и без «вас» — «украинцев», освободили себя и от татар, и от поляков. А вот что бы мы, белорусы, делали без великороссов? Или — что было бы без великороссов с Украиной? Турецкая, польская или немецкая колония? Или же такое же пустынное пепелище, каким Украина была под властью попеременно гетманов — павших гетманов польских королей, турецких султанов или крымских турок? Кто и за кого пролил больше крови — кацап за хохла или хохол за кацапа? И какой смысл взвешивать эту кровь?

Пройдя неслыханные в истории человечества муки и испытания, три ветви одного и того же одинаково русского и одинаково православного народа, наконец, построили свой общий отчий дом. Я белорус и, кроме того, крестьянского происхождения. Ко мне, белорусу, приходят милостивые государи, которые пытаются вбить клин ненависти между мной, «кривичем», и другим Иваном — «москалем». Другие сеятели ненависти приходят к другому Ивану — Галушке и пытаются вбить еще

более острый клин ненависти между ним, Иваном Галушкой, и тем же Иваном Москалем. У этих милостивых государей нет за душой ничего, кроме бездарности и ненависти. Больше — ничего.

Я очень хотел бы договориться: ни с каким московитским империализмом это не имеет ничего общего. Я не люблю очень многих людей. Я питаю ненависть к некоторому, довольно ограниченному количеству людей. Но если я к кому бы то ни было питаю искреннее отвращение, так это к самостийникам.

Это отвращение не носит политического характера. Это есть моральное отвращение. Баварская самостийность была бы нам политически очень выгодна: она расколола бы Германию и свела бы на нет немецкую угрозу всему славянству. Однако к баварским самостийникам я питаю почти такие же чувства, как и к украинским: чувства отвращения — ибо и они, баварские самостийники, сеют ненависть среди разных ветвей одного и того же немецкого народа. Но у Баварии есть, может быть, некоторые основания: язык, который больше отличается от литературного немецкого, чем шевченковский от литературного русского, разные религии и разное историческое прошлое. Но все-таки противно.

Мы как-то провели целое лето у баварского города Обинга, и туземцы не желали с нами разговаривать, потому что считали нас «проклятыми пруссаками». Мне лично приходилось убеждать огородников и сапожников в том, что я русский, а не пруссак. С политической точки зрения это было приятно. Но ведь русская политика никогда не строилась на принципе разделения людей и племен. И если бы мы строили нашу русскую политику на, скажем, английских началах, то моральный смысл существования русской государственности перестал бы существовать. А мы все — сознательно или бессознательно — исходим из того предположения, что наша государственность или имеет свой моральный смысл, или не имеет никакого.

В лингвистическом и религиозном отношении Германия поделена гораздо глубже, чем Русь в ее трех ветвях. Исторически Германия имеет гораздо больше основания для вражды к Пруссии, чем Белоруссия или Украина — к Москве; Пруссия завоевывала остальную Германию, и Пруссия втянула остальную Германию в две мировые войны. Москва была нам, белорусским и малорусским «украинцам», помощницей и освободительницей. Если бы не «москаль», то я, Иван Лукьянович, и до сих пор был бы крепостным или полукрепостным пастухом какого-нибудь польского пана из Гродненского воеводства. Если бы не москаль, то Украина стала бы колонией: или Вильгельма II, или Гитлера — вероятно,

еще не последнего. Если бы в Первую и во Вторую мировые войны за нашей белорусской или малорусской спиной не стояла бы спина нашего старшего брата — «москаля», мы бы погибли. И если Польша, Австрия, Венгрия и Германия десятилетиями и десятилетиями оплачивали украинских самостийников, то никакой украинский хлебороб не поверит, что они это делали во имя его, украинского хлебороба, интересов. И никакой украинский хлебороб за самостийную Украину голосовать не будет — как он за самостийную Украину не голосовал никогда.

Плебисцит

Когда я говорю о голосовании, под ним я понимаю несколько разнообразные способы выражения народной воли. От «волим под царя Московского, православного» — до истинно классической встречи петлюровской армии и деникинских казаков в Киеве у здания Городской думы в 1919 году: большевики покидали Киев, и в него с двух сторон входили две армии, Белая и самостийная. Совершенно случайно мне пришлось быть живым свидетелем одного исторического симптома.

С Фундуклеевской на Крещатик вливались мощные колонны каких-то серожупанников — петлюровской гвардии, одетой и вооруженной немцами. Со стороны Липок туда же проскочил какой-то казачий отряд, едва ли не больше двух-трех десятков нагаек. Казаки сразу атаковали петлюровскую армию, и атаковали ее нагайками. Петлюровская армия бежала сразу — и только с Фундуклеевской улицы кто-то стал строчить из пулемета.

Если бы я сказал, что петлюровская гвардия состояла из трусов, — это было бы глупым утверждением. Украинский парень есть существо исключительно боеспособное — императорская гвардия пополнялась главным образом этими украинскими парнями, — и, как я писал в меморандуме А. Гитлеру, украинский мужик настроен патриотичнее великороссийского — как и белорусский. Серожупанники бежали вовсе не потому, что они трусили, а потому, что никто из них не собирался проливать своей крови из-за петлюровского балагана. Чрезвычайно боеспособное украинское крестьянство родило из своей среды банды, или «армии», Махно и Григорьева, — «банды», или «армии», которые воевали и с белыми, и с красными, но у которых не было никакого оттенка самостийности: это было общерусское явление, возникшее на территории Украины. Никто никогда ни за каких Мазеп, ни Петлюр не воевал.

Галицийские корпуса — чисто галицийского состава, организованные тем же Петлюрой, — не знали, куда им приткнуться, и переходили то к Белой, то к Красной армии — но за Петлюру они не выпустили ни одного патрона.

Всенародные голосования проводятся разными способами. Когда в битве у реки Шелони новгородские низовые люди просто перешли на сторону Москвы — это тоже было голосование. Бегство серожупанников по Крещатику было, конечно, голосованием. Но были и другие...

Интересы

Я стопроцентный белорус. Я прожил на Украине около восьми лет. Мне, белорусу, какая-то сволочь пытается доказать, что великоросс есть мой враг, что малоросс есть тоже мой враг, если мы самоопределимся на три части, то возникнут весьма серьезные территориальные разногласия между Украиной и Белоруссией по поводу моего Пружанского уезда, в котором люди говорят на смешанном малорусско-белорусском наречии. Вероятно, возникнут какие-то войны из-за Пинских болот: почему нет? Я, белорус, вероятно, должен буду получить какую-то визу, чтобы проехать из Минска в Пинск, причем если Пинск попадет в распоряжение петлюровцев, то я визы и вообще не получу: империалист. А в Минск, вероятно, никто не пустит грузинских империалистов, руками товарища Сталина-Джугашвили подчинивших себе все три великих народа — великорусский, малорусский и белорусский. И для того, чтобы переслать бочонок нежинских огурцов из Нежина в Курск, нужно будет получить разрешение по крайней мере двух внешторгов.

Ведь все это понимает каждый великорусский, малорусский, белорусский и грузинский мужик, сапожник, металлист, футболист. Никто из них ни за какую самостоятельность голосовать не будет — ни бюллетенями, ни пулеметами. Никто никогда не голосовал, и никто никогда голосовать не будет. Мазепа, Скоропадский и Петлюра — и Карл XII, и Вильгельм, и Адольф Гитлер проверили это на своем собственном опыте. Наполеон, который был, конечно, умнее их всех, вместе взятых, категорически отказался от проекта вооружения украинского казачества: «Я могу их посадить на коней — но как их потом ссадить?»

Ублюдки

В своей книге «Диктатура импотентов» я делаю попытку доказать тот факт — или то, что мне кажется фактом, — что революция рождается из биологической неполноценности и их вождей и их масс. Отсюда такой не вполне салонный заголовок этой работы. В этой работе я никаких самостийников не касаюсь. Но эта же гипотеза — гипотеза об ублюдках — довольно точно приложима к мазепинцам.

Гнездом украинского сепаратизма была Галичина. Я не могу здесь излагать ее истинно трагическую историю. Но эту историю я, может быть, чувствую острее, чем любой великоросс: у нас в Белоруссии было немногим лучше.

В результате чудовищного политического, хозяйственного и религиозного давления все, что было стойкого в Галичине, бежало — то в САСШ, то в Россию. В России это все, разумеется, растворилось в общерусском море сразу. В САСШ произошел довольно парадоксальный процесс: около миллиона галичан определили собою просоветскую ориентацию и русской Церкви, и русской общественности: это вот те «украинские мужички», которые имеют в Северной и Южной Америке и свои фермы, и свои авто и которые стоят за «отца народов», ибо в «отце народов» они видят Россию. Они политически абсолютно безграмотны. Но они, галичане, волыняне, малорусы и белорусы — все они русские патриоты. Тот советский календарь, из которого я привел стишки Янки Купалы, пропитан, можно сказать, самым шовинистическим русским патриотизмом. И если в СССР Сталин «разделяет, чтобы властвовать», то здесь, в Америке, компартия объединяет, чтобы взрывать. Именно галичане САСШ определили голосование приходов в московскую юрисдикцию митрополита Феофила: «Красная или белая — все равно наша Родина и наша Церковь».

В политическом отношении это может иметь катастрофические последствия. Но мы говорим о морали: морально эти мужички правы, а технически виноваты мы, отдавшие оружие «нового» «Русского» «Слова» в распоряжение черт его знает кого. Но сейчас не в этом дело. Дело сейчас в том, что «Украинский народ» — под Полтавой, на Крещатике, в Чехословацкой Республике и в САСШ — всегда и всякими способами голосовал за Россию. Во имя совершенно очевидных, совершенно бесспорных общих интересов — и экономических, и политических, и религиозных, и каких хотите еще. Кто же, собственно, голосует против?

Наша «ирридента», гнездо украинской самостийности было свито в Галичине на немецкие и отчасти на польские деньги. И под влиянием немецкого и польского давления. В результате денег и давления возник

слои самостийных ублюдков.

Мы можем молиться о воссоединении церквей. И можем работать для этого. Но никто имеющий разум не может отрицать, что униатская форма этого объединения есть облыжная форма: под внешней этикеткой Православия «массам» предлагается или продается совсем другое. Это и есть ублюдочная форма религии. Язык галицийской самостийности есть ублюдочный язык — западный вариант украинского наречия, насквозь пропитанный полонизмами. Национальное сознание галицийских самостийников относится к области психиатрии: если Украина будет самостийна, то именно они, галицийские самостийники, будут то ли воеводами, то ли зондерфюрерами. Два раза такая форма была сделана: в 1918 и в 1942 годах. И когда я писал о «виселицах», то это было очень неточно: не «Москва» будет вешать эту публику, ее будут вешать сами же украинцы. И в особенности украинцы, которые попали на положение «дипи» ^[39] и под контроль галицийских самостийников. Вот те стесняться не будут. В том лагере, к которому наша семья была приписана последние годы в Германии, — лагере Хайденау самостийная галицийская полиция лагеря официально высекла галицийскую девушку, вышедшую замуж за полтавского украинца: как вы думаете, как будет реагировать этот украинец на галицийского зондерфюрера?

Вопрос об украинской самостийности я не считаю серьезным вопросом. Но, может быть, я и ошибаюсь. Кто в 1916 году считал Ленина серьезной величиной? Величиной Ленин стал главным образом на немецкие деньги. Не совсем исключается возможность того, что на те же деньги станут величиной и галицийские сепаратисты. В трагических условиях нашей географии наша общерусская власть должна проявлять возможный максимум осторожности: то есть Лениных и Сталиных, а также Петлюр и Коновальцев вешать заблаговременно. А не ожидать, пока они станут отправлять на тот свет миллионы и десятки миллионов и кацапов, и хохлов, и полещуков.

Вот, собственно, это почти все, что я хотел сказать своей так плохо средактированной фразой о виселицах.

Опубликовано в газете «Наша страна» № 15 за 1949 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сравнительная таблица воинских званий

Войска СС	Вермахт
Стрелок(Schütze)	Стрелок(Schütze)
Старший стрелок (Oberschütze)	Старший стрелок (Oberschütze)
Штурманн(Sturmann)	Ефрейтор(Gefreiter)
Ротенфюрер(Rottenführer)	Штабс-ефрейтор, обер-ефрейтор(Stabsgefreiter,Obergefreiter)
Унтершарфюрер (Unterscharführer)	Унтер-офицер(Unteroffizier)
Шарфюрер(Scharführer)	Унтер-фельдфебель(Unterfeldwebel)
Штандартенюнкер(Standartenjunker)	Фенрих(Fahnrich)
Обершарфюрер(Oberscharführer)	Фельдфебель(Feldwebel)
Гауптшарфюрер (Hauptscharführer)	Оберфельдфебель(Oberfeldwebel)
Штурмшарфюрер (Sturm scharführer)	Штабс-фельдфебель(Stabsfeldwebel)
Штандартен-оберюнкер (Standarten-Oberjunker)	Оберфенрих(Oberfahnrich)
Унтерштурмфюрер (Untersturmführer)	Лейтенант(Leutnant)
Войска СС	Вермахт
Оберштурмфюрер (Obersturmführer)	Оберлейтенант(Oberleutnant)
Гауптштурмфюрер (Hauptsturmführer)	Капитан(Hauptmann)
Штурмбаннфюрер(Sturmabführer)	Майор(Major)
Оберштурмбаннфюрер(Obersturmbannführer)	Оберстлейтенант(Oberstleutnant)
Штандартенфюрер(Standartenführer)	Оберст(Oberst)
Оберфюрер Oberführer	***
Бригадефюрер (Brigade führer)	Генерал-майор(Generalmajor)
Группенфюрер(Gruppenführer)	Генерал-лейтенант(Generalleutnant)
Обергруппенфюрер(Obergruppenführer)	Генерал рода войск (General der Infanterie etc.)
Оберстгруппенфюрер(Oberstgruppenführer)	Генерал-оберст(Generaloberst)
	Генерал-фельдмаршал

Рейхсфюрер(Reichsfuhrer)

(Generalfeldmarschall)

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Ангели Эдгар (1892–1945) — хорватский военно-морской деятель, контр-адмирал. С апреля 1943-го по январь 1944 г. командующий ВМФ НГХ, находившимся под жестким контролем ВМФ Италии. Несколько подразделений ВМФ НГХ вели боевые действия на Черноморском театре военных действий. После выхода Италии из войны немцы передали хорватскому ВМФ часть захваченного имущества итальянского ВМФ. После войны А. сдался югославским властям, умер в тюрьме.

Бандера Андрей Михайлович (1882–1941) — отец С. А. Бандеры, священник. Арестован 23 мая 1941 г. УНКВД по Станиславской области. 8 июля 1941 г. военным трибуналом Киевского особого военного округа приговорен по ст. 54–1а 20–54-2 и 54–11 УК УССР к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение.

Украинской национально-демократической партии (УНДП), входил в состав Народного комитета этой партии. В 1913–1918 гг. — секретарь УНДП. В 1914–1916 гг. — член Президиума Головной Украинской рады. В 1914–1918 гг. главный редактор газеты «Свобода». В 1915–1918 гг. входил в состав УНР ЗУ НР. С ноября 1918 г. в правительстве ЗУНР. В. 1928–1939 посол Украинского национально-демократического объединения в польском сейме. Выступал в качестве адвоката на ряде процессов против боевиков УВО-ОУН. Тесно сотрудничал с рядом украинских периодических изданий. В 1951–1953 гг. в структуре Украинской национальной рады. Автор ряда трудов по аграрным, церковным проблемам в Галичине.

Барвинский Борис, генерал-лейтенант. Поручик РИА. Офицер Армии УНР с 1919 г., командир роты в Богдановском полку. В 1919 г. во время эпидемии тифа был интернирован поляками. В 1920 г. Б. старшина куреня охраны С. Петлюры, в 1921 г. — его командир. Офицер Польской армии (подполковник). В 1944–1945 гг. офицер штаба дивизии СС «Галичина», участник боя под Бродами. После войны жил в США.

Бах-Зелевски Эрих Юлиус Эберхард фон дем (1899–1972) — один из

руководителей СС, обергруппенфюрер СС и генерал полиции, генерал войск СС. Из семьи профессиональных военных. Образование получил в гимназии. С декабря 1914 г. добровольцем ушел в армию, лейтенант. Участник 1-мировой войны. После войны служил в рейхсвере. В феврале 1924 г. уволен из армии за ведение национал-социалистической пропаганды, занимался сельским хозяйством. В феврале 1930 г. вступил в НСДАП, в 1931 г. — в СС. С 1932 по 1937 гг. занимал ряд должностей в структуре территориальных формирований СС. После введения постов высших руководителей СС и полиции в 1938 г. занял пост в области Юго-Восток Германии и занимал его до 1941 г. В 1940 г. поддержал инициативу своего подчиненного оберфюрера СС А. Виганда по созданию концлагеря Освенцим. С 1 мая 1941 г. по 21 июня 1944 г. высший руководитель полиции и СС в Центральной России, руководил антипартизанскими операциями. С октября 1942 по июнь 1943 г. — уполномоченный рейхсфюрера СС по борьбе с бандитскими формированиями на Востоке. Организатор массовых казней в Минске и Могилеве. В 1942 г. находился на излечении от психического расстройства, вызванного участием в казнях. В июле 1943 г. назначен командующим антипартизанскими соединениями и ответственным за разработку антипартизанской тактики. В 1944–1945 гг. командовал различными подразделениями СС. Один из руководителей подавления Варшавского восстания в 1944 г., руководил корпусной группой «Бах». Применив жесточайшие меры, вынудил командование восстания капитулировать. С ноября 1944 г. командир XIV, затем X армейских корпусов СС. В феврале — апреле 1945 г. командовал сборным корпусом «Одер». По окончании войны арестован, проходил в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе. До 1950 г. в заключении. В марте 1951 г. приговорен Мюнхенским судом к 10 годам общественных работ. В 1958 г. вновь арестован и в 1961 г. приговорен германским судом к 4,5 годам заключения за участие в «Ночи длинных ножей». В 1962 г. осужден за убийство 6 коммунистов и приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюремном госпитале.

Бергер Готтлоб Кристман (1896–1975) — один из руководителей СС, обергруппенфюрер СС и генерал полиции. Сын владельца лесопилки. В августе 1914 г. добровольно поступил на службу в армию. Участник 1-й мировой войны. После демобилизации работал учителем. Член НСДАП с 1922 г., после провала «Пивного путча» покинул партию и вторично вступил в нее в 1931 г. С 1931-го по 1936 г. на ряде постов в СА. С 1936 г. в СС. С 1938 г. начальник управления комплектования в Главном управлении

СС (СС-Гауптamt). С 1940-го по 1945 г. возглавлял СС-Гауптamt. Организатор широкомасштабной вербовки добровольцев в войска СС. Одновременно являлся офицером связи рейхсфюрера СС в Имперском Министерстве по делам восточных оккупированных территорий. Способствовал выходу в свет пропагандистского сборника «Недочеловек», в котором народы СССР характеризовались как «животные существа». С августа 1943 г. депутат рейхстага. С 31.08.1944 по 20.09.1944 назначен высшим руководителем СС и полиции в Словакии. С 31.10.1944 назначен командующим резервными войсками и руководителем службы по делам военнопленных, одновременно начальник штаба Германского фольксштурма. В мае 1945 г. арестован союзниками. Военным трибуналом в Нюрнберге приговорен к 25 годам тюрьмы. Освобожден в 1951 г. С 1952 г. активно сотрудничал с неофашистским журналом «Национальная Европа».

Беспалко Иосип (1881—?). Уроженец Буковины, педагог. В 1906–1918 гг. возглавлял УСДРП в Буковине. В 1908–1914 гг. редактировал партийный печатный орган — газету «Борьба». В 1918 г. член УНР Буковины, с октября 1918 г. в составе УНР ЗУНР. В январе 1919 г. принял участие в работе Трудового конгресса Украины. В 1919–1920 гг. министр труда. С 1920 г. в эмиграции в Чехословакии, преподавал в Сельхозакадемии в Подебрадах. В 1947 г. арестован органами госбезопасности СССР.

Бизанц Альфред (1890 — после 1949). Уроженец села Дорнфельдт в Западной Украине, по национальности немец. В годы 1-й мировой войны офицер Австрийской армии. С ноября 1918 г. командир Львовской (7-й) бригады УГА. Бригада под командованием Б. принимала участие в Вовчуховской операции и Чортковском наступлении 1919 г., наступлении на Киев. В 1920 г. вследствие эпидемии тифа и отсутствия боеприпасов бригада под командованием Б. перешла на сторону Красной УГА, позднее вновь перешла в состав Армии УНР. В начале 1940 г. Б. — референт по украинским делам в Управлении Генерал-губернаторства, официальный сотрудник Абвера. В 1943–1944 гг. возглавлял Боевую управу дивизии «Галичина». В 1945 г. был арестован органами госбезопасности, по приговору суда был осужден к заключению в лагерях. Содержался в Потье, где был приговорен к высшей мере наказания. Казнен.

Биркамп Вальтер (1901–1945) — бригадефюрер СС и генерал-майор

полицейской. В 1919–1920 гг. член Добровольческого корпуса. Доктор права. В 1928–1937 гг. работал в земельном суде Гамбурга. С 1932 г. в НСДАП, с 1939 г. в СС. С февраля 1939 по февраль 1941 гг. начальник криминальной полиции Гамбурга, затем инспектор полиции безопасности и СД в Дюссельдорфе. С сентября 1941 по апрель 1942 г. командующий полицией безопасности и СД в Бельгии и Северной Франции. С 20 июля 1942 г. командир айнзацгруппы Д. Руководил массовыми казнями советских граждан. С июля 1943 г. командующий полицией безопасности и СД Генерал-губернаторства. С января 1945 г. командующий полицией безопасности и СД на Северо-Западе. С февраля 1945 г. высший руководитель СС и полиции на Северо-Востоке. Погиб в бою.

Бреннер Карл Генрих (1895–1954) — один из высших офицеров СС, генерал-лейтенант войск СС, генерал-лейтенант полиции. В 1914 г. добровольцем поступил в армию, в 1915 г. произведен в лейтенанты. Участник 1-й мировой войны, артиллерист. Участник Капповского путча, в июле 1920 г. уволен из армии. Член НСДАП с 1933 г. Служил в шутцполиции, подполковник. С 1938 г. в СС, оберштурмбаннфюрер. С ноября 1941-го по июль 1942 г. командующий войсками СС на Северо-Западе. С 1942-го по октябрь 1944 г. командующий полицией порядка (ОРПО) в Зальцбурге. С января 1945 г. руководил антипартизанскими операциями в зоне ответственности высшего руководителя СС и полиции Аल्पенланда. В декабре 1943 г. переведен на пост командующего ОРПО на Украине. С июля по сентябрь 1944 г. заменял Э. фон дем Баха-Зслевского на посту командующего по борьбе с бандитизмом (партизанами). С сентября 1944 г. командир 6-й горно-стрелковой дивизии СС «Норд» на северном участке Восточного фронта. В апреле 1945 г. сдался американским войскам.

Бройтигам Отто (1895–1992) — один из руководителей оккупационного режима в СССР, штандартенфюрер НСКК. Из семьи судебного чиновника, доктор наук. Участник 1-й мировой войны, капитан. С 1920 г. сотрудник МИДа Германии. В 1936 г. советник германского посольства в Париже. Член НСДАП с 1939 г. В 1940 г. руководитель генерального реферата по экономическим вопросам МИДа рейха в ранге генерального консула. В 1941 г. переведен в Имперское Министерство по делам оккупированных территорий, где стал заместителем начальника 1-го Главного отдела, одновременно являлся офицером связи Восточного министерства при ОКХ. В 1945 г. интернирован американцами. В 1947–

1953 г. сотрудничал с американскими спецслужбами по «советскому вопросу». С 1953 г. Б. вновь на службе в МИДе Германии, возглавлял его Восточный отдел. В 1959 г. награжден Большим федеральным крестом. С 1960 г. в отставке. Автор мемуаров.

Букшованный Осип Иванович (1888—?). Уроженец Западной Украины. Учился в Коломыйской гимназии, затем в Львовском политехническом институте. С началом 1-й мировой войны вступил в Легион УСС и возглавил сотню в составе куреня Г. Коссака. В 1915 г. после боя у горы Лисони попал в русский плен. Из плена бежал. Был награжден немецкими и турецкими боевыми орденами. В конце 1916 г. вернулся в полк УСС, вновь возглавил сотню. Осенью 1917 года был избран командиром Легиона УСС. Воевал против поляков в составе УГА, затем принял участие в разработке Чортковской операции 1919 г. С февраля 1920 г. в составе Красной Украинской Галицийской Армии, после ее перехода на сторону армии УНР остался на службе в РККА. В 1933 г. Б. арестован и сослан на Соловки. Дальнейшая судьба неизвестна.

Василько Николай (1868–1924). Из мелких землевладельцев, активист украинского движения Буковины. Германофил. Член УНДП. В 1898, 1907 и 1911 гг. избирался депутатом австрийского парламента и буковинского сейма. Один из инициаторов создания т. н. Вольнодумного союза в сейме. Один из заместителей главы Украинского Клуба венского парламента. С 1914 г. входил в состав ГУР, с 1915 г. — в составе Общей УР, один из заместителей К. Левицкого. В 1915–1916 гг. один из инициаторов создания гуцульских и буковинских армейских подразделений. В годы 1-й мировой войны стал проповедником создания т. н. «Галицко-Волынской державы» как автономного края Австро-Венгерской империи. Один из участников переговоров в Бресте 1918 г. и заключения протокола между УНР и Австро-Венгрией, в соответствии с которым западноукраинские земли выделялись в особый «коронный край». С 1918 г. В. вошел в состав УНР, ЗУ НР. В 1918–1920 гг. дипломатический представитель ЗУНР в Австрии, в 1920–1924 гг. — посол УНР в Швейцарии и Германии.

Васюра Г. Н. — уроженец Черкасской области, по собственному признанию, имел чин старшего лейтенанта РККА, занимал должность начальника связи укрепрайона, вместе со своими бойцами вступил в бой с немцами, был контужен и пленен. По собственному признанию, восемь месяцев провел в лагере военнопленных, затем прошел курс обучения в

школе пропагандистов Восточного министерства рейха, по окончании которой был направлен на службу в оккупированный Киев, где добровольно вступил в 118-й полицейский батальон на должность командира взвода. После ухода в лес к партизанам группы полицейских во главе с начальником штаба батальона Коровиным-Корнийцом был назначен на должность начштаба майором Кернером. На допросах в 1952 году показал, что участвовал в антипартизанских операциях в Плешеницком, Бегомльском, Борисовском, Новогрудском и других районах Белоруссии. В 1950 г. Васюра был арестован органами госбезопасности и осужден на 25 лет лагерей за измену Родине, через три года был амнистирован в качестве «жертвы культа личности Сталина». После освобождения из мест заключения Васюра долгое время вел праведный образ жизни, работал заместителем директора колхоза близ Киева, был награжден медалями, избирался «почетным курсантом» одного из военных училищ, получал ветеранскую пенсию. По неподтвержденной информации, был членом КПСС. Приговорен Военным трибуналом Белорусского военного округа к высшей мере наказания в 1986 г. Приговор приведен в исполнение.

Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) — украинский социал-демократ. Из крестьян. В 1901 г. поступил в Киевский университет, где вступил в Революционную украинскую партию (РУП), позднее переименованную в УСДРП. Вел агитацию и пропаганду в Киеве и Полтавской губернии. В 1903 г. был арестован, исключен из университета, бежал из киевской тюрьмы, вскоре был вновь арестован и направлен в дисциплинарный батальон. После нового побега эмигрировал. В 1906–1914 гг. в Австрии, Франции, Швейцарии, Италии, несколько раз нелегально въезжал в Россию, с грузами литературы. С 1907 г. член ЦК УСДРП. Во время 1-й мировой войны нелегально жил в Москве. После Февральской революции 1917 г. жил в Киеве. Руководил работой Украинского национального конгресса, на котором была сформирована Центральная Рада. В дальнейшем на ряде постов в УСДРП, затем стал ее официальным лидером и главным редактором ее «Рабочей газеты». Автор актов и деклараций УЦР. 10 июня 1917 г. возглавил первое украинское правительство — Генеральный секретариат. Октябрьскую революцию не принял, выступал за федеративное строение государства. После установления советской власти в ряде районов Украины подал в отставку и выехал в Бердянск. Вернулся в Киев вместе с частями немецкой армии, оставался в руководстве УСДРП. В июне 1918 г. был арестован, но вскоре освобожден по личному приказу гетмана П. Скоропадского. 18 сентября

был избран председателем Украинского национального союза, провозгласившего своей целью борьбу с немцами и гетманом. Принял активное участие в подготовке свержения власти гетмана, вел тайные переговоры с советской делегацией в Киеве, которые не увенчались успехом. По своим взглядам был близок к большевикам. С 14 ноября 1918 г. возглавил Директорию, но 10 февраля 1919 г. под нажимом С. Петлюры ушел со своего поста и эмигрировал. В мае 1920 г. прибыл в Москву, где после длительных переговоров ему был предложен пост заместителя председателя СНК УССР и наркома иностранных дел. От постов отказался под благовидным предлогом и вновь выехал за границу, где критиковал советскую власть. С середины 20-х годов отошел от политики. В 1933 г. после прихода к власти в Германии А. Гитлера обратился с письмом к И. Сталину, в котором предостерегал об угрозе нацизма. В годы 2-й мировой войны был заключен в концлагерь. В последние годы жизни с симпатией относился к СССР.

Витовский Дмитро Дмитрович (1887–1919). Уроженец Галиции, окончил гимназию в Станиславе и учился на юридическом факультете Львовского университета, в 1910 г. был исключен из вуза за антиправительственную деятельность, получил высшее образование в Краковском университете. В начале 1-й мировой войны вступил в Легион УСС, позднее командовал сотней, затем куренем Легиона. В 1918 г. вошел в состав Центрального войскового комитета, который готовил восстание в Галичине. Возглавил антипольское восстание в Львове в ноябре 1918 г., после чего передал всю полноту власти Украинской национальной Раде. Командующий Вооруженными силами Западно-Украинской Народной Республики. Входил в состав делегации УНР на Парижской мирной конференции в 1919–1920 гг. Погиб в автокатастрофе.

Вольф Карл (1900–1984) — один из высших офицеров СС, оберстгруппенфюрер СС, генерал-полковник войск СС. Из семьи чиновника, участник 1-й мировой войны. После демобилизации работал в банке и ряде фирм. В НСДАП с 1931 г., с 1932 г. в СС. С ноября 1935 г. личный шеф-адъютант Г. Гимmlера, с 1936 г. руководитель личного штаба рейхсфюрера СС. Пользовался неограниченным доверием А. Гитлера. Один из теневых финансистов СС и авторов символики и идеологии СС. Принял активное участие в реализации преступных планов по т. н. «окончательному решению еврейского вопроса». В 1943 г. верховный руководитель СС и полиции в Италии. По поручению Г. Гимmlера и В.

Шелленберга провел в Цюрихе переговоры с представителями западных спецслужб во главе с А. Даллесом. В соответствии с достигнутыми на переговорах условиями В. и генерал Г. фон Фитингоф подписали условия капитуляции немецких войск в Италии. В. был арестован американскими властями и в 1946 г. приговорен гамбургским судом к 4 годам трудовых лагерей. В 1949 г. освобожден. В 1964 г. приговорен мюнхенским судом к 15 годам тюремного заключения за участие в истреблении евреев. В 1971 г. освобожден по состоянию здоровья.

Врецьона Евген (он же Волянский) (1905 или 1907—?). Уроженец Галичины, по профессии — инженер-химик. С конца 20-х гг. активист украинского националистического движения. Летом 1931 г. привлекался к уголовной ответственности за подготовку нападения на советское консульство в Львове. Освобожден за отсутствием доказательств. С июня 1934 г. редактор спортивного ежедневника «Готовы», издававшегося по инициативе ОУН. С июля 1934 г. — узник концлагеря в Картуз-Березе. В 1938–1939 гг. входил в состав Генерального штаба ОНОКС, принимал участие в боях с венграми. В 1942 г. стал одним из активных организаторов УПА. С июля 1943 г. член УГВР, позднее — президент заграничного представительства УГВР.

Габсбург-Летринген Вильгельм (Василь Вышиванный) (1895? — после 1950) Внук австрийского императора Франца-Иосифа, из семьи престолонаследника Карла-Стефана. С 12 лет жил в Западной Галичине, где впервые познакомился с бытом украинцев. Получил военное образование в Военной академии в Винер-Нойштадте, самостоятельно выучил украинский язык. Участник 1-й мировой войны. С 1915 г. лейтенант пехоты. Возглавлял группу в корпусе генерала П. Гофмана, в который входил Легион УСС. В апреле 1918 г. во время боев под Жмеринкой назначен командиром Легиона УСС. В 1919–1920 гг. сотрудник Министерства военных дел УНР. В 1921 г. вернулся в Австрию, жил в Вене. В 1947 г. был арестован органами госбезопасности и вывезен в СССР. Умер в заключении. Автор поэтического сборника «Проходят дни» (1921 г.).

Галущинский Михаил (1878–1931). Уроженец Галичины. Окончил Тернопольскую гимназию, обучался в Львовском и Венском университетах, возглавлял Академическую громаду в Львове и сечь в Вене. Один из издателей молодежного журнала «Молодая Украина». После окончания университета работал преподавателем, а с 1909 возглавил гимназию в г.

Рогатине. В начале 1-й мировой войны назначен комендантом Легиона УСС. С середины 1915 г. референт при командовании Австрийской армии. Активный участник ноябрьского восстания 1918 г. в Львове. В 1923–1931 гг. возглавлял организацию «Просвита». В 1921–1924 гг. профессор Львовского Украинского университета. В 1925 г. один из основателей УНДО. В 1928–1931 гг. избирался сенатором и вице-президентом польского сената от УНДО. Автор мемуаров.

Ганкевич Николай (1869–1939). Один из основателей УСДП. Редактировал центральный печатный орган партии — газеты «Воля» и «Земля и воля». В начале 1-й мировой войны вошел в состав ГУР в Львове, затем стал заместителем главы ВУР в Вене. В начале 20-х годов сближается с коммунистами, за что в 1923 г. был исключен из УСДП. Вступил в Польскую социалистическую партию.

Гасин Олекса (Рыцарь) (1907–1949) Уроженец Галичины. Окончил гимназию, учился в Львовском политехническом институте. Член УВО и ОУН, один из организаторов подполья на Стрыйшине. Неоднократно арестовывался польскими властями. В 1934 г. узник концлагеря в Картуз-Березе. После окончания — военный референт КЭ ОУН. Весной 1938 г. выехал из Польши в Германию. Один из ближайших сподвижников Е. Коновальца. В 1940 г. избран членом Провода ОУН (Б), с 1941 г. руководитель организационно-мобилизационного отдела Главного военного штаба ОУН. По информации украинских историков в 1941 г. был арестован гестапо и осужден к смертной казни, но был освобожден отрядом УПА при налете на тюрьму. С 1944 г. командующий группой войск УПА-Запад. В 1946 г. начальник штаба УПА. Убит в перестрелке с сотрудниками органов госбезопасности.

Гилле Герберт (1897–1966) — командир соединений войск СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. С 1910 г. в армии. Участник 1-й мировой войны, лейтенант. Член НСДАП с 1931 г. Участник Польской и Французской кампаний. С 1941 г. на Восточном фронте, в составе 5-й добровольческой моторизованной дивизии СС «Викинг». До 1944 г. Г. занимал ряд командных постов в войсках СС, командир дивизии СС «Викинг». 6 сентября 1944 г. назначен командиром IV ТК СС. В мае 1945 г. отвел корпус в Австрию, где сдался американским войскам. Приговорен к 10 годам тюрьмы, освобожден в мае 1948 г. После войны основал журнал ветеранов 5-й дивизии СС «Клич викинга».

Глинка Анджей (1864–1938) — словацкий политический деятель. Изучал теологию, в 1899 г. рукоположен в сан католического священника. Активный сторонник словацкой автономии, вскоре был отстранен от службы. В 1905 г. уехал в родную деревню, где построил на пожертвования своих сторонников новый храм, где начал проводить службы. В 1905 г. создал Словацкую Национальную партию (СНП), выступавшую за отделение Словакии от Австро-Венгрии, постоянно подвергался преследованиям со стороны властей монархии. В 1918 г. после создания Чехословакии СНП стала ведущей оппозиционной партией. В 1918–1933 гг. Г. депутат Чехословацкого парламента от СНП.

Горлис-Горский Юрий (наст. фамилия Городянин-Лисовский) (1898–1946). Уроженец Полтавщины, из семьи офицера РИА. Участник 1-й мировой войны, офицер кавалерии Армии УНР, участник Зимнего похода Армии УНР. В 1920 г. командир одного из повстанческих отрядов в м. Холодный Яр. В бою попал в плен, отряд разгромлен. По собственным Г.-Г. воспоминаниям, ему удалось бежать из-под стражи в Холодный Яр. Весной 1921 г. переправляется в Польшу, где получает приказ правительства УНР пробраться на Подолье для создания подполья. Весной 1922 г. прибывает под Винницу и работает школьным инспектором под фамилией «Горский». В апреле 1923 г. Г.-Г. арестован, провел в винницкой тюрьме 8 месяцев, в декабре 1923 г. освобожден за отсутствием улик, при этом дал согласие на ведение агентурной работы в пользу Винницкого ОГПУ. В 1924 г. вновь арестован по подозрению в двойной работе, по приговору получил 15 лет заключения. Провел в заключении 8 лет, симулировал психическое заболевание. В апреле 1932 г. Г.-Г. бежал из херсонской психбольницы, успешно перешел советско-польскую границу, жил в Ровно, затем в Львове. Написал и издал ряд романов, среди которых особой популярностью пользовался роман «Холодный Яр». Г.-Г. принимал участие в боях за независимость Карпатской Украины, после чего жил в Румынии и Югославии. В начале 1940 г. Г.-Г. в Финляндии формировал украинский отряд для военных действий против советских войск, сам участия в военных действиях не принимал. В 1941 г. Г.-Г. возглавляет украинский отдел Берлинской радиостанции, принадлежащей «Антикоминтерну», активно сотрудничает с газетой «Краковские вести». Весной 1942 г. возвращается на Украину, в Киев, где несколько раз арестовывался гестапо. Летом 1942 г. селится в окрестности Холодного Яра, где живет до вступления Красной армии. В конце войны через Австрию вместе с женой

перебирается в Западную Германию и селится в лагере для перемещенных лиц в г. Ульме. В лагере создает Украинскую революционно-демократическую партию, стоявшую в оппозиции к ОУН (Б). 27 сентября 1946 г. был задушен боевиками бандеровской Службы безпеки (безопасности).

Горук Сень (1873–1920). Получил образование в Коломыйской гимназии, затем в Львовском университете. В довоенный период — активный член «Молодой Украины», редактор журнала «Часопис». Один из организаторов товарищества «Сокол» в Галичине. С началом 1-й мировой войны в Легионе УСС. Подразделения под его командованием участвовали в боях на Маковке, под Стрипой и на горе Лисоне. Ранен под Потуторами. В ноябре 1918 г. входил в состав руководства восстанием в Львове, затем начальник штаба УГА. Арестован ВЧК в Киеве в 1920 г. С весны 1920 г. пребывал в лагере для пленных в Кожухове близ г. Москвы. В июне 1920 г. Г. переведен в Соловецкий лагерь особого назначения.

Грицай Дмитро (псевдоним Перебийнос) (1907–1945). Уроженец Галичины. Окончил Дрогобычскую гимназию, член УВО. В 1928 г. поступил на физико-математический факультет Львовского университета. Был мобилизован в Польскую армию, окончил офицерскую школу. В это же время вступил в ОУН. С 1933 г. руководитель Военной референтуры КЭ ОУН. В 1934 г. арестован польской полицией и в течение 2 лет содержался в Картуз-Березовском концлагере. После освобождения продолжил учебу в университете. В 1939 г. вновь помещен в концлагерь. Освобожден в 1939 г. после оккупации Польши Германией. В 1940–1941 гг. член РП ОУН, участник 2-го Великого сбора ОУН. Осенью 1941 г. возглавил Краевой войсковой штаб ОУН. Весной 1943 г. был арестован гестапо. По утверждению украинских историков, был освобожден из тюрьмы отрядом УПА. Возглавлял Главный военный штаб УПА. С января 1945 г. шеф штаба УПА. В ноябре 1945 г. присвоено звание генерала УПА. Осенью 1945 года был захвачен при переходе чешско-германской границы. Расстрелян в Праге.

Далькен Гюнтер (1910–1998) публицист, штандартенфюрер СС. Сын торговца шерстью. Получил образование в высшей школе. В 1925 г. вступил в гитлерюгенд, в декабре 1926 г. — в СА, в 1928 г. — в НСДАП, в 1931 г. — в СС. Активно печатался в партийной прессе. С 1932 г. политический обозреватель газеты «Фелькише беобахтер», одновременно

руководящий сотрудник центрального издательства НСДАП. С августа 1933 г. привлечен к работе в СД, в октябре 1933 г. уволен из «Фелькише беобахтер» за критику политики НСДАП. С марта 1935 года был назначен Гиммлером главным редактором только что созданного центрального печатного органа СС — газеты «Черный корпус» и оставался на этом посту до конца войны. Ведущий публицист СС. Руководил рядом военно-пропагандистских подразделений. С марта 1943 г. в личном штабе рейхсфюрера СС. С июля 1943-го по 1 сентября 1944 г. командовал полком СС «Курт Эггерс». В апреле 1945 г. назначен начальником отдела пропаганды Верховного командования вермахта. После войны жил в ФРГ. В 1955 и 1958 гг. приговаривался к денежным штрафам за пропаганду расизма.

Дильс Рудольф (1900–1957) — первый руководитель гестапо, оберфюрер СС. В 1918 г. поступил добровольцем в армию. Участник 1-й мировой войны. В 1919–1920 гг. учился в Марбургском университете, доктор права. С 1930 г. работал в МВД Пруссии, специалист по борьбе с коммунистическим движением, симпатизировал правым партиям. В 1933 г. стал ближайшим советником Г. Геринга по вопросам прусской полиции, женат на племяннице Геринга. В 1933 г. возглавил отдел 1А — тайную государственную полицию. После создания в 1933 г. гестапо назначен заместителем начальника, а фактически его руководителем. В сентябре 1933 г. вступил в СС, штандартенфюрер. После ряда скандалов был снят с работы и назначен заместителем полицей-президента Берлина. В 1933 г. бежал в Чехословакию из-за развернувшейся борьбы между Гиммлером и Герингом за обладание полицейским аппаратом. В 1934 г. уволен из полиции, вернулся в Германию. С марта 1934 г. инспектор гестапо, затем правительственный президент Кельна, с 1936 г. — Ганновера. Состоял государственным комиссаром по черноморским перевозкам, управляющим каботажными перевозками в концерне «Герман Геринг верке». С 1937 г. член НСДАП. В 1945 г. был арестован американцами, освобожден в 1948 г. Автор мемуаров.

Дирлемнгер Оскар (1895–1945) — оберфюрер СС, военный преступник. До 1-й мировой войны изучал политологию, занимался коммерцией. С 1913 г. в армии. Участник 1-й мировой войны, командир взвода. Участвовал в оккупации Украины, награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. В 1919–1921 гг. член Добровольческого корпуса. Дважды арестовывался. С 1923 г. в НСДАП (повторно — в 1926-м). В третий раз

вступил в НСДАП в 1932 г. В июле 1934 г. приговорен к 2 годам тюрьмы за уголовные преступления. После освобождения был вновь привлечен к уголовной ответственности. После освобождения покинул Германию и жил в Испании, служил в Испанском иностранном легионе. С 1937 г. доброволец легиона «Кондор». В 1939 г. в чине оберштурмфюрера перешел в СС. Один из ближайших сотрудников Г. Бергера, пользовался его покровительством, что неоднократно спасало Д. от преследований со стороны командования. В сентябре 1940 г. Д. сформировал специальный батальон — штрафную команду «Ораниенбург» и благодаря своему покровителю был назначен командиром этого подразделения. В январе 1942 г. его отряд был переименован в зондеркоманду СС «Дирлевангер». Это подразделение прославилось многочисленными убийствами мирных жителей. В конце 1942 г. зондеркоманда Д. была развернута в батальон, затем в полк и впоследствии — штурмбригаду. В августе 1944 г. штурмбригада «Дирлевангер» приняла участие в подавлении восстания в Варшаве, где подчиненные Д. развязали массовую резню населения. Генштаб и ОКХ обратились к А. Гитлеру с просьбой распустить формирование. Несмотря на положительное решение вопроса, бригада расформирована не была. В конце 1944 г. бригада Д. перебрасывается в Словакию, затем — в Северную Венгрию. В 1945 г. на ее основе сформирована 36-я пехотная дивизия войск СС. Дивизия Д. вела активные боевые действия на Одере и была окружена юго-восточнее Берлина. По утверждению ряда исследователей, все 4 тысячи военнослужащих дивизии были расстреляны. Д. был ранен и умер во французском лагере для военнопленных.

Долуд Андрей. Уроженец Туркестана. Окончил юридический факультет Киевского университета, школу прапорщиков РИА. В 1917 г. прапорщик, член УСДРП, член Центральной Рады. С ноября 1918 г. Д. командовал отрядом им. Гонты, входившем в состав УГА. С лета 1919 г. в Армии УНР, участник ее Зимнего похода, начальник штаба Армии, ответственный за партизанскую работу. В 1920 г. командир 5-й Херсонской дивизии, полковник. С 1921 г. жил на Волыни и в Польше. После 2-й мировой войны выехал в Бразилию.

Дорошенко Владимир (1879–1963). Уроженец Малороссии (Полтавщина). Некоторые источники указывают местом его рождения Петербург. Основатель украинской студенческой общины в Москве. Принадлежал к Революционной Украинской партии, затем УСДРП (с 1905 г.). В 1908 г. эмигрировал в Львов, где попал под влияние мазепинцев.

В 1914–1918 гг. один из лидеров СВУ, член президиума организации, главный редактор его изданий. С 1908 г. сотрудник библиотеки НТШ, в 1937–1944 гг. ее директор. В начале 20-х гг. Д. — один из редакторов «Литературно-научного вестника» (гл. ред. Д. Донцов). Автор библиографических работ, статей, воспоминаний.

Дорошенко Михаил (? — 1628) — казачий полковник, участник похода гетмана П. Сагайдачного на Москву (на стороне самозванца Лжедмитрия). Участник ряда битв казаков с турками. Ориентировался на Польшу. Провел реорганизацию реестрового казачества. Возглавлял казачье войско, разгромившее в 1626 г. крымскую орду под Белой Церковью. Весной 1628 года Д. выступил с войском на стороне крымского хана против Турции. Погиб в бою близ Бахчисарая.

Думин Осип (1893 —?). С января 1918 г. командир взвода 2-й пехотной роты 1-го куреня сечевых стрельцов. С апреля 1918 г. — ком. сотни 1-го полка сечевых стрельцов, затем командовал рядом подразделений Легиона УСС. В 1919 г. командир Кременчугской боевой группы корпуса УСС. В 1920–1921 гг. командир повстанческого отряда в районе Триполья. С 1922 г. в эмиграции. Сотрудник Сельскохозяйственного института в Кенигсберге. Автор ряда работ по истории Гражданской войны на Украине, в частности Легиона УСС. После 1945 г. судьба неизвестна.

Жебуневы Николай Александрович, Владимир Александрович (1848–1915) и Сергей Александрович (1849–1924) — революционеры-народники, участники революционного движения в 70-х гг. XIX в. Сыновья помещика Екатеринославской губ. В 70-х гг. организовали в Цюрихе народнический кружок. После возвращения в Россию вели народническую пропаганду среди крестьян Черниговской губ., рабочих г. Одессы. В 1874 г. большинство членов кружка было арестовано. Сергей Ж. был сослан в Сибирь, Владимир вел революционную работу в Харькове, Полтаве, Казани, Саратове, Одессе, после 1 марта 1881 г. член Исполкома «Народной воли». В 1881 г. арестован, сослан в Восточную Сибирь. Николай Ж. летом 1874 г. выехал за границу.

Капустянский Николай Александрович (1879–1969). Уроженец Екатеринославщины. Окончил духовную семинарию, военное училище, Николаевскую Академию ГШ РИА. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В годы 1-й мировой войны на командно-штабных

должностях, один из инициаторов формирования украинизированных частей РИА. Служил на командно-штабных должностях в армиях гетмана, УНР (генерал-лейтенант). С 1923 г. в Париже, где возглавил Украинский народный союз и ветеранские организации. Активно сотрудничал с ОУН. После раскола ОУН примкнул к мельниковцам. В годы 2-й мировой войны К. в Киеве — заместитель главы Украинской национальной Рады. В 1943–1944 гг. в Львове, где был арестован гестапо за сотрудничество с ОУН, освобожден благодаря заступничеству А. Бизанца. После войны жил в Германии. В 1948 г. был назначен министром военных дел в правительстве УНР в эмиграции. Генерал-полковник Армии УНР.

Квитка-Основьяненко Григорий Федорович (1778–1843) — малороссийский писатель. В 1817–1828 гг. был уездным предводителем дворянства, затем председателем харьковской палаты уголовного суда. Автор двухтомника «Малороссийские рассказы» и романа «Пан Халявский».

Кестринг Эрнст Август (1876–1953) — военный деятель, генерал от кавалерии. Уроженец Москвы. В армии Германии с 1895 г. Участник 1-й мировой войны. После демобилизации армии К. оставлен на службе в рейхсвере на командных должностях. Знаток России, свободно владел русским языком. В феврале 1931 г. назначен военным атташе в германском посольстве в Москве. В апреле 1933 г. произведен в генерал-майоры. В октябре того же года отозван из Москвы и вышел в отставку. После создания вермахта в 1935 г. вновь принят на службу и вскоре назначен военным атташе в Москве и Вильнюсе. Высоко ценил русского солдата, был сторонником привлечения советских граждан к борьбе с советским режимом. В августе 1941 г. отозван в Германию. Постоянно привлекался к обсуждению вопросов об использовании населения оккупированных районов СССР. В сентябре 1942 г. назначен уполномоченным по вопросам народов Кавказа при командовании группы «А». Развернул создание инонациональных формирований вермахта из уроженцев Кавказа, казачьих областей и др. В апреле 1943 г. К. отозван в Берлин и в июне этого же года назначен инспектором соединений народов Северного Кавказа. Затем его компетенция была расширена, и с 1 января 1944 г. он стал генерал-инспектором добровольческих формирований. Оказывал постоянную поддержку формированию РОА ген. А. А. Власова.

Клим Савур (псевдоним) наст, фамилия Клячковский Роман-Дмитро

(псевдонимы Охрим, Билаш и др.) (1911–1945) — полковник УПА. Уроженец Галичины, окончил гимназию в Станиславе, затем учился на юридическом факультете Львовского университета. Член ОУН. В 1937 г. был арестован польской полицией и провел некоторое время в заключении. В 1939–1941 гг. был одним из руководителей подпольной сетки ОУН в Галичине, вел работу среди молодежи, являлся также областным руководителем Юношества ОУН на Станиславщине. В 1941 г. был арестован органами госбезопасности УССР и в ходе т. н. «Процесса 59-ти» был приговорен к смертной казни, с последующей ее заменой на 10-летнее заключение. В начале военных действий летом 1941 г. бежал из Бердичевской тюрьмы. В 1942–1945 — руководитель ОУН (Б) в Северо-Западной Галичине. Играл значительную роль в организации отрядов УПА на Волини и в Полесье. С января 1943 г. К. занимал пост командира фуппы войск УПА-Север. Убит в бою.

Кноблаух Курт (1885–1952) — функционер СС, обергруппен-фюрер СС и генерал войск СС. В армии с 1905 г. Участник 1-й мировой войны. В 1919–1920 гг. участвовал в боях против коммунистов в составе Добровольческого корпуса. Продолжил службу в рейхсвере, майор. В НСДАП с 1930 г., в СС — с 1935 г. с зачислением в личный штаб рейхсфюрера СС. С 1935 г. на административных должностях. В 1940 г. возглавил оперативный отдел штаба дивизии СС «Тотенкопф» («Мертвая голова»). С 23 октября 1941-го по 18 ноября 1940 г. командующий войсками СС на Северо-Востоке. С 1941-го по 1942 г. начальник Командного штаба рейхсфюрера СС, затем в Главном оперативном управлении СС.

Коппе Вильгельм (1896–1975) — один из руководителей оккупационного режима в Польше, обергруппенфюрер СС и генерал полиции. По образованию — торговый работник. Участник 1-й мировой войны. В 1919 г. после демобилизации открыл свое торговое дело Член НСДАП с 1930 г., с 1932 г. в СС. В 1933 г. избран депутатом рейхстага. В 1936 г. — инспектор полиции безопасности и СД в районе Эльба. С октября 1939-го по ноябрь 1943 г. высший руководитель полиции и СС в Вартенланде (Познань). Главный инициатор создания концлагеря в Хелмно, где было уничтожено 320 тысяч человек. Возглавил уничтожение еврейских гетто в Вартенланде. С ноября 1943 г. высший руководитель СС и полиции в Генерал-губернаторстве. С апреля 1945 г. высший руководитель СС и полиции «Юг». После войны жил в ФРГ под именем Ломана и работал в заводской администрации. В 1961 г. был

идентифицирован и против него возбуждено дело. К 1966 г. дело на К. было прекращено, а сам он освобожден по состоянию здоровья.

Коссак Григорий. Член первых отрядов «Пласта» в Львове. Впоследствии полковник УСС, комендант 3-го корпуса УГА, преподаватель в Школе Червонных старшин в Киеве. Расстрелян в Киеве.

Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — русский историк. Внебрачный сын помещика и крепостной крестьянки. Начальное образование получил дома и в частном пансионе в Москве, затем в Воронеже. После окончания гимназии (1833 г.) поступил в Харьковский университет, где изучил ряд языков, философию, историю. Служил в Кинбурнском драгунском полку. В 1837 г. К. поселился в Харькове, где занялся историей, поэзией, изучением фольклора. Первую диссертацию на степень магистра не защитил по причине ее антимонархической направленности. Вторая диссертация 1844 года была успешно защищена, и К. получил степень магистра, после чего занимался преподаванием русской истории в Харькове, Киеве, Ровно. Один из инициаторов создания Кирилло-Мефодиевского братства. В 1847 г. К. арестован и после годичного заключения в Петропавловской крепости выслан в Саратов, где служил статистиком. В 1856 г. освобожден от полицейского надзора, опубликовал ряд своих работ. В 1859 г. К. приглашен на кафедру русской истории в Петербургский университет, где снискал авторитет свободомыслящего лектора. По мнению Н. Добролюбова, работы К. служили подрыву официальной идеологии. Основной труд — «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Член Археографической комиссии, один из издателей журнала «Вестник Европы». С 1875 года в связи с заболеванием не мог более работать в архивах. Автор ряда трудов по социально-политической и экономической истории России и Украины, исследований и публикаций украинского фольклора, древних актов. Автор сборников стихов, одной исторической пьесы, повестей на украинском и русском языках.

Кох Ганс (1894–1959) — профессор, доктор евангелической теологии и философии, ведущий специалист абвера по т. н. «восточному вопросу». Участник 1-й мировой войны, служил офицером в разведслужбе под началом полковника Австро-Венгерской армии Э. Фишера. Капитан Генштаба. В 1929 г. — эксперт по восточному вопросу в Венском университете, в 1934 г. профессор Кенигсбергского университета, с

1937 г. — директор Института Восточной Европы, жил в Бреслау. Капитан запаса. С 1941 г. офицер связи абвера с ОУН, служил в Киеве в качестве начальника отдела «Абвер-2» (диверсионная работа), затем возглавил группу АІ — подрывная агитация, организация прогерманской пропаганды в советском тылу. В конце войны оказался в одном из венских госпиталей и таким образом сумел избежать наказания. С 1952 г. и до смерти в 1959 г. — профессор Мюнхенского университета и директор местного Института Восточной Европы.

Крамарж Карел (1860–1937) — чешский государственный, политический деятель. По образованию юрист. С 1890 г. член, затем лидер партии «младочехов». В 1891–1914 гг. депутат австрийского парламента. Проводя политику сотрудничества с австрийском монархом, К. одновременно был приверженцем максимального сближения с Россией. В 1915 г. арестован австрийскими властями, обвинен в государственной измене, в 1917 г. К. был амнистирован и освобожден. В 1918 г. возглавил Чешский Национальный Комитет, был одним из основателей правой Национал-демократической партии. В 1918–1919 гг. К. — премьер-министр первого чехословацкого правительства. В 1919–1931 гг. депутат парламента. Сторонник военной интервенции в Советскую Россию, один из союзников генерала А. Деникина. В 1935–1937 гг. один из лидеров партии «Национальное объединение».

Крат Михаил род. в 1892 г. на Полтавщине в семье казака. Окончил Полтавский кадетский корпус и Чугуевское военное училище. Участник 1-й мировой войны, полный георгиевский кавалер, из-за многочисленных ранений в последний год войны служил в штабе. В 25 лет получил чин подполковника. При Гетманате — помощник начальника оперативного отдела Киевского военного округа. Участник формирования двух сердюцких дивизий, и.о. командира 33-го Ахтырского полка. Служил в Армии УНР, помощник командира 2-й Запорожской дивизии, затем командир 8-й Черноморской и 3-й Железной дивизий, участник Зимнего похода. Член делегации от Армии УНР в ставке ген. Врангеля. Служил в Польской армии, во время Германско-польской войны — в немецком плену. Член военного руководства УНР. Привлечен к военной деятельности ген. Шандруком в качестве потенциального командира дивизии «Галичина». Генерал-хорунжий УНА. В 1950 г. К. жил в США, где основал Братство воинов 1-й Украинской дивизии. Умер в 70-х годах в США. Оставил огромный архив, хранящийся ныне в Центре изучения документации

Украинского института в США (Нью-Йорк).

Крюгер Вальтер (1890–1945) — один из командиров войск СС, генерал войск СС. Старший брат обергруппенфюрера СС Ф. Крюгера. Окончил кадетский корпус, с 1908 г. в армии. Участник 1-й мировой войны, был тяжело ранен. В 1919–1920 гг. воевал в составе Добровольческого корпуса в Курляндии. В 1921 г. вступил в «Стальной шлем». С декабря 1933 г. в СА, позднее получил чин штандартенфюрера СА. С 1935 г. в СС. В 1936 г. преподаватель юнкерского училища СС в Бад-Тельце. Руководил формированием полка «Германия» и был его первым командиром. С лета 1941 г. — на Восточном фронте, командир Полицейской дивизии СС. Кавалер Рыцарского Железного креста. В 1942–1944 гг. на командных должностях в войсках СС. В июле 1944 г. назначен командиром VI латышского корпуса войск СС. После капитуляции Германии покончил жизнь самоубийством.

Крюгер Фридрих Вильгельм (1894–1945) — один из руководителей оккупационного режима в Польше, обергруппенфюрер СС, генерал полиции. Сын полковника, брат В. Крюгера. Окончил кадетский корпус, с 1913 г. в армии. Участник 1-й мировой войны, обер-лейтенант. В 1919–1920 гг. воевал в составе Добровольческого корпуса против коммунистов. В мае 1920 г. демобилизован, работал в издательствах, директором мусоросжигательной фабрики, был уволен по подозрению в коррупции. Член НСДАП с 1930 г. с 1931 г. — в СС. Занимал высокие посты в СА. В 1932 г. избран депутатом рейхстага. С 1933 г. в СС занимал ряд административно-командных должностей. С 1939-го по 1943 г. высший руководитель СС и полиции в Генерал-губернаторстве, ближайший сотрудник Г. Франка, пользовался поддержкой Г. Гимmlера. Постоянно оппонировал своему шефу в вопросах репрессий против польского населения — сторонник применения карательно-репрессивных мер. В 1939–1943 гг. был главным руководителем всей системы нацистского террора в Польше. С 1944 г. зачислен в личный штаб рейхсфюрера СС. С мая 1944 г. командир 6-й горнострелковой дивизии СС «Норд», с сентября 1944 г. командир V горнострелкового корпуса СС. В феврале 1945 г. назначен высшим руководителем С С и полиции в Вене. Покончил жизнь самоубийством.

Кубийович Владимир (1900–1985). Уроженец г. Новы Сонч, из украинско-польской семьи. С 1918 г. учился в Ягеллонском университете в

Кракове. В 1918–1919 гг. служил артиллеристом в УГА. После войны занимался изучением украинской этнографии в Польше, Чехословакии и Румынии. В своих работах последовательно проводил мысль о необходимости создания отдельного Украинского государства, за что был изгнан из университета. С 1940 г. профессор Украинского вольного университета в Праге. В середине апреля 1940 г. возглавил УЦК в Кракове, который координировал деятельность всех украинских организаций в Генерал-губернаторстве. В апреле 1943 г. стал одним из инициаторов создания Боевой управы в Львове. В 1944 г. выпустил обращение, в котором призвал прекратить польско-украинское противостояние. В 1939–1945 гг. помог избежать арестов 300 евреям. С 1945 г. в эмиграции в Германии и Франции, где занимался научной деятельностью. В 1947–1951 гг. генеральный секретарь НТШ за границей, с 1952 г. глава НТШ в Европе.

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) — публицист. Учился в Киевском университете, был членом Кирилло-Мефодиевского общества, был арестован и выслан в Тулу. В 1861–1862 гг. сотрудничал с украинофильским журналом «Основа». Изобрел новое правописание («кулишовка»), в котором устранил букву «Ь». С 1870-х гг. занимался историей запорожского казачества. Жил и работал в Австро-Венгрии, но в связи с эволюцией собственных взглядов был вынужден бежать в Россию.

Кундт Эрнст (1897–1947) — один из руководителей оккупационного режима в Польше, оберфюрер СА. В 1922 г. стал одним из основателей и лидером национального немецкого молодежного движения в Судетах. В 1925–1933 гг. — представитель судетских немцев в службе зарубежных связей Гитлерюгенда в Берлине. В 1932–1934 гг. — директор Германской Трудовой службы в Чехии. В 1933 г. вместе с К. Генлейном стал одним из основателей Судетской Немецкой партии (СНП). В 1935–1938 гг. депутат Чешского парламента от СНП. Принимал активное участие в подготовке аннексии Судетской области Германией. С 1939 г. член НСДАП, в 1939 г. депутат рейхстага. С 1939 г. — обер-бургомистр, а с 1940 г. — глава гражданской администрации Тарнува. С 1940 г. заместитель статс-секретаря в правительстве Генерал-губернаторства. С 1 августа 1941 г. губернатор дистрикта «Радом» в оккупированной Польше. В декабре 1944 г. призван на срочную военную службу в люфтваффе, майор. После войны выдан чешским властям, казнен.

Курманович Виктор (1886–1945). Уроженец Галичины, из семьи священника. В годы 1-й мировой войны командовал полком на итальянском фронте. В конце 1918-го — начале 1919 г. командир войсковой фуппы УГА на украино-польском фронте, затем возглавил 1-й корпус УГА, впоследствии начальник штаба руководящей команды УГА. С июля 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба главного атамана Украинской армии. В эмиграции в Австрии. С 1933 г. член ОУН. В 1945 г. был арестован органами госбезопасности в Вене. Умер в тюрьме в Одессе.

Лавров Петр Лаврович (псевдоним — Миртов) (1823–1900) теоретик революционного народничества. Рядом современников характеризовался как не вполне психически здоровый человек. Член террористической организации «Земля и воля». В 1866 г. составил «Исторические письма», имевшие большую популярность среди «передовой русской интеллигенции». Участник Парижской коммуны. В эмиграции редактор народофильской газеты «Вперед».

Лахузен-Вивремонт Эрвин Эдлер фон (1897–1955) — один из руководителей военной разведки, генерал-майор. Получил военное образование в Терезианской военной академии Австро-Венгрии. Лейтенант пехоты, участник 1-й мировой войны. После войны служил в Австрийской армии. В 1933 г. окончил австрийскую Академию Генштаба. С 1933 г. офицер разведки 2-й дивизии (Вена). В конце 1935 г. назначен в формирующуюся службу информации (разведслужбу) Генштаба Австрийской армии. Фактический руководитель разведслужбы. После аншлюса вместе со своим отделом включен в структуру абвера и назначен заместителем начальника отдела 1 (разведка) абвера полковника Г. Пиккенброка. В 1939 г. возглавил отдел абвер II (диверсионный). В 1943 г. заменен полковником В. Фрайтагом-Лорингхофеном и назначен командиром 41-го гренадерского полка на Восточном фронте. С декабря 1944 г. — начальник разведбюро XVII военного округа (Вена). В мае 1945 г. арестован американцами, содержался в особом центре Бад-Ненндорф, где подвергался неоднократным избиениям. Сотрудничал с американской разведкой, привлекался в качестве свидетеля к работе Нюрнбергского трибунала и вскоре был освобождён. Жил в Австрии, автор мемуаров.

Лебедь Николай (псевдонимы Максим Рубан, Марко, Евген Скирба) (1909 г.р.). Уроженец Галичины. В 1930 г. окончил гимназию в Львове. В 1930–1932 гг. принимал активное участие в создании молодежных групп

ОУН на Западной Украине. В 1932–1934 гг. — связной между КЭ ОУН и заграничным Проводом ОУН. В 1934 г. готовил покушение на министра внутренних дел Польши Б. Перацкого. После покушения скрылся в Германии, но был выдан властям Польши. На Варшавском процессе 1935–1936 гг. был осужден к смертной казни, которая затем заменена на пожизненное заключение. Совершил побег Из тюрьмы в сентябре 1939 г. В 1940 г. в ходе внутреннего конфликта в ОУН поддержал С. Бандеру, с 1941 г. стал его заместителем. В июне 1941 г. вошел в состав правительства самопровозглашенной Украинской державы. Содержался под немецким арестом. В 1941–1943 гг. — организатор трех конференций ОУН. В 1941–1944 гг. вел переговоры с представителями командования АК. До 1943 г. возглавлял ОУН на Западной Украине и играл важнейшую роль в формировании УПА. Шеф Службы безопасности УПА. В 1943 г. стал участником 3-го Чрезвычайного съезда ОУН, возглавил Головную раду ОУН и референтуру внешних связей при Проводе ОУН. В 1944 г. стал одним из основателей УГВР и Генеральным секретарем международной политики УГВР. По поручению руководства УГВР выехал на Запад для установления связей с представителями западных союзников. До 1948 г. член заграничных частей ОУН. С 1949 г. Л. проживает в США.

Левицкий Кость (1859–1941). Уроженец Галичины, из семьи священника. Окончил юридический факультет Львовского университета, после чего вел адвокатскую практику. В 1880-х годах вступает в общество «Просвита» и НТШ. Постоянно публикуется в журналах, одновременно является консультантом австрийского правительства. Один из инициаторов создания «Сечей». Депутат австрийского парламента. В начале 1914 года возглавляет Украинскую Головную раду. В своей деятельности руководствовался исключительно интересами австрийского правительства. Член УНР в Львове. С 1 ноября 1918 г. глава правительства Галиции и министр финансов. Один из инициаторов слияния УНР и ЗУНР. В 30-х годах возглавляет Центробанк в Львове, член обществ «Просвита» и НТШ. Арестован органами госбезопасности в 1939 г., содержался в тюрьме в Львове, затем переведен в Москву. Освобожден из-под стражи в ноябре 1941 г. Умер в Москве.

Лемик Николай (1914–1941). Уроженец Галичины. По окончании гимназии учился в Львовском университете. 21 октября 1933 г. по приказу ПУН убил начальника канцелярии советского посольства Майлова. Польский суд приговорил Л. к смертной казни, которую впоследствии

заменили на пожизненное заключение. В начале 2-й мировой войны освобожден из тюрьмы, стал одним из организаторов ПГ ОУН и руководителем их деятельности. С 1941 г. — краевой руководитель ОУН (М) на Восточноукраинских землях. Осенью 1941 г. возглавлял Центральную ПГ ОУН (подругой информации — Восточную). В октябре 1941 г. Л. арестован гестапо и расстрелян в Миргороде.

Мазепа Иван Степанович (1640–1709) — гетман Левобережной Украины. Род. в с. Мазепинцы близ Белой Церкви в семье шляхтича. Активный участник межстаршинских усобиц во 2-й половине XVII в. Первоначально установил добрые отношения с Москвой, был награжден орденом Андрея Первозванного. В начале XVIII в. установил контакты с польским королем С. Лешинским, затем шведским королем Карлом XII. Опираясь на поддержку последнего, попытался установить свою гетманщину, независимую от Московского государства. После поражения войск шведов в Полтавской битве 27.06.1709 скрывался. Умер в с. Варницы близ Бендер. По одной из версий, был заеден насмерть клопами, будучи парализованным и покинутым своими немногочисленными соратниками.

Макарушка Любомир (1899–1986) Уроженец Галичины. Окончил Военную академию в Винер-Нойштадте, служил в австрийской армии, затем в УГА (капитан). Образование получил в Пражском университете, затем изучал экономику в Торговой академии в Вене, активный член украинского студенческого движения. С 1922 г. генеральный секретарь Центрального Союза украинского студенчества. В середине 20-х гг. основал украинскую молодежную националистическую группировку — Группу украинской националистической молодежи, член УВО. С 1926 г. член Украинского национально-демократического объединения, затем один из его лидеров. В 1927 г. принял участие в работе 1-й конференции украинских националистов в Берлине. В 1930–1935 гг. депутат Польского сейма. В 1943–1944 гг. в дивизии «Галичина». После войны жил в Германии.

Меленевский Мариан (наст. имя — Маркиан, псевдонимы — Басок, Гнлька, Самойлович и пр.). Уроженец Киевской губернии, окончил Киевскую гимназию. В 1896 г. исключен из сельскохозяйственного и лесотехнического института в Новой Александрии Люблинской губ. за участие в студенческих выступлениях. Один из марксистов. В 1899 г. арестован в Киеве за участие в студенческих демонстрациях и выслан на 2

года в Вологодскую губ. После отбытия ссылки эмигрировал в Львов, где продолжил антироссийскую деятельность в Заграничном комитете РУП, сотрудничал с газетами «Работа» и «Селянин». С лета 1904 г. проповедовал идею объединения украинских социал-демократов с российскими, чем вызвал раскол РУПа, и создания в 1905 г. УСДРП как части РСДРП. В 1908 г. вместе с Л. Троцким входит в состав редакции газеты «Правда», которая недолгое время издавалась в Львове. В 1914–1917 гг. член президиума СВУ, в 1914–1915 гг. — представитель этой организации в Турции. С мая 1915 г. входил в состав Всеукраинской рады в Вене. В 1923 г. опубликовал в Вене свою статью «Куда идти», в которой поддержал советскую власть на Украине. В 20-х гг. М. переехал в УССР. Дальнейшая судьба неизвестна.

Мельник Андрей Атанасович (1890–1964). уроженец Галичины. В 1914–1916 гг. командовал ротой в Легионе УСС на австро-русском фронте. Сотня М. участвовала в боях на Маковке, под Заваловом и над Стрипой. Во время боев на горе Лисоне попал в русский плен, находился в лагере для военнопленных под Царицыном. В январе 1917 года с группой украинских офицеров бежал в Киев. В январе 1918 г. стал одним из организаторов батальона УСС, с января 1918 г. начальник штаба куреня, с марта того же года после развертывания полка УСС — начштаба полка. Во время восстания против гетмана П. Скоропадского — заместитель командира осадного корпуса, с января 1919 г. — и.о. командира корпуса. В декабре 1918 г. присвоено звание атамана армии УНР. С конца 1918 по 1920 гг. на штабных должностях в армии УНР. В 1920–1922 гг. М. — инспектор военных миссий УНР в Праге. В 1922 г. возвратился в Галицию, где стал соучредителем УВО, затем ее краевым комендантом. В 1924 г. арестован польской полицией и осужден к 4 годам заключения. После освобождения продолжил политическую деятельность, занимал ряд постов в эмигрантских организациях. После гибели Е. Коновальца стал председателем провода (руководства) ОУН. В начале 1940 г. после раскола организации М. возглавил одну из фракций ОУН — провод ОУН (ПУН). С 1945 г. после освобождения немцами из-под надзора жил в Германии и Люксембурге. В 1947 г. на Третьем великом сборе ОУН избран пожизненным председателем ПУН. В 1957 г. выдвинул идею создания Всемирного украинского конгресса и Союза украинцев. Умер в г. Клерво (герцогство Люксембург).

Мирчук Петр (псевдоним Железняк) (1913 г.р.). Уроженец Галичины.

В 30-х гг. учился на юридическом факультете Львовского университета, член ОУН. Принимал участие в издании «Бюллетеня КЭ ОУН» и ряда других изданий. Был референтом КЭ ОУН. В 1933–1939 гг. несколько раз арестовывался польской полицией. В 1939 г. выехал в Прагу, где продолжил обучение в Украинском Вольном университете. В 1945–1946 гг. возглавлял Центральный эмигрантский союз украинского студенчества. В 1948–1952 гг. член Провода заграничных частей ОУН. С 1950 г. жил в США, преподавал в колледжах, получил степень доктора философии в Мюнхене. Автор ряда работ по истории ОУН-УПА, мемуаров и статей.

Митринга Иван (ом же Сергей Орелюк, Пилин или Полин) (1909–1943). Уроженец Галичины. В 30-х гг. изучал историю в Львовском университете. Член ОУН, член Краевого провода ОУН. Неформально возглавлял в ОУН «группу ревизионистов», которая пыталась пересмотреть основные партийные установки и выступала за демократизацию программы. В 1938 г. М. издал статью, в которой впервые в истории ОУН выдвинул лозунг «Свободу народам, свободу человеку!». В 1940 г. выступил с критикой концепции С. Бандеры с его ориентацией на «Новую Европу», выдвинув свой лозунг: «Вместе с поляками, французами, народами СССР за свободную Европу, против Сталина и Гитлера». В 1941 г. вошел в ОУН (Б). Основатель Украинской революционной партии рабочих и крестьян, что в 1942 г. объединилась с другими группами и образовала Украинскую национал-демократическую партию. В 1942 г. М. присоединился к Полесской Сечи, в которой возглавил отдел пропаганды. Погиб в бою с советскими партизанами.

Нагаевский Исидор (1908–1989). Уроженец Галичины. За участие в националистическом украинском движении был заключен польскими властями в концлагерь в Картуз-Березе, затем был заключенным советских и немецких тюрем. В 1943–1945 гг. капеллан дивизии «Галичина». В 1945–1947 гг. пребывал в лагерях военнопленных в Западной Европе. Эмигрировал в США. С 1953 г. — доктор философии Украинского вольного университета в Мюнхене, позднее — профессор Украинского Католического университета в Риме. Автор ряда работ по истории.

Оберлендер Теодор — один из ведущих специалистов абвера по т. н. ««Восточному вопросу». Профессор. Заместитель начальника отдела абвер-2 при штабе группы армий «Юг». Принимал активное участие в формировании частей специального назначения из числа украинских,

белорусских, грузинских коллаборационистов. До июня 1943 г. немецкий шеф батальона «Горец» («Бергман»). В конце войны попал в опалу из-за несогласия с проводимой на Востоке оккупационной политикой. После войны проживал в ФРГ. В 60-е годы министр по делам переселенцев в западногерманском правительстве. Советское правительство неоднократно обращалось к властям ФРГ с требованиями выдать О. для суда как военного преступника.

Омельянович-Павленко Михаил Владимирович (1878–1952). Уроженец Тифлиса, из семьи военнослужащего. Закончил Омский кадетский корпус, Павловское военное училище. Николаевскую Академию ГШ РИА (1913 г.). В годы 1-й мировой войны командир гвардейского полка в РИА, начальник штаба корпуса, начальник школы прапорщиков. Во время Гетманата на службе в армии гетмана, затем в УГА. В 1919 г. командир Запорожского корпуса Армии УНР. До 1920 г. командующий армии УНР. С 1924 г. после интернирования — в эмиграции в Чехословакии, Германии, Франции. В 1945–1948 гг. министр военных дел правительства УНР в эмиграции. Автор ряда статей по военной истории, мемуаров.

Орлик Филипп Степанович (1672–1742) — гетман Украины в эмиграции. Из литовско-чешского рода, учился в коллегии иезуитов в Вильно, затем Киево-Могилянской коллегии. Один из ближайших соратников и сподвижников И. Мазепы. После смерти Мазепы был избран гетманом, после чего был признан таковым шведским королем и султаном турецким. Заключил с ними договоры против России. Весной 1711 года при поддержке Турции войска О. и крымские татары вторглись на Правобережную Украину. В мае 1711 г. войска О. и татары были разбиты русскими войсками. После заключения Прутского мирного договора между Россией и Турцией О. неоднократно пытался оказать влияние на султана для выступления против России. Жил в Швеции, Германии и Франции, затем переехал в Османскую империю. Неоднократно пытался формировать свои отряды для войны против России и создания Запорожской империи. Умер в Яссах.

Павелич Анте (1889–1959) — военный преступник, лидер усташей, создатель и лидер независимого Хорватского государства. Получил высшее юридическое образование, доктор права, профессор, адвокат. В 1919 г. вступил в национальную организацию «Млада Хорватия», выступавшую за независимость Хорватии с присоединением Боснии и Далмации. В 1919–

1927 г. — депутат Загребского магистрата, с 1927 г. — депутат Народной скупщины Югославии. Один из лидеров радикальной Хорватской Крестьянской партии (ХКП). С 1928 г. начал формировать нелегальную полувоенную организацию «Хорватский домобран», преобразованную в начале 1929 г. в Усташскую хорватскую революционную организацию. В январе того же года бежал от преследования властей Югославии в Австрию. Заочно приговорен югославским судом к смертной казни. С 1932 г. организация П. взяла курс на подготовку вооруженного восстания в Хорватии. В 1932 г. переехал в г. Риеку (Италия), откуда руководил своей организацией. Пользовался покровительством Б. Муссолини. На территории Италии развернул лагеря для подготовки усташей-террористов. Организатор и вдохновитель убийства короля Югославии Александра I в Марселе. После убийства монарха П. арестован итальянскими властями, лагеря усташей распущены. В августе 1939 г. правительство Югославии подписало акт о предоставлении Хорватии широкой автономии. После оккупации Югославии немцами П. провозгласил создание «Независимого Государства Хорватского» (НГХ), сам был назначен его «поглавником». В государстве, взявшем за основу государственной политики нацизм, процветали террор и этнические чистки, существовали концлагеря. В июне 1941 г. НГХ присоединилось к Тройственному союзу, затем подписало Антикоминтерновский пакт. В декабре 1941 г. НГХ объявило войну Великобритании и США. В 1942 г. П. посетил Берлин, где получил от Гитлера разрешение на усиление личной власти. В 1945 г. бежал в Австрию. Заочно приговорен югославским народным судом к смертной казни. Скрывался в Италии, Аргентине, Испании. В 1957 г. П. пережил покушение, был ранен и через два года скончался.

Палиенко Николай (1896–1944). Уроженец Киевщины, по гражданской профессии — инженер-химик. В годы 1-й мировой войны окончил артиллерийское училище и командовал рядом артиллерийских подразделений РИА на Западном фронте. В 1917–1921 гг. подполковник армии УНР. С 1928 г. на службе в Польской армии. В 1932–1934 гг. учился в Высшей военной школе в Кракове. Принял участие в немецко-польской войне 1939 г. В 1943–1944 гг. начальник унтер-офицерской школы, командир дивизиона тяжелой артиллерии дивизии «Галичина». Погиб в бою под Бродами летом 1944 г.

Панкивский Кость (1897–1973). Уроженец Галичины. Образование получил в Праге, где также возглавлял Группу украинской поступовой

молодежи. В 1924–1939 гг. вел адвокатскую практику в Львове. В 1920–1930 гг. выступал защитником на процессах против боевиков УВО и ОУН. Активный участник ряда благотворительных и попечительских организаций. С июля 1941 г. П. возглавил Генеральный секретариат Украинской национальной Рады в Львове. С сентября 1941 г. глава Украинского краевого комитета, после объединения которого с УЦК П. стал заместителем главы УЦК. В 1945–1949 гг. в Германии. После войны член Украинского национально-державного союза. С 1949 г. живет в США. В 1950 г. один из инициаторов создания Союза украинских национальных демократов, в 1950–1966 гг. его председатель. Автор мемуаров.

Петров Всеволод (1883–1948). Уроженец Киева. Полковник Генерального штаба РИА. В 1917 г. — начальник штаба Туркестанской дивизии. В конце 1917 г. сформировал из солдат-украинцев дивизий Гайдамацкий конный полк им. К. Гордиенко, который впоследствии был развернут в регулярную часть Армии УНР. В январе 1918 г. полк пробился из Белоруссии в Киев, принял участие в подавлении большевистского выступления и в уличных боях с красноармейскими частями Муравьева. В феврале-марте 1918 г. командовал 3-м батальоном Особого Запорожского отряда, затем 1-м запорожским им. Гордиенко полком конных гайдамаков в составе Запорожского корпуса. Во время Гетманата служил в ГШ Вооруженных сил Украинской державы. В январе 1919 г. стал одним из организаторов войсковых школ в Житомире. В сентябре — ноябре 1919 г. — военный министр УНР в правительстве Исаака Мазепы. В 1919–1920 гг. на командных должностях в Армии УНР, начальник ее Генштаба. В эмиграции в Польше, с 1923 г. — в Праге. С 1929 г. член Народной Украинской Рады, преподаватель в Украинском Высшем пединституте, член Украинского Историко-филологического товарищества. С 1945 г. в Германии. Автор множества работ по военной истории, участвовал в редактировании «Украинской общей энциклопедии».

Прютцманн Ганс Адольф (1901–1945) — один из руководителей оккупационного режима, генерал полиции, генерал войск СС. По довоенной специальности сельскохозяйственный рабочий, изучал сельское хозяйство в Геттингене. В течение 7 лет служил сельскохозяйственным чиновником в Померании, Бранденбурге, Восточной Пруссии. С 1930 г. в НСДАП и СС. С 1930 по апрель 1941 г. на различных полицейских должностях. В июне 1941 г. верховный руководитель СС и полиции в имперском комиссариате Украина. Руководил карательными операциями на

Юге России в Причерноморье. В середине 1944 г. возглавил боевую группу «Прютцманн», действовавшую против партизан. После эвакуации из Украины возглавлял организацию «Вервольф», генерал-инспектор. В мае 1945 г. арестован британскими войсками. В тюрьме покончил жизнь самоубийством.

Пуллуй, или Пулюи, Александр Иванович (псевдоним доктор Пухерт) — ротмистр, до августа 1941 г. начальник зондеркоманды абвера «Пума», затем до августа 1943 г. начальник учебных курсов и начальник АГ-114, начальник школы при АК-106, затем начальник реферата ЗФ АСТ «Краков». Специалист по «украинскому вопросу».

Пчилка Олена (Драгоманова-Косач Ольга Петровна) (1849–1930). Мать Леси Украинки, сестра М. Драгоманова. Окончила Киевский Институт благородных девиц, редактор-издатель журнала «Родной край» и приложения к нему «Молодая Украина».

Раш Отто Эмиль (1891–1948) — военный преступник, бригадефюрер СС и генерал-майор полиции. Участник 1-й мировой войны, лейтенант флота. В 1918–1923 гг. изучал право, политэкономия и философию в различных университетах, доктор права и политических наук. Полиглот, свободно владел, кроме родного немецкого английским, французским и итальянским языками. Работал в юридических фирмах в Лейпциге, в 1923–1931 гг. — в прокуратуре и юрисконсульт в частных фирмах. С 1931 г. в НСДАП, с 1933 г. — в СС. С 1936 г. — начальник 1-й секции РСХА. В 1938 г. возглавил гестапо в Франкфурте-на-Майне. С начала 1939 г. начальник полиции безопасности и СД в Праге, с апреля 1939 г. — инспектор полиции безопасности и СД в Кенигсберге. Играл ведущую роль в провокации в Глейвице, послужившей предлогом для нападения на Польшу. С началом 2-й мировой войны, в сентябре 1939 г. назначен начальником айнзац-группы в Польше. В мае 1941 г. возглавил айнзацгруппу «С» и одновременно назначен начальником полиции безопасности и СД на Юге России. В октябре 1941 г. вернулся в Берлин, затем был назначен офицером связи рейхсфюрера СС при Э. Кохе. Позднее из-за разногласий с руководством перешел на работу в нефтяную промышленность. После войны Р. арестован и привлечен к процессу по делу оперативных групп СД. Умер в тюрьме.

Ребет Лев (1912–1957). Уроженец Галичины, учился на юридическом

факультете Львовского университета. С 1927 г. в УВО, затем в ОУН. С 1930 г. возглавил провод ОУН в Стрыйском районе. В 1934–1938 руководитель КЭ ОУН на Западной Украине. Несколько раз арестовывался польской полицией, провел 3 г. в заключении. С февраля 1940 г. в ОУН (Б). В июне 1941 г. был одним из инициаторов провозглашения Акта о возрождении Украинского государства в Львове, заместитель главы самопровозглашенного правительства Я. Стецко. В сентябре 1941 г. арестован гестапо и помещен в спецблок концлагеря Освенцим. После выхода из концлагеря жил в Германии. После войны на ряде руководящих постов в ОУН (Б). После раскола ОУН возглавил ОУН (Закордонную), к которой присоединились Н. Лебедь и др. Редактировал ряд периодических изданий. В 1949 г. защитил докторскую диссертацию, в 50-х годах занимался научно-педагогической деятельностью. В 1957 г. был ликвидирован агентом КГБ Б. Сташинским. После ликвидации Льва Ребета к активной работе в ОУН подключилась его вдова Дарья.

Сальский Владимир Петрович (1885–1940). Уроженец Волыни. Окончил пехотное юнкерское училище, служил в пехотном полку, затем окончил Николаевскую Академию ГШ РИА. В годы 1-й мировой войны С. на штабных должностях, полковник РИА. Осенью 1917 г. принял участие в украинизации частей Западного фронта. В январе 1918 г. комендант Киева, командовал войсками при подавлении большевистского восстания. При гетмане — начальник штаба 1-й Сердюцкой дивизии, в ноябре перешел на сторону Директории. С января 1919 г. комендант Киева, затем начальник Главного управления ГШ Армии УНР. Командующий Армией УНР. С 1922 по 1940 г. военный министр украинского правительства в эмиграции, установил дружеские отношения с польскими властями. Стараниями С. была достигнута договоренность о приеме украинских офицеров в польские высшие военноучебные заведения. Жил в Варшаве. Автор ряда военно-исторических статей.

Самчук Влас Алексеевич (1905–1987) — украинский писатель. Уроженец Ровенщины, окончил гимназию в Кременце, продолжил обучение в университете в Бреслау, затем в Украинском вольном университете в Праге. Первые свои произведения опубликовал в 1926 г. в варшавском украинском журнале «Наша беседа». Сотрудничал с рядом украинских периодических изданий. В 1941–1943 гг. редактор газеты «Волынь», что издавалась в Ровно. Позднее немцы арестовали С. за его антинемецкие статьи, публиковавшиеся им в газете «Земля и влада»

(Волынь). В 1944–1948 гг. жил в Германии. Осенью 1945 г. совместно с другими украинскими литераторами выступил инициатором создания литературно-художественного объединения украинских писателей в эмиграции. В 1948 г. переехал на жительство в Канаду, здесь же написал свое главное творение — романэпопею «Волынь». Автор ряда романов. Скончался в Торонто.

Сеник Омелян (псевдонимы Грибовский или Грибинский, Канцлер) (1891—?). Уроженец Галичины. В начале 1-й мировой войны служил в Австрийской армии, затем — сотник УГА. С 1921 г. член УВО, входил в состав ее Главной и Краевой команд. В 1928–1929 гг. — комендант УВО. Некоторое время редактировал журнал УВО «Сурма». С 1927 г. член Провода УН. В 1929 г. делегат Первого конгресса УН в Вене. В 30-х гг. член Высшего Провода ОУН. В организации отвечал за оргработу. В 1930 г. был в поездках в США, Канаде, Аргентине, Бразилии. В 1934 г. чешская полиция захватила архив С. и часть информации передала польским властям, что послужило причиной провалов подпольной сети ОУН и ряда процессов против оуновцев. С. был обвинен в измене, однако трибунал ОУН это не утвердил. После смерти Е. Коновальца С. фактически возглавил ОУН-УВО и активно влиял на А. Мельника. Председательствовал на 2-м Великом сборе ОУН в Риме. В начале войны 1941–1945 гг. С. был назначен руководителем главной ПГ ОУН (М), которой поручалось достичь Киева и провозгласить независимость Украины. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945). Родился в Висбадене. Окончил Пажеский корпус в Петербурге, служил в Кавалергардском полку. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В годы 1-й мировой войны командир 5-й конной бригады, 1-й гвардейской конной дивизии, 34-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант Русской армии. В 1917 году украинизировал 40-тысячный 34-й корпус. В декабре того же года подал в отставку, выразив протест против пассивной политики Центральной Рады в вопросе создания регулярной Украинской армии. В 1918 году после переворота стал гетманом Украинской державы. В декабре 1918 года эмигрировал в Германию. Основатель Украинского научного института в Берлине.

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — уроженец Гродненской губ., из семьи мелкого чиновника. Окончил Виленскую гимназию. Будучи

гимназистом, был корреспондентом газеты «Северо-Западная жизнь». Один из организаторов витебского отдела спортивной молодежной организации «Сокол». Спортсмен. До Первой мировой войны поступил на юридический факультет Петроградского университета. С началом войны сотрудник газеты «Новое время». В 1916 г. призван в лейб-гвардии Кексгольмский полк. С началом Февральской революции возглавляет отдел милиции. Во время т. н. «корниловского мятежа» — при атамане А. И. Дутове в качестве представителя спортивного студенчества. С установлением Советской власти С. вместе с братом уезжают на Юг, в Киев. Сотрудничают с белой разведслужбой. Средний брат Всеволод погиб в армии П. Н. Врангеля. За границу братья С. эвакуироваться вместе с Белой армией не смогли из-за вспышки тифа. До 1926 г. И. Солоневич — работник советских профсоюзов. С 1926 г. в Москве инспектор ВЦСПС по физкультуре и спорту. В 1932 г. вместе с братом Борисом И. С. предпринимает первую, неудачную попытку побега из СССР через границу. В 1933 г. предпринимает вторую попытку побега, но их (братьев Бориса и Ивана Солоневичей, сына И. С. Юрия) арестовывают органы ГПУ. Приговорены к 8 годам лагерей. 14 августа 1934 года И. С. с сыном Юрием бегут из Свирского лагеря, Борис Солоневич также совершает побег, на 2 дня раньше. В Финляндии И. С. пишет и издает книгу «Россия в концлагере», впоследствии переизданную на многих языках. В течение 2 лет братья работают грузчиками в Гельсингфорсском порту. С 1936 г. И. С. на деньги, вырученные за многотысячные тиражи своей книги, издает в Софии газету «Голос России». Являлся организатором и идеологом «Народно-монархического движения», более известного как «Движение штабс-капитанов». В 1938 г. пережил покушение (взрыв бомбы в почтовой посылке), от которого погибли его супруга и секретарь редакции. Весной 1938 г. И. С. переезжает из Болгарии в Германию, одновременно организуя в Болгарии издание газеты «Наша газета» (выходила в свет до 1940 г.). В 1940 г. сотрудничает с финским Генштабом. В Германии сослан в г. Темпельбург, где, бедствуя, живет все годы Второй мировой войны. После войны проживает с семьей в бедности в английской зоне. В 1948 г. переехал в Аргентину, где с сентября того же года начинает выходить в свет его газета «Наша страна». По доносу недоброжелателей выслан из страны и оседает в Уругвае. Скончался от рака желудка в госпитале в Монтевидео 24 апреля 1953 г. Автор ряда трудов по идеологии монархизма, многочисленных статей, эссе и одного романа. Обладал талантом яркого полемиста, в связи с чем имел многочисленных противников. Основанная И. Солоневичем газета «Наша страна» выходит в свет в Буэнос-Айресе и в

настоящее время. Ряд трудов и сборников работ И. С. переиздан в России.

Солтыс Михаил (псевдоним — Черкас) (1918–1944?). Уроженец Волынской обл. Учился в Луцкой гимназии, в 1936–1938 гг. — в школе в Стрые. Член ОУН с 1938 г. В 1938–1939 гг. работал в кооперативе в Полесье. В начале 1939 г. арестован польскими властями за принадлежность к ОУН. В сентябре того же года бежал и перебрался в Берлин. После раскола ОУН — на стороне А. Мельника. В июне 1941 г. в составе ПГ ОУН (М). С 1942 г. член Волынской КЭ ОУН (М). В конце 1942 г. организовал отряд в окрестностях Луцка. В августе 1943 г. провел переговоры с шефом полиции Волыни и Подолья д-ром Пютцем и в соответствии с достигнутыми между ними договоренностями создал УЛС, возглавил его штаб. Летом 1944 г. С. выступил с инициативой подписания договора с АК о взаимном нейтралитете. Арестован гестапо за отказ направить УЛС на подавление Варшавского восстания 1944 г. и за контакты с поляками. Дальнейшая судьба неизвестна.

Старосольский Владимир (1878–1942). Род. в г. Ярославе. Получил юридическое образование в Львовском, Берлинском и Гейдельбергском университетах. С 1903 г. доктор права Венского университета, с сентября 1939 г. профессор Львовского университета. Автор ряда работ по теории государства и права, этнополитологии, социологии. С 1900 г. один из руководителей Украинской социал-демократической партии. В 1933 г. избран ее председателем. Выступал адвокатом на процессах против боевиков УВО-ОУН. В декабре 1939 г. депортирован из Галиции. Умер в ссылке в г. Мариинске.

Стецко Ярослав (1912–1986) один из руководителей ОУН. Из семьи униатского священника, учился в Краковском и Львовском университетах. С 1929 г. член ОУН и УВО. С 1932 г. член К. Э ОУН, участвовал в организации и проведении терактов против польских властей в 1933–1934 гг. В 1936 г. осужден польским судом на 5 лет тюремного заключения. В 1937 г. освобожден и выехал в Германию, затем в Италию. Сотрудничал с абвером и итальянской разведслужбой. С 1939 г. принял сторону С. Бандеры и в феврале 1941 г. создал Краковский провод ОУН. В апреле 1940 г. избран заместителем С. Бандеры. 30 июня 1941 г. от имени ОУН провозгласил создание Украинской державы и огласил декрет Бандеры о назначении себя председателем краевого правления. 9 июля 1941 г. арестован гестапо вместе со всеми оуновцами, входящими в новое

украинское «правительство», перевезен в Берлин и 14 июля освобожден под подписку о невыезде. В сентябре вновь арестован и помещен в спецблок концлагеря Заксенхаузен. Освобожден осенью 1944 г. После войны в Мюнхене работает в тесном контакте со спецслужбами США, ФРГ и Великобритании. В 1946 г. по инициативе С. создан Антибольшевистский блок народов (АБН) и С. стал его президентом.

Ступницкий Леонид (псевдоним — Гончаренко) (1892–1944). Уроженец Житомирской обл., из крестьян. Окончил гимназию в Сквире и агрономический факультет Киевского университета. Во время 1-й мировой войны — штабс-ротмистр РИА. В 1917–1921 гг. — подполковник Армии УНР, с 1920 г. — командир полка в Волынской дивизии. Во время второго Зимнего похода Армии УНР командовал конной группой, которая заняла Коростень. В межвоенный период жил на Волыни, работал агрономом на сахарозаводе. В 1940 г. во время перехода границы был арестован, осужден на 5 лет заключения. В июне 1941 г. освобожден из тюрьмы. Служил в штабе Полесской Сечи, затем начальником курсов украинской милиции в Ровно. С 1943 г. С. вместе с сыном Юрием в УПА. По информации некоторых украинских источников, был мобилизован насильно. С мая 1943 г. начальник штаба ВО «Заграва», организатор унтер-офицерских и офицерских школ УПА, затем начальник штаба УПА-Север. В августе — декабре 1943 г. С. возглавлял отряды УПА на Северо-Западе Украины. Убит в бою близ с. Дермань Волынской обл. Посмертно С. присвоено звание генерал-хорунжего УПА.

Сушко Роман (1894–1944). Уроженец Львовщины. В годы 1-й мировой войны поручик 2-й сотни 1-го полка УСС. В 1916–1917 гг. — в российском плену, один из организаторов формирований сечевых стрелцов в Киеве. В 1918–1919 гг. командир 1-й сотни 1-го куреня 1-го полка сечевых стрелцов. Затем на командноштабных должностях в армии УНР. Один из организаторов УВО. В 1927–1930 гг. комендант УВО, один из организаторов ОУН. В 30-х гг. в эмиграции в Австрии. В конце 1939 года жил в Кракове. Являлся одним из резидентов и «специалистов по украинскому вопросу» в абвере. Возглавлял т. н. «Украинское представительство». В 1939 г. сформировал т. н. «Легион Р. Сушко» (Бергбауэрнхильфе). С апреля 1940 г. — краевой руководитель ОУН (М) на Западной Украине. В период раскола ОУН старался наладить контакты с бандеровцами, но отказался выходить из подчинения А. Мельника. С лета 1941 года в Львове. В течение 1942–1943 гг. активно старался наладить

сотрудничество с немецким командованием и ОУН (Б), разработал план создания в Карпатах фортификационной линии, был одним из инициаторов создания дивизии СС «Галичина». По некоторым свидетельствам, хотел уйти в УПА. В конце 1943 г. С. начал формировать «Легион смерти», с которым намеревался пойти в поход по советским тылам. Убит 12.01.1944 в Львове бандеровцами.

Сциборский Николай (он же Рокот, Огаиский, Житомирский) — один из руководителей ОУН. По происхождению — поляк. В составе РИА участвовал в 1-й мировой войне, капитан. С 1917 г. в Украинской армии, полковник Армии УНР. После поражения Петлюры — в эмиграции в Чехословакии, затем во Франции. В начале 1920 г. основал Лигу украинских националистов, с 1927 г. член Провода украинских националистов (ПУН). В 1928–1934 гг. руководил изданием центрального органа ПУН журнада «Пробуждение нации», ведущий теоретик ПУН, затем 1-й заместитель руководителя ПУН. Автор ряда теоретических работ. В 1939 г. по поручению А. Мельника написал проект украинской конституции. В 1941 г. убит.

Тарнавский Мирон (1869–1938). Уроженец Галичины, из семьи священника-униата. Окончил немецкую гимназию в Бродах. Призван на службу в Австрийскую армию, окончил офицерскую школу в Львове. После окончания офицерских курсов в Вене получил звание лейтенанта. Службу проходил в гарнизонах Галичины. В 1899 г. окончил офицерскую школу в Вене. С 1909 г. капитан, командир роты 35-го Золочевского полка. С началом 1-й мировой войны на фронте. Летом-осенью 1914 г. на передовой линии. В январе 1916 г. назначен командиром «вишкила» Легиона УСС. Весной 1917 г. Т. — командир батальона 35-го Золочевского полка. Награжден Железным крестом. В июле 1917 г. назначен командиром Легиона УСС, осенью — командиром 16-го пехотного полка. С февраля 1919 г. — в УГА, командир 2-го Осадного корпуса. Участник антипольских боевых действий, штабист. С июля 1919 г. командир УГА в составе Армии УНР. В ноябре 1919 г. как командующий армией, попавшей в катастрофическое положение, заключил договор о перемирии с командующим Добрармией ген. А. И. Деникиным, за что был смещен с должности и отдан под суд полевого трибунала. В 1920 г. вернулся в Галичину, где был арестован польскими властями. После демобилизации в 1921 г. вернулся в Золочев, поддерживал связь с украинскими ветеранскими организациями. Скончался в львовском военном госпитале.

Тимчий Владимир (наст. фамилия Лопатинский) (1913–1940). Уроженец Галичины. Окончил гимназию в г. Стрые, учился на философском факультете Львовского университета, с 1930 г. в ОУН. С 1932 г. член Стрыйской районной экзекутивы ОУН. В 1933, 1938–1939 гг. арестовывался польскими властями, был в заключении. В 1935 и 1938 гг. узник Картуз-Березовского концлагеря. С 1939 г. оргреферент КЭ ОУН, с июня краевой руководитель ОУН. С осени 1939 г. предпринял действия по созданию сети ОУН в УССР. С 1940 г. на стороне С. Бандеры. Краевой руководитель ОУН на Западной Украине. Погиб при переходе советской границы.

Тисо Йозеф (1887–1947) — словацкий политический деятель. Из семьи юриста. В 1910 г. рукоположен в сан Римско-католической церкви. Изучал теологию в Вене. В 1914–1915 гг. — доцент, в 1915–1918 гг. — профессор теологии. В 1910 г. примкнул к словацкому сепаратистскому движению. В 1919 г. вступил в Словацкую Национальную партию (СНП). В 1921–1924 гг. — епископ, профессор теологии Высшей богословской школы в Нитре. В 1925–1938 гг. депутат чехословацкого парламента от СНП, в 1927–1929 гг. — министр здравоохранения. После смерти лидера СНП А. Глинки возглавил СНП, ставившую своей целью отделение Словакии от Чехословакии, с 1939 г. — председатель СНП. Наладил тесные контакты с итальянскими правительственными кругами, позднее поменял своих итальянских покровителей на немцев. В 1938 г. под давлением Германии Словакия получила широкую автономию, а Т. — пост чехословацкого министра по делам Словакии. 7 октября 1938 г. — премьер-министр и министр внутренних дел Словакии. В марте 1939 г., после оккупации Чехословакии Германией, провозгласил создание независимой Словакии под опекой рейха. Возглавил правительство Словакии и МВД. Способствовал скорейшему заключению договора о военной помощи с Германией. В марте 1939 г. Словакия присоединилась к Тройственному союзу. В 1944 г. Т. фактически отстранен от власти, после вступления советских войск бежал в Австрию. В 1945 г. арестован в Германии и передан властям Чехословакии. В 1947 г. приговорен судом к смертной казни. Повешен.

Уиберрайтер Зигфрид (1908–1984) — партийный деятель, обергруппенфюрер СА. Образование получил в Высшем реальном училище в Зальцбурге. С 1930 г. секретарь, затем директор-секретарь Штирийской

больничной кассы. С 1931 г. член СА. В 1933 г. получил звание доктора права. С 1938 по 1945 г. гауляйтер Штирии (Штейнмарка). С 1938 г. член НСДАП. С сентября 1939 г. — имперский комиссар обороны XVIII военного округа, с 15 марта 1940 г. — имперский наместник Штирии. В апреле 1940 г. У. воевал добровольцем в составе горнострелковых частей в Норвегии. Арестован в мае 1945 г., но вскоре был освобожден, эмигрировал в Аргентину.

Ульрих Карл Адольф (1910–1996) один из командиров войск СС, оберфюрер СС. Член НСДАП и СС с начала 30-х гг. Участник Польской и Французской кампаний в составе дивизии СС «Тотенкопф», командовал саперным батальоном дивизии. Кавалер Рыцарского Железного креста. С 1943 г. командовал 5-й танковой дивизией СС «Викинг». В мае 1945 г. остатки дивизии отошли в Австрию, где сдались войскам союзников.

Франко Петр (1890–1941) — сын известного украинского поэта Ивана Франко. Уроженец Галичины, выпускник Львовского политехнического института, член НТШ. Один из основателей и организаторов украинской молодежной организации «Пласт», активный член сокольского движения. В 1911–1914 гг. учитель физкультуры в львовской гимназии. Командир сотни Легиона УСС, затем сотник и референт авиации в УГА, полковник авиации Армии УНР. С 1922 до 1930 г. учитель гимназии в Коломые. В 1931–1936 гг. старший научный сотрудник в НИИ прикладной химии в Харькове, автор 36 изобретений. С 1936 по 1939 гг. преподает в гимназиях Львова и Яворова. В 1939–1941 гг. декан товароведческого факультета Украинского государственного института советской торговли в Львове. В 1940 г. Ф. был избран депутатом Верховного Совета УССР.

Хауффе Артур (1891–1944) — генерал от инфантерии. Летом 1912 г. поступил на службу в армию. В 1913 г. произведен в лейтенанты. Участник 1-й мировой войны. После демобилизации оставлен на службе в рейхсвере. Прошел подготовку офицера Генштаба. С 1937 по 1940 г. на штабных должностях. Участник Французской кампании. В июне 1941 г. возглавил штаб германской военной миссии в Румынии. В июле 1943 г. принял командование 46-й пехотной дивизией, действовавшей на Кубани. В марте дивизия понесла тяжелые потери и в апреле была отведена в Запорожье, в мае вновь брошена на фронт в районе Изюма. В сентябре 1943 г. Х. назначен командиром XII АК 4-й ТА группы армий «Юг». Участвовал в боях в районе Киева, Житомира, Винницы и Ковеля. Погиб в бою.

Хефле Герман (1898–1947) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал полиции. Участник 1-й мировой войны. В 1919–1920 гг. член Добровольческого корпуса. После демобилизации оставлен в рейхсвере. В июле 1934 г. вышел в отставку в чине майора. Близкий друг Э. Рема. В августе 1934 г. вступил в НСКК, штандартенфюрер НСКК. Занимал руководящие посты в НСКК. В июле 1943 г. Х. переведен из НСКК в СС с чином группенфюрера и генерал-лейтенанта полиции. С сентября 1943-го по октябрь 1944 г. высший руководитель СС и полиции «Центр». В сентябре 1944 г. назначен высшим руководителем СС и полиции в Словакии. После войны выдан властям Чехословакии. Приговорен к смертной казни, умер в тюрьме.

Чайковский Михаил (Садык-паша) (1804–1886) — авантюрист, писатель, представитель т. н. «украинской школы» в польской литературе. Уроженец Житомирщины, из семьи польского шляхтича. Учился в Бердичеве, Межиричах и Варшаве. Участник польского восстания 1830–1831 гг., после его поражения эмигрировал во Францию. Автор ряда повестей и романов. Сотрудничал с польским эмигрантским лидером, монархистом А. Чарторыйским — инициатором антирусского сепаратизма. С 1841 г. активно действовал в Турции против России. В 1844 году Ч. выступил инициатором создания в Добрудже специальной военно-пропагандистской базы для организации восстания на Украине. Принял турецкое подданство и перешел в ислам. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. организовал казачий полк, с которым воевал в составе турецкой армии. Во главе полка Ч. планировал вступить на Украину и поднять там восстание, воссоздать гетманщину. С крахом его планов в 1873 году Ч. покаялся перед императором Александром II, вернулся на Украину, перешел в православие. Окончил жизнь самоубийством.

Чикаленко Евгений Харламович (он же Харлампиев) (1861–1929). Уроженец Херсонщины, учился на природном факультете Харьковского университета. В 1884 г. был арестован полицией и выслан на 5 лет в родное село под надзор полиции. В 1894 г. прибыл в Одессу, в 1900 — в Киев. В 1897 г. начал издание многотомного труда «Рассказы о сельском хозяйстве». С 1900 г. член «Старой громады» — украинской беспартийной демократической организации. С 1904 г. член Украинской демократическо-радикальной партии. В 1908 г. один из основателей ТУП. Вместе с В. Семеренко и Л. Жебуневым финансировал украинские периодические

издания, выделил 25 тысяч рублей на строительство «Академического дома» в Львове. В годы 1-й мировой войны скрывался от преследования правоохранительных органов империи. В 1917 г. член УЦР от Союза украинских автономистов-федералистов. После установления советской власти в 1919 г. эмигрировал в Галичину. В начале 1920 г. встречался с С. Петлюрой, который помог ему выехать в Чехословакию, затем в Австрию. Жил на скромные средства, выделяемые Украинским общественным комитетом. После того как помощь прекратилась, в 1925 г. выехал в Чехословакию, где работал при Украинской сельскохозяйственной академии в Подебрадах. Скончался после тяжелой болезни.

Чмола Иван (1892 —?). Один из организаторов сечевых и сокол ьских организаций в Галичине. Старшина Легиона УСС. Один из организаторов киевских формирований сечевых стрельцов, член Стрелецкой рады. В 1917–1919 гг. командир 2-й сотни Галицко-Буковинского куреня сечевых стрельцов, затем на командных должностях. После войны преподавал в Галичине. В 1939 г. арестован органами госбезопасности. Дальнейшая судьба неизвестна.

Шанконский Лев (он же Дзвин, он же Мартович) (1903— 1995). Уроженец Львовщины, член «Пласта» в Стрые. В 1917–1921 гг. служил в УГА и Армии УНР. В 1919–1920 гг. принимал участие в I-м Зимнем походе Армии УНР. В 1920–1930 гг. учился в Львове и Варшаве, затем работал в школах. В годы 2-й мировой войны участник антисоветского движения. С 1943 г. в УПА, в 1944 г. принял участие учредительном собрании УГВР, член ее делегации на переговорах с командованием Румынской армии. В послевоенные годы член заграничного представительства УГВР в Германии и США, с середины 50-х проживал в Филадельфии (США). Автор ряда работ по истории ОУН-УПА и Украинской армии.

Шенгардт Карл Эберхард (1903–1946) — один из руководителей СД и полиции безопасности, бригадефюрер СС и генерал-майор полиции. В 1920 г. участвовал в Капповском путче. В 1922 г. вступил в НСДАП и СА, но в том же году вышел из партии. С 1924 г. на службе в рейхсвере. Получил юридическое образование и звание доктора права, профессор Лейбницкого университета, с июня 1932 г. помощник судьи. В марте 1933 г. вновь вступил в НСДАП. С ноября 1933 г. сотрудник почт-дирекции в Эрфурте. В ноябре 1935 г. приступил к работе в пресс-службе гестапо, позднее возглавил реферат по религиозным вопросам. В мае 1936 г. Ш.

назначен начальником гестапо в Амсберге, затем в Билефельде. С января 1941 г. — начальник полиции безопасности и СД в Генерал-губернаторстве. Один из главных организаторов террора в оккупированной Польше. Одновременно с 3 июля по 11 августа 1941 г. Ш. возглавлял айнзацгруппу особого назначения, действовавшую в Галиции. Участник Ваннзейского совещания. В июле 1943 г. переведен в 4-ю полицейскую моторизованную дивизию СС в Греции. В июле 1944 г. Ш. назначен командующим полицией безопасности и СД в Нидерландах. В марте 1945 г. после покушения на Г. Рюйтера отдал приказ о расстреле 250 заложников. После капитуляции Германии арестован британскими войсками, казнен по приговору британского военного трибунала.

Шернер Фердинанд (1892–1973) — генерал-фельдмаршал. Из семьи потомственных военных. Участник 1-й мировой войны, член Добровольческого корпуса. Симпатизировал нацистам, принял участие в подавлении «пивного путча». С 1924 г. примкнул к нацистам. Участник Польской, Французской, Бельгийской, Греческой кампаний. Командовал различными армейскими формированиями на Восточном фронте. С конца июля 1944 г. командующий группой армий «Север», с 17.01.45 командующий группой армий «Центр». Согласно приказу Гитлера Шернер был должен заменить его в случае смерти на посту главкома. С 30 апреля 1945 г. фактический главком Сухопутных войск. 18 мая 1945 г. арестован американцами. Выдан в СССР, содержался в Бутырской, Лефортовской, Владимирской тюрьмах, приговорен к 25 годам заключения в лагерях. В 1955 г. передан властям ФРГ.

Шикедмц Арно (1892–1945) — партийный и административный деятель. Учился в Рижском университете, входил в состав студенческого союза, где познакомился с А. Розенбергом. После революции 1917 г. в России выехал в Германию. Сотрудничал с обществом «Возрождение» и газетой «Фелькише беобахтер». Специалист по «русскому вопросу». Участник «пивного путча». В 1933 г. назначен начальником штаба Внешнеполитического управления НСДАП, один из ближайших сотрудников А. Розенберга. Автор «теоретического труда» «Сионизм». После создания Восточного министерства был назначен на пост имперского комиссара Кавказа, но в должность не вступил. После вступления советских войск в Германию покончил жизнь самоубийством вместе с семьей.

Шиманна Вальтер (1898–1948) — один из руководителей оккупационного режима, группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции. Окончил австрийский кадетский корпус, участник 1-й мировой войны, лейтенант. В НСДАП с 1926 г. Штандартенфюрер СА. В 1934 г. переведен в шутцполицию, капитан. В 1939 г. вступил в СС. С 1941 г. на Восточном фронте. В сентябре 1941 г. назначен «виртуальным» командующим СС и полиции в Саратове. С ноября 1941 г. руководитель СС и полиции при высшем руководителе СС и полиции Центральной России, одновременно командир полицейского полка «Центр». С июля 1942 г. руководитель СС и полиции в Белоруссии и комендант Минска. С 15 июля 1943 г. возглавил формирование 14-й дивизии войск СС «Галиция», одновременно возглавлял боевую группу «Шиманна», воевавшую с партизанами между Минском и Борисовом. В октябре 1943 г. назначен высшим руководителем СС и полиции в Греции. В мае 1945 г. сдался американским войскам. В тюрьме покончил жизнь самоубийством.

Штольце Эрвин (1891 — после 1947) — один из руководителей немецкой военной разведки, полковник. Участник 1-й мировой войны, демобилизован в 1919 г. Служил продавцом канцтоваров, затем в магистратуре Шарлоттенбурга. В апреле 1923 г. на службе в рейхсвере (армейская разведслужба). Специализация — страны Восточной Европы. С 1936 г. в отделе абвер II (диверсионный), заместитель начальника отдела. Руководил созданием националистических «пятых колонн» в СССР. В феврале 1944 г. назначен начальником диверсионного сектора Военного управления РСХА. С сентября 1944 г. начальник берлинского района сбора донесений. После капитуляции Германии пытался создать подпольную организацию сопротивления, однако в мае 1945 г. был арестован. Осужден в СССР за военные преступления.

Штрахвиц фон Гросс Цаухе унд Камменец Гиацинт (1893–1968) — граф, генерал-лейтенант, штандартенфюрер СС. Из семьи потомственных военных. В 1912 г. поступил фаненюнкером в Гвардейский корпус, в 1914 г. лейтенант гвардии. Участник 1-й мировой войны, в сентябре 1914 г. пленен французами, был приговорен к смертной казни, но затем приговор отменили. В 1921–1922 гг. член Добровольческих корпусов, участник военных действий против поляков в Силезии. В 20-х гг. ротмистр резерва, с 1935 г. в танковых войсках. Член НСДАП и СС. Участник Польской, Французской и Югославской кампаний. С июня 1941 г. — на Восточном фронте. Отличался большой личной храбростью и решительностью.

Отличился в боях на Дону и Волге, где в районе Калача его батальон в течение 48 часов уничтожил 270 советских танков. Зимой 1942–43 гг. сражался под Сталинградом. С января 1943 г. командир элитного полка вермахта «Великая Германия». Его имя было упомянуто в протоколах допросов заговорщиков против Гитлера, однако никаких мер в отношении Ш. не последовало. В сентябре 1944 года, обладая лишь 10 танками, с боем занял город Туккум, чем предотвратил крах всей группы армий «Север». В ноябре назначен командующим всеми танковыми соединениями группа армий «Север». В конце войны руководил созданием противотанковых подразделений в Силезии. В мае 1945 г. взят в плен американцами, в 1948 г. освобожден, служил консультантом правительства Сирии. В октябре 1951 г. вернулся в Германию. Во время войны потерял двух сыновей.

Шухевич Степан (1877–1945). Уроженец Западной Украины, из семьи священника. Окончил Академическую гимназию в Львове, затем юридический факультет Львовского университета. С началом 1-й мировой войны принял участие в создании Легиона УСС. В 1914–1916 гг. на ряде командных постов в Легионе, затем в УГА. Комендант Одессы в 1918 г. После войны адвокат. В 1921–1925 гг. профессор уголовного права в Львовском университете, выступал в качестве защитника на ряде процессов против украинских террористов, организованных властями Польши. Был одним из инициаторов создания и главой надзирательного совета издательства «Червона калина», издававшего литературу по истории Гражданской войны. В начале 2-й мировой войны переехал в Краков, где имел адвокатскую практику. Скончался в г. Амберге (Германия) в 1945 г. Автор ряда мемуаров и работ по истории антипольского движения в Галичине.

Яри Рихард Франц Марьян (Ярый, Ярыга, он же Карпат, он же Рико Яри) (1898–1969) 197 один из высших функционеров ОУН. Уроженец Австрии, по информации украинского публициста П. Чемериса, происходил из семьи венгерских евреев-выкрестов, был женат на Р. Шпигельфогель. В 1912 г. окончил Военную академию в Вене. В годы 1-й мировой войны 1914–1918 гг. поручик 9-го драгунского полка Австрийской армии. В 1918 г. перешел на сторону УГА, в составе которой командовал саперной ротой, затем 2-м конным полком. С 1919 г. воевал в составе 5-го Херсонского полка Армии УНР. В 1920 г.: в составе полка Я. интернирован на территории Чехословакии, пребывал в лагере в Ужгороде. В 1921–1929 гг. активный член УВО, один из ближайших сподвижников Е.

Коновальца. В 20-е годы руководил разведкурсами УВО, созданными при абвере. В январе 1929 г. участвовал в работе 1-го Конгресса украинских националистов в Вене, на котором было провозглашено создание ОУН. В 1932–1933 гг. неоднократно встречался с шефом СА Э. Ремом. В 1937–1938 гг. являлся офицером связи между Е. Коновальцем и шефом абвера адмиралом В. Канарисом. Резидент абвера, агент ряда спецслужб, был инициатором проведения переговоров между Е. Коновальцем и японским военным атташе. По мнению ряда историков Я. был одним из инициаторов предвоенного раскола ОУН. После раскола — в ОУЙ (Б). В ноябре 1940 г. наладил связь между Бандерой и абвером, возглавил Венское бюро ОУН (Б), по инициативе которого в 1941 г. был создан батальон (ДУН) «Роланд». После провозглашения Акта воссоздания Украинской державы назначен послом в Японии. В 1942 г. проживал в Бессарабии, выступал против УПА в оккупационной прессе. В конце 1943 г. арестован гестапо, помещен в концлагерь. После войны проживал в Австрии в советском оккупационном секторе, что дает основание предполагать о его сотрудничестве с органами госбезопасности СССР. В послевоенные годы полностью отошел от активной политической деятельности.

АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ

- АБН — Антибольшевистский блок народов
АГ — Абвергруппа
АК — Армия Крайова
АК — Абверкоманда
АН — Академия наук
АНСТ — Абвернебенштелле
АСТ — Абверштелле
ББХ — Бергбауэрнхильфе (легион)
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
БУ — Боевая управа
ВВС — Военно-воздушные силы
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВО — Военная организация
ВС КО НР — Вооруженные силы Комитета освобождения народов России
ВУ — Военная управа вуз — Высшее учебное заведение
ВУР — Всеукраинская рада
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГГ — Генерал-губернаторство
ГПУ — Государственное политическое управление
ГРУ — Главное разведывательное управление
ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
ГК — Головная команда
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ГУР (ГУС) — Головная украинская Рада (Главный украинский Совет)
ГУ УСС — Главное управление украинских сечевых стрельцов
ГУ — Головная управа (Главное управление)
ГШ — Генеральный штаб
ДП — Дегтярев пехотный (ручной пулемет)
ДУН — Дружины украинских националистов
ЗУНР — Западно-Украинская Народная Республика
КП(б)У — Коммунистическая партия большевиков Украины
КПЗБ — Коммунистическая партия Западной Белоруссии
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КЭ — Краевая экзекутива

ЛитССР — Литовская Советская Социалистическая Республика
ЛКСМУ — Ленинский Коммунистический Союз Молодежи Украины
ЛатвССР — Латвийская Советская Социалистическая Республика
МИД — Министерство иностранных дел
МолдССР — Молдавская Советская Социалистическая Республика
НГХ — Независимое Государство Хорватское НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии
НСКК — Национал-социалистический транспортный корпус
НТСНП — Народно-Трудовой союз нового поколения
НТШ — Научное товарищество им. Шевченко
ОД — Служба порядка
ОКВ — Высшее командование вермахта
ОКХ — Высшее командование Сухопутных сил
ОНОКС — Организация национальной обороны Карпатской Сечи
ОРПО — (Орднунгсполицай) — Полиция порядка ОУН (Б) — Организация украинских националистов (Бандеры) ОУН (М) — Организация украинских националистов (Мельника)
ОУН (Б-Б) — Организация украинских националистов (Бульбы-Боровца)
ПГ — Походная группа (ОУН)
ПВО — Противовоздушная оборона
ПЛК — Полесское лозовое казачество
ПС — Полесская Сечь
ППШ — Пистолет-пулемет Шпагина
ПТО — Противотанковая оборона
ПУН Провод украинских националистов
РАД — Рабочая служба Родине (Рейхсарбайтсдинст)
РДШ — Разведывательно-диверсионная школа
РИА — Русская Императорская армия
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РНС — Русский национальный Совет
РОА — Русская освободительная армия
РОВС — Русский общевоинский союз
РОНД — Русское общенациональное народное движение
РП ОУН — Революционный провод ОУН
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
РСХА — Главное управление имперской безопасности
РУ — Разведывательное управление

СА — (Штурмабтайлюнген) — Штурмовые отряды
САСШ (США) — Северо-Американские Соединенные Штаты
СБ — Служба безпеки (безопасности)
СВУ (СОУ) — Спилка вызволення України (Союз освобождения Украины)
СД — Служба безопасности
СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения
СНК — Совет Народных Комиссаров
СНП — Словацкая Национальная партия
СНП — Судетская Немецкая партия
СС — Охранные отряды
СССР — Союз Советских Социалистических Республик США — Соединенные Штаты Америки
ТА — Танковая армия
ТК — Танковый корпус
ТУП — Товарищество украинских прогрессистов
УБУ — Украинская Боевая управа
УВВ — Украинское вызвольное войско (Украинская освободительная армия)
УВО — Украинская военная организация
УГА — Украинская Галицийская армия
УГВР — Украинская головная вызвольная рада
УГБ — Управление государственной безопасности
УД — Украинская дивизия
УЛС — Украинский Легион самообороны
УНА — Украинская национальная армия
УНА-УНСО — Украинская национальная ассамблея — Украинская национальная самооборона
УНАКОР — Украинский национальный казачий рух
УНДП — Украинская национал-демократическая партия
УНРА — Украинская национал-революционная армия
УНС — Украинский национальный Совет
УНР — Украинская Народная Республика
УПА — Украинская повстанческая армия
УПА (Б-Б) — Украинская повстанческая армия Бульбы-Боровца
УПВ — Управление пограничных войск
УСДРП — Украинская социал-демократическая рабочая партия
УССД — Украинская Самостийная Соборная Держава
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
УСС — Украинские сечевые стрельцы
УЦК — Украинский Центральный комитет
УЦР — Украинская Центральная рада

ФЛАК -7 — Орудия противовоздушной обороны
ФУР — Фронт украинской революции
ХКП — Хорватская крестьянская партия
ЦБУ — Центральная Боевая управа
ЦК — Центральный комитет
ЦБФ — Цур безондерен Ферфюгунг — подразделение специального назначения ЭССР — Эстонская Советская Социалистическая Республика

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адаменко Д. Украинцы в Австро-Венгерской армии 1914–1918 На <http://www.austro-hungary.iatp.org.ua/army/>

Альтман И. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории 1938–1945 На <http://ll.ort.spb.ru/library/to-rah/shoa/>

Арсенич П. Родина Шухевичів. Коломия: Вік, 1995.

Баган О. Націоналізм і націоналістичний рух. Дрогобич: Відродження, 1994.

Балега Ю. Семінарист із Красного поля// Карпатская Сечь. Материалы научно-практической конференции, посвященной 56-й годовщине Карпатской Сечи (на укр. яз.). Ужгород: МПП «Гражда», 1996.

Бедрий А. Українська Держава відновлена Актом 30 червня 1941 р. Київ, 2001.

Боляновський А. Дівізія «Галичина». Історія, Львів, 2000.

Борець Ю. З найкращими. Київ: Наукова думка, 1992.

Броди. Збірник статей і нарисів. Нью-Йорк: Братство кол. Вояків Першої УД У НА, 1974.

Бульба-Боровец Т. Історія Української Повстанчої Армії На <http://www.mondenet.com/~litopys/documents>

Он же. Армія без держави. Товариство «Волинь», Винніпег (Канада), 1981.

Буртик И. Тернистый шлях другої дивізії УНА. Нью-Йорк: Об'єднання Вояків і Приятелів Другої дивізії УНА, 1994.

Бухало Г. Син землі поліської//Волинь, 7–21 березня, 2003 року, № 10–12.

Ванцак Б. С., Козюра В. М. Рідний край. Лубны, 1993.

Веденеев Д., Шевченко С. Темная личность// Київській Телеграфъ, № 63.

Веденеев Д., Егоров В. Меч і тризуб. Нотатки до історії служби безпеки Організації Українських Націоналістів, ч. 3//Официальный сайт СБУ.

Верига В. Б. Дорогами Другой світової війни. Торонто, НТШ, 1981.

Он же. Буковинський курінь 1941// Сб-к «На зов Києва». Київ: Дніпро.

Он же. Під сонцем Італії. 1984.

Вейгман С. Батальон «Нахтигаль». Сражения после войны//Столичные

новости № 199, 29.01–04.02.2002.

Он же. Забытый командарм//Столичные новости, № 236.

Он же. Украинские помощники люфтваффе// Столичные новости, 2003, № 17.

Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг... М.: Юридическая литература, 1975.

Волинь і Полісся. Німецька окупація. Кн. 1. Літопис УПА. Т. 1. «Літопис УПА», Торонто, 1989.

Гайке В. Д. Українська дивізія «Галичина». Історія формування и бойових дій. Торонто — Париж — Мюнхен: Братство кол. вояків 1-ої УД УНА, 1970.

Геровский А. Украинизация Галичини и Буковины//Свободное слово Карпатской Руси, 1960.

Пммельрайх К. Спогади командира відділу особливого призначення «УПА-Схід»//Літопис УПА. Т.15. Торонто, 1987.

Гломозда К. Відзнаки українського війська доби визвольних змагань//с. 810–811.

Горбач О. Шлях зі Сходу на Захід. Спогади. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1998.

Гордасевич Е. Правда о Хатыни//Киевский телеграф, Ns 256.

Гордиенко В. И. Украинские Сечевые стрельцы. Львов, 1990.

Горелик Е. Убиение Хатыни: палачи и подручные//Для служебного пользования, 03.05.2003.

Грицак П. Вежі і кулемети. Мюнхен:' Братство колишних вояків 1-ої Дивізії УНА, 1959.

Давценко В. А. «Українська повстанча армія»: шлях ганьби і злочинів. Киев: Знание, 1989.

Дзьобак В. Тарас Боровець І «Поліська Січ». Киев: НАН Украины, 1996.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Т. 3. Нью-Йорк: Правда о России, 1961.

Дмитрук К. Е. Свастика на сутанах. М.: Политиздат, 1976.

Дробязко С., Каращук А. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в Вермахте, полиции и СС. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.

Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. Париж: ИМКА-пресс, серия ИНРИ, 1994.

Дуда А., Старик В. Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918–1941 — 1944. Киев — Черновцы, 1995.

- Дужий П. Роман Шухевич — політик, воїн, громадянин. Львів, 1998.
Он же. Генерал Тарас Чупринка. Львів: Галицька Видавнича Спілка, 1997.
- Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. Биографический энциклопедический словарь. М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», 2003.
- Он же. Кто был кто в Третьей рейхе. Биографический энциклопедический словарь. М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», 2002.
- Записка Департамента полиции МВД Российской империи от 23 июня 1916 г. об украинском движении (1914–1916 годы) с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии.
- Заречный Е. Альянс: ОУН-СС//Военно-исторический журнал, 1990, № 3.
- Зеленій З. Українське юнацтво в вирі Другої світової війни, Торонто, 1965.
- Люшин 1.1. ОУН-УПА, українське питання в роки Другої світової війни. Киев, 2000.
- Люшин І., Пшенников О. Діяльність оперативно-чекистських груп НКВД у західних областях України (вересень — жовтень 1939)// Офіційний сайт СБУ України.
- Історія Українського війська. Львів, Видання І. Тиктора, 1936.
- Кальба М. Дружини українських націоналістів в Детройт, 1992.
- Каптелов Б. И. ОУН на службе у фашизма//Военно-исторический журнал, 1991, № 5.
- Каратель живет в Клифтоне М.: Юридическая литература, 1985.
- Коваль М. В. Трагедия Бабьего Яра: история и современность// Новая и новейшая история, 1998, № 2.
- Косик В. Німеччина й українське питання (жовтень 1938 — грудень 1941)// Україна у Другій світовій війні: уроки історії та сучасність. Матеріалі міжнародної наукової конференції (27–28 жовтня 1994 р.). Киев: Інститут історії України НАН України, 1995.
- Он же. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. НТШ Париж — Нью-Йорк — Львів, 1993.
- Он же. Україна у Другій світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів (1941–1945)/ Т. 1–4. Львівський національний університет ім. І. Франка, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України, Львів, 2000.

Колісник Р., Маленький М. 1-ша українська дивізія Української національної армії (дивізія «Галичина*)// Історія Українського війська (1917–1995) Львів: Світ, 1996.

Колісник Р. Військова управа «Галичина» На [http:// ub.org.ua/literatura008/htm](http://ub.org.ua/literatura008/htm)

Колянчук О., Литвин М., Науменко К. Генералітет Українських Візвольних Змагань. Львів, 1995.

Кричильский С. Союз нацистской Германии и диктаторской Польши// Народний оглядач, 02.03.2003.

Кубійошп В. Початки української дивізії «Галичина».

Он же. Мені 70. Париж — Мюнхен, 1970.

Кук В. Степан Бандера (1909–1999). Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 1999.

Купяк Д. Спогади нерозстріляного. Торонто — Нью-Йорк, 1991.

Курас Л.В. Украинская этническая группировка в Харбине в 1930-е годы в освещении советской разведки// Материалы исторических чтений на Лубянке, 1997 г.

Литвин М. Р., Науменко К. Е. Історія Галицького стрілецтва. Киев, 1999.

Львів. Історичні нариси. Львів: НАН України, 1996.

Манзуренко В. Генерал-полковник Павло Шандрук та його нагороди// Однострій, 2004, № 8.

Мацяк Е. Українці в Югославії// Сб-к «На зов Києва». Київ: Дніпро.

Мечник С. У вирі воєнного лихоліття. Львів: Край, 1992.

Мірчук П. Євген Коновалец. Львів, 1990.

Он же. Українська Повстанська Армія. 1942–1952. Документи і матеріали.

Музычук С. Батальоны «Nachtigall» и «Rolland» 1941–1942// Однострій. Форменная одежда. Ровно, № 3.

Он же. Дивизия СС «Галичина» и Украинская национальная армия 1943–1945 гг.//Однострій. Форменная одежда. Ровно, 1999, № 2.

Муковський І. Т., Лисенко О. Э. Звитяга и жертвовність. Українці на фронтах Другої світової війни. Киев: Книга памяти Украины, 1997.

Они же. Українська повстанська армія та збройні формування ОУН у Другі світові війни//Воєнна історія, № 5–6/2002.

Нагаевський І. Спогади польового духовника. Торонто: Українська книжка, 1955.

Ніколаєць Ю. Дезертирство із лав Червоної Армії в Україні на початкових етапах Великої Вітчизняної війни//Офіційний сайт СБУ.

Новосад П. З Україною в серці. Спогади. Львів: Каменярь, 1995.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб-к материалов под общ. ред. Р.А. Руденко Т.6 «Преступные организации». М.: Юридическая литература, 1960.

Обмануті надії. Сборник воспоминаний украинских юнаков ПВО На [Http: www.geocities.com/ukrexlibris2002/junaky](http://www.geocities.com/ukrexlibris2002/junaky)

Овченко Ю. Ф. У истоков Организации украинских националистов// Материалы исторических чтений на Лубянке. 1999 г.

Олексин Ж. Б. Пісня про червону калину. Нью-Йорк, 1974.

Ольшанский Т. А. Польсько-український конфлікт 1943–1947. На [http: www.ji.lviv.ua/nlOtexts/olszansky/html](http://www.ji.lviv.ua/nlOtexts/olszansky/html)

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. «Накануне» (1 января — 21 июня 1941 г.). М.: АО «Книга и бизнес», 1995.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. Кн.1. «Начало». М.: Русь, 2000.

Офіцинский В. Дистрикт Галичина На <http://www.geocities.com/ukrexlibris>

Патриляк І. Повстанські групи ОУН (Б) як «третья сила» в перші тижні Великої Вітчизняної війни (червень — липень 1941 р.)// Історичний журнал, 2004, № 9.

Петренко Р. За Україну, за її волю. Спогади//Літопис Української повстанської армії. Т. 27. Торонто — Львів, 1997.

Помощники люфтваффе// «Однострий». Ровно, № 4.

Плотников И. Д. Смертоносцы//Военно-исторический журнал, 1991, № 3.

Побігуций-Рен Е. Мозаїка моїх споминів. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2002.

Порив. Правда про Першу українську дивізію «Галичина» (УНА). Львів: Основа, 1994.

Прокол М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси На <http://www.ukrstor.com>

Противотанковая бригада «Вильна Украина» См. на <http://www.geocities.com/ssgalitsija>, а также см.: Енциклопедія українознавства: Словникова частина/п. р. В Кубийовича. — Мюнхен.

Радзевич К. Перша київська похідна група ОУН// На зов Києва. Сборник. Київ: Дніпро, 1993.

Ржезач Т., Цуркан Р. Разыскиваются... М.: ИПЛ, 1984, с. 169–170.

Романько О. В. Деятельность организации украинских националистов на территории Крыма (1941–1944): политический и военный аспекты

вопроса// Русская община, 23.04.2004.

Ронге М. Война и индустрия шпионажа. М.: ИД «Правовое просвещение», 2000.

Росох С. Військо Закарпатської України// Історія українського війська 1917–1995. Львів: Світ, 1996.

Русначенко А. Народ незбурений. Київ: Пульсари, 2002.

Русская Галиция и «мазепинство». Сборник материалов. М.: Имперская традиция, 2005.

Савченко В. Н. Восточная Галиция в 1914–1915 гг.// Отечественная история, 2002, № 5.

Сагалов З. В. Прелюдия к Нюрнбергу. Харьков: Прапор, 1990.

Сворак С. Молодь в авангарді національно-визвольної боротьби в західньому регіоні України (1944–1953 рр.)// Визвольний шлях, 1998, № 9.

Семенов К. Войска СС. Солдаты как все. М.: Яуза — ЭКСМО, 2004.

Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.

Сергійчук В. ОУН-УПА в роки війни. Нові документи і матеріали. Київ: Дніпро, 1996, с. 21–22.

Симонова Т. М. Концепция «прометеизма» и политика Польши в отношении эмиграции из России//Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып.1 РАН, М.: Наука, 2005.

Скорупський М. Туда де бій за волю. Спогади курінного УПА. Київ: Козаки, 1992.

Солоневич ИЛ. О сепаратных виселицах// Наша страна, 1949, № 15.

Сосновський М. Дмитро Донцов: Політичний портрет. Нью-Йорк — Торонто, 1974.

Стахів Е. Кризь тюрми, підпілля й кордони. Київ: Рада, 1995.

Стебельський І. Шляхами молодости и боротьби. На <http://www.geocities.com/ukrexlibris/stebelski>

Стрельська Л. До життєпису Вільгельма Габсбурга (Василя Вышиванного) На <http://www.austro-hungary.iatp.org.ua/arniy/>

Судоплатов П. Спецоперації. Лубянка и Кремль (1930–1950 годы). М.: Олма-пресс, 1997.

Талергофський альманах. На <http://www.ukrstor.com/talerhof>

Телеховський Ю. Українсько-польські відносини: деякі факти та міркування щодо об'єктивної оцінки минулого. На <http://oun-ura.onestop.net/articles/telekhowsky.html>

Тинченко Я. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. Київ: ТЦ УРП, 1992.

Он же. Армии Украины 1917–1920 годов. Серия «Униформы армий мира». М., Техника — молодежи, 2002.

Толстой. Жертвы Ялты, с. 332–337.

Тополь МЛ. Виза на убийство//Военно-исторический журнал, 1991, № 11.

Трофимович В. Роль Німеччини і СРСР в українсько-польському конфлікті 1939–1945. На <http://www.ji.lviv.ua/n28texts/trofymovych.html>

Украина в годы Второй мировой войны: уроки истории и современность. Материалы международной научной конференции (27–28 сентября 1994 г.). Киев: Институт истории Украины. НАН Украины, 1995 г.

УСС — січові стрільці. Ивано-Франковск: Облиздат, 1996.

Українська дивізія «Галичина». Сборник. Киев — Торонто: ТОВ Негоціант-Плюс, 1994.

Українська Повстанська Армія і національно-визвольна боротьба в Україні е 1940–1950 рр./ Матеріали Всеукраїнської наукової конференції 25–26 серпня 1992 р. Київ, 1992.

Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник. М.: Редакция журнала «Москва», 1998.

Украина в стратегических планах Германии. На <http://www.history.tuad.nsk.ru/works>,

Украина во внешней политике Турции, там же.

Украинская болезнь русской нации. М.: Имперская традиция, 2004.

Федуняк А. М. УПА: мифы и реальность//Марксизм и современность, № 15.

Філяр В. Розвиток українського самостійницького духу на Волині у 1939–1944 рр. Виникнення УПА.

Фостий І. Діяльність ОУН на Буковині у 1940–1941 рр.//Официальный сайт СБУ.

Фролов К. Подкарпатская Русь и национально-освободительная борьба. Замолченная страница истории//Братья славяне — Подкарпатская Русь.

Чайковський А. С. Невідома війна. Киев: Україна, 1994.

Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего рейха. Кн. 1–2. СПб.: Нева, 2003.

Он же. Проклятые солдаты. Предатели на стороне Третьего рейха. М.: Яуза — ЭКСМО, 2004.

Он же. Атаман Тарас Бульба-Боровец и «Полесская Сечь» // Обозреватель, 2003, № 3 (158).

Шандор В. Армія і Карпатська Січ// Карпатская Сечь. Материалы научно-практической конференции, посвященной 56-й годовщине

Карпатской Сечи (на укр. яз.). Ужгород: МПП «Гражда», 1996.

Шевченко В. Железом и кровью. Начало Второй мировой// День, № 157, 4.09.2004.

Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Сборник «История украинского сепаратизма». М.: Имперская традиция, 2004.

Юрчук П. Спогади куренного УПА. Київ, 1998.

Якимович Б. Збройні сили України. Наріс історії. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. «Просвіта», 1996.

Ямпольский В. П. Как трезубец вплелся в свастику//Военно-исторический журнал, 1996, № 2.

Новая злободневная работа Сергея Чуева представляет собой яркий экскурс в историю сотрудничества украинских добровольцев с врагами России.

В работе рассказывается о предательской работе галицийских националистов против Российской Империи. Впервые широкой читающей аудитории предъявлены свидетельства геноцида русского народа в Галиции и планомерного уничтожения всего русского на Западной Украине в первые десятилетия XX столетия.

Особое место в повествовании уделено рассказу об украинских воинских формированиях времен Второй мировой войны, полицейских частях, сотрудничестве Украинской Повстанческой Армии (УПА) с гитлеровцами, а также о боевом пути 14-й украинской дивизии СС «Галичина» и Украинской Национальной Армии.

В качестве иллюстративного материала в контексте повествования приводятся документы органов Госбезопасности СССР, немецких спецслужб и оккупационной администрации, фрагменты воспоминаний участников событий, уникальные фотографии.

notes

Примечания

1

Цесарь — официальный титул монарха Австро-Венгрии.

Ирредентизм (*итал. irredentismo* — находящийся под чужим владычеством) — политическое и общественное движение в Италии в конце XIX — начале XX в., боровшееся за присоединение к Италии пограничных земель Австро-Венгрии, населенных преимущественно итальянцами (Триест, Трентино и пр.). Под термином «ирредентизм» также подразумевается общественно-политическая и военная борьба за переход части территории одного государства в состав другого.

Н. Костомаров свидетельствовал о Т. Г. Шевченко: *«Тарас опоражнивал бутылку рома в один прием и приговаривая: ты для меня не подавай целой бутылки, а отливай половину и прянь до другого раза, а то, сколько бы ты ни подал, — я все выпью — поставишь ведро, я и ведро ухлопаю»*(«Русская старина», 1894 г.).

4

Не от названия ли этого гимна и пошло название движения современных «профессиональных украинцев» «Пора»?

В конце 30-х годов тем же самым занимались оуновцы.

Кошевой атаман — выборный глава войскового управления в Запорожской Сечи, которая именовалась «кошем» (т. е. лагерем, общиной).

Скарбник (укр.) — войсковой казначей..

Сурмач (от укр.«сурма» — труба) — трубач.

По другой информации, организатором второго Стрелецкого союза был Р. Дашкевич, ставший затем старшиной Киевских сечевых стрельцов.

Впоследствии выяснилось, что этот двурушник еще в марте 1914 г. направил письмо Николаю II, в котором уверял императора в своей верности и называл его «объединителем славянства». В июле 1914 г. митрополит принял участие в секретном совещании в Вене, на котором обсуждались планы оккупации Украины. Митрополит рекомендовал как можно эффективнее проводить прозелитскую политику в церковном вопросе, стараясь углубить ненависть к православию. Когда Русская армия заняла Львов, в сентябре 1916 г. Ш. вновь обратился к русскому монарху с письмом, в котором пожелал *«успехов Российской армии и воссоединения Галичины с Россией, за что трехмиллионное население Галичины с радостью приветствует российских солдат как своих братьев»*. Николай II собственноручно начертил на письме лукавого владыки свое отношение: *«Аспид!»*. В июне 1941 г. Ш. вновь приветствовал победоносную германскую армию, направил поздравительное письмо А. Гитлеру. 10 октября 1944 г. Ш. направил очередную эпистола, но уже И. В. Сталину: *«Правителю СССР, Главнокомандующему и Великому маршалу непобедимой Красной Армии, Иосифу Виссарионовичу Сталину привет и поклон»*.

Ольга Грабарь была матерью знаменитого историка искусства И. Э. Грабаря и профессора, специалиста в области международного права В. Э. Грабаря.

Лемки — этнографическая группа украинцев. Живут в Карпатах и на территории Львовской, Тернопольской и Николаевской областей Украины.

С просьбой ходатайствовать за обвиняемых к королю Испании обратился император Российский Николай II.

Отдел Главного управления государственной безопасности НКВД
ГССР, отвечавший за ведение заграничной разведки.

Галичина, Буковина и Волынь и в наше время являются районами с преобладанием сельского населения.

Автозак (из профессионального сленга сотрудников правоохранительных органов) — автомобиль, предназначенный для перевозки заключенных.

Только за апрель 1941 г. в селах Западной Украины оуновцы совершили 38 террористических актов в отношении представителей сельской администрации.

Подробнее о структуре абвера и его подразделениях на Восточном фронте см.: Спецслужбы Третьего рейха. СПб., 2003. «Нева» — «ОЛМА-Пресс».

Абверштелле (АСТ) — региональное отделение армейской разведслужбы. Абвернебенштелле (АНСТ) — филиал АСТ.

Мельдекопф — приемно-переправочный пункт для заброски и приема агентуры. Как правило, м. придавались штабам передовых воинских частей, одновременно обслуживая их потребности в развединформации, сотрудничали с отделами Щ (разведка) воинских частей.

В апреле 1942 года оуновцы признали «нецелесообразным в данный момент международной ситуации принимать участие в антижидовских акциях, чтобы не стать слепым оружием в чужих руках». В августе 1943 года на 3-м Чрезвычайном сборе ОУН (Б) тема уничтожения евреев была поднята в уже ином контексте — бандеровцы призвали: «Не дадим себя вырезать на еврейский манер». Здесь же было официально признано право на существование евреев среди других народов Украины. Все это после того, как наметился коренной перелом в ходе войны, а более 90 % украинских евреев было уничтожено.

По информации Е. Побигушего и О. Городинского, Асмус был командиром Легиона.

Крайсфюрер (нем.) — местный (окружной) руководитель.

Не исключено, что в данном случае идет речь о т. н. дивизии фон Штумпфельд, состоявшей из военнослужащих восточных частей и полицейских подразделений.

Производное от нем. Flak (аббревиатура от Fliegerabwehrkanonen — оружие противовоздушной обороны) и Helfer — помощник.

Полесское лозовое казачество (ПЛК) — украинское формирование, действовавшее на Волыни в 1939–1941 гг. Было создано в июле 1939 г. по инициативе В. Сидора как антипольский отряд ОУН. Достигало численности 500 человек, во главе которых стояли В. Вийтюк-Погоня, А. Карий, А. Бульба и др. Во время германско-польской войны действовало в тылах польских войск и смогло захватить значительное количество оружия. После установления Советской власти часть членов ПЛК эмигрировала, другие ушли в подполье. В августе 1941 г. ПЛК вновь начало боевые действия, установило связь с ПС Бульбы-Боровца. В 1943 г. ПЛК было включено в УПА.

В одном из оперативных документов абвера упоминается звание Т. Боровца, присвоенное ему немцами, — зондерфюрер. Тот же источник сообщает о снабжении вермахтом армии Боровца трофейным оружием.

Разным добром (укр.).

«Вы сотрудничаете с каждой чуждой властью на Украине, а я с ней борюсь» (укр.).

Так в Польше именовались земли, лежащие на востоке, — Украина, Белоруссия, часть России.

Слухи о создании еще как минимум двух украинских дивизий — «Львов» и «Булава» постоянно циркулировали среди добровольцев дивизии «Галичина». В планах Вехтера было создание еще двух украинских формирований СС — танковой дивизии «Лемберг» и горнострелковой «Карпаты». Вместе с дивизией «Галичина» три эти части образовывали бы собой украинский корпус ваффен СС.

В некоторых зарубежных источниках упоминается, что дивизией также командовали бригадефюреры СС Сильвестр Стадлер (с 22 апреля по июль 1944 г.) и Николаус Хейльманн (с июля 1944-го по 5 сентября 1944 г.)

До Гайке начальником штаба формирующейся дивизии был гауптштурмфюрер СС Отто Берндт.

Фузилеры — пехотные части и подразделения вермахта, предназначенные для ведения разведки.

Ich schwöre bei Gott diesen heiligen Eid, dass ich im Kampf gegen den Bolschewismus dem Obersten Befehlshaber der Deutschen Wehrmacht, Adolf Hitler unbedingten Gehorsam leisten und als tapferer Soldat bereit sein will, jederzeit für diesen Eid mein Leben einzusetzen.

О. Вехтер к этому времени был переведен на должность начальника военного управления при уполномоченном генерале вермахта в Италии.

«Присягаю всемогучому Богові перед Святою Його Евангелією та Животворящим Хрестом, не шкодуючи ні життя ні здоров'я, скрізь та по всяк час під Українським Національним Прапором боротися зі зброєю в руках за свій Народ і свою Батьківщину — Україну. Свідомий великої відповідальності присягаю як вояк Українського Національного Війська виконувати всі накази своїх начальників слухняно й беззастережно, а службові доручення тримати в таємниці. Так нехай мені в цьому допоможе Бог і Пречиста Мати, — амінь».

Краниология (от греч. kranion — череп) — раздел анатомии, изучающий строение черепа человека и животных.

«Ди-пи» — от *англ.* Displaced Persons — перемещенные лица. Так именовались беженцы в послевоенной Европе.